

Колдовские миры

КИРА ИЗМАЙЛОВА

ДИКИЙ ДРАКОН
САНДЕРРИНА

Annotation

Простое дельце — скрытно сопроводить ценный живой груз к заказчику. Точнее — дикого дракона, последнего в этих краях. Рок Сандеррин брался и не за такие задания, вот только чутье подсказывает: что-то здесь неладно. Чародеи ведут себя странно, старый друг-посредник явно недоговаривает... Но плата очень уж хороша, а скрытые дороги манят. Что-то ждет на них Рока? Быть может, судьба?

- [Кира Измайлова](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Эпилог](#)
-

Кира Измайлова

ДИКИЙ ДРАКОН САНДЕРРИНА

Глава 1

— Санди, — сказал мне Веговер, — есть работенка для тебя.

— Для меня всегда есть работенка, — согласился я.

Веговер пожевал толстыми губами, нахмурил широкий лоб — кожа собиралась прихотливыми складками, глубокие морщины напоминали каньоны — и спросил:

— Сколько возьмешь?

— У тебя столько нет, — ответил я.

Веговер из ума выжил, что ли? Как я ему смету составлю, если даже не знаю, чего он от меня хочет? Судя по вступлению, хотел он чего-то замысловатого. В таких случаях цена сразу увеличивается вдвое, а дальше — по обстоятельствам.

— А кроме шуток?

— Веговер, не тяни время, — попросил я. — Выкладывай, что у тебя, или я пошел. Там вон напротив сегодня на хорошие деньги играют, а я твое мычание слушаю, причем задаром.

Он правильно понял намек, позвонил и приказал принести мне выпивку. Мои вкусы в «Соломенной вдове» знали, поэтому не мешкали.

— Как обычно, — Веговер заговорил тише, нагибаясь ко мне через стол. Его темная физиономия сейчас казалась начищенной до блеска — он всегда так потел, когда нервничал всерьез. — Нужно доставить груз. Ценный живой груз.

— Опять, что ли, невеста от кого-нибудь сбежала, надо обратно отвезти? — тоскливо спросил я. — Ты же знаешь, я за такое не берусь.

— В прошлом году было дело, и не отрицай, Санди, об этом все знают.

— Она просто передумала, — пояснил я.

Бегают от назначенных родителями или старостами женихов многие. Некоторым это удается, и их не ловят своя же родня и соседи или нанятые люди.

За всю свою жизнь я встречал только трех вольнолюбивых девиц, которым действительно удалось что-то изменить в своей судьбе. Одной повезло устроиться к богатому хозяину и за несколько лет тяжелой работы скопить достаточно, чтобы считаться завидной невестой. Теперь уже она сама перебирала женихов.

Вторую пригрела деревенская травница вместо утонувшей по весне внучки, чье тело так и не нашли. За нее и выдала, когда явились искать

беглянку: дескать, выловили внучку ниже по реке, обеспамятевшую, едва-едва в себя пришла, никого не узнает, речи лишилась. Повезло — поверили.

Третья... Третьей так понравилась кочевая жизнь, что она явилась к местной матери-заступнице, принесла клятву, обрезала волосы в знак нежелания следовать обычным женским путем и поступила в обучение к хорошему мастеру. Когда я видел ее в последний раз, волосы она так и не отрастила, командовала своим отрядом, а за работу брала немногим меньше моего. Сам научил торговаться, что уж там...

Большинству везло меньше: мало сбежать, нужно еще знать, куда именно подашься и что станешь там делать. Вдобавок, без какой-никакой компании одинокой девушке на большой дороге делать нечего, а какой-нибудь подбивший на побег сердечный дружок — не гарантия безопасности.

Я за такие дела не брался именно потому, что не хотелось разбираться, кто там прав, кто виноват: слишком суровые родители, взбалмошная девица, начитавшаяся новомодных романов про самостоятельных женщин, коварный охотник за приданым или луна в созвездии Единорог а. В итоге все равно все окажется не таким, каким казалось поначалу, и... Неприятный осадок оставляет все это, вот что.

А что до девушки, о которой говорил Веговер, так это было не мое задание. Она просто вляпалась, как многие до нее: сумела уйти достаточно чисто, переодевшись юношей, путешествовала с милым другом, да только странствующий народ приметливый, опознали в смазливом парнишке девицу... Еще немного, и дружка отправили бы полежать в ближайшей канаве, чтобы не путался под ногами, но парочке повезло: во-первых, оба смекнули, к чему идет дело, а во-вторых, в той дыре оказался я — проездом по собственным делам. Белую с красным нашивку видно издалека, и этим двоим хватило ума попросить о помощи и даже пообещать награду. Ну а мне не достало беспринципности отказать.

Девушка, к слову, была сыта этим путешествием по горло: то, что начиналось как волшебное приключение, быстро превратилось в суровые будни. Я вернул ее домой, как пообещал при заключении с нею договора, и взял плату с ее родителей — они были счастливы (в том числе и потому, что объявили за дочь награду втрое большую, чем мой гонорар). Даже ничего не сделали ее дружку, а ведь могли бы устроить ему путешествие в чудесный подземный мир лет на пять, если бы озаботились судом, который почти наверняка отправил бы парня на каторгу. Правда, обеспечили ему билет в один конец в дальние колонии. Оттуда мало кто возвращается: путешествие долгое и дорогое, поди накопи на него... А на своих двоих

оттуда не уйдешь.

— Санди, ты уснул, что ли? — окликнул Веговер, и я оторвался от своего пойма.

— Я жду, пока ты скажешь толком, чего от меня хочешь. Про ценный живой груз я уже слышал. Судя по всему, это не девица, тогда кто? Племенной бык? Призовой жеребец? Стадо тонкорунных овец? Говори сам, у меня фантазия бедная...

— Да уж, это точно, — пробормотал он, утирая пот со лба. Платок был насквозь мокрым, хотя в помещении прохладно. — В общем... Санди, это дракон.

— Однако... — Я отставил стакан и сел прямо. Теперь понятно было, почему Веговер так разнервничался. — Где добыл, не спрашиваю, но... Какой именно дракон? Боевой? Транспортный?

— Не городи ерунды!

Конечно, я спорил чушь: транспортного дракона можно перевозить только с помощью таких же тварей, а никак не обычным обозом. Да что там, в его пасти два десятка таких обозов свободно разместится!

— Зная тебя, Веговер, всего можно ожидать, — ответил я. — Вдруг ты детеныша раздобыл?

— Думаешь, детеныша я бы отправил вот так?

Я согласился, что нет, вряд ли. Слишком дорогие это зверюги, чтобы крохотного дракончика доверить обычному человеку, не специалисту. Ну, крохотный — это по сравнению со взрослой особью, так-то новорожденный с козу будет, не меньше. Сам не видел, но наслышан.

— Значит, списанный боевой? — спросил я.

Старых потрепанных драконов можно раздобыть. Обычно это полуслепые беззубые развалины, которые в небо-то подняться не могут, но некоторые богатеи охотились и за такими. Держали у себя в поместьях, кормили на убой (и правильно делали, иначе рисковали недосчитаться прислуги, а то и членов семьи) и демонстрировали гостям вместе с регалиями заслуженного крылатого бойца.

И все же списанные боевые драконы — редкость. Мало кто из них доживал до преклонных лет — раньше гибли, а кому удавалось, тех оставляли при летных школах. Говорят, они помогали обучать молодежь, но мне не слишком-то верилось: чему может научить тот, кто сам не отрывается от земли? Думаю, это были просто символы... Продать такого на сторону могли, но для этого он должен был оказаться совсем никчемным. Или отличившимся в плохом смысле этого слова: подставивший свое крыло под удар противника или обнаруживший себя

над чужой территорией и потерявший бойцов.

Я был в курсе, потому что интересовался расценками, когда мне намекали на выгодное дельце с таким вот стариком. Дело не выгорело: дракона выкупил его командир, но я обогатился кое-каким знанием. Решил — мало ли, пригодится. Вот, похоже, и накаркал...

— Это не боевой, — пробормотал Веговер и налил себе холодной воды из графина. По-моему, от стакана пошел пар, когда он сграбастал его потной ручищей.

Под мышками и на груди моего приятеля расплывались темные пятна, а спина наверняка была мокрой насквозь. Никогда не видел, чтобы его так разбирали.

— А какой тогда?

— Дикий, — тихо, будто нас кто-нибудь мог подслушать, ответил он. — Если выгорит... не у меня, ясное дело, у заказчика, тогда будет верховой.

— Веговер, тебя надули, — сказал я, единым махом допив остатки. — Взрослые дикие не приручаются.

— А это не моя забота, — шумно выдохнул он. — Я подписался только получить груз у охотника и обеспечить его доставку до места. И для этого мне нужен ты, Санди, потому что никому другому я зверя не доверю! Знаю, сдерешь ты много, но... платит заказчик, так что не стесняйся.

— И не подумаю, — заверил я. — Ладно... Но сумму я не назову, пока не узнаю деталей. Чародей мне полагается?

— Даже двое. Те же, что сопровождали его сюда. Ну и людей я дам.

— Уж будь так любезен... — пробормотал я.

Веговер наверняка знал, что я сейчас один. Крупных дел не подворачивалось, вот я и разослал свою команду с поручениями помельче. Впрочем, его ребята были неплохи, а с двумя чародеями...

Нет, нельзя так загадывать. Даже с десятью чародеями дело может обернуться скверно. Там недосмотрят, здесь забудут проверить, и если дикий дракон вырвется на свободу посреди густо населенных территорий, мало никому не покажется. Сопровождающим, положим, повезет — погибнут первыми, а вот окружающим-то за что такое счастье?

Есть, конечно, шанс, что такой дракон устремится прочь от людей, к себе на родину (куда, кстати?), а если нет? Это выращенные в неволе боевые и транспортные, оказавшись неизвестно где, да еще без командира, либо сидят смиренно, либо берут курс на свою базу. Кое-какие даже долетали, говорят. А чего ждать от дикого — неизвестно.

— Сколько, Санди? — повторил Веговер, и я бухнул вовсе немислимо.

Не то чтобы мне очень нужна была эта работа, но я опасался, что кто-нибудь другой может напортачить. И тут уже речь шла не о чести профессии, а о жизнях окружающих. Моей в том числе — вдруг я окажусь в зоне поражения? Нет уж... Если я не могу предотвратить это безумие, так хоть возглавлю его. Вдобавок за хорошую плату.

Более чем хорошую — Веговер не стал торговаться, лишь тяжело вздохнул, в очередной раз вытер лоб и протянул мне горячую влажную ладонь, чтобы скрепить договоренность. Я предпочитал подписанные бумаги, но руку ему не стал пожимать по другой причине. Впрочем, Веговер не обиделся, знал эту мою особенность...

Я же задался вопросом: кто таков заказчик, если швыряет подобные суммы направо-налево? Сопровождение из двух чародеев стоит дороже моего. Плюс отряд, плюс я сам, да еще транспорт... Кстати, на чем везти дракона, озвучено еще не было, я и спросил, а Веговер ответил.

— Ну нет, никаких самоходок! — воскликнул я.

— Почему? У них грузоподъемность...

— Ага! И ломаются они... — Я сдержал ругательство. — Нет, воля твоя, но я предпочитаю большую телегу, запряженную шестью волами, этой самоходной платформе. Хотя бы потому, что если один вол захромает или вовсе падет, пять остальных все равно дотащат телегу до места назначения, пусть и медленнее, да и купить другого не проблема. А с самоходкой не угадаешь, что именно у нее отвалится и когда, нужно тащить с собой полный комплект запчастей, а лучше двойной... Кое-чего по дороге точно не купишь! С топливом та же беда: скотине чего-ничего поестся найдется, а горючее? Так вот зальешь в бак какую-нибудь ослиную мочу, и дальше что?

— Не ценишь ты прогресс, Санди, — сказал мне Веговер. Он повеселел и даже вроде бы немного обсох.

— Ценю, — заверил я. — И стану ценить еще выше, когда заправочные и ремонтные станции будут на каждом шагу. А то пока в эти самоходки частенько мулов приходится впрягать, чтобы до мастерской доехать.

— Поезда ты, однако, любишь!

— Люблю. Лучше бы такой поезд в небо запустили, чем с драконами возиться.

— Может, и запустят, только мы не доживем, — вздохнул он. — Ладно, Санди, давай-ка посчитаем как следует, чего сколько нужно в дорогу...

— Покажи сперва груз, — перебил я. — И объясни, как эту тварь

кормить. Иначе я тебе такого насчитаю!

— Ты уже согласился, — напомнил Веговер.

— Предварительно, договор мы не подписывали. И речь шла только о моем вознаграждении за сопровождение. Прочие расходы сам будешь учитывать или все-таки доверишься специалисту?

— Доверюсь... — вздохнул он и выбрался из-за стола. — Идем.

Из моего старого знакомца можно было выкроить двух таких, как я, еще бы на запчасти осталось, и рядом с ним я смотрелся подростком. Но мало ли, кто как выглядит...

«Мало ли, кто как выглядит», — повторил я про себя, когда увидел дракона.

Признаться, я не сразу понял, что это такое, так компактно упаковали зверюгу. И надежно — наверно, цепи весили не меньше, чем сам дракон. Эти твари вообще-то достаточно легкие, хоть и крупные, иначе не взлетят.

Я читал: у них кости полые, как у птиц, но при этом невероятно прочные, плюс мощная мускулатура, большая площадь крыла по сравнению с размерами тела плюс способность этим крылом управлять так, как ни одна птица не сумеет. Даже гигантский транспортник, неуклюжий на земле, в воздухе — сама грациозность (главное, на взлетную горку его затащить). И сбить их не так-то просто — броня у них ого-го (я опять-таки читал, что это, возможно, подобие внешнего скелета, как у насекомых, но как-то сомнительно: где всякие муравьи, а где дракон?), скорость тоже изрядная.

Словом, когда люди построят летающие машины с такими же характеристиками, неведомо. Наверно, еще и правнуки мои (если я хотя бы детьми обзаведусь) их не увидят, а драконы — вот они. Если хватит силенок совладать — бери да пользуйся. Ну да транспортные обычно самые смирные (потому что буйный транспортник — это катастрофа, и таких отбраковывают сразу же), вдобавок, как и боевые, выдрессированы до полной потери собственной воли (тут уж стараются чародеи)... Размножаются они не слишком охотно, из выводка часть — племенной брак, часть отсеивается в процессе обучения, и остается всего ничего.

Появятся летающие машины — драконы станут страшно дорогой в содержании экзотикой, так я думаю, но пока альтернативы нет. Очень уж серьезное они дают преимущество: один транспортник за месяц может доставить в колонии столько груза — и людей, к слову, — что десятку паровых кораблей и за полгода не справиться.

Ну а с боевыми и так все понятно: войны сейчас официально нет, но желающих пощипать морские конвои все равно хватает. Вот драконы и

присматривают сверху за кораблями, проверяют, свободен ли путь (у «союзников» тоже хватает воздушных сил), а еще сопровождают транспортников — те, если нагружены под завязку, не очень-то способны к обороне, маневренности не хватает. А аварийно сбрасывать груз над морем — кто ж на такое пойдет? Противник ведь не утопить транспортника старается, а взять под контроль и увести на свою базу, чтобы там поживиться. Вылавливать добычу со дна охотников немного.

Но я отвлекся.

Этот якобы дикий дракон невыразительного бурого цвета выглядел совсем маленьким по сравнению с виденным мною когда-то боевым. Чуть побольше лошади, наверно, не считая длинного хвоста и крыльев. Но если подумать, это логично: зачем им в природе-то вырастать огромными? И прокормиться сложнее (это к вопросу о запасах продовольствия в дорогу), и спрятаться.

— Ну вот, — выговорил Веговер, переведя дыхание. — Любуйся.

Я молча осмотрел оковы: спеленали дракона надежно. Шесть магических печатей — не кот начхал, обычно на транспортник ставят максимум три, но те-то не дикие, конечно. На шее металлические кольца — у самой головы, посредине и у основания. Это последнее соединялось с полосами металла, крест-накрест охватывающими грудь дракона. А крылья... Мало того, что сверху дракон был опутан цепями и заклятиями, так еще и это! Сквозь дыры в перепонках пропустили металлические тросы, прикрепленные к кандалам, — дракон при всем желании не сумел бы расправить крылья. Больше всего меня поразило то, что раны были тщательно обработаны каким-то ядовито-фиолетовым зельем с резким запахом — наверно, чтобы не загноились.

— И кому понадобилась такая... — Я проглотил определение, потом все же подобрал приличное слово: — Конструкция?

— Это нас не касается, — ответил Веговер. В ангаре было прохладно, и его пропотевшая рубашка почти высохла. — Как видишь, зафиксирован надежно.

— Он взлететь-то после такого сможет?

— Тебе какое дело? Клиент платит. Может хоть вовсе крылья ему отрубить, если захочет.

— Н-да... — Я посмотрел на дракона. Если честно, он выгляделдохлым, и только едва заметно вздымающиеся бока позволяли понять, что зверь еще жив. — Ладно, давай, показывай, что у тебя уже имеется. И, повторяю, расскажи, как кормить эту тварь, если на ней намордник!

— Этим чародеи занимаются.

— Не важно, я должен знать, что и как ей давать, чтобы не сдохла. А то мало ли, чародеи тоже смертны, — фыркнул я. — И, кстати, кто будет выгребать из-под дракона? Надеюсь, в отряде найдется специалист?

— Так они же!

— Веговер, по моему опыту — чародеи терпеть не могут заниматься грязной работой, — сказал я. — И лучше простой парень, который молча уберет навоз и не станет кривить морду, чем эти двое, которых еще и уговаривать придется. Я и сам могу это сделать, но ты представляешь, во сколько это тебе обойдется?

— Еще как представляю, — ответил он и погладил лысину, блестящим озерцом выделяющуюся среди коротких курчавых волос. — Ты задаром перчатки не замараешь... На всякий случай заложи в смету и такую вероятность. Мало ли...

— Веговер, чем дальше, тем меньше мне нравится твое предложение. Если окажется, что чародеи чем-то недовольны и могут свалить посреди дороги, бросив меня с драконом...

— Знаю, не расплачусь, — пробубнил он.

— Хуже. С тобой ни один провожатый работать не станет, я об этом позабочусь.

— Санди, ну ты уж... через край хватил!

Физиономия его снова заблестела, глаза забегали... Судя по всему, о чем-то Веговер умалчивал, и мне уже, право слово, стало любопытно, во что может вылиться эта сделка. Своего я не упущу, а заодно могу и узнать что-то интересное. За информацию хорошо платят.

— Ладно, — сказал я, еще раз оглядев дракона. — В таком виде он влезет в обычный фургон. Пойдем обратно в твое логово, посчитаем, сколько чего потребуется...

Веговер с облегчением выдохнул, обдав меня крепким ароматом накорри в смеси с отличным яблочным самогоном.

Рано, однако, он так расслабился: пускай информацию из него приходилось тащить клещами, но в итоге я добился своего и рассчитал черным по белому — выходило минимум пять возов, исключая драконий. А что? С таким грузом останавливаться в придорожных городках себе дороже, да и времени потеря, а чтобы ехать без остановок, нужно нагрузиться не только провиантом для людей, волов и дракона, но и всем необходимым для разбивки приличного лагеря. Сопровождающих тоже немало: я, два чародея, возницы плюс охрана.

— Что так мало пишешь на эту зверюгу? — спросил я, тоже затянувшись душистым дымом.

У Веговера были отличные курительные палочки — лист накорри просушен в самую меру, плотно свернут, аромат приятный... Надо узнать, где берет.

— По дороге дракона лучше кормить поменьше, — ответил он, кашлянув и поерзав на месте. — Сам понимаешь... и выгребать, как ты выразился, не столько придется, и сил у него не прибавится.

— Повторяю: мне главное, чтобы он не сдох, — сказал я. — Поэтому, будь любезен, поставь свою закорючку под меню этой твари. И я, учти, ни вот на столько не отступлю от этой бумаги. И если чародеям вдруг вздумается подкормить дракона или, наоборот, сэкономить его пайку...

— Санди, помню я! — страдальчески вскричал Веговер. — В отряде главный — ты, и точка. Но если вдруг правда понадобится добавки дать?

— Ну так распиши мне инструкции: когда и при каких условиях можно кормить зверя дополнительно. Хотя я все равно бы не стал, — добавил я. — Он явно голодает давненько, а дашь побольше — обожрется с отвычки и все-таки сдохнет.

— Угу... — Он строчил, то и дело сверяясь со своей записной книжкой. Не иначе, у него там пособие по кормлению драконов было законспектировано. — Вот так, Санди. Читай.

— Читаю... Но прежде, чем подписать договор, хотелось бы познакомиться с чародеями. А то, может, мы уже сталкивались. — Я непроизвольно хрустнул костяшками пальцев.

Не люблю чародеев, и я в этом не одинок. Впрочем, сосуществовать с ними вполне возможно, с большинством, во всяком случае.

— Вряд ли, — сказал Веговер, отдуваясь так, будто только что разгрузил вагон с бревнами. — Они не местные.

— Я тоже не местный, если ты не забыл. Имена?

— Тродда и Сарго Викке.

— Родственники, что ли?

— Супруги, — пояснил Веговер.

Надо же! Тут было чему удивиться...

То ли чародеи в силу своей профессии обычно не отличаются уживчивыми и приятными характерами, то ли, наоборот, дар достается именно таким личностям, не знаю. Могу уверенно заявить одно: работать с ними можно, но путешествовать вместе — уже нелегко. К счастью, большинство чародеев все-таки осознают, что они не самые желанные попутчики, и дистанцируются от остальных, ко всеобщему спокойствию. Жаль, с провожатым они обычно взаимодействуют достаточно тесно. Я бы, право, обошелся передачей записок через слугу. Ну а представить того, кто

ужился бы с чародеем, я не могу.

Впрочем, знаю нескольких, состоящих в прочных отношениях, но это вовсе не означает общего быта и того, что обычно понимается под семьей. Ну да с таким занятием появляться дома раз в полгода на пару дней — обычное дело. Видимо, только этим чародеи и спасаются, а еще случайными связями: должны же они как-то размножаться, в самом деле...

С другой стороны, подобный супруг многим женщинам может казаться вполне достойным: зарабатывает прилично, появляется редко, а что характер премерзкий — будто у обычных людей такие не попадаются. Насчет чародеек... Те, что мне встречались, сплошь были свободными. Да и понятно: какого мужчину усадишь дома и заставишь жить бобылем, пока жена пропадает за тридевять земель и работает с риском для жизни? Возможно, есть и такие, но сам не встречал, врать не стану.

А вот супруги-чародеи — это уже нечто запредельное. Стоило взять заказ Веговера лишь ради того, чтобы увидеть это! Да, и надеяться, что упражняться в красноречии эта парочка станет друг на друге, а не на окружающих. Я привычный, но и то порой едва сдерживаюсь, и двойной удар вполне может вывести меня из равновесия. Не хотелось бы подобного, право слово...

— Кстати, — сказал я, — кто сопровождал груз сюда?

— Тебе какое дело? — буркнул Веговер. — Они сдали дракона мне и отправились восвояси, дальше уже не их зона ответственности. Туда без провожатого не добраться, так что...

— А чародеи остались те же, значит...

— Да, а что такого?

— Ничего. Мысли вслух.

Действительно, должен ведь кто-то сопровождать груз всю дорогу, особенно если перевалочных пунктов несколько (а это неизбежно). Вдобавок эти двое наверняка посвящены в детали, которых не перескажешь кому-то со стороны, и дешевле было нанять их сопровождать груз на всем маршруте, чем искать новых чародеев по дороге. Положим, Веговер может порекомендовать своих, кто-то еще — своих, но чем больше народу, тем больше вероятность утечки информации. А получатель груза явно не желал, чтобы о его приобретении узнали.

Частным лицам не запрещено законом держать у себя диких драконов: очевидно, никто не мог предположить, что кому-то придет в голову завести себе такую зверушку. Но вот соседи и местные власти явно не обрадуются такому соседству! Хотя... Я вспомнил карту: пункт назначения находится в такой глуши, что там, пожалуй, первое время дракона могут и не заметить.

Впрочем, это уж точно не мое дело.

— Ну что ж... — сказал я. — В целом меня все устраивает, хотя от предварительного знакомства с чародеями я бы не отказался.

— Санди, ты меня без ножа режешь... — Веговер покрутил большой головой. — Еще одного провожатого во всей округе нет. Других чародеев — тоже. Ну хочешь, накину еще сверху за возможный... этот, как его...

— Моральный ущерб, — подсказал я. — Накинь, не возражаю. Все равно, ты говоришь, клиент платит.

— Тогда им тоже надо бы прибавить, не повредит, — проворчал он. — Зная тебя, Санди, я им не завидую.

— Их двое на одного.

— Будто это тебя смутит...

Я промолчал, глядя, как Веговер добавляет еще пункт к договору, затем дважды перечитал от и до (заодно поправил ошибки) и кивнул:

— Годится.

Веговер, облегченно выдохнув, вызвал секретаря и велел немедленно перепечатать договор в трех экземплярах, а ожидание мы скрасили тем самым яблочным самогоном.

Отменное оказалось пойло, я даже спросил, у кого Веговер его берет. Оказалось — матушка его делает: на старости лет заскучала, потому как разбогатевший сын избавил ее от хлопот по хозяйству, вот и занялась... Жаль. Покупать выпивку у своего работодателя, на мой взгляд, нелепо.

— Ну вот, — сказал он, когда мы подписали бумаги. — Отправление завтра в пять утра, смотри не проспай!

— Не смешно, Веговер, — ответил я, убирая свой экземпляр договора в папку. — Ты же знаешь...

— Знаю, потому и пошутил, — буркнул он. — Только чувства юмора у тебя нет.

— Главное, у меня есть чувство дороги, остальное никого волновать не должно. А шутки свои оставь при себе, будь любезен.

С этими словами я вышел прочь и выдохнул с облегчением: в логове Веговера мне всегда тяжело дышится, даже если он открывает окна настежь (жаль, редко это делает, боится, наверно, что кто-нибудь пристрелит его снаружи).

До пяти утра оставалась еще прорва времени, и я вполне мог принять участие в крупной игре в «Красной шляпке», но повернул домой. В дорогу с таким грузом лучше выходить на свежую голову, и пусть я не сплю ночь напролет, как добропорядочные люди, все равно стоит полежать с закрытыми глазами. В дороге мне вряд ли удастся настолько расслабиться.

Глава 2

Утро пахло дымом. Не костром и даже не обычной печью, а чем-то непривычным и неприятным. Примерно так ощущается запах большой самоходки или паровоза — к сгоревшему углю примешивается что-то маслянистое и металлическое, сладковатое даже. Я бы сказал, привкус был кровавым, тем более что рассвет располагал к такому сравнению: свинцово-серые тучи лежали на крышах домов, а пробивающийся сквозь чад и гарь утренний свет казался не нежно-розовым, а красным, будто на закате.

Кто-то сказал бы, что такой рассвет — дурное предзнаменование. Я же отметил, что дело идет к дождю, только соберется он не сегодня и даже не завтра. Ну а до того момента, как тучи разразятся ливнем, придется страдать от влажной духоты и несильной, но надоедливой головной боли, во всяком случае, мне. Остальные обычно не настолько чувствительны к перемене погоды. Да и меня за городом, скорее всего, отпустит, а нет — у меня есть при себе замечательные пилюли на все случаи жизни.

Обоз я проверил от и до. Знаю, мое занудство многих раздражает, но я давно постановил для себя, что ни на полшага не отступлю от буквы договора и закона. О духе еще можно поспорить, но в остальном ко мне придраться невозможно — положение обязывает.

Веговер не подкачал: все оказалось в полном порядке. Не хватало одного запасного ведра, но это было легко поправимо — работник живо принес новенькое и прицепил к задку телеги.

Проверил я и дракона. Со вчерашнего вечера ничего не изменилось: зверь все так же лежал на платформе (перегруженной в большой фургон), глаз не открывал, не шевелился, дышал едва заметно. От него тянуло дымом и металлом, понял я, сунувшись под брезентовый тент. Вот почему мне с утра мерещился этот запах: вчера нанюхался, в голове и засело в связи с заданием.

Память на подобные вещи у меня очень хорошая, и не всегда поймешь, благо это или наоборот. Если удастся сообразить, почему вдруг вспомнилось что-то конкретное, может помочь и натолкнуть на некую мысль, а если нет... что ж, в таком случае остается только махнуть рукой.

В данном случае я мог утверждать одно: запах крови примешался откуда-то еще. Его я точно не обонял, значит, воображение подбросило сюрприз. Такое со мной случалось, и я не удивился. Напомнил себе о том,

что нужно внимательно смотреть по сторонам, и прервал процесс самоанализа. Надеюсь, на это еще найдется время... а пока меня ждали более насущные дела.

Чародеи.

— А где же ваши знаменитые красные перчатки? — первым делом спросила Тродда Викке, услышав мое имя.

— Полагаете, стоит привлекать всеобщее внимание такой яркой деталью туалета? — осведомился я, поправив обычные дорожные перчатки. Черные, разумеется.

— Право, мне хотелось взглянуть на вас во всей красе, господин Сандеррин.

— Называйте меня просто Санди, — попросил я.

— Как вам будет угодно, — улыбнулась она.

У нее были полные темно-красные губы, но взгляд на них не вызывал желания попробовать, каковы они на вкус. Я и так мог представить: горячие, липкие, с химическим сладковатым неприятным привкусом помады.

Тродда оказалась высокой — почти вровень со мной — стройной и пышногрудой. Соломенного цвета волосы она заплетала в косы и укладывала короной вокруг головы, что прибавляло ей роста и вынуждало соблюдать королевскую осанку; потому что с таким грузом на макушке иначе держаться сложно. Симпатичное, чуточку простоватое лицо могло ввести в заблуждение, однако Тродду выдавал взгляд широко распахнутых синих глаз: он принадлежал далеко не юной девушке, но хорошо пожившей женщине. О возрасте ее я не взялся бы судить — чародеи стареют медленнее обычных людей, — но счел бы ее ровесницей Веговера, а тому уже под семьдесят, хотя выглядит он на двадцать лет моложе.

На фоне Тродды ее супруг, Сарго, выглядел карикатурным персонажем из комической пьесы. Обычно именно такие типы оказываются рогоносцами: жена изменяет едва ли не у них на глазах, но они ровным счетом ничего не замечают. Правда, если уж заметят (и, главное, поверят, что увиденное не есть розыгрыш или постановочное действие с целью очернить супругу), тогда в них просыпается зверь...

Сарго был щуплым, узкоплечим, с намечающимся брюшком. Темные волосы он расчесывал на прямой пробор и, судя по запаху, немилосердно на помаживал, чтобы не стояли дыбом. Короткие усики и очки в модной прямоугольной оправе дополняли ансамбль.

Странная парочка. Хотя я видал и не такие.

— Наслышан о вас, господин... э-э-э... Санди, — произнес он

неожиданно глубоким баритоном и протянул мне руку.

Я не ответил на его жест: если Сарго наслышан обо мне, то знает, что я никому не подаю руки. И дело не в моем дурном воспитании, как легко предположить.

Очевидно, он вспомнил об этом, потому что смущенно пробормотал:

— Рады знакомству... Вы, пожалуй, тоже называйте нас попросту, по именам. Дорога нам предстоит долгая, и мы, надо полагать, познакомимся поближе, а потому я не вижу смысла тратить время на церемонии.

— И я не вижу, — согласился я, опустив свое мнение по поводу более близкого знакомства. Зачем разочаровывать людей с ходу? Быть может; они окажутся вполне приемлемыми спутниками! — Рад знакомству, Сарго, Тродда... Прошу занять ваши места. Не будем мешкать понапрасну.

Они живо забрались в фургон, а я оседлал свою кобылу. Попозже я, пожалуй, присоединюсь к чародеям, но пока мы не выедем из Таллады, предпочитаю сохранять мобильность.

— До чего странно, Сарго, — услышал я шепот Тродды сквозь поскрипывание колес, шуршание брезента, шумное дыхание волов, звяканье металла. — Гляди, как он правит лошадью... А говорят, он ничего тяжелее палочки накорри и карт в руки не берет...

— Оставь, прошу тебя, — сердито ответил он.

— Ну в самом деле, как он обходится в путешествии без слуг, если колдовать не умеет? Ведь не умеет, об этом все знают!

— Не лезь к нему, заклинаю! Поговаривают, у Рока Сандеррина скверный нрав, и я вполне готов этому поверить, так что, будь любезна, воздержись от провокаций. Если он...

Тут налетевший порыв ветра громыхнул жестяной вывеской у нас над головами, заглушив окончание фразы, но я и так догадался, о чем говорил Сарго. Если я брошу обоз на середине дороги, вернуться или достичь пункта назначения — особенно с таким грузом — им будет непросто. То, что я никогда так не поступал, не мешало окружающим распускать слухи о подобных выходках, а я их не пресекал. На образ и репутацию работают не только положительные отзывы довольных клиентов.

Обоз двигался медленно — движение в городе довольно плотное. Самоходки так и шмыгают туда-сюда, упряжных экипажей еще больше, то и дело на перекрестках возникает неразбериха. Я не поторапливал возниц, поэтому мы тянулись за еще двумя обозами и такими темпами должны были выбраться из Таллады к полудню, не раньше.

Впрочем, что утро, что полдень — разницы никакой. Все та же серая хмарь, духота... Дождь побрызгал, вопреки моему прогнозу, но даже пыль

толком не прибил, и дышать легче не стало.

Один из обозов повернул к южным воротам (должно быть, решили, что в объезд выйдут быстрее), и тут же столпотворение впереди рассосалось. То ли на тех бедолагах висело какое-то заклятие, не пускающее вперед, или обычный сглаз — кто-нибудь сказанул в сердцах, слово и прилипло, то ли просто так сложилось, но... нам повезло, а им — не слишком. Они не слышали, должно быть, что южные ворота со вчерашнего дня закрыты для проезда тяжелых возов, там мост чинят. Придется им или возвращаться сюда, или двигаться дальше, к восточным воротам...

Лошадь подо мной едва слышно фыркнула, и я погладил ее по шее. Гуш не нравилось в городе, но что поделаешь: провожатый не может встретить обоз за воротами, он должен быть с ним — и в нем — с самого начала.

— Потерпи, — сказал я едва слышно, и Гуш шевельнула ушами. — Уже скоро.

Веговер не поскупился: из города нас выпустили, едва взглянув на бумаги. О досмотре и речи не шло. Окажись на посту кто-то из моих старых знакомцев, я бы поинтересовался, что к чему, но увы — я не узнал ни одного лица, будто в стражники спешно набрали новичков. Во всяком случае, именно в эту смену и на этих воротах. Любопытно, если бы мы свернули к восточным воротам, там тоже обнаружили бы сплошь незнакомые мне физиономии? Если так, значит, куплено и начальство городской стражи, а это большие деньги...

Кстати, я предпочитаю хоть какую-то видимость деятельности: когда большой обоз выпускают, даже не взглянув, что там такое в фургонах, это выглядит слишком подозрительно. А зная, насколько ушлый кругом отирается народ... Одним словом, нужно внимательно смотреть по сторонам: проверить, что мы везем, может возжелать не только дорожная стража. С другой стороны, на что нам чародеи и охрана? Пускай отработывают свой хлеб, а я в случае нападения предпочту отлежаться в придорожной канаве. Провожатого вряд ли тронут, но от случайной пули или заклинания никто не застрахован...

Где-то за облаками солнце достигло зенита — мы покинули предместья намного раньше, чем я рассчитывал. Радоваться, впрочем, было рано: если зарядит дождь, быстро мы двигаться не сможем — тяжелый фургон по грязи будет тащиться еле-еле, если, конечно, чародеи не сообразуют пошевелиться и, к примеру, подморозить или подсушить лужи. Это не слишком сложно, но они всякий раз так ломаются, если

попросить, будто от них требуется вымостить клятую дорогу лучшим камнем, причем без применения магии. Надеюсь, эти окажутся поговорчивее...

А с самоходками по такой погоде одни проблемы, удостоверился я, увидев одну такую на обочине. Судя по яростной ругани владельца, он потерял на колдобине какую-то важную деталь, а без нее ехать дальше не получалось. Повезет, если его возьмет на буксир какой-нибудь обоз, а нет — придется бросать колымагу на произвол судьбы и идти пешком или ехать с попутчиками. Ну а пока он доберется до Таллады и вернется с подводой или механиками, его самоходку успеют разобрать по винтикам.

«Вдобавок они ржавеют», — добавил я мысленно и приотстал. Сзади обоз выглядел самым обыкновенным: Веговер не вчера родился, а потому фургоны были не новыми и в самую меру зачуханными, волю очень крепкими, но невзрачными, а двойной брезент на тентах — художественно заплатаанным. Посторонний взглянет и не поймет сразу, кто едет: какой-то торговец средней руки или вовсе переселенец со скарбом. Хоть на этом спасибо... Оставалось надеяться, что никто нами не заинтересуется, во всяком случае, до поворота. Всего трое суток протянуть, сущая ерунда...

Время до вечера пролетело незаметно. Для ночлега выбрали утопанную площадку на обочине — их много на всем протяжении тракта. Здесь можно было выпрячь животных, развести костер... Главное, убрать за собой — за оставленный мусор и отходы жизнедеятельности полагался порядочный штраф. Но путники соблюдали приличия: все (во всяком случае, большинство) понимали, что мало кому захочется ночевать среди чужих отбросов и навоза. Хорошим тоном считалось также оставить топливо для костра, но это уж по возможности.

Я передал Гуш одному из возчиков — заранее уговорился с Веговером, что тот мне пособит, — а сам присоединился к чародеям. Они уже разожгли огонь, и я подсел к костру. Все-таки есть польза от их дара: могут обеспечить свет и тепло безо всякого горючего. Знаю, это им проделать легче легкого, вызвать воду — тоже, так что напоить животных проще простого, не нужно искать колодцы и более-менее чистые водоемы. Некоторые, правда, кочевряжатся, но супруги Викке в охотку занимались походными делами, что не могло не радовать.

С разговором вот не заладилось: рядом с нами остановились попутчики, а болтать при посторонних не годилось. Я был этому очень рад и, прихватив свое одеяло, забрался на воз и удобно устроился на мешке с овсом. Немного жестко, но я непривередлив.

В затылке привычно пульсировала боль, недостаточно сильная для

того, чтобы тратить на нее пилюли. Сама рассосется. Вот если свинцовый шарик перекатится из затылка в височную область и оцетинится острыми иглами — другое дело. Я, правда, надеялся, что до этого не дойдет, — ничто не предвещало.

Люблю по ночам смотреть на звезды. Если долго вглядываться, легко заметить, что какие-то из них мерцают, а какие-то светят ровно. Это можно списать на облака, несомые ветром где-то в невообразимой высоте, но даже если небо совершенно ясное, различия заметны. Иногда, если повезет, увидишь падающую звезду, а то и целую россыпь. Или не падающую, а пролетающую мимо — за такими тянется роскошный длинный хвост, предвещающий всевозможные несчастья. Не знаю, не знаю, за свою жизнь я видел три хвостатые звезды, а еще о двух слышал от заслуживающих доверия людей, и что-то окружающие беды не приумножились от появления тех диковин. Конечно, можно притянуть за уши хоть падеж скота, хоть засуху, но, сдается мне, это приключилось бы и безо всяких небесных явлений.

Луну разглядывать тоже интересно: пятна на ее поверхности складываются в замысловатый рисунок. Кто-то видит там старушку за пряжей, кто-то девушку у зеркала, а мне почему-то мерещится сгорбленный карлик, чистящий рыбу. Кажется, в далеком детстве кто-то сказал мне о нем, и теперь, хоть плачь, не удастся увидеть что-то другое, более возвышенное. Плакать я, конечно, не собирался и при случае врал напрапалую, но сам то и дело поглядывал на луну, чтобы узнать, как дела у карлика, попалась ему сегодня на удочку хорошая рыбина или так, кости одни...

Сегодня, впрочем, рассматривать было нечего — сгустился туман. Даже соседский костер был плохо различим, какие уж тут звезды! Я подумал, не перебраться ли в фургон, потом решил, что даже если дождь соберется ночью, я успею укрыться от него. А пока нет смысла двигаться с места, тем более что я удобно устроился и не хотел менять позу. И тем более — общаться с чародеями сверх необходимого.

Однако, как вскоре выяснилось, общения желали они.

— Санди!

Услышав голос Тродды, я открыл глаза.

— Вот вы где... Вы не будете ужинать?

— Нет, благодарю, — ответил я.

— Неужели опасаетесь, что мы вас отравим? — Она оперлась руками о борт телеги и смотрела на меня снизу вверх. Вырез на ее блузе при этом выглядел весьма соблазнительно, а глубину ложбинки между грудей

подчеркивал амулет в виде кинжальчика из темного металла. А может, и дерева, видал я подобные украшения...

— Нет.

— Тогда почему бы вам не составить нам компанию?

Мой заинтересованный взгляд явно не укрылся от Тродды. Не станешь же объяснять, что смотрел я на амулет, а не на ее прелести?

— Не хочу, — честно сказал я.

— Я слышала, что вы человек со странностями, — покачала она головой, — но неужели вы всю дорогу станете питаться... не знаю, сухарями из своей сумки? Лишь бы не сесть с нами рядом? Неужели вы настолько не любите чародеев? Я думала, это преувеличение...

Я их не любил, повторяю, но вполне умеренно и конкретных персонажей. Хотя в данный момент был готов невзлюбить всю эту братию скопом.

— Дело не в вас, а во мне, — ответил я наконец. — Можете считать, что я даю зарок перед путешествием. И не беспокойтесь, я не ослабну и не умру от голода.

Доводилось ходить куда более дальними дорогами, и я действительно не умер.

— Вы явно хотели добавить «и от скуки тоже», — заметила Тродда.

От ее амулета тянуло чем-то терпким, темным, тяжелым, тягучим... Надо полагать, эта штучка усиливала природную силу обаяния чародейки. Жаль, никто не сказал ей, что на провожатых человеческая магия практически не действует. А против той, которая все-таки действует, у меня имеется защита. Вот именно против этих любовных чар: сама-то Тродда, вероятно, хочет просто позабавиться, но явно не отдает себе отчета в том, во что может вылиться ее шалость.

Я же уверен: если я вдруг возжелаю чародейку, то для начала избавлюсь от ее супруга так, чтобы он ничего не успел заметить, а потом уже перейду к самой прелестнице. Не хотелось бы подобного развития событий, да еще в самом начале пути...

— Санди? Почему вы молчите?

— По-моему, вас вполне удовлетворяет звук собственного голоса, — вежливо ответил я. — И реплики вы способны подавать за обоих собеседников. Зачем же мне утруждаться?

— Ясно... — Она отстранилась, попыталась поймать мой взгляд, но не преуспела в этом. — Что ж, если вдруг заскучаете, приходите к костру, будем рады видеть вас.

«Посмотрим, что ты запоешь через неделю», — подумал я, но ничего

не сказал, только неопределенно кивнул.

Она ушла, а костер вскоре погас: было достаточно тепло, так зачем тратить силы на поддержание огня? На телеге да под хорошим одеялом не замерзнешь.

В ночной тишине слышно было, как вздыхают волы, пофыркивают и переступают копытами моя Гуш и другие лошади. Время от времени принимался пронзительно скрипеть какой-то жучок, но тут же утихал, словно напуганный собственной храбростью. У соседей шумно чесалась собака и кто-то душераздирающе зевал, наверно, сторож. Наш обоз был обвешан защитными заклятиями, но охранник тоже имелся — его отсутствие привлекло бы внимание. Ну да он сидел смирно, время от времени звучно всхрапывал и просыпался. Сложно сказать, прикидывался или в самом деле клевал носом, а проверять я не пошел. За охрану отвечают чародеи, и точка.

Ближе к полуночи поднялся легкий прохладный ветерок — я пропустил его сквозь пальцы и невольно удивился: рановато он прилетел в наши края, его время наступит после праздника урожая, а уж затем явятся холодные шквалы с севера и северо-запада. Этот же ветерок, разведчик и предвестник, явно поторопился: лето только-только начало клониться к осени, и пусть выдалось оно сырым и нежарким, это не повод нарушать привычное течение событий.

Впрочем, высказывать это ветерку не имело смысла: он выскользнул из моей руки, оставив на прощание приятную прохладу, и улетучился, напоследок хлопнув брезентом на фургоне.

Это-то меня и насторожило. Если бы он взъерошил гривы лошадям, раздул угли в соседском костре или, наоборот, поднял тучу пепла, прошуршал в траве, я бы понял. Но почему его заинтересовал фургон, в котором, к слову, везли дракона?

Я долго прислушивался, но не уловил подозрительных звуков. Станный шелест, доносившийся со стороны фургона, был дыханием дракона. Я вычислил это, сопоставив его с едва слышным мерным позвякиванием цепей. Надо сказать чародеям, чтобы заглушили как следует... Впрочем, днем этого никто не различит, а ночью кому прислушиваться, кроме меня?

И все же, все же...

Наутро я сказал чародеям, что нужно поработать с защитой фургона, а они переглянулись с таким видом, будто я предложил им впрячься в оглобли вместо волов.

— У вас, должно быть, чрезвычайно острый слух, Санди, — сказал

Сарго.

— Не жалею, — ответил я и добавил, перехватив взгляд Тродды: — Мне не померещилось. Голодные видения меня не посещают.

— Мы займемся, — предвосхитил чародей ее ответ.

С одним Сарго, возможно, мы еще смогли бы сосуществовать мирно (хотя я еще не выяснил, есть ли у него дурные привычки), но его неугомонная супруга явно вознамерилась не давать мне покоя. Странная женщина. Все чародеи странные... впрочем, они говорят то же самое о провожатых.

— Вы собираетесь кормить дракона? — спросил я негромко.

— Да, как только соседи отъедут подальше, — отозвался Сарго, покосившись в сторону.

— Не лучше ли делать это ночью?

— Санди, чтобы накормить его, нужно снять намордник. А если зверь учинит что-то, в темноте разобраться с этим будет не так-то просто!

— Зато никто ничего не заметит. Всегда можно сказать, что мы везем заморского живоглота для чьего-то зверинца.

— Может, вы и правы, но я не хотел бы проверять. Пусть нас и двое, но... не хотел бы, — твердо закончил Сарго. — Опять же, придется освещать фургон, потому что я не полезу к дракону вслепую. А на подсвеченном брезенте его силуэт будет отменно виден!

Я вынужден был признать, что он прав.

— Даже и сейчас темновато, — добавил он. — Но обойдусь... Тродда, помоги мне...

— Санди, не желаете посмотреть? — тут же спросила она. — Вряд ли вы когда-нибудь видели вблизи дракона?

— Отчего же, видел и даже трогал, — ответил я, потому что не раз путешествовал транспортниками. — Правда, не диких. С удовольствием составлю вам компанию, только не просите меня подавать мясо на вилах.

— О, ну конечно, ваши руки... — Тродда бросила выразительный взгляд на мои перчатки, но я не отреагировал. — Впрочем, этого не потребуется. Мы даем ему пищу маленькими порциями.

— Почему?

— Смотрите, — Сарго поманил меня поближе. — Видите ошейник? Он довольно туго сдавливает дракону глотку, не пережимая кровеносных сосудов.

— Ах вот как... Я видел на побережье рыбаков, которые приручают морских птиц, надевают им на шею кольца и отпускают на лов. С таким кольцом птица может проглотить только мелкую рыбешку, а крупную

вынужденно несет хозяину. Судя по всему, принцип такой же?

— Совершенно верно, Санди. — Чародей ловко забрался в фургон. По счастью, они додумались расположить дракона мордой назад, иначе волосы могли бы взволноваться, дохни этот зверь им в зад. — Если даже ему удастся кого-нибудь сцапать, сразу он его не проглотит!

— Не могу передать, насколько это меня утешило, — пробормотал я.

Драконы очень прожорливы, это факт, равно как и то, что они не большие гурманы. Они предпочитают заглотить добычу целиком, а потом переваривать ее в укромном месте. Ясное дело, тот же транспортник способен сожрать десяток быков зараз и вряд ли насытится, а вот отдыхать после трапезы будет долго. Сытого дракона сложно поднять на крыло, а потому их стараются держать слегка голодными. И, полагаю, тоже кормят небольшими порциями.

— Тродда, намордник! Раз, два...

Лязгнул металл, и пыточного вида приспособление разомкнулось. Я бы не удивился, увидев, что у дракона вырваны зубы для пущей безопасности, но нет — на тусклом свете блеснули два ряда острых клыков.

Тродде явно не нравилось прикасаться к дракону, но приходилось: ел он без охотки, и чтобы закинуть в пасть следующую порцию, приходилось сперва эту пасть открывать разжимателем вроде тех, какие используют, чтобы отцепить бойцового пса от соперника, только намного больших размеров. Похоже, проще сделать это вручную, чем применить чары.

С водой вышло проще: я уже говорил, что чародеи способны вызвать ее безо всякого труда, и им достаточно оказалось направить струю в открытую пасть. Чтобы не захлебнуться, дракон вынужден был глотать, и сколько-то в него точно попало...

— И вот так — через день, — посетовал Сарго, когда они вернули намордник на место.

Тродда оттирала пальцы с таким усердием, будто драконья слюна ядовита.

— Сочувствую, — сказал я и не удержался, спросил: — Навоз вы тоже убираете вручную?

Удивительно, но она не ответила.

Впрочем, вскоре я имел сомнительное удовольствие наблюдать за тем, как это происходит: отходы жизнедеятельности вымыли из-под дракона сильной струей воды, а затем высушили фургон и зверя как следует. По моему, ему не понравилось, но, полагаю, еще больше ему бы не понравилось лежать в собственных нечистотах. Хотя кто его разберет?

Может, в естественной среде обитания эти твари именно так и поступают...

Так или иначе, от дракона не пахло, я имею в виду, не разило, как из хлева у нерадивого хозяина. Тот дымно-металлический запах вряд ли мог обонять кто-то, кроме меня, разве только уткнулся бы носом в драконью чешую, но желающих что-то не наблюдалось.

Глава 3

— Санди, а когда... поворот? — спросил меня Сарго на третий день пути.

Мы давно миновали предместья, скрылся вдали старинный замок на холме — теперь в нем размещался не самовластный правитель, а королевский наместник со всеми присными. Места, полагаю, хватало, а вот комфортом древняя глыбина похвастаться не могла: имелись у меня знакомые служащие оттуда, они жаловались на холод и сквозняки. Чародеи в два счета могли бы это исправить, но нанимать их ради того, чтобы заколдовать весь замок, было слишком накладно. Господские покои, разумеется, привели в порядок, а вот простые служаки вынуждены были затыкать щели паклей и спасаться печками-самогрейками.

Тоже, кстати, недешевое удовольствие: уголь и дрова стоят порядочно, да поди еще купи такую печку, чтобы не угореть... Они ведь зачарованы самую малость: быстро разгораются, хорошо сохраняют тепло, а дым, по идее, должен исчезать бесследно, как и вредный угарный газ. Вот последняя часть заклятия почему-то держится хуже всего, а потому смерти владельцев таких самогреек — дело обычное. Но, должно быть, в сочетании со сквозняками печки были достаточно безопасны, потому что в замке на моей памяти еще никто не умер. Либо я просто об этом не слышал. Скорее, второе — нарочно не интересовался, а на люди подобные истории не выносили, конечно же. Если и мелькали слухи, то быстро утихали.

— Поворот... — Я взглянул на солнце, поймал щекой касание ветерка и кивнул: — Скоро. Подождите-ка...

Спешившись, я взял щепоть дорожной пыли и растер в пальцах — досуха, до летучести — и пустил по ветру. Вдохнул те немногие пылинки, что остались на перчатках, коснулся их языком, почувствовав вкус земли... Перехватил взгляд Тродды и подавил усмешку: могу представить, о чем она думала. На дороге чего только не поднимешь...

— Сейчас открыты три дороги, еще одна откроется к вечеру, и последняя — к завтрашнему утру, — сказал я, отряхнув перчатки. На тонкой коже специальной выделки не осталось и следа.

— Гм... а какие это пути? — спросил Сарго, глядя на меня с любопытством, смешанным с опаской.

Для чародеев способности провожатых — темный лес. Этому нельзя

научиться, с этим даром можно только родиться, и я никогда не слышал о провожатом, который умел бы колдовать. Наверно, человеческое тело просто не вмещает сразу две силы. Не знаю, право, да и какая разница?

— Достаточно безобидные, — пожал я плечами. — Выбирайте: пойдём через смерть, через снег, траву или пыль?

— Это всего четыре, а вы сказали о пяти, — тут же встряла Тродда.

— Пыль — это две дороги, — пояснил я.

— А что означает — через смерть? — осторожно спросил Сарго. — Там опасно?

— Не более, чем на королевском тракте. Я же сказал — безобидные пути. Относительно.

— Почему же тогда...

— Это кладбище, — ответил я. — Гигантский могильник. Он простирается до самого горизонта, и никто не знает, где он заканчивается. Может быть, кто-то и пытался разведать границы, но мне об этом ничего не известно.

— Что? — Он переглянулся с супругой. — Никогда не слышал о подобном!

— Там редко кто-то ходит, а зря! Спокойнейшее место. Увы, люди суеверны.

— Вы не ответили на вопрос, Санди, — заметила Тродда. — Что это за могильник такой?

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Он похож на драконье кладбище, слышали?

— Н-нет...

— Дикие драконы редко умирают от старости, но случается все же, что отдельные экземпляры доживают до преклонных, по их меркам, лет, а рядом не оказывается молодого соперника, готового прекратить их существование. Тогда они отправляются в особое место, где и заканчивается навсегда их полет.

— Что, все-все дикие? — недоверчиво переспросила она. — С разных концов континента?

— Нет, конечно же. В каждой местности — своя долина смерти, — сказал я. — Но, должен заметить, это всего лишь легенда. Кто-то что-то видел, но доказательств нет — никому почему-то не пришло в голову захватить клык или коготь. Так или иначе, дорога через смерть, как мы ее называем, ведет через подобный могильник. Костей драконов... вернее, подходящих по размеру я там не видел. А вот других — полным-полно. Звериные, человеческие — всех сортов.

— Погодите, я слышал о подобных местностях... — наморщил лоб Сарго. — Там из-под земли струится ядовитый газ, способный убить стадо диких быков, и живые существа, забредшие туда, просто падают замертво, если не успевают пересечь опасное место или если погода стоит совершенно безветренная. Даже птицы, снизившись, рискуют...

— Я ходил там не один десяток раз, — терпеливо ответил я, — и до сих пор жив. Чем бы ни было то место, ядовитыми испарениями там и не пахнет. Каменистые холмы, кое-где кустарник... В нем, кстати, гнездятся всякие пташки. Насекомых, ящериц и мелких зверьков там тоже предостаточно, если вас это успокоит. Где-то в окрестностях живут хищные птицы, я видел, как ястребы кружили — высматривали добычу. Достаточно вам?

— Понятно... — Он нервно передернул плечами. — А снег — это что?

— Это снег, — терпеливо повторил я. — Вы его никогда не видели?

— Видел, конечно же, но...

— Ну вот. Это снежная равнина. Не рекомендую туда соваться: судя по всему, там сейчас вьюга, замело серьезно, и наши возы попросту застрянут. Да и холодно.

— Ага, ясно... Пыль, надо думать — это какая-то пустыня или вроде того?

— Вроде того, — кивнул я. — Первая дорога прямая — сухая степь. Там часто ходят, колею выбили. Воды нет совсем, но для нас это не проблема. Идти... С обозом — дней пять.

— А вторая? Вы сказали, через пыль ведут две дороги, — снова встряла Тродда.

— Вторая — извилистая, закручивает петлями. На ней можно дней восемь потерять, если не дюжину. Она не везде пыльная, — пояснил я. — Местами идет через лес, вода там тоже есть. Но поскольку я описываю сам тракт, а не окружающий пейзаж...

— Понятно, Санди, — перебил Сарго. Понятно ему, надо же... — А которая из дорог наиболее безопасна?

— С какой точки зрения?

— Что вы имеете в виду?

— Безопасная вообще или с точки зрения нападения? — уточнил я. — Если второе, то на снежном пути мы даже волков не встретим, они не сумасшедшие, чтобы в такой буран охотиться. А непогода... Ничего смертельного, тем более для двух чародеев. Дорогу выстелить, от снега и ветра прикрыть — вы же справитесь?

— Конечно, но... — Он снова переглянулся с Троддой. — Может, все-

таки лучше трава? Вы не сказали, кстати, что она из себя представляет.

— Так вы не спрашивали, — пожал я плечами. — Тоже равнина. Разнотравье в мой рост. Опять же, не рекомендую — увязнем хуже, чем в снегу. Если, конечно, вы не поспособствуете тому, чтобы трава не наматывалась на колесные оси, а насекомые не жалили почем зря волов и всех нас.

— А люди, люди там встречаются? — настороженно спросил Сарго.

— Конечно. И обычно такие, которым тяжелые возы не мешают, — усмехнулся я. — Местные, а еще те, кому не нужны свидетели и лишние спутники.

— Ясно... — Он явно колебался. — Санди, а вы бы какую дорогу порекомендовали?

— Смертную, — честно сказал я. — Никого опаснее ядовитых змей я там не встречал, но они первыми не бросаются. Если же встретишь кого-то, говорят, нужно просто сделать вид, будто не заметил. Мало ли бродит миражей в таких местах...

— А открыты сейчас какие пути?

— Снег, смерть и трава. Обе пыльные пока закрыты.

— Хорошо... мы посоветуемся, Санди, и тогда решим, не возражаете?

Он увлек Тродду прочь, не дожидаясь ответа, а я снова сел верхом и проехал немного вперед. Нет, пожалуй, снежную равнину лучше исключить. Скажу, что, пока чародеи думали, путь успел закрыться. Не хочется ноги морозить, да и Гуш не любит вьюгу.

Советовались чародеи до самого вечера, и тогда я уже совершенно честно смог им сказать, что снежная дорога уже недоступна и откроется не скоро. Они бы еще до завтра тянули, право слово.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Сарго, нервным жестом приглаживая и без того зализанные волосы. Еще он протирал очки, тоже нервно, и это вызывало во мне безотчетное раздражение (пусть и меньшее, нежели любопытные взгляды Тродды). — Так быстро закрылась?

— А вы полагали, такие повороты — как тоннели в горах? Всегда на месте, всегда готовы пропустить путника, если только обвал не сошел?

— Признаюсь, я вообще немного знаю об этих дорогах, — сказал Сарго, чем заслужил в моих глазах некоторое уважение.

Чародеи никогда не признаются, что не разбираются в чем-то, даже если невооруженным глазом видно — они полные профаны.

— Но ходить ими вам доводилось?

— Всего несколько раз, и то были короткие маршруты.

— Сюда-то вы тоже шли с провожатым, разве нет?

— Нет, сюда мы добирались так... без этого всего, — ответил он, и я насторожился.

Откуда же они везли этого дракона? Насколько мне известно, те предпочитают гнездиться в горах, но вокруг нет гор, до них, по меньшей мере, месяца два пути, особенно с тяжелым грузом. Есть холмы — до них недели две, и если предположить, что этот драконий недопесок обитал там, тогда что-то сходится.

— Санди, вам ведь очень хочется спросить, отгула мы прибыли, — сказала вдруг Тродда. Она пристально наблюдала за мной, я заметил. — Не стесняйтесь, право.

— Я из тех людей, которые привыкли сдерживать естественные порывы, — ответил я. — Мне так по роду занятий полагается. И откуда вы явились, Тродда, меня не касается. И вам не советую болтать об этом направо и налево.

На самом деле я мог бы и спросить, корона бы не упала. Тем более они не собирались разводить секретность. Но я уже и сам сообразил, как они сумели добраться сюда — по реке! Река здесь большая, судоходная, так что они могли как спуститься по ней откуда-то (кстати, вполне вероятно, из предгорий), так и подняться с побережья. По расстоянию выходит примерно одинаково, а встречное течение чародеям не помеха.

Правильно, неподалеку от побережья имеется гряда скалистых островков. Чаячий приют — кроме птиц, там никто не живет. Но, возможно, один дракон мог скрываться в скалах, улетал на охоту подальше в открытое море, рыбачил, возвращался в сумерках... Да, это вполне походило на правду: предгорья все же густо заселены, там предостаточно рудничных поселков, снабжающих шахты, и дракону, чтобы не попадаться людям на глаза, пришлось бы жить где-то на ледниках.

Или, может, он все же ухитрялся прятаться до поры до времени: если, опять-таки, улетал охотиться в дикие горы, то его и не замечали, но... Стоило кому-то не вовремя взглянуть вверх или, наоборот, под ноги и заметить характерный силуэт в небе или тень на земле, либо же дракону — утащить пару коз, и тайна была раскрыта. И началась охота, увенчавшаяся успехом...

Люблю строить догадки, от которых ничего не зависит. Они не дают мне скучать в пути.

— Одновременно существуют тысячи дорог, — сказал я Сарго, поскольку он все еще ждал пояснений. — Только попасть на них можно не в любой момент времени и не в произвольном месте. Стоит нам отъехать чуть дальше, и на дорогу снега мы не ступим, даже если она откроется.

Поворота на нее рядом с нами не будет, он останется на этом месте. Так понятно?

— Более-менее, — кивнул он. — Санди, а если мы еще немного проедем по обычному тракту, есть вероятность, что мы все же сумеем на нее войти?

— До следующего поворота дня два пути, — прикинул я, — может, и больше. Гроза идет, мешает оценить точнее.

— И вы даже не спросите, почему нам так дался этот снег? — встряла Тродда.

— Зачем спрашивать, если ответ очевиден?

Я сам сказал им, что точно не встретим там людей. И намекнул, что с их умениями выюга обозу не помеха. Это лучше, чем места, где можно на кого-то наткнуться... или этот кто-то наткнется на тебя. Вдобавок снежной пустыней редко кто ходит, и если за нами охотятся (что вполне вероятно), искать там нас станут в последнюю очередь.

— А другой провожатый может узнать, куда мы свернули? — подтвердил мою догадку Сарго.

— Нет. Он разве что сумеет унюхать, что повернули мы именно на этом месте, — ответил я. — Но какие именно пути были открыты в тот момент, вычислить нереально.

«Я пробовал, я знаю», — закончил я мысленно, вслух же дополнил:

— К тому же они слишком часто меняются. Найти след можно, только если подскочить к повороту буквально через несколько минут после того, как его миновал предшественник. Но это совпадение из разряда чудес, ни разу с подобным не сталкивался. Ни один провожатый не станет сворачивать, когда погоня в пределах видимости, если только ему не грозит смертельная опасность. Но и в таком случае... повороты обычно закрываются за спиной путешественника.

— Ну, это уже неплохо... — пробормотал он. — А перейти с одной дороги на другую возможно?

— Конечно, если найдется подходящий поворот и открытая дорога, ведущая в нужном направлении. Но не рекомендую так развлекаться: можно забрести невесть куда и сидеть там, ждать, пока откроется путь назад. А есть такие дороги — назад не ведут, — добавил я. — Свернуть с них очень сложно, а и получится — не обрадуешься.

— Это в тех краях вы заработали свои... м-м-м... особенности? — тут же спросила Тродда, выразительно покосившись на мои руки.

— Нет, — ответил я. — И я не закончил. Сарго, вы показались мне разумным человеком, поэтому, думаю, вы поймете: воля ваша, завести вас я

могу куда угодно, но не обещаю вывести обратно, если это будут неизвестные тропы. Тем более с обозом. Бывает, только в одиночку и поспеешь проскочить.

— Не станем рисковать, — согласился он. — Просто поедем вперед, а там, как появится поворот... словом, видно будет.

Я кивнул и отошел к Гуш.

«Веговер, старина, если ты знал о предполагаемой погоне — не важно, конкурентов или тех, у кого этого дракона увели из-под носа, — но мне не сказал, клянусь — вытряхну из тебя душу через жирную задницу! — подумал я. — А если не знал... тебе же хуже. До тебя добраться проще, чем до меня. Вдобавок с провожатого взятки гладки... Убить не убьют, хотя припугнуть могут. А то еще и приплатят за молчание, бывало ведь и такое...»

Почему я решил, что дракона могли украсть? Да вот было что-то в этих двух чародеях... Не походили они на доблестных охотников, никак не походили. Были сработанной парой, хорошими специалистами, но явно впервые имели дело с драконом. Веговер сказал, они сопровождали груз с самого начала пути, но это вовсе не означает, что они его добыли.

Обычным людям, даже опытным охотникам, изловить дикого дракона не под силу. Хотя бы потому, что они не доберутся до его логова, не сумеют выследить добычу — эти твари отлично умеют маскироваться, иначе не дожили бы до наших дней. Да и как бы использовали боевых драконов, если бы они не могли попросту раствориться в небе или на местности? Существо такого размера видно издалека! На них, конечно, и заклинаний порядочно навешано, но и собственный камуфляж имеется.

Следовательно, среди охотников был чародей, и достаточно сильный. Вряд ли несколько — я уже говорил, что они крайне неуживчивы даже с обычными людьми, а уж с себе подобными... Конечно, чародеи мирных специальностей как-то ухитряются работать командами, но такие на драконов не охотятся.

А раз чародей был силен, то, скорее всего, он и организовал охоту. Подручные в любом случае необходимы: обуздать дракона — это одно, а вот стащить вниз и погрузить на телегу или плот — совсем другое. Там потребуются крепкие руки и спины. Нет, наверно, какой-то особенно сильный чародей может провернуть такое и в одиночку, но я уже говорил, что они не любят утруждаться, если на то нет большой необходимости. Я уж молчу о том, что он должен был вымотаться после охоты.

А что, сходится! Уставший чародей положился на охрану, и вот тут-то ушлая парочка (не знаю, по собственному почину или по чьему-то заказу) и

увела его добычу. Может, даже плот угнали — такое, если есть сноровка, проделать даже проще, чем увести телегу. Шума меньше: не нужно запрягать волов, отвязал плот и гони его со свистом по реке. Главное, на корягу не напороться, но, полагаю, супруги Викке не вчера родились и способны были не вляпаться настолько глупо.

«Того чародея, может, и в живых уже нет, — подумал я. — Я бы не оставил в тылу настолько опасного противника, да еще злого до белых искр. С Тродды бы случилось прирезать его втихую... Или еще что-нибудь проделать, чтобы хотя бы на время лишить его силы. И о таком наслышан...»

В любом случае, в погоню за моей парочкой должен был пуститься или сам чародей (в том случае, если выжил), или его заказчик, которому доложили о похищении. Тут же возник вопрос: кто и каким образом доложил? Если парочка пошла на убийство чародея, неужели оставила в живых простых людей? Конечно, их можно околдовать, но это само по себе — яркий след. Следовательно, возможных свидетелей необходимо пустить в расход.

Кто-то отлучился хотя бы в кусты и уцелел? Неужели эти двое настолько глупы, чтобы не пересчитать охотников? Не верится...

Заказчик обитает где-то поблизости от места охоты и, не дождавшись груза в назначенное время, выслал своих людей навстречу? Уже больше похоже на правду. Но, опять-таки, если Тродда с Сарго убрали всех охотников, то должны были и от тел избавиться. Нет тела, как говорится, нет дела. Чародеям уничтожить труп — считай, пальцами щелкнуть достаточно, а эти двое явно не перетрудились.

Мог заказчик, не обнаружив следов ни груза, ни отряда, ни чародея, подумать, что последний решил его надуть и смыться с добычей? Запросто. Не представляю, какие там могли быть договоренности, но поменять их в одностороннем порядке — очень в духе чародеев. В особенности, если кто-то заплатил намного больше за этого злосчастного дракона (должно быть, тот, к кому мы направляемся).

Нанять провожатого — хороший ход. Я не солгал — отыскать кого-то на скрытых дорогах практически невозможно, даже если знать наверняка, на которую именно он свернул. А вот подождать в месте, где он должен выйти, — уже проще. Для этого, правда, потребуется другой провожатый, способный срезать путь и обогнать первого. Ну или транспортный дракон, чтобы с большим опережением доставить жаждущего возмездия к точке встречи.

Но провожатых, кроме меня, в округе нет, сказал Веговер. Вот только

какую именно округу он имел в виду — Талладу или те края, откуда улепетывали супруги Викке с драконом? Если второе, то странно: за пару недель пути хоть один провожатый, да отыщется. Разве только все заняты, поищи их... Бывают и не такие совпадения.

Однако Веговер говорил еще, что прежде дракона сопровождали другие люди, сдали груз ему и отправились восвояси. А был ли тот отряд? Или старик пел со слов чародеев? Он, конечно, тоже обвешан амулетами от порчи и сглаза, но, сдается мне, Тродда вполне способна слегка запорошить ему глаза и разум. Многого-то и не требовалось — просто убедить, что отряд был. А что Веговер его не видел — так это они очень торопились обратно. Или выгодный заказ подвернулся, мало ли, поспешили ухватиться.

Вот так сходилась. По реке можно было добраться и вдвоем, речные пираты давно не попадают, да и вряд ли они могут помешать чародеям. По суше — дело другое, тут нужна охрана. И перевалку груза обеспечивал еще один подельник: не думаю, что чародеи договаривались с Веговером напрямую. Их уже должен был ждать на пристани воз, которым и доставили дракона в ангар. Этот же подельник подмазал стражу...

О том, что заказчик на самом деле один, просто Тродда с Сарго подрядились выполнить задание за меньшие деньги, я не думал. Конечно, им всего-то и нужно было ловко увести груз из-под носа у коллеги, но... Заказчик-то не самоубийца, чтобы обманывать чародея. Конечно, если тот убит, то все в ажуре, но за убийство парочка взяла бы сумму, сопоставимую с платой за охоту на дракона. Нет, зачем городить такое?

Как бы там ни было, погоня идет за нами следом. Не по пятам, к счастью, и если мы в ближайшее время свернем, не важно, куда, они нас не нагонят. А я буду счастлив проводить обоз до места назначения и расстаться с ними раз и навсегда. Я даже не стану интересоваться, кому и для чего потребовался дикий дракон: пусть хоть верхом на нем катается, хоть породу боевых улучшает (хотя эта фитюлька улучшит, пожалуй!), хоть прикажет разделать и зажарить к ужину, а потроха продаст чародеям — пускай каких-нибудь эликсиров наварят...

Нет. Ввязываться в подобное опасно для здоровья, и совать нос не в свое дело я не желаю. Разборки чародеев (а у преследователя наверняка найдется еще один, если не парочка) — не для меня.

— Вот так надумал, — еле слышно сказал я Гуш, и лошадь закивала, будто понимала мою тревогу. — Люблю догадки, но иногда...

— Что вы любите? — спросила Тродда, ухитрившаяся подкрасться незамеченной.

Нет, я вовсе не стал тут на ухо, да и Гуш должна была заметить

женщину, однако оба мы ее прохлопали. Значит, чародейка не чурается использовать свои умения направо-налево, хотя лучше бы поберегла силы... Или не опасается ничего, или далеко не так проста, как хочет казаться.

— Загадки, — ответил я, обернувшись. — Только никто не желает со мною в них играть.

— Неужели? Может, я попробую?

— Пожалуйста. Что это такое: трехногий всадник на трехногом коне свистит в три дырки?

— М-м-м... — Она нахмурила высокий лоб. — Может, старик с клюшкой на табуретке... играет на какой-то свистульке?

— Нет.

— Тогда сдаюсь, — улыбнулась Тродда, даже не попытавшись придумать что-то еще. А я ведь готов был дать ей три попытки, как принято.

— И вот так всегда, — развел я руками.

— Но что это, Санди? Я же теперь не усну, пока не узнаю!

— Это моя коронная загадка, и ее еще никто не разгадал, — немного приврал я. — Зачем же открывать ответ первой встречной?

Она снова нахмурилась, на этот раз с явным неудовольствием, но смолчала. «Ведь не отстанет, попробует выпытать», — подумал я и усмехнулся про себя: загадка-то была дурацкая. К тому же я жульничал: мало кто знает, что кое в каких краях принято вешать чайник или котелок над огнем на треноге. У чайника обычно три ножки, а в крышке — три дырки. Вот и вся разгадка. Причем вариант Тродды тоже вполне имел право на жизнь. Нужно запомнить на случай, если кто-нибудь додумается насчет чайника: тут-то я и скажу, что вовсе не его имел в виду...

— Санди, а откуда вы родом? — спросила вдруг она. — Мы с мужем поспорили, но, сдается мне, оба не правы.

— И какие есть варианты? — спросил я.

— Судя по загару — вы откуда-то с юга. Сарго думает, что с побережья, но я не согласна — у моряков и тех, кто живет у моря, загар совсем иной. А южане выглядят иначе.

Я ждал продолжения.

— Тем более, у вас очень светлые волосы, а у блондинов обычно другой оттенок кожи, — сказала Тродда. — Сарго, правда, твердит, что это может быть седина, но я будто не вижу?

— Чего именно?

— Что шевелюра у вас пусть и почти белая, но с золотистым отливом.

Никак не седая, — улыбнулась она. — А брови темные, хотя тоже золотятся. Необычно.

— Кое-где говорят, будто такое сочетание — признак породы, — сказал я. Мне вовсе не льстило ее внимание к моей внешности. — Правда, не уточняют, какой именно.

— Намекаете, что вы полукровка? Может быть, даже бастард какого-нибудь знатного человека?

— Я ни на что не намекаю, это вы строите предположения. Вы бы еще попросили меня показать зубы и погадали о моем происхождении по форме резцов. Или строению черепа? Что там сейчас модно анализировать?

— Что за предположение...

— Да так. Слышал, какой-то ученый откапывает кости древних животных и пытается воссоздать их облик, — пояснил я. — Вы не из его последователей, случайно? Если да, подождите с изучением до тех пор, пока меня не закопают.

— Пожалуй, я так и поступлю, — процедила Тродда, развернулась и пошла прочь.

Я мог бы сказать ей, что меня палило не только здешнее солнце, а мог намекнуть, что это не только загар, но решил не смущать ее мятущийся разум. С нее ведь станется меня раздеть, чтобы проверить.

Глава 4

Наутро вновь состоялось кормление дракона. Я не пошел смотреть, мне вполне хватило и одного раза, но по встревоженным приглушенным голосам чародеев стало ясно — что-то там неладно.

Сарго, закончив с уборкой, подошел ко мне, и лицо его было мрачным и обеспокоенным.

— Нам нужно бы ускориться, Санди, — сказал он.

— С удовольствием, — ответил я. — Должен отметить, что если бы вчера вы не совещались так долго, то мы были бы уже на полпути к цели.

— Понимаю, Санди, это наша вина, — в очередной раз удивил меня Сарго, — но нужно было взвесить все «за» и «против», вы же понимаете...

— До сих пор вы не слишком торопились. Что-то случилось?

— Да... — Он взглянул в сторону, на возчиков, которые возились с упряжью. — С драконом неладно.

— Я говорил Веговеру, что тварь выглядит полудохлой. Видимо, ошибся, и она уже на последнем издыхании?

— Боюсь, так. — Сарго снял и протер очки, водрузил их на нос и посмотрел на меня, часто моргая. — Сам не понимаю, в чем дело. Вроде бы рассчитали все от и до. У этих зверей большой запас прочности, те же транспортники могут не есть намного дольше!

— Транспортников холят и лелеют, у них запас сил в разы больше, чем у дикаря, который сегодня зайца поймал, а завтра вообще ничего, и так всю жизнь, — заметил я. — А вы его посадили на голодный паек. Плюс эти кандалы... Могу представить, какие приятные ощущения доставляют дракону штыри в перепонках. Особенно когда воз подпрыгивает на ухабе.

— Да, да, вы правы... — Он снова принялся протирать очки.

Чародей ведь, что ему мешает защитить стекла от пыли и жирных пальцев? Или того лучше — исправить себе зрение? Сам не умеет — супругу бы попросил.

— Мне, в сущности, все равно, — сказал я. — В контракте четко обозначена зона моей ответственности. Жизнь дракона в нее не входит, это ваша забота. А везти живую тварь или ее тушу...

— Я понимаю, что вам это без разницы! — вспылil все-таки Сарго. Усы его гневно встопорщились. — Но я подумал... Вы же опытный человек, Санди, может, подскажете хоть что-то?

— Я опытный, но в другой области. С драконами, кроме как в качестве

пассажира, дела никогда не имел. А если вам нужен совет по выхаживанию доходящей скотины, спросите лучше у возчиков, они в этом лучше разбираются, ручаюсь.

— Благодарю, — ядовито ответил он. — Я и сам знаю, что они предложат: поместить зверя в тихое теплое место, кормить часто, но маленькими порциями... и так далее.

— Вот видите, вы и сами все знаете, — кивнул я и добавил: — В свете новых обстоятельств могу сказать: хорошо, что вы выбрали снежную дорогу.

— В самом деле? — насторожился Сарго.

— Конечно. Там настолько холодно, что дракон не успеет протухнуть.

— Мы все-таки чародеи, не забывайте, — встряла Тродда. — Стухнуть мы ему не дадим, однако хотелось бы предъявить заказчику то, за что он платил, живым!

Я молча отошел в сторону, оставив их переругиваться.

Это работало на мою версию: если до первого заказчика путь был не такой дальний, то дракон перенес бы его сравнительно легко и не пострадал от скудной кормежки. Но на такой переход сил у дракона не хватило...

«Глупая и нелепая смерть, — невольно подумал я. — Лучше бы ему было погибнуть во время охоты, чем сдохнуть вот этак».

— Хуже всего то, что он отказывается пить, — донесся до меня шепот Тродды, — ты же знаешь, чем это может грозить!

Я не знал, поэтому наострил уши. Еще когда у меня намечалась работенка со списанным драконом, я только уяснил, что пьют драконы много, не меньше, чем едят, а то и больше. Потому и предпочитают селиться возле горных рек и озер, на побережье (соленая вода их тоже вполне устраивает, к счастью, иначе дальние перелеты над морем были бы невозможны — такой запас воды с собой не возьмешь). Вот в пустынях и степях их если и видели, то крайне редко: наверно, они прилетали поохотиться откуда-то из менее засушливых мест.

Если животное перестает пить, то оно или слишком ослабло, чтобы глотать (но это был не наш вариант, чародеи успешно заливали в дракона воду силком, я тому свидетель), или больно бешенством (такое предположение мне совсем не нравилось), или... сознательно решило уморить себя жаждой. Я бы не удивился: драконы все-таки достаточно сообразительные твари, намного умнее собак и даже водяных лошадей (про которых говорят, будто разум у них сродни человеческому). Прирученные — те вполне успешно общаются с командирами и обслугой, хорошо

понимают человеческую речь, выполняют сотни команд и, говорят, способны принимать сложные самостоятельные решения в критических ситуациях.

Дикий вряд ли нас понимал, но его разумения вполне могло хватить на то, чтобы сообразить: если плохо уже сейчас, то там, куда его тащат, будет еще хуже. Да и откуда мне знать, вдруг он не первый такой? Может, долгими зимними вечерами бабушки-драконы рассказывают внучкам о коварных двуногих, похищающих молодежь, которая никогда уже не возвращается? А если кто-то и вырвался чудом из плена, то уж точно поведал достаточно ужасов...

Впрочем, делиться своей версией с чародеями я не стал. Скорее всего, они и сами способны додуматься до этого, а нет — я за них думать не нанимался.

А вот к драконьему возу подошел и тут же понял, что они имели в виду под «перестал пить». Влить-то воду дракону чародеи могли, а вот заставить удерживать ее внутри — нет. Одним словом, судя по луже под возом и неприятным звукам, доносящимся из-под тента, дракон успешно извергал проглоченную жидкость — в этом ему намордник не мешал. Хотя, на мой взгляд, так зверь и захлебнуться мог, особенно если кусок мяса встал бы ему поперек глотки. Не в другой ведь желудок он пищу складывал...

— Видите? — зачем-то спросил Сарго, подойдя со спины. У обоих чародеев была такая неприятная манера, вот только мужчину я слышал, а потому не обеспокоился.

— Он точно не бешеный? — спросил я. — От этого водобоязнь появляется.

— Нет, какое там... — Сарго утомленно потер лоб. — А хотя пес разберет эту тварь! Уже не знаю!

— Вы-то прежде с драконами работали?

— Если бы работал, не спрашивал совета ни у вас, ни у возчиков. Тоже... пассажиром катался. А однажды угодил под обстрел, — добавил он и невольно втянул голову в плечи. — Я имею в виду, не человеческого оружия, а драконьего огнемёта. Ощущения...

— Могу представить.

— Не можете, если сами не побывали в таком пекле, — сказал он. — Там... живых не осталось. Так... головешки. Или просто пепел. Даже не воняло ничем, вообразите себе, как будто пламя выжгло все запахи. И даже воздух: не будь я чародеем, я бы задохнулся там, я же в самый центр атаки угодил...

— Наверно, угадаю, если скажу, что целили по вам?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Сарго. — Я просто уезжал из города. Рядом с ним шли бои, и я сопровождал библиотеку — ее решили вывезти на всякий случай. А там ящики такие... характерного вида. За неимением других взяли часть тары из-под снарядов и патронов. А что? Вместительные, прочные, разве что оружейная смазка пачкается, но это я легко устранил.

— Ах вот в чем дело... Сверху вас приняли за обоз с боеприпасами?

— Ну да.

— Библиотека-то уцелела? — спросил я.

— Почти вся. Не зря же меня наняли. Я, Санди, как и вы, свое дело знаю, — усмехнулся он, но тут же вновь помрачнел. — А вот что с драконом возможны такие проблемы, я не ожидал.

— Неужели наниматель вас не предупредил?

Он покачал головой.

— Боюсь, он и сам не знал, что такое возможно.

— Интересно, как же он предполагал справляться с этой зверушкой, если не предвидел подобного развития событий и не снабдил вас инструкциями на такой случай?

— Не знаю. И, Санди, я не обсуждаю заказчиков и их дела. Как и вы, полагаю.

— Считайте, это был риторический вопрос, — развел я руками, укорив себя за то, что и впрямь хватил через край. — Но так или иначе, дракон издыхает.

— Пока нет, они живучие. Еще сутки-другие без воды он, по идее, может продержаться, а может, и больше. Но вот потом...

— Сдохнет.

— Скорее всего. Но мы — раньше, — изрек Сарго и снова принялся протирать очки.

— Не понял... — нахмурился я.

— Я же вам сказал про драконий огнемёт. Боевых драконов парутройку дней перед вылетом не поят вволю. Сообразите сами, почему?

— Да они что, этот свой огонь заливают, так выходит? — не поверил я.

— Как это в точности функционирует, не могу сказать, не специалист. Но на обывательском уровне — все именно так. Вспомните транспортников — их же всегда держат возле больших водоемов.

— Угу, я видел однажды, как один такой после приземления этот свой пруд чуть не до дна высосал, — кивнул я. — И над морем они... хм... дозаправляются. Логично. Если транспортник огнем пыхнет — целый

город пустит пеплом!

— Нет. У транспортников пламя не такое мощное, как у боевых. Нарочно же выводили, чтобы поменьше хлопот с этим было, — пояснил Сарго. Для человека, не разбирающегося, по его же словам, в драконах, он знал о них порядочно. Больше меня, во всяком случае.

— Зато они в разы крупнее.

— Да, поэтому необходимо подстраховываться. А с этим, как видите, ничего не выходит. Заставить его не блевать я не могу. Совсем пасть зажать пробовали, если вы хотели это предложить. Он тогда через ноздри воду выпускает, и так точно может задохнуться.

— Вы что, хотите сказать, он делает это нарочно, а не из-за какой-то хвори? — спросил я. Похоже, предположение мое оказалось верным.

— От этой твари можно ожидать любой подлости! — с неожиданной злостью произнес он и пнул колесо. Ушиб ногу, конечно же, и выругался.

— Но для чего? Уморить себя решил?

— Похоже на то. И нас заодно.

— А нас-то каким образом? Вы же уверяли, что оковы надежны, и...

— Надежны, — перебил Сарго. — Но на драконье пламя они не рассчитаны, понимаете, Санди? Если он так и не станет пить, то...

— Вы ведь уцелели при драконьей атаке и даже библиотеку спасли, — напомнил я. — Почти всю. Неужели не сможете накрыть воз... не знаю, как это у вас называется, но, думаю, идею вы поняли?

— Могу, — согласился он. — Только в тот раз вся атака заняла буквально несколько минут. И потом еще какое-то время я ждал, пока остынет все кругом — там земля спеклась в стекло и текла ручьями! — и вернется воздух. А поддерживать такой щит час за часом слишком тяжело.

— Так меняйтесь с супругой.

— У нее не хватит сил на подобное.

«Ну Веговер, ну удружил с работенкой, сукин сын!» — подумал я, вслух же сказал:

— Тогда позвольте, я подытожу. В любой момент этот ваш дракон может превратиться в неуправляемый клубок пламени. Сгорит он при этом сам или останется валяться на пепелище, не так важно, нас это волновать уже не будет. Защититься от его огня вы не в состоянии. Предугадать, когда именно произойдет... ну, пускай будет взрыв — тоже. Пока все верно?

Сарго кивнул, продемонстрировав безукоризненный пробор.

— При этом, — продолжал я, — наниматель не предупредил меня о возможном риске такого рода. Вероятно, решил сэкономить.

— Санди, постойте...

— Сарго, вы понимаете, что это — основание для немедленного расторжения контракта в одностороннем порядке? — тихо спросил я. — Если не верите, можете перечитать, там черным по белому указано, что наниматель обязан поставить провожатого в полную известность обо всех возможных опасностях, связанных с человеком или грузом. Не важно, кредиторы это, гоняющиеся за должником, или нечто подобное нашему случаю. Вы меня не уведомили.

— Но я сам не предполагал!..

— Незнание не освобождает от ответственности. Вы и ваша супруга поставили подписи под контрактом, и это означает, что вы снабдили меня всей необходимой информацией. Но это не так. Вы нарушили одно из основных условий договора, поэтому...

— Санди, это же форс-мажор!

— Вовсе нет, — ответил я и скрестил руки на груди. — Вы в курсе особенностей так называемого драконьего огнемета. Вы должны были если не ожидать, то предполагать возможность подобного развития событий и принять соответствующие меры по обеспечению безопасности.

Когда нужно, я перехожу на казенный язык, обычно это отрезвляет людей.

— Этот обман мог бы сойти вам с рук...

— Мы увеличим ваш гонорар, — быстро выговорил он, поняв, куда ветер дует.

— Мог бы, — повторил я с нажимом, — если бы вы оказались в состоянии защитить себя и окружающих от дракона. Но вы на это, по вашим же словам, не способны или способны, но, поскольку не можете предугадать, в какой именно момент дракон полыхнет, то проку от ваших умений — ноль. Все, Сарго, на этом мы можем распрощаться. Неустойку с вас взыщет Веговер... для него у меня тоже найдется пара ласковых.

Он хотел что-то сказать, но встряла Тродда, тоже подошедшая к возу и слушавшая нашу светскую беседу. На этот раз я ее заметил, но виду не подал.

— Не ожидала, что провожатые так пекутся о собственной шкуре! — зло выпалила она.

— За меня этого никто не сделает, — любезно ответил я. — Приходится заботиться о себе самому. И если вы полагаете, что это легко — с такими-то клиентами, — то спешу вас разуверить: трудно и даже очень.

— Трус!

Я только улыбнулся: неужели она всерьез хотела пронять меня

оскорблением?

— Что ты стоишь столбом? — набросилась она на мужа. — Он же... он не умеет колдовать, а все его защитные амулеты, вместе взятые, не выдержат, если постараться как следует! Ничего не стоит заставить его...

— После этого с вами ни один провожатый не станет иметь дела, — заметил я.

— Если узнает! — сощурилась она. — Сарго прав: у меня не достанет сил сдерживать драконье пламя, но я искусна кое в чем другом... Вы просто забудете последние несколько дней своей жизни, Санди. Очнетесь в придорожном кабаке и долго будете думать, кто же рискнул огреть вас по голове? Наверно, кто-нибудь пронюхал, сколько вам доплатили за эту работу нагнал вас на обычной дороге, или подсел к вашему костру, или попросил вас о помощи... А дальше — ничего сложного. Знаю, знаю, никто не убьет провожатого, но вы не умрете, обещаю! И неустойку вам Веговер выплатит, нас это уже интересовало не будет!

Тродда с трудом перевела дыхание — грудь ее бурно вздымалась, синие глаза метали молнии, — а я жестом предложил ей продолжать.

— Лучше соглашайтесь по-хорошему Санди, — сказала она. Теперь я видел настоящее ее лицо. Оно мне не понравилось, как я и предполагал. — Не хочется вас калечить, а если вы станете сопротивляться, не исключено, что придется и вам переломать ноги и посадить на цепь рядом с драконом. Не то так ослабишь внимание на секунду — а вас и след простыл...

Сарго все протирал и протирал очки, казалось, еще немного — и в стеклах появятся дырки. Но молчал. Похоже, не всегда он командовал супругой, в определенные моменты она брала вожжи семейной телеги в свои руки.

— Больно не будет, — пообещала Тродда и мило улыбнулась. — Вовсе не нужно, чтобы вы голосили на всю округу, еще услышит кто... Но вот уйти вы не сможете.

— Вижу, у вас богатая практика, — заметил я ей в тон. Сейчас бы закурить и пустить струйку дыма ей в лицо, но увы — во время перехода я не курю, нельзя. Чутье собью. — Видимо, дракон тоже одурманен ровно настолько, чтобы не метаться в оковах и не реветь сквозь намордник? Если так, что мешает добавить еще пару печатей? Заставить его покорно пить и принимать пищу?

Чародеи переглянулись, а я не удержался:

— Сдается мне, это вам как раз не по силам. Сознайтесь — зачаровывал цепи кто-то другой, более искусный и знакомый с драконьим нравом?

— Даже если так, какое это сейчас имеет значение? — отрывисто спросил Сарго и нацепил-таки очки. Чище они от протирания не стали, потому что он захватал стекла пальцами, которыми только что приглаживал волосы, а они у него блестели от помады. — Думаю, вам лучше прислушаться к Тродде, Санди. У нее в самом деле богатый опыт... Мы, знаете, познакомились во время войны.

— Она была маркитанткой или подвизалась в трофейной команде? — любезно осведомился я.

— Не пытайтесь оскорбить меня, Санди, — фыркнула она. — Вы бы еще солдатский публичный дом вспомнили... Представьте, я служила в госпитале, и не обычной санитаркой, как несложно понять даже такому, как вы. Медицина — моя основная специальность.

— Как же вас занесло в эту глушь с таким сомнительным делом? Потянуло в дорогу, ветер странствий повеял в лицо, блеск золота ослепил? — предположил я. — Или вас попросили вон из профессии? Скажем, за сомнительного толка эксперименты над людьми? Слыхал, чародеи — очень увлеченные личности, а когда перед тобой такой простор для экспериментов — военный госпиталь, а может, еще и пленные, — удержаться наверняка невыносимо тяжело!

Я внимательно следил за тем, как медленно меняется выражение ее взгляда, но не останавливался:

— Вы и не удержались, только о ваших опытах каким-то образом стало известно, я прав? Вряд ли вы работали в одиночку, но даже если так, не думаю, что дело предали огласке. Кто-то более маститый, возможно, удержался на месте, а вот вас вышибли армейским сапогом под зад и навсегда запретили заниматься лечением... во всяком случае, официально. Пришлось уйти на вольные хлеба, так?

Воцарилась тишина, нарушаемая только журчанием воды — дракон еще не иссяк — да болтовней возчиков. Не сомневаюсь, они нас слышать не могли — чародеи всегда отгораживались от них, если собирались обсудить что-то важное.

— Санди, вы даже слишком проницательны, — сказал наконец Сарго. — Вы почти...

— Замолчи! — топнула ногой Тродда и повернулась ко мне. — Да уж, за такую догадливость стоило бы и впрямь проломить вам голову, вот только другого провожатого днем с огнем не сыскать! И только поэтому, Санди, у вас до сих пор целы все пальцы на ваших драгоценных руках! Что вы так дернулись? Может, кто-то уже проделывал с вами подобное? Не удивлюсь... У людей бедная фантазия — я предпочла бы вырвать ваш

слишком длинный язык!

— Тродда, угомонись, — попросил ее муж, но какое там...

— Пускай продолжает, — сказал я, пока Тродда фантазировала о том, что могла бы со мной сотворить. Кое-что я запомнил — вдруг пригодится? — Я люблю слушать гипотезы о моих увечьях.

И о происхождении тоже: признаюсь, в исполнении Тродды это было захватывающе. Сразу видно бывшего военного врача — в мирное время таким пассажирам не научишься.

Однако чародейка начала иссякать, а мне вовсе не хотелось, чтобы она перешла от слов к делу и действительно что-нибудь мне сломала, отсекала или вырвала с мясом.

К сожалению, путей для отступления у меня не было. Прямо сейчас не было, я имею в виду: поблизости не оказалось ни единого поворота, а даже если бы они обнаружили, я не успел бы до них добраться — заклинание быстрее и моей Гуш, и тем более меня самого.

Значит, уходить придется во время перехода, бросив обоз. Я действительно никогда прежде так не поступал, но, как философски говорит Веговер, всегда бывает первый раз. Вот он и наступил...

— Вы закончили? — поинтересовался я, когда Тродда взяла очередную паузу, чтобы отдышаться. — Не поймите меня неправильно, но вы начали повторяться, да и утомились изрядно.

— Санди, — сказал Сарго, и мне почудилось, будто голос его сделался немного виноватым. — Прошу вас, не нужно доводить до... ну, до всего перечисленного. Вы не чародей, а Тродда, да и я умеем добиваться желаемого. Есть, конечно, несгибаемые люди, но, по-моему, вы не из таких. То есть, конечно, я не имел в виду, что вы способны предать или что-то в этом роде, репутация у вас безупречная, но... Ваше здоровье вам наверняка дороже, чем...

— Чем что? Жизнь?

— Я имел в виду нарушение контракта, — пояснил он. — Вы же сказали, что могли бы закрыть на это глаза за хорошее вознаграждение, верно? Ну вот... Как минимум двое суток у нас есть, а мы постараемся поить дракона как можно чаще, чтобы выиграть время. В ваших же интересах поскорее вывести нас на подходящую дорогу. Чем скорее мы доставим зверя хозяину, тем лучше для всех нас.

— А он сумеет с ним справиться?

— Это нас уже волновать не будет, — честно ответил Сарго. — Обещаю, Санди, я лично позабочусь о том, чтобы ваше кратковременное выпадение памяти не несло никаких последствий для здоровья. Не бойтесь,

Тродде не доверю: вынуть мозги через нос она вполне способна, да и тонкое воздействие дается ей неплохо, но...

— Да уж, пожалуйста, займитесь этим сами, — вздохнул я и увидел победную улыбку на лице Тродды.

Должно быть, она думала, будто сумела меня запугать. Не скрою, я всерьез опасался за свое благополучие — не боятся только дураки. Что толку спорить с теми, кто заведомо сильнее тебя и не соблюдает правил? Заполучишь какое-нибудь увечье, а закончится все тем же самым. Сарго прав: вряд ли я долго выдержу под пытками. Хотя бы потому, что после них они меня точно закопают где-нибудь в лесу: одно дело ушившийся до потери памяти провожатый, бывало и не такое, и совсем другое — характерным образом искалеченный. Если уж он сам не заинтересуется, откуда у него взялись такие увечья (Сарго, думаю, может вовсе лишить человека памяти), окружающие могут полубопытствовать. А там... Может, вспомнят подвиги Тродды и ее коллег во время войны, может, еще что-то всплывет. Сколько веревочке ни виться — кончику быть. И не таких ловили.

— То есть вы согласны? — с явным облегчением уточнил Сарго.

— Вы не оставляете мне выбора. Шкура мне дорога, это вы точно подметили. Только тогда уж давайте не мешкать, — добавил я, — чем скорее тронемся в путь, тем скорее доберемся до поворота. Если скорость вам важнее... хм... белого безмолвия, я поискал бы дорогу покороче. Или даже две. Вы же недаром выспрашивали, как это работает.

— Только не думайте, что можете нас обмануть, — сказала Тродда. Она успокоилась, гневный румянец почти пропал с ее щек, но глаза горели торжеством. — Кто вас разберет — заведете невесть куда, скажете, что никаких поворотов рядом нет, а там... Мы сами рады будем броситься врассыпную, лишь бы не сгореть!

— Тут уж вам остается только положиться на мое слово, равно как и мне на ваше, — ответил я. — Не думайте, будто мне хочется скитаться невесть где. Больше всего я мечтаю избавиться от этого задания... и от вас, господа чародеи, с вашим проклятым драконом вместе!

— Наконец-то я вижу живого человека, а не маску... — улыбнулась она и потянулась ко мне, будто хотела взять за подбородок, но я сделал шаг назад, и рука Тродды повисла в воздухе. — К тому же напуганного человека...

— Испугаешься тут, — буркнул я. Мой счет к Веговиру прирастал на глазах. — Но попрошу без фамильярностей, с мужем заигрывайте, со мной не нужно.

— Право, оставь свои штучки, — глянул на жену Сарго. — Сейчас и отправимся, Санди. И будем ехать до темноты, а может, и ночью, если волы выдержат. Можно внушить им, чтобы шли без усталости, это просто, не драконы же. Но...

— Но лучше не надо. А то, если они лягут от истощения где-нибудь на снежной пустоши, нехорошо выйдет. Лучше давать им отдохнуть ночью, а днем — дорогу гладко выстилать, как вы умеете. Теперь-то можно потратить на это немного сил, я надеюсь?

— Да, пожалуй, — согласился он, переглянувшись с Троддой. — Отправляемся.

«Что ж, — подумал я, — дело за малым: добраться до поворота. Главное, чтобы чародеи не взяли меня на короткую сворку, иначе я не сумею от них оторваться...»

Накаркал.

— Репутация у вас, конечно, безупречная, Санди, — ласково пропела Тродда, — но я все-таки предпочитаю обезопасить наше предприятие. Вам придется расстаться со всеми вашими амулетами, оберегами и прочим. У вас их при себе много, и я с ходу не могу определить назначение каждого. Разбираться некогда, поэтому...

— Пожалуйста, — любезно согласился я и терпел, пока она выискивала у меня в карманах эти безделушки. — Может быть, мне раздеться, чтобы вам удобнее было проверять, не прячу ли я что-нибудь в заднице?

— Не стоит, право, оттуда никаким колдовством не тянет, — в тон ответила она. — А вот перчатки бы я с вас сняла...

— Перестань, Тродда! — вмешался Сарго, явно оценив мой взгляд. Подозреваю, им можно было плавить металл не хуже драконьего пламени. — Это уже слишком. Перчатки как перчатки, не зачарованы, внутри тоже ничего не спрятано. Оставь! И так времени сколько потеряли...

— Будь по-твоему, — поджала она губы и сняла с себя тонкую цепочку. — Но я еще не закончила с мерами предосторожности. Нашему прожатому придется потерпеть легкие неудобства.

С этими словами Тродда накинула цепочку мне на шею и легонько потянула. Мне показалось, будто на горле у меня затянулась удавка, правда, сразу же расслабилась.

— Вот так, — удовлетворенно сказала чародейка и концом той же цепочки, непостижимо удлинившейся, спутала мне щиколотки. — Теперь, Санди, вы не сможете далеко уйти и на лошадь тоже не вскарабкаетесь.

Разве что она ляжет, а вы сядете боком, по-дамски.

— Благодарю за идею.

— Учтите, чем сильнее вы удалитесь от нас с Сарго, тем сильнее станет затягиваться цепочка, — предостерегла она. — Она не из простого металла, порвать или перепилить ее не выйдет, не пытайтесь. И, право, не стоит проверять, что случится с вашей шеей, если вы решите скрыться от нас... за поворотом.

— Санди, мы вынуждены пойти на это, — примирительно сказал Сарго. — Да, мы чародеи, но без вас дорогу не найти, а вы явно настроены решительно... Придется потерпеть.

— За доставленные мне неудобства с вас еще треть гонорара, — сообщил я и покосился на Тродду, откинувшую полог тента на драконьем возу. — Хм?

— Поедете здесь, — пояснила она, улыбаясь. — Со всем возможным комфортом. Пол мы сейчас высушим, а вонять от этой скотины не воняет. Во всяком случае, запаха не больше, чем от лошадей с волами.

— Да, в фургоне сухо, тепло, — кивнул Сарго, — добавок никто вас не услышит, об этом мы позаботились.

— А как я предупрежу вас, когда замечу поворот?

— Не услышит никто, кроме нас, — поправила супруга Тродда.

— Возчики с охранниками могут заметить мое отсутствие.

— Не заметят.

— Они тоже... — Я покрутил пальцами в воздухе. — Слегка одурманены? Не опасаетесь, что в момент опасности не успеете привести их в чувство? Или приведете, но они так оторопеют, что ничего не успеют поделать?

— Они вовсе не одурманены, — пояснил Сарго. — Просто не видят и не слышат лишнего. Это легко устроить. С посторонними зеваками сложнее, а с теми, кто всегда под боком, — никаких проблем.

— Удобно, — согласился я. — А как я, по-вашему, должен карабкаться на воз со связанными ногами? Вы меня подсадите?

Вместо ответа неведомая сила перебросила меня через задний борт, так что я упал на локти, пребольно стукнувшись при этом. Хуже того — оказался нос к носу с драконом и поспешил отползти.

— Прекрасно, — констатировал я, усевшись поудобнее. — А не могли бы вы бросить мне мою флягу? Клянусь, в ней нет напильника! И зелья, способного унести меня в неведомые дали, тоже нет, хотите — попробуйте сами.

Кто-то из них — видимо, Тродда — прицельно обдал меня струей

ледяной воды.

— До вечера от жажды не сдохнешь, — любезно сказала она и завязала тент.

Делать нечего, я облизал руки и задумчиво обсосал насквозь промокшие рукава рубашки — в глотке-то пересохло. Потом перевел взгляд на дракона и сказал:

— Однако и влип же я...

Клянусь, дракон покосился на меня с сочувствием.

Глава 5

Воз скрипнул и покатился вперед с нешуточной скоростью: видимо, чародеи действительно выгладили дорогу, а волов погоняли всерьез.

Внутри было жарковато, и я решил было, что выглянуло солнце, но нет, наоборот — по брезенту то и дело принимался барабанить дождь. Жар исходил от дракона, сообразил я. Похоже, дело и впрямь неладно: когда я видел эту тварь у Веговера, ничего подобного не наблюдалось, а теперь... Теперь так и мерещилось: под грязно-бурой чешуей разгорается пламя. Пока оно еще не слишком яркое, это всего лишь тлеют угли в горне, но их жара уже достаточно для того, чтобы разогреть драконье тело до такой степени, что притронуться к нему — все равно что к натопленной печи. Что же будет, когда горн раскалится докрасна и огонь вырвется наружу?

«Если это случится рядом со мной, я даже понять ничего не успею», — успокоил я себя и занялся более насущными вещами.

Тродда не солгала — цепочка оказалась очень прочной. Порвать ее у меня не вышло, перетереть о звено драконьих оков за неимением чего-то еще — тоже. Несомненно, чародейка знала, как я развлекаюсь, и насмеялась над тщетностью моих попыток. Конечно, пока я этого не слышал, она могла хоть ухохотаться... Тем не менее желание удавить ее этой самой цепочкой становилось все сильнее и сильнее.

Пить хотелось все ощутимее, но она опять-таки была права: до вечера не умру. Хуже будет, если от жары и духоты у меня разболится голова — тогда я точно не смогу ничего придумать... Но пока обошлось: дурная тяжесть как пропала с ночи, так и не возвращалась. И хорошо, что я не попросил кроме фляги кисет. При чародеях я ни разу не курил, и это вызвало бы недоумение. Они не преминули бы проверить, обнаружили в кисете вовсе не накорри... Несомненно, Тродда легко догадалась бы, что это за снадобья, а я тем самым дал бы ей в руки отличный козырь. Легкую боль я стерпеть могу, но иногда... иногда случается такой приступ, что за пилюлю я на что угодно готов. Хоть на этом вот драконе жениться, хоть на Тродде — уже без разницы. Оставалось уповать на то, что в ближайшие сутки со мной ничего не случится...

Я устроился на полу и отогнул край брезента, чтобы впустить свежий воздух. Моя Гуш шла привязанной к следующему возу, я мог видеть ее на поворотах. Я даже насвистел брагурный мотив — призыв скакать со всех ног. Гуш вполне могла оборвать привязь и скрыться... если бы услышала

меня. Но зачаровано было на совесть: возчик позади в упор смотрел на мою высунувшуюся из-под брезента руку и не видел ее, до Гуш не долетали звуки, а ведь слух у нее не хуже моего.

Хорошо еще, я успел ее оседлать, а расседлывать никто не стал. Все мои пожитки вроде бы на месте. С Тродды станется порыться в вещах, но вдруг обошлось? Или, по крайней мере, она ничего не выбросила в придорожную канаву и не присвоила. Деньги — пес с ними, но имелось там кое-что поважнее денег...

«Чародеи-то меня слышат», — вспомнил я и принялся напевать. Негромко, чтобы окончательно не пересохло в глотке, но отчетливо. Сплошь непристойные песенки, каковых я знал превеликое множество. Слух у меня отличный, музыкальный в том числе — чужую фальшь я слышу преотменно. Но вот сам попасть в ноты, увы, не в состоянии, а потому меня обычно предпочитают угощать за счет заведения, лишь бы я не подпевал веселой компании: перекричать-то я многих могу, но... Лучше не нужно.

Вряд ли Тродда краснела от этих песенок (наверняка слышала их побольше моего), но, надеюсь, к вечеру начала закипать. Правда, никто не просил меня заткнуться, и я понадеялся: вдруг она приглушила звук?

Еще я уповал на то, что дракон от моих певческих упражнений не взбесится. Он, правда, как взглянул на меня один раз, так с тех пор и лежал, прижмурившись, и ни на что не реагировал. Иногда мне казалось, что из ноздрей у него вырываются струйки пара, будто где-то внутри докипали остатки залитой в зверя воды.

Наступил вечер, и возы замедлились, но не остановились совсем. К моему узилищу кто-то подошел — я узнал шаги Сорго, — и брезент отодвинулся.

— Держите флягу, — сказал он. — И ради всего сущего, умолкните хотя бы на ночь!

— А вы что, собираетесь спать? — удивился я, приняхавшись к горлышку. Ничем посторонним не пахло, но пить я не торопился. — Почему тогда не остановились на привал?

— Решили, что лучше потихоньку поедем вперед, чтобы завтра пораньше добраться до поворота.

— Я предупреждал насчет волов, — сказал я.

— Мы немного поделимся с ними силами, — ответил Сарго, шагая вровень с возом и придерживаясь за борт. — Поэтому ночью будем дежурить по очереди. Тродда вела обоз весь день. Теперь моя очередь, а ей нужно выспаться. Поэтому еще раз заклинаю...

— Я тоже предпочту вздремнуть, — перебил я. — Да и не хотелось бы разбудить ее после тяжелого дня. Она и без того достаточно зла.

— Она не любит провожатых.

— Я заметил.

— Даже скажу, чтобы вы знали, почему, — добавил Сарго, хотя я не спрашивал. — Отряд ее первого мужа один ваш коллега завел... Одним словом, завел. С концами, никто их больше никогда не видел. Потом выяснилось, что он работал на противника.

— Муж?

— Провожатый!

— А, — сказал я. — Бывает. Надо думать, Тродда разыскала его и убила с особой жестокостью?

— Нет, он будто испарился. Может, убили, а может — решил отсидеться в какой-нибудь глуши, пока все не забудется.

«Скорее всего, — подумал я. — Я ведь именно так и поступил».

Правда, то была не здешняя война, но принцип один: иногда лучше скрыться надолго, а иногда — исчезнуть, не оставив следов, и никогда не возвращаться назад. И как знать, вдруг этот безымянный провожатый сейчас живет там, откуда давным-давно ушел я?

— Словом, до завтра, Санди, — сказал он и бросил что-то мне на колени. — Спрячьте. Надеюсь, не понадобится.

— Благодарю, — искренне сказал я, узнав свой кисет. — Как вы...

— Обыскивал ваши вьюки, искал, нет ли еще амулетов и чего-нибудь похуже.

— Догадались?

— Пообщавшись с Троддой, начнешь разбираться в таких вещах.

— Ясно.

Сарго помолчал, но я больше ничего не сказал: одного слова благодарности, по-моему, вполне достаточно. И еще неизвестно, что именно подсунули внутрь. Вдобавок я хорошо помнил обещание поработать с моей памятью, слова о «тонком воздействии», и гадать, как на это отреагирует моя голова, не хотелось.

Брезент задернулся, и я остался в темноте. Почти полной, если не считать едва заметного багрового свечения драконьей шкуры — днем его не было видно даже в полумраке фургона. До белого каления было еще далеко, но...

«Ждать некогда, — подумал я. — У меня впереди целая ночь. Неужели я не придумаю, как освободиться?»

Выходило, если честно, неважно. Со мной был мой кисет, в котором

среди обычных пилюль имелись взрывчатые капсулы: удобная штука (избавляет от головной боли вместе с головой, шутил мой «аптекарь»). Такого крохотного заряда хватило бы, чтобы вскрыть замок или даже перебить цепочку. Высечь огонь — не проблема, хватит искры, а металла здесь хоть отбавляй. Только хлопок получится довольно отчетливый, особенно в ночной тишине, и как знать, не заинтересуется ли им Сарго? И как отреагирует дракон? Ладно, оставим пока...

Я снова посмотрел на цепочку, потом на дракона. Вообще-то у этих зверюг такие когти, что им даже броня паровых кораблей нипочем, рвут, как бумагу (если доберутся до обшивки сквозь огонь батарей). Почему бы не попробовать?

Когти у зверя были с мой локоть длиной, но для таких лап этого было маловато. Мне показалось, они почти полностью втянуты, как у кошки... Впрочем, какая разница? Хватило и кончика, чтобы убедиться: драконий коготь отлично режет любой металл!

Вот только радовался я недолго: цепочка, обмотанная вокруг моих щиколоток, срослась прежде, чем я успел ее распутать. Та же участь постигла участок цепочки за спиной, там, где она тянулась от горла к ногам. Видел бы кто, как мне пришлось изогнуться, чтобы зацепить ее за коготь, со смеху бы умер. Мне было не до смеха — все это я проделывал на ощупь: свечения дракона не хватало. Она, как живая, выскользнула из пальцев, звенья соединялись... и начинай все сначала. Терпения мне было не занимать, и я надеялся, что хотя бы в несколько приемов удастся распутать ноги — тогда я хотя бы смогу нормально сесть. И даже спрыгнуть с воза, чтобы добраться до лошади и...

Не вышло. Ладно, пускай, все равно мне не хотелось быть удушенным на расстоянии.

Что еще я могу использовать? Ну, кроме взрывных пилюль? Они явно не помогут, так и незачем переводить их понапрасну.

Под рукой у меня был только все тот же дракон. Что я о них помню? Кажется, слышал от работника с драконодрома о том, что кровь дракона почти невозможно отмыть — въедается намертво. Но она не как кислота, конечно же, иначе как бы оперировали раненых бойцов? Об этом тот же человек говорил, что драконьи доктора по старинке предпочитают использовать ножи из кости или каменного стекла, а металлические инструменты берут только тогда, когда нужно вскрыть броню или там надпилить кость, в которой засел осколок. Дескать, стоят очень дорого, а портятся быстро. Быстро, но все-таки не мгновенно! Вон, у этого зверя тросы пропущены сквозь крылья, пока не испортились. Они надежно

зачарованы, конечно, так что ничего им не сделается в ближайшее время, а может, эта вот фиолетовая вонючая дрянь как раз и предохраняет металл от воздействия крови... Цепочка тоже зачарована, но будь у меня в запасе день-другой, я бы попробовал...

Попробуешь тут, если под рукой нет даже ножа! Как, спрашивается, добыть кровь дракона, если он, сволочь такая, бронированный от носа до кончика хвоста, а мне нечем его поцарапать? Конечно, можно ткнуть его пальцем в глаз, но я всерьез опасался сломать этот самый палец о веко, если дракон успеет моргнуть. А он почти наверняка успеет — реакция у них получше человеческой.

Впрочем... если исхитриться накинуть цепочку на драконий зуб — намордник не глухой, можно подобраться, — а потом резко дернуть, есть шанс оцарапать ему десну до крови. Но если с путами на ногах такой фокус еще мог пройти, то совать голову в буквальном смысле в драконью пасть мне не улыбалось. К тому же удавка была затянута довольно туго, мне не хватило бы пространства для маневра.

Тупик...

Давно мне не приходилось оказываться в настолько безвыходной ситуации. Да что там — никогда не приходилось!

Отчего я не мог смириться и спокойно проводить чародеев с грузом по выбранной ими дороге? Да оттого, что ни капли не верил их посулам! Очнись где-нибудь с потерей памяти, как же... В лучшем случае я обеспамятею совершенно и превращусь в дурачка, не способного собственное имя вспомнить... Впрочем, не так, это как раз худший вариант — никому не пожелал бы такой участи. В лучшем же меня просто придушат и избавятся от тела, и ищи провожатого на скрытых дорогах, как в народе говорят... Известно ведь, что мы можем не появляться не то что неделями и месяцами, а и годами. Я и сам, бывало, пропадал надолго: ушел — Веговер еще только-только свое дело завел и жениться надумал, невестами перебирал, вернулся — у него уже старший сын сам женихается.

«Что же они натворили, если даже убийство провожатого их не пугает? — подумал я и покосился на дракона. — Неужто весь сыр-бор разгорелся из-за этой скотины? Во всяком случае, он — причина, по которой эти двое очень сильно подгадили кому-то влиятельному и крайне опасному. Но, судя по тому, как парочка торопится под крыло к заказчику, он тоже не лыком шит, а таким вот металлическим тросом. Жаль, имени мне не узнать, может, что-то прояснилось бы...»

— Помог бы, что ли? — произнес я одними губами. — Обоим подыхать, так хоть не на цепи...

У драконов очень тонкий слух, иначе как бы ими управляли? На высоте, сквозь свист ветра, никакой командир не докричится, даже с зачарованным рупором. Но они как-то справляются, а дракон, если уж хочет услышать — услышит, а решит притвориться глухим — хоть глотку надорви, толку не будет.

Мне почудилось, будто этот тоже расслышал мой шепот. Во всяком случае, приоткрыл глаза — в полумраке они отчетливо светились, и в фургоне заметно посветлело, — приподнял голову, насколько позволяли оковы, напрягся, как-то булькнул и...

— Ну ты нашел время блевать, — вздохнул я, отстранившись, когда из драконьей пасти сквозь намордник потекла густая вязкая слюна. — Нечем уже! А мне до утра сидеть в этой луже...

Я осекся.

Я ведь видел, как дракона кормили, и еще удивился, почему Тродда так тщательно отчищается от его слюны. Они с мужем были в защитных рукавицах чуть не по плечо, понятно, но чародейка выискивала на одежде, на тенте, на полу фургона малейшие брызги и немедленно их уничтожала. Я, помнится, подумал еще: она делает это так, словно драконья слюна ядовита.

Но она ведь не ядовитая, точно. И не едкая, иначе давно разъела бы намордник. Впрочем, он зачарован, так что ему это нипочем...

«Стоп, — сказал я себе. — На наморднике нет печатей. Только на оковах. Да и то — его снимают через день, а эти двое, считай, сознались, что зачаровывал цепи кто-то другой. Такое им не по силам. Следовательно, намордник — самый обычный. Слюна на него не действует. Защитные рукавицы не разъедает, кожу тоже — я видел, на Сарго брызнуло, а он только выругался и утерся».

Но почему Тродда так тщательно убирала даже мелкие брызги? Почему так яростно оттирала руки? Может быть...

Нет, не может быть — точно. Она боялась, что эта слюна попадет на ее амулеты.

Я же заметил ту подвеску на ее шее, думаю, у нее имелось что-то еще. В моих побрякушках она разобралась с одного взгляда, так что... Скорее всего, Тродда — не слишком сильная чародейка, но умелая в использовании амулетов. Их может быть превеликое множество, хоть на теле, хоть вплетенных в ткань одежды, хоть спрятанных в волосах. Чародей, наловчившийся работать с такими штучками, со стороны может показаться настоящим асом, но лиши его коллекции амулетов, и он подковы ломаной стоять не будет! То есть против обычного человека, вероятно,

выстоит, но против собрата-чародея, полагающегося только на свои силы, — вряд ли.

На эту версию работал и тот факт, что прежде Тродда занималась медициной. Там нужно колдовство тонкое, а большая сила не обязательна, было бы чутье, знания и умения.

«Может быть, драконья слюна разрушает или ослабляет волшебство? — подумал я. — Тогда намордник вообще нет смысла зачаровывать, только силы зря тратить. Что до других оков... он не дотянется, чтобы прицельно плюнуть на печать».

Не устроил ли он сегодняшнее представление нарочно, надеясь хоть немного ослабить путы? Если и так, ничего не вышло: воды было многовато, в такой слабой концентрации слюна не подействовала. Но сейчас...

«Попытка не пытка», — сказал я себе, снова перерезал цепочку о драконий коготь и тут же сунул ее концы в озеро слюны, благо не вся еще просочилась в щели.

Она не срослась. Она, чтоб ей провалиться вместе с Троддой, не срослась!..

Клянусь, я готов был расцеловать дракона, но поостерегся. Возможно, он и не думал мне помогать, а просто икнул. Правда, почему тогда так пристально наблюдал за тем, как я изворачиваюсь, чтобы исхитриться снять с шеи удавку? Может, ему не нравилось, что я использую его коготь вместо напильника? Так нет же, он его еще и выдвинул, чтобы мне было удобнее...

«Они ведь действительно почти разумные, — сказал я себе. — И то, что он дикий и не обученный, еще не означает, будто он глуп. Попробовать-то можно!»

Вообще-то мне следовало выбраться из фургона, отвязать лошадь и умчаться прочь, дорога там или бездорожье — Гуш везде вывезет! Что до остального — я опытный провожатый, не пропаду не только на тракте, а и на лесной тропинке. Тропинок тут кругом пруд пруди, и уж не найти там поворота — надо совсем разума лишиться.

Вот только цепочка... Может быть, Тродда уже почувствовала, что дело неладно. Она еще спит, но чародеи обычно хорошо ощущают, что происходит с их творениями, особенно если настроятся заранее. А ей вряд ли хотелось меня упустить, так что, как бы ни был глубок ее сон, скоро Тродда проснется, и тогда мне не уйти. Подключится Сорго, а он сумеет остановить меня, уверен. Он тоже не великой силы чародей, но на меня его умений хватит с лихвой.

Ну а раз тихо уйти не выйдет, значит, уходить придется шумно. Я бы даже сказал, с огоньком... Безумие, согласен, но что мне оставалось делать?

— Слушай... — Я встал во весь рост, чтобы быть поближе к тому месту, где у дракона теоретически располагались уши. — Ты понимаешь меня? Если да, моргни.

И он опустил веки. Потом в темноте снова засветились желтые огни.

Шептать, прижавшись к драконьей чешуе, было не слишком приятно, она была слишком горячей, но куда деваться?

— Ты знаешь, что нас ожидает? Меня убьют, это точно. Тебя — не знаю. Но быть чьей-то игрушкой... или подопытным, — вовремя вспомнил я наклонности Тродды, — приятного мало. Ты же хочешь вырваться на свободу, верно?

Дракон снова моргнул.

— Но осознаешь, что улететь не сможешь? Да? И поэтому решил сжечь все кругом и себя заодно?

На этот раз его веки остались неподвижными.

— А ты-то, может, и не сгоришь... — протянул я. На этот раз он сощурился. — Тогда вот что... Я попробую снять твои оковы — надо же отплатить за этот твой плевок! Если выйдет, поможешь мне уйти? Если ты вырвешься на свободу, им будет не до меня. Большого я сделать не смогу.

Дракон моргнул. Хотелось бы верить, что он не просто мигает, а соглашается со мной!

— Тогда начнем...

Ключей от замков у меня не было, а весь подходящий для взлома инструмент остался во вьюках Гуш. Бегать туда-сюда я не собирался — чего доброго, Сорго заметит... Вот тут-то пришлось кстати мои взрывные пилюли — заложил одну, высек искру о драконью чешую, и... Выходило не так уж громко, зря я опасался: скрип телег и топот копыт скрадывали неожиданные хлопки. Они к тому же походили на то, как хлопает незакрепленный брезент на ветру, или на тот звук, с которым погонщик шлепает вожжами по крупу вола.

С печатями пришлось повозиться, но, к счастью, внутри у дракона осталось достаточно жидкости, чтобы заплевать весь фургон. Я же пожертвовал нательной рубашкой — не горстями же мне таскать на драконий хребет его слюни? Проще намочить ткань и выжимать.

Когда я освободил шею, дело пошло быстрее, но вот что делать с тросами, я не знал. Там не было никаких замков, их словно приварили к тем кандалам, что удерживали лапы. Такой металл мои пилюльки не взяли

бы, да и как их прикрепишь к гладкому металлу? Это не в замок пихнуть... И осталось их всего ничего.

— Ты перекусить их сможешь? — шепнул я дракону. — Если да, я попробую вытащить. Но учти, наверняка будет больно.

Он снова моргнул, и я, поглубже вдохнув для храбрости, взялся за намордник (приберег его напоследок, как несложно догадаться).

— Не поднимай голову высоко, заметят, если крыша с фургона слетит, — шепнул я, когда намордник свалился.

Он меня уже не слушал. «Тцонг-тцонг-тцонг!» — с таким звуком дракон раскусил тросы в одном крыле и, изогнув гибкую шею, занялся вторым. Я же, кляня себя за склонность все усложнять, снова полез ему на спирту — вытаскивать эти железки. Как бы не так — каждый трос был в мою руку толщиной и крепился к сбруе не в одном месте. Увидел бы я того, кто придумал эту изуверскую конструкцию — засунул бы ему такую железку в задницу, чтобы вышла через глотку!

— Если ты поднимешь крылья, сможешь снять их с тросов, — сказал я. — Только медленно, иначе совсем порвешь перепонки.

«Какая разница, ему уже не летать!» — одернул я себя.

Дракон моргнул. Морда его была совсем близко, но страшно не было. Даже удивительно — я ведь ему на один зуб.

— Стоит тебе шелохнуться, чтобы стряхнуть эту дрянь, слетит тент. Это точно заметят, не чародеи, так возчики, не настолько они одурманены. Поэтому... — Я помолчал, потом продолжил: — Подожди немного. Я добегу до своей лошади и поскачу прочь. После этого делай, что хочешь. Усвоил?

Судя по взгляду, не совсем...

— Я свистну, когда буду достаточно далеко, — сообразил я. — Ты услышишь.

Он снова моргнул.

— Жаль, ты не сможешь взлететь. Смыться вдвоем было бы куда эффективнее.

«Что может быть эффективнее выжженной воронки посреди тракта?» — подумал я и вспомнил о возчиках и охране. И ни в чем не повинных волах — им-то за что страшная смерть? Но если Сарго не соврал насчет мощи драконьего огнемета, то они, наверно, и понять ничего не успеют, не то что почувствовать.

— Спасибо, — сказал я дракону, прежде чем выбраться из фургона.

Уверен, он меня понял.

Глава 6

Добраться до Гуш мне удалось беспрепятственно, отвязать ее — тоже. Было достаточно темно, чтобы на идущем позади возу ничего не заметили. Тусклые фонари давали больше теней, чем света, а я старался не шуметь, когда снимал с Гуш часть поклажи и навьючивал на себя. Возможно, лошадь придется бросить, если скрытые тропинки заведут меня в такие места, где верхом не проберешься, только на своих двоих. Гуш жаль, но себя жаль больше, потому я не собирался лишиться денег, кое-каких ценных вещей, оружия и припасов, а на ходу не будет времени снимать с нее вьюки.

С оружием, правда, вышла незадача: чародеи прибрали его к рукам. Решили, может, что я и со связанными ногами могу допрыгать до лошади, взять револьвер и пустить себе пулю в лоб им назло? Ладно, небось, не наградное... А вот хотя бы без ножа придется туго. У охранника отнять, может? Вон, одного видно, дремлет в седле... Так ведь нашумлю: я все-таки не специалист, тихо снимать часовых не обучен.

«Обойдусь, — решил я, — нечего время тянуть».

И только я поставил ногу в стремя...

«Похоже, дракон все-таки не слишком хорошо меня понял», — успел я подумать, прежде чем кинуться в придорожную канаву, закрывая голову руками.

Истошно заржала и ринулась прочь Гуш — выучка там или нет, но к такому ее жизнь не готовила. Волы-тугодумы истошно замычали и встали, как вкопанные, когда с центрального воза в небо ударил огненный столб. Мне померещились еще развернутые пылающие крылья, но разглядывать было некогда — я стремился убраться как можно дальше и как можно скорее. Обходить обоз что сзади, что спереди, чтобы снова попасть на дорогу, слишком опасно, — поди угадай, в какую сторону дракону вздумается плюнуть огоньком! — поэтому я углубился в придорожный лесок. Мне нужна была хотя бы звериная тропа... Впрочем, я мог обойтись и без нее, но для этого требовалось время и какая-никакая сосредоточенность, а разве о ней может идти речь, когда позади встает зарево на полнеба, жутко рычит дракон, заходятся ревом волы, ржут кони и кричат люди?

Темно было — хоть глаз коли... Вот я чуть и не выколол, когда напоролся на ветку, но отделался царапиной на лбу. Если бы не шел,

выставив руку вперед, вполне мог обзавестись еще одной роскошной приметой...

Однако благодаря этой клятой ветке я все-таки обнаружил тропинку — пригнулся, пробираясь дальше, и заметил утоптанную траву. Кто бы здесь ни бродил, люди или звери, главное, тропа была хоженная, не вчера проложенная. Уж это я определять умею.

Дело было за малым: я стянул одну перчатку, помогая себе зубами, и постарался нащупать хоть что-нибудь. Как нарочно, в лесу царила тишь — ночные птицы унялись, напуганные шумом на дороге, затаились мелкие зверьки, не шуршали травой, и ни единое движение воздуха не колебало листья деревьев. «Везет как утопленнику», — подумал я и снял вторую перчатку. Не люблю этого делать, но деваться было некуда: рев и грохот позади унялся, зато послышался треск, а мне вовсе не хотелось выяснять, кто идет за мной по пятам — чародеи или дракон. Даже не знаю, что хуже.

Тропинка не баловала — поворотов поблизости не было, значит, придется открывать. И перебирать некогда: до которого первого дотянусь, тот и...

«Лучше бы до утра выбирал», — невольно подумал я, когда наконец сумел подцепить тонкую ниточку нездешнего ветерка, потянул за нее что было силы, и шагнул в неизвестность. В лицо ударила вьюга, да такая, что я на мгновение ослеп и задохнулся, не сразу сообразив повернуться спиной к буйству стихии.

Вот когда я порадовался тому, что захватил вещи! Правда, теплый плащ остался на седле, но он все равно не спас бы меня в такой буран.

Быстро натянув куртку и перчатки, я сунул руки под мышки — ледяной ветер резал пальцы, и я ничего уже не чувствовал. Так дело не пойдет: с этой дороги (той самой, через снег, куда так стремились чародеи) нужно выбираться как можно скорее, а если я не найду нового поворота в самое ближайшее время, то попросту окоченею. Это в чародейской компании можно с относительным комфортом путешествовать по такой погоде, но не в одиночку, не имея даже возможности разбить лагерь. Положим, в сугроб-то я зарыться могу, а дальше что? Неизвестно, сколько времени продлится буран, и не заметет ли меня так, что уже не откопаюсь. Бывали и такие случаи, я знаю. Да и в целом идея прятаться в сугробе не прельщала. Для этого нужно быть тепло одетым, а я все-таки рассчитывал на промозглое лето, а не на студеную зиму с пронизывающим ветром!

Когда руки немного отогрелись, я попробовал нащупать хоть что-то. Кажется, поворот был впереди, довольно далеко, и ничего не оставалось, кроме как ковылять туда, навстречу пурге, согнувшись чуть не вдвое в

попытке защитить лицо и стараясь не спутать направление. За этот ветерок было не удержаться — он вырывался из пальцев, как туго натянутая леска, и все хотелось проверить, не содрал ли он мне кожу, а то и мясо до кости. Конечно, это было лишь игрой воображения, но ощущать подобное, должен отметить, крайне неприятно. Да что там — попросту больно!

Открыть новый поворот на большой дороге, где их и без того достаточно — крупных, устоявшихся, — было мне сейчас не под силу. Я и так выложился, когда уходил с той лесной стежки... Нет, попытаться можно, но есть шанс угодить в местечко похуже, потому что выбирать не получится — здешний снежный шторм перемешал и перепутал едва заметно доносящиеся сюда ветерки других дорог. Это, по крайней мере, знакомо... хотя что толку?

Ветер, по-моему, все усиливался, норовил сбить с ног, и я пару раз проваливался в снег едва не по пояс. Только благодаря этому и понимал, что почти сошел с дороги. А заплутай я в полях, обратно могу и не выбраться...

Казалось, я делаю шаг вперед, а ветер сносит на два назад. И, хотя меня сложно назвать дохляком, я чувствовал, что выбиваюсь из сил. И замерзаю. Это было бы настолько глупой смертью после всего, что мне пришлось преодолеть... Я бы засмеялся, если бы лицо не свело от холода. Кто-нибудь на моем месте непременно придумал бы историю возмездия за мои деяния: я послужил причиной тому, что люди погибли в пламени, и за это должен замерзнуть до смерти. Но увы, я не верил в высшие силы, а потому лишь в очередной раз посетовал на собственную торопливость (хотя что толку?) и упрямо зашагал вперед. У меня зуб на зуб не попадал от холода, и я думал: упасть и окоченеть — еще не самое скверное. Можно ведь что-нибудь себе отморозить, да так, что придется ампутировать. И если без ноги я еще как-нибудь проживу — знавал я одноногих, неплохо ездивших верхом (про самоходки и говорить нечего), — а вот без рук и даже пальцев на них...

На самом деле времени прошло всего ничего, просто в таких ситуациях оно тянется невыносимо медленно, и одна минута кажется если не вечностью, то часом уж точно. В любом случае, я не слишком далеко ушел, это точно — всего на сотню шагов, не считая тех, которые сделал, чтобы вернуться на дорогу, когда меня уносило в сторону. Но чувствовал, что еще столько же не пройду. А клятый поворот, чтоб его, не приближался!

Когда я в очередной раз споткнулся и рухнул на колени в снег, то решил, что уже не встану. Дальше если только ползком...

И в это мгновение меня обдало теплом. Да каким там теплом, жаром, как из хорошо натопленной печи!

Я обернулся, уже догадываясь, что именно увижу... и не ошибся.

Позади возвышался дракон. Тот самый, откуда бы взяться другому? Не выслали же за мной спасательную экспедицию на боевом летуне, право слово...

— Тебя-то сюда как занесло? — выговорил я, стуча зубами.

Конечно, от драконов, в особенности диких, следует держаться как можно дальше, но мне что-то не хотелось. Рядом с ним, во всяком случае, было тепло: от его жара таял снег, и я мог разглядеть грунт дороги под драконьими лапами.

«Я же ему сказал — сбежать вместе было бы куда лучше, — сообразил я. — Но даже если он понял и истолковал это по-своему, то как ухитрился меня нагнать? И не привел ли за собой погоню?»

Однако я больше никого не сумел различить в метели, из чего сделал вывод, что либо все они погибли, либо кто-то все-таки выжил (чародеи могли уцелеть, если Сарго вовремя спохватился и установил защиту хотя бы для себя и супруги), но сейчас им чуточку не до меня.

Отходить от пышущего жаром дракона не хотелось, но стоять на месте смысла не было. «Погрелся — и вперед, Санди, — сказал я себе. — Если дракон идет за тобой по пятам, сможешь еще разок погреться. И еще, и еще, пока не дойдешь до поворота».

Дракон жадно хватал пастью снег.

«Вполне вероятно, он ждет, пока ты окончательно выдохнешься, чтобы закусить, — мелькнуло в голове. — Но что мешает ему сделать это прямо сейчас? А, не о том ты думаешь!»

И я снова принялся штурмовать пургу. Дракон не отставал. Вернее, сидел на одном месте, но как только терял меня из виду (а для этого достаточно было сделать пару лишних шагов), немедленно нагонял.

— Лучше бы ты впереди шел! — в сердцах сказал я и поперхнулся снежным зарядом. — И от ветра защита, и в снегу вязнуть не нужно.

«А еще лучше было бы сесть на него верхом, — добавил мысленно. — Хотя нет. Меня с его хребта сдует к песьей матери. Падать вроде бы и не высоко, но приятного мало».

Плохо помню, что было дальше. Я брел, увязая в снегу, непрерывно ругался... Не вслух, конечно, все равно бы меня никто не услышал, а раз так, зачем драть глотку с риском простудиться насмерть? Если я уже не простыл, конечно...

Потом... Кажется, я в очередной раз упал и не смог подняться. До

поворота было рукой подать, еще сотня шагов, может, чуть больше, но силы меня оставили.

«Кто бы мог подумать, что я сдохну настолько нелепо!» — мелькнула мысль перед тем, как я провалился в беспамятство...

«Говорят, замерзающим кажется, будто они в тепле, — вот первое, что пришло в голову, когда ко мне вернулось сознание. — Дорогое мироздание, можно, я уже окончательно издохну? Надоело мотаться туда-сюда, как поплавок в проруби...»

Мироздание, как обычно, не откликнулось, равно как ни один из сонма божеств всех времен и народов, его населяющих. Я всегда знал, что это враки, поэтому не особенно удивился, но... Нужно же к кому-то или чему-то взывать, даже если ты отъявленный безбожник?

Открыв глаза, я ничего не увидел. Было темным-темно. И да, тепло.

Пошевелиться я мог, но с некоторым трудом, будто запутался в спальном мешке или на меня упал балдахин, только почему-то очень жесткий. Совсем рядом, словно бы за тонкой стенкой, что-то гудело, как кузнечные мехи, и мерно бухало. Поначалу я решил, что это кровь стучит у меня в ушах — один из верных признаков надвигающегося приступа. Немудрено: из жаркой духоты фургона в ледящий холод, потом снова в тепло... Следовало удивиться, почему я до сих пор ничего не чувствую, но удивляться я уже устал. Вдобавок сообразил, что биение слишком сильное (с таким мне бы уже голову разорвало) и редкое для человека...

Для человека! Этот запах был мне хорошо знаком — дым и металл, и кровь.

«Похоже, Санди, дракон взял тебя под крылышко!» — подумал я, силясь не захохотать. Это нервное, со всеми случается. Только не всем доводится приходить в себя под боком у дикого дракона, который с какой-то стати проникся к ним симпатией. А что еще я мог подумать? Сожрать он меня не сожрал, хотя возможностей у него была масса, вдобавок подобрал и обогрел. Надеюсь, он не принял меня за своего детеныша?

В голову лезла совершеннейшая дичь, и я усилием воли прогнал ее и попытался собраться с мыслями. Я жив — это уже неплохо. Я, кажется, ничего не успел отморозить (во всяком случае, руки-ноги слушались) — еще лучше. Не простудился насмерть — вообще замечательно. И не изжарился о драконий бок, что тоже прекрасно.

К слову, сейчас дракон не казался таким обжигающе-горячим, как тогда, в фургоне. От него исходило сильное ровное тепло, не горячечный жар... Может, дело в том, что он все-таки напился? В смысле, наелся снега,

не важно! Вдобавок снаружи такой холод и ветер, что зверь волей-неволей должен охлаждаться.

Интересно, снег тает, не долетая до него? Если так, любопытное должно быть зрелище: такая бурая глубина посреди снежной равнины. А может, и вокруг все растаяло до земли...

Однако нужно выбирать. Сколько прошло времени, я не знал, а часы у меня отобрали чародеи — решили, видимо, что часовая цепочка может послужить для побега, а какой-нибудь шестеренкой я смогу перепилить удавку. Молодцы, что подстраховались: в крышке под портретом смазливой девицы прятался дымный порошок и еще кое-что, вот только проку от этого на тот момент было маловато.

Я ткнул локтем в твердый бок раз, другой — безрезультатно. Правда, стоило мне затрепыхаться сильнее, как дракон зашевелился, крыло, в складках которого я и ночевал, развернулось, и я скатился вниз.

Ветер утих. Снег еще шел — крупные хлопья мягко кружились в воздухе и таяли на расстоянии пары ладоней от драконьей спины. Внизу действительно виднелась голая земля, того и гляди, первоцветы покажутся.

Сугробы намело мало не по пояс, но по такой погоде сто шагов до поворота — ерунда! Скорее взмокнешь, штурмуя заносы, чем замерзнешь! Вот только... что делать с драконом?

Он лежал, по-кошачьи свернувшись клубком и опустив голову на передние лапы. Продырявленное крыло, которое он развернул, чтобы выпустить меня, осталось сложенным лишь наполовину и напоминало истрепанный бурей парус на сломанной мачте. Я не сразу сообразил, что так он прикрывает меня от снега. Отличный тент, всем рекомендую.

— И что мне с тобой делать? — спросил я вслух. — То есть, благодарю, конечно. Без тебя я бы окошел, но... дальше-то что?

Разумеется, он не ответил. Лежал и смотрел на меня немигающими желтыми глазами. Только крыло свернул, когда понял, что я не собираюсь прятаться под навес.

— Мне пора, — сказал я. — А ты... Охота здесь неплохая, когда не метет. Олени водятся, еще какая-то живность.

Я не стал думать о том, как он станет охотиться, если не может взлететь. Судя по скорости, с которой дракон нагнал меня на повороте, он и на земле может дать фору иной быстроногой лани.

— Прощай, — сказал я, развернулся и побрел вперед, раздвигая грудью снежные заносы, как ледакол — торосы.

И да, очень скоро мне действительно стало жарко, шаге примерно на двадцатом. Но не от чрезмерных усилий, а потому, что меня догнал дракон

и навис надо мной всей тушей, по-прежнему не отводя взгляда.

— Не хочешь оставаться здесь? — Если не с кем поговорить, почему бы не с драконом? Он все равно не может ответить. — Прекрасно тебя понимаю, но взять с собой не могу. Я, видишь ли, направляюсь в обитаемые края, и там не обрадуются, увидев дикого дракона. И я как-то не горю желанием обзаводиться таким питомцем... уж не говоря о том, что нас обоих будут искать. А такую парочку — провожатого с драконом — найти намного проще, чем каждого поодиночке...

Я остановился, посмотрел на него через плечо и вздохнул:

— Решат еще, что я тебя украл. Подумали бы — кому в здравом уме понадобится такое счастье!

«Кому-то ведь понадобилось», — мысленно добавил я справедливости ради.

До поворота было рукой подать. И — тут я всерьез обрадовался — чуть дальше нашлось еще несколько, на выбор. Так часто случается после сильной бури, словно ураганный ветер выдувает весь скопившийся в междорожье мусор, который мешает ветеркам свободно проникать туда и обратно.

Значит, я смогу передохнуть в одном тихом месте, а не сразу выбираться к людям. Прекрасно! Нужно собраться с мыслями, придумать свою версию событий, а потом уже осторожно вернуться назад. Разузнать, что да как, о чем говорят, слышал ли вообще кто-нибудь о странном происшествии на тракте... Ну да информацию собрать несложно. Главное, заранее подготовить пути для отхода, чтобы не зависеть от обычных дорожных поворотов и не ломиться наугад неведь куда, как я в этот раз. Так... привязать кое-где веревочки. Дернешь — и нужная дорога откроется.

На все это нужно время, и лучше поторопиться...

Дракон, словно услышав мои мысли, ткнул меня мордой в спину, да так, что я едва устоял на ногах.

— Я не могу взять тебя с собой! — повторил я. — Мне не нужен дракон! Ты помог мне, я помог тебе, вот и... Тьфу ты, ты опять помог мне, даже, наверно, жизнь спас, так что я твой должник... Хорошо, я попробую вывести тебя в какое-нибудь дикое место... но не сию минуту. Нет тут таких дорог! Даже в моей глуши тебя спрятать не выйдет!

«Я что, всерьез собираюсь искать дракону новый дом? — подумал я. — Заняться больше нечем, Санди?»

— Жди здесь, — приказал я. — Вода... снега натопишь, а без еды за пару дней не умрешь. Я вернусь, как только смогу.

Признаюсь, я вовсе не собирался возвращаться. Мне только такой

обузы и не хватало! Но я надеялся, что в этом пустынном месте дракон сумеет выжить и прокормиться. Насчет дичи я не солгал — ее тут хватало. Правда, другие провожатые с их клиентами явно не скажут спасибо за такой сюрприз на дороге, но... Собственная шкура всегда была мне дороже чужой. Да и не так часто тут кто-то появляется, есть шанс, что не столкнутся.

Дракон не двигался. Я пару раз взглянул через плечо — он сидел и смотрел мне вслед.

Расстояние между нами увеличивалось слишком медленно. Я вяз в снегу, словно искалеченный зверь удерживал меня взглядом и не пускал вперед. Воображение, будь оно неладно...

— А так? — спросил вдруг кто-то.

Я даже головой потряс: бывает, от пресловутого белого безмолвия начинает мерещиться всякое, но я не настолько долго в нем находился, чтобы начать слышать голоса.

— Так получится спрятать? — повторил этот кто-то. Голосок был слабенький, тонкий и хриплый.

Я обернулся. Дракона не было, и я невольно взглянул вверх — вдруг он оскорбился настолько, что сумел-таки взлететь и теперь чешет со всех своих дырявых крыльев куда глаза глядят? Но нет, и в небе никого и ничего... Не испарился же он? А говорил-то кто?

Я невольно сделал несколько шагов назад по уже проложенной колее. Плохая примета: если уж начал путь, не возвращайся, а возвращаешься — так не по своим следам, а хотя бы немного в стороне. Но не хотелось снова бороздить эти клятые снега высотой мне по шею (а кое-где и с маковкой), так что приметам я решил пренебречь.

Лучше бы не возвращался, честное слово.

Там, среди проталины, образовавшейся под тушей дракона, съежилась на земле девчонка. Совершенно голая, тощая, она обхватила плечи руками и смотрела на меня в упор. Ярко-желтыми драконьими глазами.

Должно быть, правду говорят ученые люди, что у человека есть своего рода защитный механизм: он не может сразу осознать какое-то кошмарное событие вроде гибели всей семьи или полного разорения, потому что тогда наверняка сойдет с ума. Поэтому мозги отключаются и позволяют думать только о чем-то простом, насущном — о том, как бы приготовить поесть или там подбросить дров в огонь. Потом, конечно, все дойдет, но только оно не обрушится сразу, а станет просачиваться понемногу. Тоже будет и больно, и страшно, но хотя бы останется шанс не рехнуться сразу. С другой стороны, в иных случаях лучше бы и правда сразу сдвинуться крышей и не

вспоминать о том, о чем положено думать здоровому человеку...

Видимо, мне тоже частично отшибло рассудок (хотя я вроде бы не собирался бежать сломя голову через сугробы куда глаза глядят, дико при этом хохоча), поскольку первым делом я стащил с себя куртку и накинул девчонке на плечи, а потом поднял ее на ноги, чтобы не сидела на стылой земле. Правда, она была босой, но в тот момент такая мелочь меня не смутила.

— Так получится спрятать? — повторила она, глядя на меня. Взгляд ее казался странно расфокусированным — я не сразу догадался, что она не смотрит мне в глаза, нет, а старается схватить выражение лица в целом и еще отслеживать малейшие его изменения.

— Ну... да, — сказал я. А что еще я мог ответить?

Я ее даже не разглядел, запомнил только, что чумазая. А может, смуглая, поди разбери. Мне смотреть-то на нее холодно было — в одной моей куртке на голое тело... А вот прикасаться — очень даже горячо. Но куда деваться, пришлось, потому что на двух конечностях она передвигалась, прямо скажу, очень скверно. Они у нее попросту заплетались, и девчонка норовила полететь носом вперед, вот я и волок ее практически на себе, обхватив поверх одежды за талию. И на плечо бы закинул — она была легкая, — но не рискнул так фамильярничать. Превратится обратно — и останется от Рока Сандеррина лепешка. Поджаристая.

А руки... Признаюсь, на ее руки я смотрел с содроганием. Неправду рассказывают в сказках: дескать, превратившись, оборотень способен залечить раны. Ничего подобного. Конечно, они уменьшились пропорционально размерам тела, но... Я еще раз искренне пожелал изуверу, придумавшему те «крепления», заполучить раскаленный металлический трос в задницу с выходом через рот, а еще десяток гвоздей между костями ладони на закуску.

Крови не было, только сукровица сочилась, но кисти распухли, пальцы почти не двигались, и я подумал, что без лечения девчонка вполне может умереть от заражения крови или еще какой-нибудь заразы. Потом вспомнил о том, как в настоящей своей форме она довольно шустро размахивала крыльями, и немного успокоился. Затем снова заволновался: может, я и впрямь уже двинулся? Или брежу, замерзая под снегом? Вон, уже голые девчонки мерещатся, и ладно бы красивые, так ведь у этой даже взяться не за что...

Поворот оказался передо мной, словно по заказу.

— Только не вздумай превратиться, — сказал я сквозь зубы и шагнул с

заснеженной пустоши в душистый сосновый лес. — Эй... Эй!..

Тщетно — девчонка обмякла и рухнула бы на слежавшуюся хвою, если б я ее не держал. Чего доброго, устроила бы пожар — очень уж она была горячей. Тут уж пришлось взвалить ее на плечо — веса в ней оказалось всего ничего, мне показалось, что моя поклажа весит больше. Забавно: драконы ведь действительно очень легкие для своих размеров, так выходит, они и в человеческом облике сохраняют такие же свойства? Судя по исходящему от девчонки жару, так и было... Лишь бы не начала дышать огнем! С другой стороны, этак ее можно выдавать за фокусницу...

«Санди, — сказал себе я и залепил мысленную оплеуху. Мысленную потому, что руки были заняты. — Прекрати нести околесицу. Доберись до дома, приведи эту подстреленную в чувство и выясни, что происходит. Сходить с ума после будешь. Если будет это после».

Вскоре показалась моя так называемая хижина: крепкий домик, спрятанный в чащобе, — чужак не найдет, случайный охотник не наткнется. Разве что другой провожатый забредет случайно, но такого за много лет ни разу не случилось. Мне же это лесное убежище служило верой и правдой, и я надеялся, оно и теперь не подведет. В конце концов, прятал я тут контрабандистов, беглую невесту (ту самую, одну из трех), наследного герцога, бежавшего от другого претендента на титул (его, правда, все равно убили в итоге, но я к этому отношения не имел), и разный странный подорожный люд. Но вот дракона — впервые.

Глава 7

«Что мне с ней делать-то? — спросил я сам себя, сгрузив ношу на земляной пол. — Не помешало бы отмыть, но это уж пускай сама... А вот жрать она наверняка захочет. Хорошо, что кладовую недавно обновил...»

Я полез проверять, что там имеется из съестного, а когда вернулся, девчонка уже очнулась, сидела, озиралась по сторонам с явным испугом и выдохнула с облегчением, только увидев меня.

— Спрятались? — спросила она.

— На время, — ответил я, в который раз решив ничему не удивляться, и принялся разводить огонь в очаге. — Ты голодная, наверно?

Она покивала, не сводя с меня глаз.

— Я сейчас что-нибудь стготовлю. А ты пойдй вымойся пока. Там за домом ручей и бочки стоят с дождевой водой. — Я заметил недоумение в ее глазах и пояснил: — Ты грязная. Смой с себя грязь... или копоть, не важно. С тела и волос. Сейчас мыло дам и ветошь... хотя тебя впопу песком драить, как чугунок.

Тут я подумал, как она будет оттираться такими руками, но... Не предлагать же было ее искупать? То есть я бы не переломился, но не уверен, что она оценила бы.

— А пить там можно? — спросила вдруг она.

— Конечно. Ручей чистый, так что не баламуть его особенно. И не вздумай превращаться! — в который раз повторил я.

— Я не буду. Я деревья поломаю, — кивнула она и неуверенно встала на ноги.

До ручья я ее проводил, оставил мыло, жесткую губку (нашлась в сундуке) и полотенце и ушел в дом. Небось не утонет. А вот одеть ее необходимо, и не потому, что я лишаюсь разума при виде таких прелестей. Как раз наоборот — ужасаюсь и думаю, что нужно прикрыть хоть чем-нибудь эту кожу да кости. Да и, честно говоря, смотреть на нее просто холодно, даже если сама она не мерзнет.

У меня нашлась пара смен одежды: девчонке все было велико, конечно, но велико не мало. Штанины и рукава можно подвернуть, подпоясаться потуже — и сойдет. Надо будет — подошью, это не сложно.

Ее не было довольно долго, и я уже собрался идти проверять, не утонула ли. Но нет — пришла, неуверенно перешагнула через порог и уселась на пол перед очагом в чем мать родила. Все-таки она была смуглой,

примерно как я, не от загара, а от природы, это я мог рассмотреть в деталях. Темные волосы — недлинные, по плечи, — от воды завились колечками и заблестели.

— Оденься, — сказал я, даже не спросив, куда она подевала мою куртку и полотенце. Если утопила, туда им и дорога, а если на берегу оставила, я потом подберу.

— Зачем? — не поняла она и сунула руки почти что в самый огонь. — Тепло.

— Верю, но у людей в наших краях не принято ходить голыми, — терпеливо объяснил я. — Даже если очень жарко.

Она пожала плечами, но возражать не стала, покорно подставила голову и позволила натянуть на себя рубаху. Вот со штанами было сложнее, но мы справились.

Ей явно никогда не приходилось одеваться — так не притворишься. Но вот сами вещи особенного удивления не вызвали. Логично, она ведь видела людей, одетых по-разному, и вряд ли думала, будто это у нас шкуры такие разноцветные, которые мы меняем в зависимости от погоды. Хотя кто ее разберет, вдруг решила, что люди линяют? И меняют окраску, ага, когда заблагорассудится...

— Покажи руки, — велел я.

— Зачем?

Похоже, это был ее любимый вопрос.

— Затем, что у тебя дырки в ладонях. Затащишь грязь — умрешь.

«Она уже занесла туда все, что только могла, и по дороге, и когда плескалась в ручье, — сказал я себе мысленно. — Остается надеяться, что драконы от такой мелочи недохнут. С другой стороны, это был бы неплохой выход лично для меня: прикопал ее под деревом, и дело с концом».

Девчонка опять-таки не стала спорить, протянула мне обе руки и даже не дрогнула, пока я пытался понять, скверно выглядят ее раны или все-таки не слишком. Я не лекарь. Могу, конечно, остановить кровь, сделать перевязку, наложить шину и даже худо-бедно заштопать рану, вот только после всего этого постараюсь как можно скорее дотащить пострадавшего до настоящего врача или чародея.

Но когда хлещет кровь или торчат осколки кости, определить, все ли плохо или еще терпимо, намного легче, чем при виде не особенно свежей раны. Как по мне — человек уже должен был свалиться с горячкой и бредом, но девчонка что так, что этак была горячее некуда, а бредить вроде бы не порывалась.

Может, и обойдется, решил я, щедро полил ее руки обеззараживающим средством (продавший мне его аптекарь уверял, что это зелье убивает всю известную заразу, а неизвестную разыскивает и тоже убивает с особой жестокостью) и перебинтовал.

— Сильно болит?

Девчонка подумала и покачала головой. Ну да, я поверил... С другой стороны, что я знаю о драконах? После боев, я слышал, кто-то ухитрился дотянуть до базы с распоротым брюхом, и ничего. Заштопали и снова поставили в строй.

— Посиди тут, — велел я ей. — Я за водой. Поставлю вариться похлебку — поговорим. Если очень голодная — вот окорок.

Куртку и полотенце я нашел на берегу ручья, как и думал. Мыло с мочалкой пропали бесследно. Надеюсь, она их не съела...

Зачерпнув воды из бочки, я посмотрел на нее с сожалением: очень хотелось опустить голову в эту самую бочку и как следует прополоскать. Но я не рискнул — вода холодная, а голове моей и так выпало слишком много испытаний за последние пару дней. Или больше? Сколько времени я дрых под крылом дракона? Кто скажет, не она же... Хотя почему нет? Даже если она не умеет считать, то смену дня и ночи наверняка отличает, сможет показать на пальцах, сутки прошли или больше!

Когда я вернулся в хижину, девчонка доглядывала окорок, устроив его у себя на коленях и придерживая запястьями, чтобы не запачкать бинты. Зубы у нее оказались что надо: на кости остались отпечатки — я рассмотрел, когда забрал у нее остатки. Ругать не стал — толку-то? Сказал только:

— Неудобно же так Я бы отрезал, сколько нужно.

— Тебе не оставила, — неожиданно сконфузившись, ответила она. — Забыла.

— У меня еще есть. Но если ты и дальше будешь так жрать, скоро все закончится.

— Охота? — спросила она, заметно оживившись.

— Из меня охотник, как из тебя певчая птичка.

— Ты ужасно поешь, — заявила вдруг она.

— Спасибо, я знаю. Я нарочно это делал.

— Я поняла. Иначе бы...

Я не стал уточнять, что именно она бы сделала, но догадывался — меня не ждало ничего хорошего. Даже надежно скованный дракон вполне может учинить пакость человеку, оказавшемуся у него под боком. Так вот повернется немного — и поминай, как звали.

Повесив котелок над огнем и засыпав в него крупу, я сел напротив девчонки и попытался придумать, с чего начать разговор. Пока он как-то не клеился.

— Как тебя зовут?

— Как хочешь, — был ответ.

— Не понял, — нахмурился я. — У тебя нет имени или ты просто не желаешь называть его невесть кому?

— Имя есть, — подумав, сказала девчонка. — Только я его не скажу. Даже если захочу. И ты не повторишь.

— А, ты имеешь в виду, что человек его просто не выговорит?

Она покивала и добавила:

— Поэтому зови, как хочешь. До этого люди звали меня Буркой. Иногда Бурушкой.

— Как?! — оторопел я. — Я понимаю, что по масти назвали, но... Это же для коровы имя... или для лошади. Для скотины, одним словом! Кто тебя так обласкал?

— Там... — она неопределенно махнула рукой. — Старые люди.

— Ладно, — сказал я. — Обо всем по порядку. Для начала... Мне нужно как-то к тебе обращаться. Ты не будешь возражать, если я стану называть тебя... скажем, Кьяррой?

— Нет, — подумав, ответила она. — А это что-то означает?

— На одном малоизвестном наречии — «огонь-девка», — усмехнулся я. — Как раз для тебя.

«Хотя бы в одном смысле слова», — добавил про себя.

— Пускай, — после паузы сказала девчонка. — Мне нравится. Звонко.

Я уже заметил: она всегда подолгу думает, прежде чем заговорить. Может быть, не очень хорошо понимает обращенную к ней речь, а может, подбирает нужные слова. Я склонялся ко второму варианту.

— А тебя называли Санди, — произнесла она. — Я слышала.

— Это сокращение. Я — Рок Сандеррин.

— Большое имя, — задумчиво сказала Кьярра.

— Ты имеешь в виду, длинное?

— Нет. Большое, — она изобразила руками в воздухе какую-то фигуру. — И громкое.

— Я бы так не сказал... Известное в определенных кругах — это да.

— Ты не понимаешь, — покачала она головой. — Большое и громкое — это не то, что ты сказал.

— Звучное? — предпринял я еще одну попытку, но Кьярра только вздохнула, и я отступился. Какая мне разница, кажется ей мое имя таким

или этаким? — Не важно. Называй меня Санди.

— Мне нравится — Рок.

— Хорошо, называй меня Роком, — согласился я, хотя так ко мне не обращались со времен далекого детства. Я уже и забыл, как это звучит.

— Зачем? — спросила Кьярра, указав на котелок.

Я как раз в нем помешивал: вода закипела быстро, и я добавил к крупе приправы и ломтики вяленого мяса.

— Есть будем.

— Так вкуснее, — кивнула она на обглоданную кость, которую я пока не выбросил. Подумала и добавила: — Сырое мясо лучше. Это очень соленое.

— Сырого нет, — ответил я. — И я сказал уже, что не умею охотиться.

— Я умею.

— В лесу?

На этот раз последнее слово осталось за мной, и я добавил:

— Люди не едят мясо сырым. Ну, за редким исключением.

Как же, знал я одного любителя побаловаться рубленой говядиной с луком и перцем. Говорят, вкусно, но я воздержался от дегустации. Наверно, правильно сделал: пару лет назад тот гурман умер. Оказалось — подцепил через эту свою сырую говядину червя, который и быков-то убивает, не то что человека. Думал, просто недомогает, а потом стало поздно. Говорили, его бы и чародеи не спасли — черви ему все внутренности источили.

Конечно, такое может случиться с каждым: не всегда есть возможность приготовить что-то как следует, а оголодаешь — и вовсе тухлятине рад будешь. Но зачем нарочно-то такое употреблять? Не в древности живем, огонь давно научились разводить...

— Что ж, — сказал я. — Вот и познакомились.

Кьярра кивнула, разглядывая огонь в очаге и принюхиваясь: пахло аппетитно.

— О каких старых людях ты говорила?

— Старых людях? — удивилась она.

— Ты сказала, что какие-то старые люди называли тебя Бурушкой, — скрипнув зубами, произнес я.

Никогда не отличался терпением, но сейчас деваться было некуда: если я хочу хоть что-то разузнать, придется разговаривать с девчонкой, как с дурочкой — повторяя одно и то же по дюжине раз, пока до нее не дойдет. Хотя нет, неправильное сравнение. Не как с дурочкой — как с иностранкой, которая толком не знает нашего языка, а тем более обычаев. Вот это будет верно.

— А... — протянула Кьярра. — Они жили рядом со мной.

— В горах?

Она кивнула.

— И как же вы... хм... познакомились? Я думал, люди боятся драконов, тем более диких.

— Боятся, — согласилась Кьярра. — Они тоже сперва боялись. А потом я стала не дикая.

— Они тебя... м-м-м... приручили? То есть думали, что приручили?

Она кивнула.

— И как это вышло?

— Просто. Они пришли и стали жить в горах. Недалеко от моего дома, только ниже. — Кьярра протянула руку и пальцем подтолкнула уголек, готовый выпасть на пол, обратно в очаг. — У них были козы. Много.

— И ты, надо полагать, не отказывалась ими полакомиться?

Она замотала головой и сердито взглянула на меня.

— Мама запретила мне брать что-то у людей! Сказала, от этого может быть большая беда!

— Вот даже как... — протянул я. — А где твоя матушка? Или ты уже жила одна? Как положено по вашим обычаям?

— Мы жили вместе, — сказала Кьярра после паузы. — Но однажды мама улетела. Она часто улетала надолго, я привыкла. И я уже умела охотиться в одиночку. Наверно, по-вашему, это значит — стала взрослая?

— Пожалуй, — согласился я. — Если можешь выжить в одиночку, то ты взрослый. Даже если лет тебе еще совсем мало.

— Вот так и было. Но я еще не отселилась. Поблизости не было хороших мест. Кругом люди. Мама искала, куда улететь вдвоем. Чтобы совсем дикие горы. И дичи хватало.

Я отметил это, чтобы вернуться позже. Искала? Что именно искала и каким образом? Просто высматривала сверху подходящие места, узнавала, кто обитает поблизости? Может, и так, но что-то мне подсказывало: не все здесь настолько просто...

— Ее все не было и не было, — тоскливо произнесла Кьярра, глядя в огонь. — На третью зиму я поняла... она не прилетит.

— Ты не пробовала ее искать? — невольно спросил я.

— Нет. Я никогда не улетала далеко от дома. Страшно. И я не знала, где искать. Она не сказала.

Я помолчал. Глупо было предполагать, что ее мать нашла где-то пристанище поуютнее, а то и нового кавалера, и решила остаться там, бросив неразумную дочь выживать, как сумеет. Скорее всего, с ней что-то

случилось, а что именно — оставалось только гадать.

— Выходит, ты еще очень молода? — спросил я наконец.

— Наверно. Я не знаю, как считать на ваши годы.

— А что ты помнишь? Я имею в виду у людей?

Может, хоть так удастся сориентироваться и прикинуть, который ей год. Или век — драконы живут долго.

— Ну... — Кьярра пошевелила пальцами босых ног. Это зрелище ее явно забавляло. — Как драконы еще были дикими, я не помню. Мама помнила, рассказывала. А как в наших горах появились рудники — уже помню.

Я чуть не подавился похлебкой, которую как раз пробовал на соль. Язык обжег — это точно.

— Ваши горы — это которые?

— Те, в которых я жила.

— Это понятно! Где они находятся? — Я осекся. — Тьфу ты, ты же не сможешь объяснить... Хотя...

Где-то у меня была старая карта, довольно грубая, но очертания континента, рек и озер на ней вполне узнаваемы...

— Гляди-ка, — я расстелил карту на полу. — Вот здесь — Таллада, город, в который тебя привезли. Ближайшие горы — вот они, рудники примерно в этих местах. А это — река. Узнаешь? Так она должна выглядеть сверху.

— Похоже, — согласилась Кьярра, по-птичьему склонив голову набок и разглядывая схематичный рисунок. — Меня везли сперва по земле, потом по реке. Потом опять по земле.

«Угадал, Санди, молодец!» — сказал я себе.

— Значит, обитала ты где-то здесь... И тебе очень долго удавалось никому не попадаться на глаза. Видно, матушка хорошо тебя выучила.

— Да. Я старалась охотиться подальше от людей. Вот тут, — она ткнула пальцем в карту, туда, где ничего не было, кроме надписи «неисследованные территории», — хорошие горы. Высокие. Много дичи. Только жить негде.

— В смысле, нет пещер?

Она кивнула.

— Там просто камни, камни... Реки. Ущелья. Есть леса. А мне не спрятаться.

— Понятно... — Я свернул карту, убрал ее на место и снова сел напротив Кьярры. — Но если ты старалась никому не показываться, как же те старые люди? С козами?

— Говорю же: они пришли и стали жить. Построили хижину... — Она огляделась и добавила: — Меньше твоей. Совсем маленькую. Они жили там вдвоем и брали козлят греться зимой.

— Представляю, — кивнул я, поскольку видел жилища таких козопасов.

— Сперва они были не очень старые, — продолжала Кьярра. — Он пас коз на верхних лугах. Там хорошая трава. А потом все ниже и ниже.

— Одряхлел и уже не мог забираться так высоко?

— Наверно. Он ходил с такой длинной палкой... Сперва направлял ей коз, а потом опирался на нее. И стал совсем... — Она поискала слово, не нашла и изо всех сил скривила лицо. — Такой.

— Морщинистый, — подсказал я. — От старости.

— Да. И белый. Но не как ты.

— Седой?

— Да. И она тоже. Они даже сделались меньше. Как будто высохли.

— Со стариками такое случается.

Я подбросил еще дров в огонь.

В комнате было уже жарко, но Кьярра двигалась все ближе к очагу, и манил ее вовсе не аромат похлебки. Мне казалось, ей хочется запустить руки в раскаленные угли, словно в гору самоцветов.

— Я охотилась, — сказала она. — И нашла козу на самом верхнем лугу. Их туда давно не гоняли. Она сама пришла.

— Козы могут, — усмехнулся я, — за ними глаз да глаз!

— Мама запрещала брать что-то у людей. И я эту козу не тронула, — продолжила Кьярра. — А вечером услышала, как она кричит и плачет.

— Кто, коза?

— Нет, старая женщина. Ее муж уснул на солнце и растерял половину стада. Какие-то козы вернулись сами, а другие нет.

— Какого-нибудь подпaska за такое бы здорово избили, — пробормотал я.

— Она его била своей палкой, — сообщила Кьярра. — Но не сильно. Она стала совсем слабая. А потом они ходили и звали. В темноте. Опасно. Даже с огнем.

— И ты не удержалась?

Повисла пауза.

— Мне стало их жалко, — сказала наконец Кьярра. — До утра я нашла почти всех коз и принесла поближе к дому. К их дому, не своему.

— Они от страха не передохли? — невольно спросил я, и она помотала головой. Высохшие волосы распушились, и треугольное лицо Кьярры с

грубоватыми чертами в таком обрамлении выглядело даже симпатичным.

— Они еще отбивались. — Она неуверенно улыбнулась. — И блеяли так, что старая женщина услышала. Вышла и... ну... Заметила меня. И замахнулась палкой.

— Могу представить. — Я тоже улыбнулся, представив старушку, норовящую огреть клюкой дракона. — Решила, наверно, что ты ворешь?

— Ну да. Но сразу сообразила, что это пропавшие козы. Которые сами пришли — тех они закрыли в загоне... — Кьярра вздохнула. — Я потом еще много раз их собирала. Услышу, она кричит: «Бурушка, помоги!»... и лечу.

— Неплохо старики устроились, — пробормотал я. — Как только они тебя не приспособили пасти этих своих коз на верхних пастбищах... Что ты отворачиваешься? И такое бывало?

— Ну да, а что? Забираются они туда сами, а согнать мне не трудно, — пожалала она плечами. — Козы умные. Быстро привыкли. И мне было не скучно. Старые люди меня почти не боялись. Даже разговаривали немного.

— Жаль, матушка тебе не сказала: не только брать что-то у людей, но и общаться с ними не стоит.

Кьярра кивнула.

— Это они тебя выдали?

— Я не знаю, — ответила она. — Наверно. Больше некому.

— Но как было дело?

— Старая женщина сказала: «Прощай, Бурушка. Уходим жить на равнину. В горах тяжело, — медленно произнесла Кьярра. — Помоги собрать коз. Старик их погонит в долину. Там теперь наш дом». Я помогла. Он ушел.

— А потом?

— Она сказала — страшно ночевать совсем одной. Побудь со мной до утра. И я согласилась. Мне жалко было, что они уходят. Если бы умерли — это другое. Тогда бы они остались рядом.

— Наверно, старуха тебя угостила на прощание?

— Хотела, но я никогда ничего не брала у людей. Я обещала маме.

— У меня-то берешь, — заметил я. — Ладно чародеи, они заставляли, а я...

— Ты не человек.

От такого заявления я чуть кочергу не уронил.

— А кто же я, по-твоему?

— Не знаю, — подумав, ответила Кьярра. — Но не человек.

— Час от часу не легче... — пробормотал я и поворочил в очаге. —

Приехали. Неизвестные детали моей родословной... Ну да ладно, потом разберемся. Ты, наверно, заночевала возле хижины этой старухи?

— Да. А потом... не помню, — сказала она и опустила голову. — Я никогда крепко не сплю. Нельзя. А тут словно яма... И все. Когда очнулась, уже была в цепях. Не смогла вырваться. Из обычных сумела бы, но они были заколдованные. Ты сам видел.

Должно быть, старик проболтался кому-то об их домашнем драконе. Ходил же он в долину за припасами, наверно? Пропускал там кружечку пива или чего покрепче, вот и распустил язык. Ему не верили, думали, выдумывает небылицы, но слушали с охоткой — в таких местах, по опыту знаю, любому рассказчику будешь рад. А там... слухом земля полнится. История о диком драконе достигла нужных ушей. Дальше понятно: старикам заплатили достаточно, чтобы те согласились приманить дракона. Может, в самом деле подарили им домик в долине, может, посулили и обманули, это уже значения не имеет. Главное, чародей подстерег Кьярру, одурманил и увез прочь...

Я невольно протянул руку, чтобы коснуться ее плеча, но вовремя остановился. Мне уже хватило таких прикосновений.

— Тебя изловили Сарго с Троддой? — спросил я, чтобы перебить неловкость.

— Нет, — ответила Кьярра, подтвердив мои подозрения. — Другой. Очень большой. Больше тебя.

Меня сложно назвать доходягой, но она явно имела в виду не физические характеристики. Это слово в словаре Кьярры означало что-то другое, и если речь шла о чародее...

— Больше этих двоих? — уточнил я, и она уверенно кивнула.

Ну вот, как я и думал. Очевидно, Кьярра воспринимает людей по своему. И отличает чародеев от обывателей... А от провожатых?

— Скажи, а я похож на чародеев? — спросил я.

— Нет. Ты другой. Тоже большой, но... — Она замялась.

— Но поменьше?

— Нет! Просто — другой, — Кьярра вдруг сощурилась, и выглядело это угрожающе. — Если я не знаю слов...

— Я вовсе не смеялся над тобой, — поспешил я сказать. Не хватало еще, чтобы оскорбленный дракон разнес мой дом! — Неудачно выразился. Я хоть и знаю слова, как ты говоришь, но вот с чувством юмора у меня проблемы. Извини.

— Ладно... — Она посопела и произнесла: — Я очень давно не разговаривала. Ни с кем после мамы. Старые люди говорили со мной, а я

отвечала, но только в голове. И они говорили не так сложно, как ты.

— Еще раз прошу прощения, — искренне ответил я. — Я все время забываю, что ты не такая, как я. Постараюсь говорить проще... Ты не можешь объяснить, чем я отличаюсь от чародеев? От Тродды с Сарго и того, первого?

— Слов нет, — развела руками Кьярра. — Но первый был похож на тебя больше, чем они.

«О чем это она?» — удивился я. Чародеи никогда не бывают провожатыми, равно и обратное. Какое же сходство увидела между нами Кьярра? Может быть, чисто внешнее? И я уточнил:

— Как он выглядел?

— Почти как ты, — подтвердила она мою догадку и добавила: — Такого же размера. Но толще. Без волос.

— Лысый, что ли? Или бритый?

— Я не знаю, как называется. Без волос, и все. И лицо светлее твоего, а глаза — темнее. Ты его знаешь?

— Нет, похоже, не знаю, — ответил я. — Хорошо... Мы остановились на том, что ты очнулась в плену. Скажи, это первый чародей передал тебя Сарго и Тродде?

— Нет. Они пришли ночью и шумели. А потом плот поплыл сам по себе.

— И тот, первый, ничего не сделал? Не пытался догнать?

Кьярра помотала головой. Потом потянула носом и спросила:

— А когда можно есть?

— Уже готово, — ответил я, заглянув в котелок. — Погоди, горячо.

— Мне не горячо! — заверила она.

— Тебе — нет, а себе я отложу и подожду, пока остынет. А ты... гм... умеешь есть ложкой? — осторожно спросил я.

— Попробую, — неуверенно сказала Кьярра. — Я видела, как люди это делают. Неудобно.

— Я дам тебе ложку побольше, — вздохнул я и нашел черпачок. В самый раз, если использовать в качестве тарелки котелок. — Держи вот так... Обляпаться — не страшно.

— Как же не страшно, еда пропадет... — пробубнила она с полным ртом и неловко махнула зажатым в кулаке черпачком. — Я подберу...

Клянусь, котелок опустел прежде, чем я приступил к трапезе. Если бы Кьяррина голова в него влезла, она бы и стенки вылизала, уверен.

— Ты ничего не ел по дороге, — сказала она, махом опростав кувшин с водой. — Я слышала, как Тродда спрашивала... Почему? Что такое зарок?

— Зарок — это если обещаешь чего-то не делать, — объяснил я. — Вот как ты обещала матери не брать ничего у людей.

— А ты зачем-то обещал не есть?

— Нет. Я их обманул, — ответил я. — Я просто... такой вот.

— Какой? — Похоже, вместе с сытостью Кьярра обрела хорошее настроение.

— Немного странный. Могу не есть неделями — просто не хочу.

— А сейчас?

— И сейчас не хочу, — признался я. — Но приходится. Неизвестно, когда в следующий раз удастся нормально перекусить... Из-за этого меня в детстве считали подмышем, представляешь?

— Нет, — честно ответила Кьярра. — Что это такое?

— Люди верят, что какие-то существа иногда подменяют младенцев своими детенышами, — пояснил я. — И те, хоть внешне и похожи, все-таки сильно отличаются от человеческих. Например, слишком много едят или непробудно спят, а еще у них непременно есть какой-то изъян. Хвостик там или лишний палец на руке или ноге. Или глаза разного цвета.

— А у тебя что? — с интересом спросила она и попыталась заглянуть мне за спину. Явно в поисках хвоста — глаза-то она видела, а они у меня одинаковые. Да и руки на виду.

— Ничего. Но лет до трех, рассказывали, меня было не добудиться. А если я просыпался, то ел за пятерых. Потом все сделалось наоборот. Здорово меня это выручало...

— Почему?

— Ну как почему... Всех еще только расталкивают с руганью, а меня давно след простыл — я на речке раков ловлю или вообще на ярмарку утянулся ни свет ни заря. А оставят без обеда или ужина за баловство — с меня как с гуся вода, я не голодный вовсе. Какое же это наказание? Правда, — добавил я справедливости ради, — иногда после такой голодовки на меня нападает жор. Вот чтобы такого не случилось, когда под рукой ничего нет, приходится запихивать в себя что-то через силу.

— И спать про запас? — спросила вдруг Кьярра.

— Нет. Не выходит, — ответил я после паузы. — Не помню, когда последний раз действительно засыпал. Наверно, тогда же, в детстве. Ты и это заметила?

Она кивнула и сказала:

— Теперь моя очередь спрашивать.

— Ты уже начала, — усмехнулся я. — Продолжай.

Глава 8

На этот раз Кьярра долго размышляла, прежде чем задать вопрос, и наконец развела руками:

— Не знаю.

— То есть?

— Не знаю, о чем важном говорить, — пояснила она. — А о другом — глупо. Зачем зряшные слова?

— Так ты начни с простого, а там, может, доберешься и до серьезного, — предложил я. — Подумай пока, а я котелок водой залью, иначе его потом отскребать замучаешься...

Я вернулся быстро, и, стоило мне появиться на пороге, Кьярра сказала:

— Ты даже работаешь в перчатках. Всегда. И огонь разводил, и еду готовил. Почему?

— Это длинная история, — ответил я и уселся поудобнее.

— А ты куда-то торопишься?

Вообще-то, да, торопился, но час-другой погоды не делали. К тому же после того, что рассказала о себе Кьярра, отделяться от нее было как-то нехорошо.

— Когда-то давно я не носил никаких перчаток, — сказал я и принялся снимать рабочие, верхние. Под ними у меня были еще одни.

Многие поражаются, как я ухитрюсь управляться с делами в такой сбруе, да не с грубой работой. Когда я говорил, что могу подшить одежду по Кьярре, я не преувеличивал — действительно могу. Дело привычки — можно выучиться держать иголку и в перчатках, тем более, они у меня тонкой выделки, недешевые. Самая дорогая часть моей амуниции, если на то пошло: всегда нужно иметь при себе несколько пар на смену, потому что порвать перчатки или прожечь, особенно в походе, — раз плюнуть. Своему мастеру я платил щедро, и он старался на славу. Наверно, ни у одной столичной модницы не было вещей такого качества...

— Я слышала, Тродда шепталась с мужем. Гадала, что у тебя с руками. Обожжены или еще что. Но это вряд ли, — со знанием дела заметила Кьярра. — Тогда бы ты не смог так ловко все делать. Может, просто бородавок много? У старой женщины были такие. Некрасиво и неудобно. Зацепится за что-то — и сдирает. Больно и кровь идет, она жаловалась. А потом их еще больше вырастает.

Я помолчал, переваривая такое предположение. Надеюсь, больше

никто из моих знакомцев не придерживается подобной версии. Я все-таки предпочитаю что-то более романтическое.

— Начну с той истории, которую рассказываю, когда хочу сделать вид, будто доверяю человеку что-то личное. Многие на это падки, в ответ тоже выдают свои секреты, — сказал я. — Не всегда, но случается.

— Ты хуже старого человека, — заявила вдруг Кьярра. — Он так же долго о чем-то говорил. Пока соберется, уже забудет, что хотел сказать.

Я только улыбнулся.

— Когда я был мальчишкой, то помогал отцу-красильщику. Знаешь, что это такое?

— По слову вроде бы понятно, — неуверенно сказала Кьярра. — Вы что-то красили? Стены? Я видела такое.

— Нет, не стены, ткани. Теперь уже придумали, как это делать... м-м... с помощью машин, но все равно многие работают по старинке, вручную. Кое-где такие ткани ценятся выше, чем машинной окраски... и не зря.

— А чародеи не могут это делать?

— Могут. Только денег сдерут столько, что дешевле будет платье целиком из золота отлить, — ухмыльнулся я. — Их услуги могут себе позволить только очень богатые люди.

— Короли?

— Необязательно. Просто те, у кого денег куры не клюют.

— Зачем им клевать деньги? — удивилась Кьярра. — Хотя... я видела у старых людей — куры иногда глотают камешки. Зачем?

— Я слышал — чтобы зерно перетирать.

— Прямо внутри? — не поверила она. — Ну надо же... А деньги? Тоже для этого?

— Нет. — Я в очередной раз зарекся использовать при ней какие-либо иносказания. И поговорки тоже. — Это присловье такое. Значит — человек очень богатый.

— Непонятно, — сказала Кьярра. — Почему так?

Я развел руками.

— Давным-давно кто-то так сказал, вот и прижилось. Сам не знаю, что это означало. Может, у таких богачей даже птица зажралась настолько, что от золота клюв воротит?

— Люди все же странные, — с неудовольствием произнесла она. — Столько лишних слов, а нужно всего одно. Но ты продолжай. Про красильщиков и чародеев.

— А что чародеи? Им иногда заказывают необыкновенные наряды для

особенных праздников и балов. Скажем, хочется принцессе, чтобы платье у нее переливалось радугой. Или меняло цвета: сейчас голубое, через полчаса лиловое — и так до розового. И обратно.

— Красиво, наверно... — задумчиво сказала Кьярра. — Как закат над горами.

— Пожалуй... Одним словом, обычному человеку такое не сотворить. А в обычную краску, чтобы держалась как следует и не линяла, добавляют всякие едкие вещества. А то какая-нибудь красавица на балу взмокнет от танцев, и будет у нее спина в зеленую полосочку. Что смеешься? И такое случалось, — улыбнулся я. — С первыми тканями машинной окраски. Люди погнались за дешевизной, но оказалось, что эту одежду не то что стирать, даже под дождь в ней попадать нельзя — идет разводами.

— Ты о себе говори, а не о машинах.

— Я о них уже почти закончил. Хорошая краска въедается не только в материю, но и в руки. Намертво, ничем не отмоешь. Мы все больше красными тканями занимались, вот руки и были по локоть ядреного такого малинового цвета.

— Синий был бы хуже, — заметила Кьярра.

— Это уж точно. Потом, когда я бросил ремесло и занялся другим делом, краска начала понемногу облезать, но это выглядело так, будто у меня какая-то скверная болезнь. Отсюда и перчатки.

— Красные, — уточнила она.

— Поначалу, пока я зарабатывал немного, были обычные. А как разжился деньгами, начал шиковать. Опять же, по молодости почти всем хочется казаться не тем, кто ты есть на самом деле...

— Как это?

Признаюсь, необходимость объяснять очевидное меня уже порядком утомила. Но деваться некуда: приходилось терпеть, представляя, что передо мной не просто иностранка, а к тому же неразумный ребенок.

— Как бы объяснить... Представь, например... Ты знаешь драконов больше себя?

— Разве что маму. Но я выросла с тех пор, как видела ее последний раз. Может, теперь я больше ее. Она говорила, отец был намного крупнее, а я похожа на него.

— Куда он подевался? Погиб? — нахмурился я, но Кьярра промолчала. — Ну да ладно. Вспомни: когда ты была маленькой, разве тебе не хотелось скорее вырасти и стать такой, как твоя мать? Или даже крупнее и сильнее?

— Хотелось, — подумав, кивнула она.

— А ты не играла? Не воображала, будто ты уже взрослая и могучая?

— Ну... — По-моему, она покраснела. — Разве что иногда. Когда мама не видела. Что, и люди так делают?

— Еще как. В том числе и взрослые. Многим нравится представляться сильнее, умнее и богаче, чем они есть на самом деле. И я не исключение, — добавил я справедливости ради. — Притворялся, будто я, невзирая на молодость, подвизался в наемниках и руки мои по локоть в крови убитых. И красные перчатки — это в память о них... уже не помню, какой именно вздор я нес. Главное, девицам нравилось. Серьезные-то мужчины только посмеивались, слушая этот бред...

— И никто не догадался, что ты все выдумал?

— Нет. Не нашлось никого, кто вздумал бы ковырнуть меня и проверить, в самом ли деле я такой отважный боец, каким себя расписываю, — улыбнулся я. — Но я на то и рассчитывал: провожатого задирать не станут. А я, хоть и был молод, глуп и любил приврать, дело свое знал. Ну а потом байки мои забылись, осталось только прозвище — «Красные перчатки», сами эти перчатки да репутация типа, который может прирезать за косою взгляд в его сторону. Но к этому времени я ее уже заслужил.

— У тебя дурной нрав, так Тродда говорила, — заметила Кьярра.

— Она не ошиблась.

— Еще она обиделась, что ты на нее не взглянул. Как на женщину. Хотела поколдовать, но Сарго велел оставить тебя в покое.

— Это я сам слышал, — улыбнулся я.

— Я думала, муж должен разозлиться, если жена смотрит на другого. А он так спокойно говорил... — протянула Кьярра.

— Это же чародеи. У них все не как у людей.

— А как у кого? — тут же спросила она.

— Как у чародеев, — вздохнул я. — Я имею в виду, они тоже люди, но живут наособицу. А насчет отношения к развлечениям на стороне... Сложно сказать, я впервые увидел пару чародеев. Они обычно одиночки. Никто их подолгу не выдерживает.

— Ясно... Драконы тоже одиночки, — сказала вдруг Кьярра. — Но это потому, что трудно прокормиться. Теперь трудно. Раньше жили семьями, мама слышала. Сейчас кругом люди. Странно, да?

— Что именно?

— Дракон большой и сильный, а люди маленькие и слабые. Но они все равно победили. Хорошо, не убили всех. Но диких уже не осталось. Мама думала, мы с ней последние.

— А твой отец? — не удержался я.

— Он был не дикий, — сказала Кьярра. — Ну, я так поняла. Мама мало о нем рассказывала.

— Какой же тогда?

— Боевой, — ответила она. — Все, что я знаю: была какая-то война у людей. И отец разбился. Его люди погибли, а он уцелел. Мы живучие. Мама его спасла и кормила, пока его рана не зажила. Она думала, он останется, но он вернулся к людям. Что с ним было дальше, она не знала.

— Он, может, до сих пор служит... — пробормотал я.

— Наверно. Или погиб. Потом еще много воевали. Но мама не очень расстроилась, — закончила Кьярра, — потому что у нее была я.

— Все, как у людей... — Я перехватил ее вопросительный взгляд и пояснил: — Частая история: женщина берет на постой раненого бойца или просто путника. Он отлежится, отъестся да и уйдет дальше по своим делам... Но, бывает, остается ребенок.

— Правда, похоже, — согласилась она. — Но ты опять заговорил о другом. А правды про свои перчатки так и не сказал.

— Да уж, тебя с толку не собьешь...

— Это потому, что я слышу только главное. То есть я все слышу, но про это не забываю.

Я помолчал, собираясь с мыслями, потом сказал:

— Если рассудить здраво, то я в самом деле немного увечный.

— Разве? — удивилась Кьярра.

— Так-то не заметно. И мне повезло, что оно проявилось не сразу, не с детства, иначе плохо бы мне пришлось...

— Ты опять говоришь много лишних слов.

— Теперь я не знаю, с чего начать, вот и рассказываю подряд, — пояснил я. — Однажды... нет, не так. Это всегда со мной было. Знаешь, я мог легко понять, что у моих младших братьев болит. Они еще говорить не умели, только орали, а я всегда угадывал — зубы у них режутся, живот крутит или оса ужалила. Мать сперва не верила, потом... Потом разнесла по всей округе. Хотела меня лекарю в ученики отдать, но тот сказал — никаких способностей к ремеслу у меня нет. А то, что я так вот чувствую... случается. Мне без разницы, человек или скотина, всегда правильно определял, что с ними не так. Но вот лечить — нет, этого не дано.

— И что потом?

— Чем старше я становился, тем сильнее это проявлялось, — ответил я. — Меня звали, когда собирались копать колодец, — водные жилы я тоже чувствую...

— Тебя продали в шахты? — спросила вдруг Кьярра.

— Н-нет... с чего ты взяла?

— Если ты можешь найти воду или руду, то дорого стоишь.

— Рабовладение отменили, — просветил я, — довольно давно по человеческим меркам. Правда... пристроить кого-то на каторгу и загнать в рудники — это запросто, тут ты права. Может, и до этого бы дошло, как знать... Но так-то я был чем-то вроде талисманчика для нашего поселка. Мне приплачивали за работу на ярмарках: я сразу говорил, хорошую телку или лошадь продают или хворую. И за обратное тоже платили, причем вдвое...

— Это как?

— Так, что кому-то нужно было сбыть с рук скотину с изъяном, который не враз разглядишь. А мне доверяли. Если бы я сказал, что она годная, ее бы взяли.

— Но обман бы раскрылся. И тебе перестали бы верить. А то еще и побили.

— Представь себе, на то, чтобы до этого додуматься, у меня даже в те годы ума хватило, — усмехнулся я. — Было дело, правда... Брал деньги за ложь, а потом правду говорил. Но это только с заезжими, чужаками. Потом делился со своими, ясное дело...

— И почему ты ушел?

— Работник из меня получился так себе. Привык к легким деньгам... а ярмарки не каждый день случаются, и между ними нужно себя чем-то занять.

— Красить?

— Нет, про красильщика я придумал. Отец с обозами ходил, торговал понемногу, хотел и меня к этому делу приспособить. Не получилось.

— Но ты же ходишь с обозами, — не поняла Кьярра.

— Да, только не торгую. Слишком скучно, — сказал я. — Так уж получилось: когда я достаточно подрос, отец взял меня с собой. И на каком-то привале рядом оказались путники с провожатым. Он-то и разглядел, что я собой представляю. Мы друг друга легко отличаем. Словом, домой я уже не вернулся.

— Почему?

Я понял, что скоро возненавижу этот вопрос.

— Потому что ночью тот провожатый отозвал меня в сторону и объяснил, что я тоже уродился таким. И что могу зарабатывать намного больше, чем своим дурацким ясновиденьем, потому что дар у меня сильный. Если наловчусь как следует, буду нарасхват.

— Он тебя в ученики взял? — спросила Кьярра.

— Нет. Этому нельзя научить. Так... показал пару дорог, а дальше, сказал, сам. Или справишься, или погибнешь.

— Ты живой.

— Вот именно.

Я смотрел в огонь, совсем как тогда, на ночном привале. Провожатый — он был уже не молод, но еще крепок, — говорил негромко и отчетливо. О том, какая мне выпала удача. О том, как мало хороших провожатых... И о деньгах не забыл, конечно же. Сразу понял, чем нужно меня поманить — большими деньгами, которые даются не так уж тяжело.

Я спросил тогда: «Вы меня научите, дяденька? Я отработаю!» А он ответил: «Чему тебя учить, дурак, ты уже все умеешь. Бери да пользуйся, если совладаешь...»

Потом он немного рассказал мне о поворотах, о скрытых дорогах, предложил самому поискать какую-нибудь поблизости. Я и нашел — целую россыпь, на выбор, только жди, пока откроется поворот.

Помню, он немного изменился в лице и поговорил со мной еще с четверть часа. До тех самых пор, когда одна из дорог сделалась доступной. Ну и сказал, мол, проверь, получится ли пройти... Я и шагнул, ума-то еще не нажил.

— То есть он от тебя просто избавился? — удивленно спросила Кьярра, выслушав меня. — Зачем?

— Не знаю. Может, опасался конкурента, молодого, да раннего... и приткого. А может, хотел, чтобы на своей шкуре почувствовал, каково это — скитаться по незнакомым дорогам. И ценил потом свое умение, пускай даже оно мне даром досталось.

— А почему ты не мог вернуться?

— Не сразу сообразил, как. Не запомнил ту, свою дорогу, да и не знал, как их различать. Поначалу бродил наугад. — Я невольно поежился, вспомнив первую ночевку в глухом лесу. — Вот тогда-то я порадовался, что ни есть, ни спать не хочу, иначе бы мне туго пришлось. Но ничего, вскоре освоился. Прибился к одним странникам, к другим... Несколько путей выучил назубок, с них начинал, на них зарабатывал, а между делом разведывал другие. Уходил все дальше и дальше... и глубже, если можно так выразиться. В совсем незнакомые края, где и по-нашему не говорят. Но провожатых там тоже ценят, а столкнуться и на пальцах можно. Заработал я там хорошо...

— И ты никогда не возвращался домой? — с недоумением спросила Кьярра.

— Почему же? Проезжал как-то мимо... Поселок не узнать, моего дома не было уже. Братья женились, жили совсем в других местах, отец умер, мать к старшей моей сестре перебралась. Так ни с кем и не повидался.

— Они решили, наверно, что ты в лесу пропал.

— Нет. Соседи, кто еще что-то помнил, сказали: они подумали, что я с тем обозом удрал, — ответил я. — Отец решил, будто меня те купцы сманили. Дескать, мое умение им тоже пригодилось, а я всегда до денег жадным был, мне без разницы, кому служить.

— Тебе правда без разницы?

Я кивнул, но сказал все же:

— Есть вещи, за которые я никогда не берусь. Такой... зарок, если хочешь. Но я не сразу сделался таким разборчивым. Сперва меня жизнь пообтрепала.

— А про перчатки ты так и не досказал, — упорно напомнила Кьярра.

— Почти все, — заверил я. — Понимаешь... Чем старше я становился, тем сильнее проявлялся дар.

— Ты говорил уже.

— Да? Ну ладно... Словом, все дело в нем. Провожатые по-разному находят дороги и повороты. Кто-то видит... Не могу вообразить, если честно. Кто-то слышит, уверяет, будто дороги звучат совершенно не похоже одна на другую. Кто-то по запаху ищет. А я чувствую вот так, — я поднял руку и пошевелил пальцами. — Отыскиваю их на ощупь. Даже не их, а ветры, которые там гуляют... Я и здесь могу изловить тот или иной ветерок, понять, откуда он прилетел и что с собой принес. Но, по правде говоря, это сложнее описать, чем проделать.

— Ты не только ветры чувствуешь, — протянула Кьярра. — Вообще все, да? И поэтому стараешься ни до кого не дотрагиваться? Я заметила, тебе неприятно ко мне прикасаться.

— Да, — признался я, — потому что ты... Слишком горячая. Не в смысле — обжигает кожу, это-то ерунда, а вот что при этом творится внутри... Вот ведь! Не могу описать, слов не подберу... Это очень сильное ощущение, как... кипящим маслом на открытую рану — вот самое слабое подобие. Я от тебя буквально глохну и слепну, ничего вокруг уже не разбираю, а это опасно, я могу не заметить чего-то важного. Так что извини, без острой необходимости я к тебе не прикаснусь.

— Не надо, — согласилась она. — Неужели ты даже в перчатках это чувствуешь?

— Именно. В них — слабее, конечно.

— А как же те, которые видят и слышат? — удивленно спросила она. — Они тоже как-то... ну...

— Отгораживаются, да, — кивнул я. — Кто-то носит темные очки. Знаешь, что такое очки?

Она помотала головой.

— Такие стекла на носу, чтобы видеть лучше. Но те провожатые, наоборот, делают стекла потемнее. А кое-кто, я слышал, вообще повязку надевает, как слепец. Другие затыкают уши. Или нос. Кому с чем повезло, одним словом.

— Ничего себе... Тебе меньше всех повезло.

— Это как посмотреть. Провожатого сильнее меня я еще не встречал. А что до ощущений... привык за столько лет: говорю же, это постепенно проявлялось. Если бы сразу — точно бы свихнулся: все вокруг ощущается по-разному, от этой мешанины порой в глазах темнеет... Но деревья там, животные — это полбеда, — добавил я, помолчав. — Хуже всего люди.

— Поэтому ты и руки никому не подаешь? Я слышала, чародеи говорили между собой...

— Именно. Это — как обухом по лбу. Привыкаешь со временем, конечно, но все равно неприятно. Если я просто к кому-то притронусь — еще полбеда, да и не выйдет никогда никого не касаться, если только не живешь отшельником... Опять же, бывает полезно узнать, что человек сейчас чувствует, — перебил я сам себя. — Но на прямой контакт я иду редко.

— А как же ты с женщинами? — непосредственно спросила Кьярра, и я ответил:

— Представь себе, есть способы, при которых мне руки задействовать не обязательно. Многим такое нравится.

Она задумалась, наверно, пыталась представить в силу своего скромного разума, что это за способы такие. Я же подумал, что разговор надо сворачивать. И так слишком много выложил о себе... Конечно, все это не более чем слова, и ничего особенно важного я не рассказал, не назвал ни имен, ни мест, но... Хватит на сегодня душевных бесед.

— Сложно, — сказала вдруг Кьярра.

— Что именно?

— Живется тебе сложно, — пояснила она. — Теперь понятно, почему ты не захотел Тродду.

— И почему же?

— Разве приятно сразу понимать, что женщина чувствует?

— Иногда это удобно, — усмехнулся я. — Но чаще всего они

переживают, щедро ли я им заплачу, что подарю и позову ли снова, когда опять окажусь в их краях. Ну и гадают, что приключилось с моими руками, как же без этого. С другой стороны, если попадаете такая, которой нравится заниматься этим делом, а посторонние мысли ее не занимают, вот тогда... недурно выходит.

Кьярра снова задумалась, а я добавил:

— Тродда наверняка упивалась бы победой. Вот это — не самое приятное ощущение, ты права. А теперь, когда ты узнала все, что хотела...

— Еще не все, — перебила она и зевнула. — Но другое подождет. Ты же не уйдешь потихоньку?

— Нет. Сперва нужно решить, что делать дальше. И где тебя прятать.

— Разве здесь плохо?

— Хорошо, только припасов надолго не хватит, с твоим-то аппетитом. А выбираться за провиантом... опасно, сама понимаешь. Не хочется мелькать лишний раз.

— Я потерплю, — заверила Кьярра. — Главное, вода есть. Я ничего тут не испорчу, обещаю! И потом... Ты меня спас, и я должна тебе помочь, вот так.

— Э нет, постой! — нахмурился я. — Мы квиты — бежали-то вместе. И если на то пошло, это ты меня спасла. Я бы замерз насмерть, не согрей ты меня.

— Тем более.

— Что — тем более? Или ты рассуждаешь, как какой-то древний мудрец: раз уж спас кому-то жизнь, то обязан заботиться о нем до самой его смерти?

Я представил, как за мной до скончания дней моих будет таскаться сторожевой дракон, и невольно улыбнулся.

— Это не очень долго, — серьезно сказала Кьярра. — Люди мало живут.

— Тебя запросто могут убить, — любезно ответил я.

Она пожала плечами: мол, убьют так убьют, эка невидаль...

— Ложись-ка ты спать, — сказал я после паузы. — Время уже позднее.

— А ты?

— А я не сплю, забыла? Подумаю, что предпринять в первую очередь.

— Например? — любопытно спросила она.

— Например, неплохо было бы разыскать того, кто все это затеял. Из-за него я теперь работать не смогу спокойно!

— Почему?

Я застонал про себя и объяснил:

— Мы с тобой так шумно сбежали, что не заметить это было сложно. Нас пока не нашли, но наверняка ищут. Тебя так уж точно: и тот, кто приказал тебя поймать, и, думаю, другие личности тоже. Про меня-то понятно: если я ухитрился уйти, то ищи — не ищи, ничего не выйдет, пока сам не решу объявиться.

— И что тогда?

— Да знать бы! Может, и ничего. Скажу, что дракон взбесился, чародеи его не удержали, а я успел сбежать. Еще и неустойку стрясу... А может, кто-нибудь захочет узнать подробности этой истории. Есть, знаешь, умельцы — как начнут расспрашивать, мигом выложишь даже то, о чем давно забыл. И попадаться им в руки мне совершенно не хочется...

Я покачал головой.

— И ведь только все наладилось, дела пошли... и на тебе! Неужели опять уходить придется?

— Опять? Ты уже откуда-то убежал?

— И не один раз, — усмехнулся я. — Сбежать — не проблема, устроиться на новом месте — тоже, но хотелось бы захватить побольше наличности. С ней как-то легче живется. А я ее с собой не ношу, сама понимаешь. Хочешь не хочешь, а к Веговиру наведаться придется. Может, он что полезное расскажет...

— Он первый тебя и выдаст, — заметила Кьярра.

— Не думаю. — Я поднялся и потянулся. — Укладывайся, где хочешь, а я пойду прогуляюсь. Здесь, возле дома, не переживай.

Снаружи было прохладно. Ветер поднялся — кроны сосен тихо гудели в вышине, — но он не нес с собой никакой тревоги и тем более беды, наоборот, успокаивал и шептал на ухо о том, что пока можно ни о чем не беспокоиться. Но только пока. А потом... Видно будет.

Я вернулся в дом и обнаружил, что Кьярра устроилась на ночлег на половичке у очага. Свернулась клубком — ей только хвоста не хватало, чтобы обвиться сверху, — поджала колени к груди и, похоже, уже уснула.

Посмотрев на нее, я все-таки не выдержал, принес подушку, подсунул Кьярре под голову — кажется, уже немного привык, и прикосновения к ней ощущались не настолько болезненно, — потом укрыл одеялом. Под утро тут бывает прохладно, а по полу дует.

«Если выживем, — подумал я, растянувшись на своем лежаке, — может, поищем тебе новый дом, получше прежнего. Там, где людей нет».

Глава 9

— Рок, — услышал я, открыл глаза и встретился взглядом с Кьяррой. — Уже утро.

— Ты ранняя пташка. Солнце едва встало.

— А я раньше, — пожалала она плечами и отстранилась. — Привыкла. Иначе охоты не выйдет.

До меня она не дотрагивалась, только потянула за рукав, чтобы... разбудить? Однако...

Кьярра тоже это заметила, поскольку сказала:

— А говорил, не засыпаешь никогда.

— Приврал, — усмехнулся я. — Иногда проваливаюсь ненадолго, если сильно устал... и очутился в безопасности. Обычно сам этого не замечаю.

— Наверно, у тебя и голова болит оттого, что ты не спишь, — заявила она.

— Тебе почему знать, что у меня болит?

Кьярра снова пожалала плечами.

— Чувствую. Когда мы все были в обозе... тебе было как-то не по себе. Но так, терпеть можно. Потом совсем хорошо. А когда мы сбежали, то там, в снегах, ты просто упал. Шел-шел, даже говорил что-то, смеялся, а потом рухнул... и не шевелился. Я испугалась, что ты умер.

— Надо же... — Я сел и внимательно посмотрел на нее. — Я этого не помню. Вернее, как упал — помню, но...

Я осекся. Ведь было, было! Думал еще — из жары в такой холод, наверняка без приступа не обойдется. Вот и не обошлось. Видимо, я лишился сознания раньше, чем почувствовал, как раскаленный обруч стискивает голову.

Обычно после такого я лежу пластом сутки, а то и больше. А в этот раз... К слову, а сколько я провел под крылом Кьярры?

— Мы убежали до рассвета, а сюда пришли под вечер, — ответила она на мой вопрос. — Сам посчитай.

Выходило, меньше дня. Или повезло, или дело тут... хм... в целебных свойствах дракона.

— Один ученый человек сказал мне, — сообщил я Кьярре, — что мы не приспособлены ощущать так много всего. У обычных людей чувства намного слабее, чем у провожатых. Вот мы за это и расплачиваемся. Не я один страдаю, уверен. Но все мы об этом помалкиваем, потому что...

— Нельзя выдавать свою слабость, — закончила она. — Это я понимаю. Кто-нибудь может подстеречь тебя, когда ты не сможешь отбиваться.

— Да. Или подумает: зачем мне хворый провожатый, так вот сляжет на середине пути, и что делать? — усмехнулся я. — Словом, этот секрет я храню надежнее, чем загадку своих перчаток.

— Ты их нарочно показываешь, — уверенно произнесла Кьярра. — Чтобы смотрели на них — они яркие, красные, бросаются в глаза и запоминаются... Чтобы думали о них, говорили о них. А на остальное не обращали внимание. Так?

— Именно. Я развел тайны вокруг них, люди чего только не напридумывали... А главного и не примечают. Если на то пошло, я могу обойтись и без перчаток, если вдруг придется скрываться, — добавил я. — Не слишком приятно, но вполне терпимо. Зато без такой яркой приметы меня поди поищи.

— Сарго догадался, что с тобой не так, — нахмурилась Кьярра. — Он же отдал тебе твои снадобья.

— Да... Будем надеяться, это знание ушло с ним... в утреннее небо дымом костра, — высказался я как можно более поэтично и пояснил, в идя, что Кьярра не поняла: — В смысле, умерло вместе с ним.

— Но он не умер, — удивленно сказала она, и я выронил сапог, который как раз собирался надеть.

— Как — не умер? Там огонь полыхал до небес!

— Я не хотела убивать... — пробормотала Кьярра, опустив голову так, что я видел только каштановый затылок. — Мама говорила: если дикий дракон убьет человека, люди никогда не оставят его в покое. Найдут и отомстят. А там было много людей, да еще чародеи... Я просто зажгла возы, чтобы стало ярко и шумно. Волы напугались и взбесились. И лошади. Может, кто-то обжегся, но не насмерть. А я просто хотела убежать...

— Ясно... — протянул я и все-таки обулся. Планы придется менять на ходу. Я-то исходил из того, что чародеям пришел конец, но если они уцелели, картина перестает быть радужной. Ну да ничего, и не в такое встречал, выжил ведь. И теперь выживу. — К слову, Кьярра, а как ты ухитрилась меня догнать?

— Просто, — удивилась она. — Люди не очень быстро бегают.

— Да нет же! Я свернул с той тропинки на скрытую дорогу, миновал поворот, понимаешь? А ты последовала за мной.

— Ну да, — с еще большим недоумением произнесла Кьярра. — Ты постоял и пошел дальше, а я за тобой. И мы оказались на той снежной

равнине. А один охранник погнался за тобой... Я не говорила?

— Нет.

— Вот говорю — погнался. Он не увидел, куда ты повернул. Хотя был совсем рядом — я смотрела назад.

— Час от часу не легче, — пробормотал я. — Выходит, ты тоже видишь повороты?

— Не знаю, — честно сказала Кьярра. — Не понимаю, о чем ты. Я просто шла за тобой. Думала, если ты убегаешь, то знаешь, где спрятаться от чародеев. Не ошиблась.

— Это уж точно...

Она помолчала и сказала:

— Я разожгла огонь. И воду принесла. А что дальше, я не знаю. Покажешь?

— Конечно, — ответил я. — Это не сложно. Только одеяло у огня не оставляй, а то искра попадет, и оно загорится. Так и дом можно спалить.

— Оно уже... — сконфуженно произнесла Кьярра. — Немножко. Я потушила.

— Молодец, — похвалил я, посмотрев на обугленную дырку в одеяле (она имела форму девичьей ладони, видимо, тушила огонь Кьярра руками). — Иди сюда, научу тебя стряпать...

— И я буду немножко полезная, — прочитала она мои мысли. — Да?

Не сразу, но дело пошло на лад. Кьярра схватывала на лету, а управлялась достаточно ловко даже с перебинтованными руками. С другой стороны, что сложного в такой стряпне? Это ведь не королевский обед с двадцатью переменами блюд. Впрочем, и простецкую похлебку многие ухитряются испоганить, встречал я таких криворуких умельцев.

Кстати о руках...

— Покажи-ка ладони, — велел я, когда в котелке весело забулькало. — Все бинты изгваздала, нужно поменять. Этот вон еще и обгорел...

— Не надо, — сказала Кьярра. — Я вчера сперва совсем не могла думать. А потом мы так долго говорили, что я устала и забыла.

— О чем?

— Что не надо меня... это самое... Слово не помню.

— Перевязывать?

— Ну да.

— Само заживет, что ли? И когда? С такими руками тебе нигде показываться нельзя, люди приметливые, да еще сразу пойдут вопросы — что да как случилось.

— Нет, — помотала она головой. — То есть... Если я превращусь —

тогда зарастет быстрее. Но нельзя. Ничего, я знаю, как надо делать. Тут есть глина? У ручья?

— Нет, там дно каменистое.

— Ладно, — сказала Кьярра и вскочила. Сегодня она двигалась намного увереннее, чем вчера, да и говорила тоже. — Грязь подойдет.

Я вышел следом за ней и с некоторым недоумением наблюдал за тем, как она плеснула воды из бочки наземь и старательно развезла грязь. Да не босой ногой, как можно было подумать, а руками. Более того — буквально облепила их этой грязью, толстым слоем прямо поверх бинтов.

— Вот так, — с этими словами она обогнула меня и вернулась в дом, к очагу.

А там, не успел я хоть слово сказать, сунула руки в грязевых варежках в огонь.

Наверно, я достаточно сильно переменялся в лице, потому что Кьярра удивленно посмотрела на меня и сказала:

— Ты стал какой-то серый.

Неудивительно... С моим загаром бледность выглядит именно что серой, почти как у чернокожих людей вроде Веговера.

— Тебя совсем не жжет, что ли? — спросил я, борясь с желанием оттащить Кьярру от огня.

Не всякий день видишь, как человек добровольно сует руки по локоть в пламя да еще держит там, поворачивая так и этак! Вот только она не человек, напомнил я себе, даже если выглядит так, и не нужно об этом забывать.

— Нет. Мне приятно, — ответила она. — Но ты так не делай, сгоришь.

— Могла бы не предупреждать. И для чего это?

— Сейчас, подожди немножко. Сам увидишь.

Кьярра пошевелила пальцами в огне — видно было, как осыпается с них запекшаяся грязь (глина, наверно, схватилась бы этаким латной перчаткой), догорают бинты... Она еще ухватила горсть углей и пересыпала из ладони в ладонь, в самом деле как самоцветы — я вчера думал об этом. Выглядело это красиво, но... Мне не хотелось представлять, как ощущаются эти угли обнаженной кожей. Бывало, обжигался у костра, больше не хочу.

— Смотри, — сказала Кьярра и растопырила пальцы у меня перед носом.

Не обожженные, разве что немного закопченные пальцы, с которых совсем сошла опухоль. И ладони были целые, без следов безобразных дырок, готовых загноиться. Хотя нет, на коже остались едва заметные

вмятинки, и только.

— С глиной вышло бы лучше, — заметила их и Кьярра. — Грязь слишком быстро осыпалась. А с металлом было бы совсем хорошо.

Я на всякий случай не стал воображать, как она опускает руки в расплавленное золото.

— Вы так лечитесь? — спросил я, откашлявшись.

— Когда раны несложные — да, — кивнула Кьярра. — А если что-то серьезное... я, наверно, не сумею с таким справиться.

— Серьезное в твоём понимании — это что? Оторванная конечность, сломанный хребет, распоротый живот?

— Ну да. Мама сумела спасти отца, хотя он сильно покалечился. А я не успела выучиться как следует. Запомнила все, что она говорила, но не знаю, смогу ли это сделать. И вообще, — добавила она, — если сама сильно поранюсь, тогда точно не сумею. На ком-то другом это... ну...

— Проще, — согласился я. — Поэтому давай постараемся обойтись без серьезных увечий. Меня это тоже касается, учти! Вряд ли ты умеешь лечить людей.

— Да, с тобой так не выйдет, — согласилась Кьярра и принялась. — Можно уже есть? Пахнет хорошо.

— Ешь, — кивнул я, и она одной рукой сняла котелок с огня.

Силы ей было не занимать, потому я и предостерег: забудет, что люди все-таки не настолько прочные, как драконы, отмахнется не глядя и покалечит. Расстроится, конечно, но мне от этого легче не станет.

— А ты?

— Пока не буду. — Я встал и пошарил на полке. — Вещи по тебе подгоню, а то ты как оборванец последний...

— Раньше у меня совсем не было одежды, — сообщила Кьярра с полным ртом.

— Понятное дело, зачем она тебе? Вряд ли ты в своей пещере ходила в человеческом облике.

— Иногда. Мама учила, как... ну... — Она взмахнула черпачком, спасибо, что пустым. — Быть похожей на людей. У меня получается?

— Если представить, что ты воспитывалась в какой-нибудь глухой деревне, то да. К слову, — припомнил я одну мысль, — а почему ты превратилась именно в человека? Не в лошадь, например? Мне кажется, на четырех конечностях тебе было бы удобнее передвигаться. Привычнее, во всяком случае.

— Ну... наверно, — задумалась Кьярра. Выскребать котелок, впрочем, не прекратила. — Но я никогда не пробовала. И мама мне не говорила, что

так можно... А жалко! Вот бы притвориться оленем и подобраться совсем близко к стаду! Но, — добавила она, — вряд ли бы вышло. Зверей трудно обмануть. Труднее, чем людей. Даже если я превращусь в оленя или лошадь, я буду пахнуть по-другому. И вести себя...

— Точно, — вздохнул я. — Если твои странности в человеческом облике еще можно списать на издержки воспитания... вернее, его отсутствие, то животных не проведешь.

— Ты бы хотел, чтобы я стала лошадью? — живо спросила Кьярра. — Тогда бы ты мог на мне ездить. И прятать меня проще.

— Уверена? — ухмыльнулся я.

— Ну... — Она поскребла в затылке свободной рукой и согласилась: — Я была бы очень странная лошадь.

— Вот-вот. Где-нибудь на постоялом дворе сильно бы удивились, если б я велел не овса своему скакуну засыпать, а мяса дать. Да и под седлом ты ходить не умеешь, мороки больше.

— Но вдруг пригодится? Я бы попробовала!

— Не надо, — попросил я. — А то так вот превратишься наполовину или застрянешь не в том облике... и что я с тобой делать стану? Так ты хоть говорить можешь! Кстати, а когда ты дракон, ты ведь не в состоянии разговаривать?

— По-человечески — нет, конечно, — ответила она. — Только по-своему, но ты не поймешь. То есть поймешь, если выучишься, но это долго.

— Логично, командиры своих драконов как-то понимают, — пробормотал я.

— Да. Отец говорил... То есть мама говорила, что он рассказывал: они легко договариваются. Дракон всегда может сказать, что ему нужно... воды, например. Или что сбруя неудобная. Или враг рядом. А люди понимают, но отвечают, конечно, по-своему. Но если не в бою, — завершила она, — им проще так сказать. В смысле, по-человечески.

Кажется, я потерял нить ее мысли.

— Ты хочешь сказать, — начал я, — что все без исключения драконы могут превращаться в людей?

— Конечно, — удивленно ответила Кьярра. — А ты не знал?

— Не знал, разумеется! И, уверен, почти никто не знает... А кто в курсе, у тех рты накрепко закрыты, — вздохнул я.

— Сам посуди: если бы отец не мог превратиться в человека, как бы мама его спасла? Она бы не донесла его до нашей пещеры, он был намного больше и тяжелее.

— Об этом я как-то не подумал... Мало ли, на месте лечила, —

буркнул я. — Стоп. Что, и транспортники?.. Они же гигантские!

— Я тоже не маленькая, — гордо сказала Кьярра. Подумала и добавила: — Но рядом с ними буду как птичка. Я видела издали — они летели куда-то...

Тут я взялся за голову и подержался за нее немного. Не потому, что разболелась — пока ничто не предвещало, — а чтобы собрать расползающиеся мысли.

Я говорил уже — немного интересовался драконами, когда рассчитывал получить один заказ, связанный со списанным боевым. Сильно в подробности не вдавался, так, получил кое-какое понятие, заодно завел знакомства на драконодроме — подумал, лишними не будут. Мало ли, понадобится раздобыть билет на транспортник до колоний, а для своих всегда местечко найдется... Захаживал я и в заведения, где обычно собирались работники драконодрома. И обслуга, и командиры, и экипажи...

Вот только кто из них был человеком, а кто — драконом? Может, улыбчивый молчаливый гигант Даррил — на самом деле тот здоровенный транспортник, который недавно побил рекорд по скорости доставки сверхтяжелых грузов в колонии? А невысокий, заметно ниже меня ростом, сухощавый и быстрый в движениях Таггар с его хищным профилем и рассеченной шрамом щекой, с орденскими планками на кителе — не командир экипажа, а сам боевой дракон?

Это был очень тесный замкнутый мирок, кого-то со стороны туда просто не допускали. Я мог общаться с ними в том же питейном заведении, обсуждать женщин и последние новости, но ни разу не слышал ничего об их службе. Говорю — наверняка у них языки завязаны не просто подпиской о неразглашении, а и колдовством. Чтобы не сболтнули лишнего ни в бреду, ни в подпитии...

И работать на драконодром устроиться почти нереально даже грузчиком или уборщиком. Офицеры — понятно, там свои кланы, но и в обслугу берут только проверенных людей. Я думал — это продиктовано требованиями безопасности. Мало ли, вдруг «союзникам» вздумается перетравить лучших боевых драконов королевства или, еще того не лучше, молодняк? Да только безопасность, выходит, бывает разная. Есть секреты, которых никому лучше не знать.

С другой стороны, посвящено в это не так мало народу. Утечка информации всегда может случиться... Но кто поверит, что этот вот стальной бронированный гигант, который только что ушел в небо со взлетной горки, позавчера пил пиво и травил байки под развеселую

музыку? Или даже принимал участие в гонках на самоходках, вследствие чего немного пострадала стена веселого дома, назначенная финишной отметкой?

А ведь в человеческом облике они намного более уязвимы, чем в родном, крылатом...

И что сделают с тем, кто случайно узнал этот секрет? Провожатый я или нет, убивать-то меня не обязательно. Можно законопатить в тюрьму пожизненно и забыть о моем существовании. А за что... придумают, это не сложно.

Есть еще Кьярра. И чародеи. И кто-то, кому очень понадобился дикий дракон, возможно, последний на нашем континенте, если не во всем мире. Она, к слову...

— Рок? — Кьярра осторожно подергала меня за рукав. — Ты какой-то странный.

— Я думаю, — ответил я.

— У тебя лицо, как будто ты кого-то убиваешь, — сообщила она.

— В самом деле? А говорят, убиваю я с улыбкой, — усмехнулся я. — Соврали, наверно. Пойди пока помой котелок, а я соберусь с мыслями.

Кьярра кивнула и ушла к ручью — я слышал, как она шлепает по воде, а потом, судя по звуку, пытается отдраить пригоревшее песком...

Она не просто дикий дракон, вот что. Если все так, как она говорит, и отцом ее был боевой дракон, впоследствии вернувшийся к людям, то... Он мог сообщить, где пропал столько времени. Вряд ли мать Кьярры излечила его за день-другой. Скорее всего, он провалялся у нее неделю, а то и больше. Нужно ведь было не только заштопать раны, а еще и дать ему набраться сил. Между делом они еще и Кьярру сострипали, так что... Нет, парой недель там не обошлось. Месяц самое меньшее, даже учитывая чрезвычайную живучесть драконов.

За это время он мог узнать все о матери Кьярры, но вот рассказал ли командованию? Судя по тому, что его случайную пассию, а впоследствии и ее дочь много лет никто не трогал и вообще не замечал, он мог и солгать. Сказал, к примеру, что свалился невесть где, чудом выполз к ручью, питался подножным кормом до тех пор, пока не сумел подняться на крыло. Долго пропал, это верно, но и изранен был серьезно. Спасибо, что вообще сумел вернуться. И не было там никого, в диких безлюдных (бездраконных, вернее) горах.

Но даже если он не доложил командиру, то мог сказать другу спустя много лет, когда Кьярра уже выросла... Я думал об этом: он вполне еще может состоять на службе. Вряд ли в наших краях, кстати: драконы едва ли

сильно меняются внешне с ходом времени, и их должны переводить в другие части. Иначе местные быстро подметят, что такой-то и такой-то будто и не стареют вовсе. Шрамов, может, прибавляется, а вот морщин и седины — нет. Ну пять лет такое может сходить, десять, даже двадцать — и среди людей попадаются такие живчики, что в полвека выглядят едва ли на половину своего возраста, — но вряд ли больше.

И вот, оказавшись где-то далеко отсюда, мог тот дракон поделиться воспоминанием с кем-то? Почему нет? Встретился с ровесником, они и предались воспоминаниям о прошлом. Или, наоборот, рассказывал юнцам о том, как выживать в одиночку... Словом, не угадаешь.

Скорее всего, о Кьярре он даже не знал, а по поводу ее матери — полагал, что ей ничто не угрожает спустя столько лет. Или вовсе о ней не думал — что за чушь, случайный эпизод в бурной боевой биографии!

Однако кто-то услышал его рассказ, заинтересовался, и, как в случае с самой Кьяррой, — не пропустил мимо ушей байки подвыпившего козопаса.

Вопрос: кто и почему связал эти истории воедино? Или вовсе не связывал, а каждая из них существует сама по себе? Не верилось мне в такие совпадения, честно признаться...

И еще кое-что не давало мне покоя: Кьярра легко последовала за мной. Может быть, видела поворот, может, чувствовала... Я пока не выяснил, в чем тут фокус, но сделать это нужно обязательно.

Я никогда не слышал о том, чтобы проводящих использовали в связке с драконами. Помню, как-то размышлял об этом и пришел к выводу: нереально. Дракон слишком быстрый, это во-первых: он проскочит десяток поворотов прежде, чем ты успеешь сориентироваться и выбрать подходящий. Во-вторых, они плоховато зависают на одном месте, а иногда нужно подождать, чтобы открылся желаемый путь. Ну ладно, в этом случае они могут летать кругами. Но во время сражения так не выйдет — собыют сразу же. Мирным же транспортникам ни к чему скрытые дороги. Они летят себе и летят по прямой, а от угрозы найдется, кому их охранять.

О том, что грузы таким способом можно доставлять не только в колонии, я тоже думал. И, уверен, не я один. Очевидно, это признали невыгодным, слишком сложным... И потом пришлось бы держать штат проводящих, причем немаленький. Ну, пускай не на каждого дракона по человеку, но все-таки десятка два надежных проводящих необходимы, а на такую работу абы кого с большой дороги не наймешь. Тренировки нужны, опять же: одно дело выискивать скрытые дороги на земле, и совсем другое — в воздухе на порядочной скорости. Я бы не взялся, если честно, во всяком случае, с ходу.

А провожатых не так уж много, я упоминал. Надежных среди них — еще меньше (я отношу себя к таким, но со мной не всякий согласится). Выходит — тупик...

Но вот если драконы сами способны различать повороты и проходить на скрытые пути (пусть будет так, а то дорога в воздухе — странно звучит), то картина меняется. Это какой простор для применения их способностей: и разведка, и внезапные нападения, и все та же доставка грузов кратчайшим путем, в обход штормов, бурь и чужих недружественных территорий!

Почему же прежде так не поступали? Ведь за подобную возможность непременно ухватились бы руками и ногами, едва прознав о ней! Неужели не представляли, что драконы способны на подобное?

Вполне вероятно, решил я. Те драконы, что давно обитают бок о бок с людьми, выросли с ними рядом и никогда не жили на воле, могут просто не знать об этом. У них не было нужды искать новые убежища, места для охоты, да просто — путешествовать, не важно, по собственному желанию или насущной необходимости, они привыкли действовать в рамках приказа. А главное — они не слышали рассказов родителей, которые, в свою очередь, узнавали всевозможные секреты от своих стариков. Этого достаточно для того, чтобы знание попросту исчезло, — хватит одного-двух поколений выращенных в неволе. И даже если прирученные драконы видели какие-то ответвления привычных маршрутов, то не понимали, что именно заметили. Есть задание — они выполняют, вот и все.

Ну а диких давным-давно никто не встречал и уж тем более не общался с ними... Кроме меня. И того боевого дракона...

— Кьярра! — окликнул я. Она как раз вернулась в дом. Похоже, опять выкупалась: с волос и одежды текло. — Скажи, твоя мать не называла тебе имени отца?

— Называла, конечно, — ответила она и села к огню обсыхать. Хотя на ней и так все сохло мгновенно. — Но я не скажу.

— Я помню, ты говорила, что человеку его воспроизвести не под силу, — отмахнулся я. — Речь о другом: не упоминала ли она, как его звали на службе? Среди людей? У боевых драконов обычно есть кли... м-м-м... прозвища. Стремительный, к примеру, Синий Гром или Стальная Погибель...

— Не помню такого, — помотала головой Кьярра. — А зачем тебе?

— Подумал, что его можно разыскать, — ответил я. — С именем было бы проще, но и так возможно...

Действительно: зацепки на драконодроме у меня сохранились. Если

расспрашивать осторожно (а еще делать вид, будто старый дракон интересуется не тебя, а какого-то клиента, и подмазывать достаточно щедро), то можно кое-что выяснить. Если удастся подсчитать, сколько примерно лет Кьярре, будет легче: сразу станет понятно, в какой именно войне участвовал ее отец. Нет — все равно вычислить можно, не так уж много боев велось в районе тех гор. А если еще...

— Слушай-ка, а вы не носите одежду потому, что вам она совсем не нужна, или потому, что если превратитесь, она в клочья порвется?

— Не знаю, — ответила Кьярра. — Я никогда не пробовала. Но мама говорила, на отце был мундир. Рваный из-за ран, но раз был — значит, он в нем и превращался, правильно? Ты говоришь, люди не ходят голыми. Он жил среди людей и должен был одеваться. Так?

— Выходит, так, — согласился я и скрестил пальцы на удачу. — Она не говорила, какого цвета был этот мундир? И вообще, как выглядел?

— Ну... вроде бы как осеннее небо. Такой... не серый и не синий, между. С белой полоской по... ну, вокруг горла. И еще с какими-то железными подвесками. Мама говорила, отец ими очень дорожил. Одна потерялась, так он два дня искал и ее заставил. Странно, ведь даже не золотые...

Сизый мундир с белым кантом — это как минимум ведущий крыла (так называется отряд у боевых драконов). Железные подвески — очевидно, награды. Странно, конечно, — почему он при полном параде вылетел в бой? Но кто знает, что тогда случилось? Он вообще мог оказаться в сопровождении какой-нибудь важной персоны на транспортнике, на них напали... Гадать можно до бесконечности, но я не видел в этом смысла. Главное, приметы есть.

— Кьярра, а как он выглядел? Про размер я понял — намного больше твоей матери, а значит, и тебя. Но боевые примерно одной величины, с этим просто... А масть?

— Мама говорила — как его мундир, — охотно ответила она. — Только без белой полосы и блестящий. Я всегда жалела, что не такая. Но с моей шкурой проще прятаться. Его в горах было видно издалека.

— Ясное дело, такая окраска — для открытого неба... или даже моря, — вслух подумал я. — Ну а в человеческом облике он каким был?

Кьярра задумалась, вспоминая.

— Мама говорила — он был темный, — выдала она наконец. — Не как Веговер, а примерно, как ты. Только ты такой от солнца, а он сам по себе.

— Я не только от загара такой коричневый, — сказал я. — Сам по себе тоже не белокожий. Посветлее, чем ты, но все-таки... И сверху еще

прожарился, вот и вышло, что вышло.

— Понятно... Но ты не отвлекай, — нахмурилась Кьярра. — Цветом я на отца похожа. А мама была совсем белая, когда становилась человеком. И волосы у меня тоже темные и вьются, как у него. А глаза, как у мамы. У него были зеленые.

— Отлично! — сказал я.

— Что?

— То, что приметы яркие, — пояснил я. — Заметные шрамы или еще какие-то отметины у него не имелись?

— Конечно. Он же сильно поранился.

— Ну, каждого встречного не разденешь... На лице, я имею в виду. Может, не шрамы, а родимые пятна? Пальцев не хватало, уха или глаза?

— Нет, она ничего такого не упоминала, — ответила Кьярра, подумала и спросила: — Значит, ты хочешь его найти?

— Во всяком случае, попытаться можно. Даже если не отыщем его самого, попробуем понять, к кому потянулась ниточка и когда... — задумчиво произнес я, не заботясь о том, понимает она или нет. — Выяснить это будет не так-то просто, но ничего невозможного нет. А если твой отец еще жив, все упростится. Или усложнится, это как посмотреть...

— О чем ты говоришь? — удивилась она.

— Так, мысли вслух, — улыбнулся я и подумал: чтоб мне провалиться на этом месте, я влип в очень серьезную историю!

И если я прижму Веговера к стенке и выпытаю, на кого работали Сарго и Тродда (я бы их самих прижал, да кишка тонка), все прояснится еще больше. А тогда уже я смогу решать: участвовать в рискованной игре или уносить ноги как можно дальше и как можно быстрее...

Глава 10

Прежде чем делать какие-то выводы, нужно было проверить, действительно ли Кьярра видит повороты, или же сумела последовать за мной исключительно по какому-то непостижимому стечению обстоятельств. Или везению — как ни назови, итог один.

Дело осложнялось тем, что Кьярра не понимала, чего я от нее добиваюсь. То ли я совершенно разучился объяснять (а вернее, никогда и не умел, не возникало у меня такой необходимости), то ли переоценил ее понятливость... Нет, снова неверно: она была более чем сообразительна, это я никак не мог подобрать слова и растолковать ей, что мне нужно.

— Я вижу тропинку, — повторяла Кьярра. Одного нельзя было у нее отнять: она иногда обижалась, но не раздражалась, даже если считала, что я трачу время попусту. — Она прямая. Если где-то поворачивает, то за деревьями не видно.

Я в эту самую минуту на этом самом месте видел два открытых и три пока что закрытых поворота, а она — нет. Что же, выходит, я просто дал волю воображению? Выдумал заговор мирового масштаба, а на самом деле Кьярре просто повезло проскочить за мной? В драконьем облике она достаточно крупная, чтобы не потерять меня из виду... Стоп, там же был лес... Ну, значит, нашла по запаху: на обоняние драконы тоже не жалуются.

— Рок, а можно мне поохотиться? — вдруг жалобно спросила Кьярра. — А то я правда все твои припасы съем.

— Ты сама говорила — если превратишься, деревья поломаешь. Тебя же и зашибет какой-нибудь сосной. Или она крышу проломит, тоже приятного мало.

— Я не здесь!

— А где? В снегах? Я могу тебя отвести, но только ближе к вечеру — сейчас дорога закрыта.

— Да нет же! — По-моему, Кьярра тоже страдала от нехватки слов и связанной с ней невозможностью донести до меня очевидное. — На лугу. Там какие-то олени или козы... с рогами, в общем. И людей кругом нет.

— На каком еще лугу? — опешил я.

— Вон там, — махнула она рукой. — Ты не видишь?

Я различал только незнакомый поворот, и что там за местность, сказать не мог. Вроде и впрямь равнина, если верить залетному ветерку, но какая именно, я определить не мог. Соваться же туда наобум не хотелось.

— Не вижу, — ответил я. — Скажи, а те снега ты видишь?

— Ну да, — удивленно ответила Кьярра. — Только они очень далеко. Странно... Мы же совсем мало шли. И они такие... ну... как в тумане. А луг совсем рядом. Раньше его не было.

— Я бы отпустил тебя поохотиться, — осторожно сказал я, переваривая сказанное, — но ты уверена, что сумеешь вернуться?

— Конечно, — уверенно сказала она. — Я же недолго. Туман еще далеко.

— Ты имеешь в виду, такой же туман, какой сейчас закрывает снежную равнину?

— Ну да. Его пока даже не видно. И я его заранее почувствую, он очень холодный и такой... — Кьярра передернулась. — Как старая паутина, только хуже.

— Тебя мать научила это различать? — спросил я.

— Конечно. Когда показывала, как охотиться. Говорила, куда нельзя летать, куда можно. Только рядом с нашей пещерой уже почти никуда было нельзя, — вздохнула она. — Повсюду люди. Вот мама и искала такое место, где их не будет.

— Похоже, она решила разведать скрытую дорогу, но почему-то не вернулась...

— Что такое скрытая дорога? — спросила Кьярра. — Ты часто так говоришь. И про поворот. А я не понимаю.

— У нас с тобой разница в терминологии, — хмыкнул я, присел на старый пенёк, удостоверившись, что на нем нет муравьев, подумал и закурил.

Кьярра принялась, сперва недовольно сморщила нос, потом вдруг заявила:

— Я знаю этот запах!

— Конечно, знаешь. От Веговера им несет за дневной переход. И от меня тоже, хоть и не так сильно. Я только в походах не курю, чтобы чутье не сбивать, а сейчас... Сейчас без разницы.

— Нет, я его еще раньше знала!

— Так, может, старик-козопас курил?

— У него был совсем другой дым, — помотала головой Кьярра. — И не такие вот палочки, а деревянная трубка. Она ужасно пахла, я всегда чихала. Один раз чуть не подпалила сено...

— А, так он, наверно, не накорри употреблял, а что-то местное, отсюда и вонь, — сообразил я. — При желании скурить можно хоть кору, хоть сушеный лопух, но вот действие и ароматы... сильно различаются. Где же

ты встречала курильщика накорри? Может, это первый чародей?

— Нет. У мамы была железная коробочка с такими палочками. Она их берегла. А когда я подросла, то подожгла одну и сказала — так пахнет твой отец... Рок? Почему ты смеешься?

— Извини... — выдавил я, откашлявшись — дым попал не в то горло. — Я просто представил дракона с трубкой в лапе...

— Не с трубкой, — поправила она.

— Я понял, понял...

Нет, дивная все-таки вырисовывается картина: орденосный дракон-офицер, да еще и курильщик! Не припоминаю, чтобы кто-то из тех ребят с драконодрома курил... хотя я не слишком-то обращал внимание на их привычки. Вряд ли это можно считать еще одной приметой... А с другой стороны, почему нет? Хороший накорри — удовольствие не из дешевых, порядочные поставщики наперечет, постоянных клиентов торговцы обычно запоминают...

— Давай лучше про скрытые дороги, — потребовала Кьярра, усевшись у моих ног.

Назначение стульев, скамей и прочих подпорок было ей понятно, но сидеть она все-таки предпочитала на полу или на земле, вот как сейчас. Хотя в крылатом облике наверняка громоздилась куда-нибудь повыше, на скалы и утесы, чтобы издали видеть добычу.

— Я думаю, с чего лучше начать.

— Как сам говорил — с простого. Почему они скрытые?

— Сама догадайся.

— Ну... — Кьярра наморщила лоб. — Их не все могут увидеть?

— В точку.

— Но ты можешь и других с собой водишь, да?

Я кивнул.

— А почему тебя называют провожатым? — спросила вдруг она. — Странное слово.

— Понятия не имею. Так сложилось. В других местах нас зовут проводниками, подорожниками, ходоками, даже ходунцами и проходимцами... Изгаляются, кто во что горазд. Суть одна: мы способны находить пути и сопровождать по ним тех, кто их не различает.

— Я думала, так все могут...

— Драконы, может, и все, — задумчиво ответил я. — А людям такой дар достается очень редко. Только не напоминай, что я, по-твоему, не человек!

— Не буду, — вздохнула она. — Но что поделать, если это правда?

— Ну не подменишь же я, в самом деле... Родителей обоих прекрасно помню, бабок с дедами не всех застал, но по рассказам — люди как люди. Я вроде бы на деда по материнской линии похож, тот тоже был смуглый и при этом белобрысый и белоглазый. Но, в отличие от меня, любил поспать.

— У тебя не белые глаза.

— Это просто присказка, — терпеливо повторил я. — Значит — очень светлые. На контрасте с загорелой физиономией особенно выделяются. В наших краях люди такой масти редко попадаются, вот мне и доставалось со всех сторон...

— Почему? — задала свой излюбленный вопрос Кьярра.

— Потому что люди не любят тех, кто сильно от них отличается. Если бы не мой дар, мне бы намного хуже жилось. А так, — я усмехнулся, — необычную внешность мне все-таки прощали. Хотя сверстники дразнили, конечно. И я догадываюсь, к чему ты клонишь.

— К чему? — не поняла она.

— Что я не какой-то там подменишь, а просто прижит не от отца. Или не я, а тот мой дед. Он ни в чем странном замечен не был, либо же способности у него были слабые, и он их вдобавок скрывал. А у меня, через поколение, они проявились ярче.

Логическая связка была проще некуда. Если считать, что все драконы легко различают скрытые пути (пускай даже не знают, что это, зачем нужно и как их использовать), а люди в большинстве своем — нет, за исключением провожатых, напрашивается вывод, что провожатые имеют какое-то отношение к драконам. Идем дальше: не на пустом же месте родились сказки о том, как те похищали девиц? Вряд ли ради прокорма: что там есть-то в той девице? Она, конечно, побольше овцы (и то не всякая), но поменьше оленя, дракону на один зуб. И почему девиц (ладно, расширим — молодых женщин), а не почтенных матрон изрядного веса? Не крепких мужчин? Лакомились нежным мясцом? Так драконы не гурманы, им лишь бы брюхо набить...

Ну а учитывая тот факт, что драконы таки могут становиться людьми, вывод сделать несложно. Не ради еды они тех девиц похищали, ох, не ради еды...

Скорее всего, самок своего вида на всех не хватало. Если, как говорит Кьярра, раньше жили кланами, то и уклад, по идее, должен быть схож с нашим: женихов для девиц выбирали старшие — самых сильных, умных, богатых (интересно, правду ли говорят о драконьих сокровищах), способных прокормить семью. Может, даже турниры устраивали, чтобы выбрать лучшего из лучших. А может, подарками мерились...

Но что делать бедолагам-юнцам, не удавшимся статью и смекалкой? Каким-нибудь приبلудным, безродным? Искать вдовушек? Сдается мне, драконья вдова такого бы и на порог пещеры не пустила. Сманивать завидных невест? Так те себя не на помойке нашли... Ну ладно, какие-то могли поддаться чувствам, все, как у людей. Но вряд ли таких было много.

Вот и приходилось им таскать человеческих женщин или просто наведываться в гости, но это менее заметно, а потому отражения в легендах не нашло. И, вполне вероятно, от таких союзов появлялись дети. Я уже во все готов поверить. Наверно, некоторые даже выжили. Сомневаюсь, конечно, что им досталась способность превращаться в огнедышащих чудовищ.

Если так, то их ждала незавидная участь: среди драконов жить было нельзя — ну что это такое, слабое двуногое существо, замерзающее без одежды и огня зимой, страдающее от жары летом, неспособное раздобыть пропитание...

Среди людей они были такими же безродными, как их отцы среди сородичей. Но у людей с этим все-таки попроще, есть шанс если не пробиться наверх, то устроиться не хуже прочих. Наверняка многим это удалось... Ну а дальше пошло-поехало: дети, внуки, правнуки — кому-то да достанется способность видеть тайные пути. Не такая, как у предка-дракона, намного более слабая, но и то неплохо!

Как я отнесся к мысли о том, что сам могу оказаться потомком дракона? Да никак. Эка невидаль: кто-то из далеких предков вступил в межвидовой союз, причем почти наверняка не по своей воле. Невольниц тоже не спрашивали, хотят ли они спать с хозяином и рожать от него детишек, так что темнокожих людей всех оттенков в королевстве теперь полным-полно. К ним давно привыкли, второсортными не считают (рабство давно отменили, я упоминал), среди них полным-полно уважаемых и богатых людей — взять хоть Веговера с его капиталами и банковским делом. Аристократов почти нет — редко кто отличался настолько, чтобы получить титул (да и предрассудки все-таки играли определенную роль), но офицеров немало...

Меня больше интриговал вопрос: известно ли о том, что у людей с драконами может быть жизнеспособное потомство? Сдается мне, если бы об этом знали, то вполне могли начать... хм... размножать насильно. Хотя и добровольцы найдутся, особенно если заплатить.

Однако засилья провожатых что-то не наблюдается. Либо никто действительно не пробовал скрещивать людей с драконами (но такая мысль не может не прийти в голову, если знаешь, что последние способны менять

облик!), либо эксперименты не увенчались успехом. Кто знает, какой процент такого потомства выживает? А какая часть выживших проявляет способности? Вполне вероятно, если такой проект и был, его признали невыгодным и прикрыли. И засекретили во избежание...

— Рок, о чем ты так задумался? — спросила Кьярра.

— Складываю головоломку, — ответил я. — Что-то вроде бы вырисовывается.

— Так, может, пока ты... ну... голову ломаешь, я все-таки поохочусь?

— Конечно. Только недолго. Возвращайся поскорее.

— Я быстро, — заверила она и облизнулась. — И с собой принесу!

— Вот не надо, — попросил я. — Терпеть не могу свежевать, потрошить... Потом отмываться полдня приходится.

— Что, совсем ничего не нужно? Шкуру я сама обдеру, дел-то...

— Ладно, — сдался я, потому что похлебка с вялениной мне уже опротивела. Если уж запихивать в себя еду по необходимости, так хоть вкусную. — Тащи.

Кьярра вскочила на ноги, дернула было рубашку за воротник, но я остановил:

— Не снимай! Посмотрим, что станет с одеждой, когда ты превратишься.

— Испачкается, — предрекла она, шагнула чуть в сторону... и исчезла.

Я не раз видел, как уходит за поворот провожатый с отрядом, но сейчас даже не уловил момента перехода. Вот была Кьярра — и ее не стало.

«Если на это способны и боевые драконы, — подумал я, — то узнавшему военную тайну не поздоровится. Будь осторожнее, Санди. Голова у тебя одна. Пускай больная, но все равно жалко...»

Я лежал под сосной на слежавшейся хвое (она пружинила, как хороший матрац), смотрел в небо и думал о вечном. В смысле, о том, как бы выкрутиться из сложившейся ситуации с наименьшими потерями.

Так-то бы лучшим решением стало уйти куда подальше и затаиться на несколько лет. А может, и вовсе никогда не возвращаться в эти края, как я уже зарекся возвращаться кое-куда.

Кьярра... Вон, она уже нашла себе охотничьи уголья. Не пропадет. Мало ли скрытых дорог! Какая-нибудь непременно выведет ее в подходящие горы, там она и останется жить. В одиночестве, правда, но это уж дело такое... В конце концов, кто ей мешает похитить симпатичного парня?

Вот только неразгаданная тайна всю оставшуюся жизнь будет тянуть

из меня жилы. Память у меня хорошая, и я знаю свою натуру: не успокоюсь, буду так и этак вертеть кусочки мозаики, но сложить цельное изображение не смогу, потому что не хватает важных деталей. Зацикленность на одной идее — скверная штука, способная испортить жизнь, а я очень к этому склонен. Поэтому лучше разобраться в деле хотя бы начерно, получить общее представление о происходящем — слишком глубоко копать не стоит, опасно — а потом уже уносить ноги.

Где скрыться, я знаю. Не каждый провожатый доберется до этого места, а я давно проложил маршрут. Места диковатые, цивилизацией не испорченные, но в этом есть свое очарование. Во всяком случае, там воздух чистый, а не как в городе, где от смога дышать нечем. Люди там простые, нравы тоже... Долго жить в тех краях я не смогу, скучно станет, но отсидеться какое-то время получится. Бывало уже... Ну а дальше придумаю, куда отправиться. У меня еще столько дорог не разведано — на всю оставшуюся жизнь с лихвой хватит. Я же намеревался жить еще очень и очень долго...

От смолистого запаха сосен немного кружилась голова, а мысли заводили куда-то не гуда. Я вдруг подумал: а что, если отец Кьярры был человеком? Она знает о нем только со слов матери, а та могла и солгать... или заблуждалась сама? Нет, вот это вряд ли, человека с соплеменником она бы не перепутала. А ложь во спасение — почему нет? Зачем Кьярре знать шокирующие подробности своего происхождения?

И все же: что, если боевой дракон разбился насмерть или умер от ран, а его командир уцелел? Ну мало ли, вдруг его во время удара дракона оземь на елку закинуло, вот он и не разбился! Тогда намного логичнее выглядит и наличие мундира с наградами, и дорогих курительных палочек в портсигаре (чем еще могла быть «железная коробочка?»).

Однако Кьярра сказала, что не знает его человеческого имени, только драконье. Но что мешало ему не представляться, а ее матери — самой назвать его как-нибудь? За примером далеко ходить не нужно: я сам придумал имя Кьярре.

Правда, от драконьей медицины человек мигом протянул бы ноги, но кто сказал, что мать Кьярры лечила его... гхм... прижиганиями? Если он падал вместе с драконом, то мог отделаться ушибами и переломами. Неприятно, но не смертельно, в особенности, если тебя вовремя обнаружили и оказали первую помощь. Тем более опытный военный должен знать, как обрабатывать раны, и если был в сознании и сумел столкнуться с дикой горной женщиной, то имел все шансы достаточно быстро пойти на поправку. У него наверняка были с собой лечебные

амулеты — тоже подспорье, так что... И не в таких ситуациях выживали, наслышан.

В этом случае, правда, отыскать его будет сложно. Люди — за редким исключением — не живут настолько долго. Впрочем, имя и звание в архивах наверняка есть. Подобраться к ним непросто, но при наличии связей и достаточного количества денег — вполне реально. И то, и другое у меня имеется.

Но даже если я найду — человека или дракона, не важно, — что мне это даст? За исключением головной боли и прочих неприятностей? Хотелось бы ведь получить и какую-то выгоду от этой истории...

«Ну да, — согласился я сам с собой. — Сдай Кьярру военным, объясни, в чем дело. Увидишь, они будут в восторге! В таком, что не только ее возьмут под усиленную охрану, а и тебя самого засадят пожизненно в какой-нибудь каменный мешок и забудут, как не бывало, так что держи ухо востро».

И тут она появилась — легка на помине. За собой Кьярра с трудом волокла чью-то окровавленную заднюю ногу. С трудом не потому, что ей было тяжело, просто неудобно — нога эта оказалась размером с нее саму в человеческом обличье.

— Как охота? — спросил я для порядка.

— Давно такой не было! — радостно отозвалась она. — Я это место запомню накрепко и всегда там охотиться буду!

— А это что за зверь? — Я сел и кивнул на ее добычу.

— Не знаю, — сказала Кьярра. — Какая разница? Он с копытами и рогами, значит, можно есть. Вкусный! Хорошо откормился, но не жирный. Тебе понравится! И шкуру я содрала сразу, видишь?

— Вижу, — ответил я, прикинув размеры этого копытного.

Оно явно было не меньше вола, а то и побольше. Сомневаюсь, что из него выйдет нежное жаркое, но попробовать стоит, не пропадать же добру...

— Я взяла теленка, — словно прочитала мои мысли Кьярра. — Большого ты не прожует. У людей зубы слабые.

— Я же не человек, — напомнил я, ухмыльнувшись.

— Но выглядишь как он, и зубы — слабые, — припечатала она и плюхнулась наземь, отгоняя мух.

— Если это теленок, какого же размера взрослые?

— Большие, — ответила Кьярра. — Быки... ну... Здесь я таких не видела. Волы меньше. А лошади в два раза меньше, наверно. Но это хорошо, мяса много!

— Да уж вижу, — ответил я, разглядывая копыто. Оно впечатляло.

— И они совсем не боятся. Наверно, там нет больших зверей, — развивала она мысль. — Представляешь? Такая охота — мне одной!

— Лопнешь, — предрек я.

— Что же я, по-твоему, не знаю, когда остановиться?

— Может, и знаешь, но надо еще разведать, сколько там таких стад. А то вдруг ты их одна за полгода сожрешь?

— Вряд ли, — подумав, ответила Кьярра. — Там этих рогатых — до горизонта. Не пересчитать. Не сто голов. Тысяча или даже больше. Я дальше тысячи не умею считать, а это ведь много, правда?

— Порядочно, — согласился я. На память мне не приходило ни одного похожего места. Что за равнины такие с несчетными стадами? — Людей ты там точно не заметила?

— Нет. Я сперва взлетела очень высоко. Со стороны солнца. Оно яркое, меня не видно, если снизу смотреть. Но некому смотреть. Рогатые небо не разглядывают. Кругом только трава, трава, кое-где деревья, река далеко-далеко — и стада. И эти вот звери, и поменьше... Но ни дыма нигде не видно, ни дорог. Это легко заметить, меня мама учила, что искать. Люди оставляют много следов.

— Это уж точно...

— Рок, смотри, — отвлеклась она, — одежда целая! Только очень грязная. Я же говорила, что испачкаюсь...

— Мягко сказано... Иди отмывайся, — велел я, — а это тряпье брось. Его не отстирать. То есть можно, конечно, но я не стану возиться.

Вставать и заниматься чем-то не хотелось, уж больно хорошо было на пригреве под сосной, от которой пахло ароматной смолой и хвоей. Но что поделаешь...

— Это куда девать? — Кьярра ткнула босой ногой в добычу.

— Волоки за дом. Сейчас нож наточу — разделаю. И сам отмываться пойду, — усмехнулся я.

— А потом будет пир? — любопытно спросила она.

— Ты не наелась?

— Наелась, но не до отвала. Мама говорила: нельзя обжираться, иначе тебя разморит, уснешь и не заметишь опасности. Поэтому я наконец-то сытая, но в меня еще два раза по столько влезет!

Ну, это вполне стыковалось с моими познаниями о драконах.

— Тогда за дело, — сказал я.

Что я могу сказать... Ужин удался. Я, как и драконы, не гурман — через силу все равно, что есть, а когда нападает голод — тем более. Но на

этот раз мои привычки дали сбой. Главное, чтобы зверюга не оказалась несъедобной для обитателей нашей стороны, иначе меня ждет увлекательная ночь в кустах, и это в лучшем случае. Слышал, так и умереть можно...

Пока, однако, организм реагировал, как ему и полагалось, — благодушием и любовью к окружающему миру. Когда я сытый — я почти всегда добрый.

— Кьярра, ты сказала, что теперь всегда будешь охотиться в том месте, — вспомнил я ее слова. — Выходит, ты сможешь попасть на те луга откуда угодно?

— Ага, — ответила она, обгрызая хрящик. — Главное, чтобы туман рассеялся. Сейчас он туда немножко напоз, но к утру его уже не будет. Хорошее место. Никому про него не скажу, будет только мое!

— Я-то знаю.

— Но ты же не будешь воровать мою добычу. А даже если будешь... — Кьярра смерила меня взглядом. — Много не возьмешь. Разрешаю тебе охотиться на моих землях!

— Благодарю, — кивнул я, стараясь не расхохотаться. Надо было видеть, с каким царственным выражением лица она даровала мне это позволение! Однако шутки в сторону: мне нужно было прояснить еще один момент. — А к себе домой ты отсюда попасть можешь?

— Сейчас — нет, — сказала она, подумав. — Там такое место... Оно почти всегда в тумане. Мама говорила: так легче прятаться от других.

— Драконов?

— Конечно. Но их давно не стало. Кругом только люди, а от них надо прятаться по-другому. Поэтому она и искала новое жилище. Жалко, не наткнулась на эти луга...

— Ты же говоришь, там равнина плоская, как стол. Где тебе жить-то?

— Нашлось бы. Главное, людей нет и еды достаточно.

— Выходит, ты можешь попасть в любое место, не скрытое туманом, а потом вернуться? — попытался я сформулировать вопрос.

— Да. Если я там уже была, то это совсем легко. Вот отсюда, — оживленно заговорила она, — можно пойти в город, где мы встретились. К этому твоему Веговиру. Мне там не нравится, очень плохо пахнет и дышать трудно, но это рядом. Можно попасть на реку. Ну, по которой меня везли. Правда, не знаю, зачем. Или на снежную равнину — туман уже почти ушел. И еще в разные места, но что там, надо еще посмотреть. Не все отсюда хорошо видно.

Я помолчал, укладывая в голове эти сведения.

Выходило, что Кьярра не зависит от дорог и поворотов. Только от пресловутого тумана, который время от времени заволакивает некоторые локации. Очевидно, он и обуславливает «закрытость» дорог в определенное время. Это, видимо, какая-то пространственная аномалия, сродни той, что позволяет нам перемещаться по чужим местам, но как бы с обратным знаком. Впрочем, я не ученый, обосновать это не возьмусь. Мне достаточно было понимать: Кьярра может скрыться от погони в любой момент, а не как я — долго выискивая поворот или открывая его вручную. А это, скажу я вам, ценное умение...

— Дорога тебе не нужна? — спросил я на всякий случай.

— В воздухе дорог нет, — ожидаемо ответила она. — Это люди по ним ходят, а нам не надо. Лети, куда хочешь. Ну... если там людей нет, конечно. Или они совсем дикие и боятся. Мама говорила: есть такие края. Там можно охотиться, только осторожно, чтобы не пугать людей. А то они от страха станут умные и научатся нас убивать, как везде. Жалко, она не показала, где это. Не успела.

«Отменное объяснение эволюции человека, — невольно подумал я. — И вполне логичное. Человек слабее многих животных, поэтому вынужден был изобретать всякое — ловушки, оружие. Огонь научился разводить и колдовство освоил... А потом от защиты перешел к нападению и даже с драконами ухитрился справиться».

— Я тоже бывал там, где люди еще не знают машин, — сказал я. — Может, это те самые края.

— Наверно... Рок, а как так выходит?

— Что именно?

— Ну, здесь люди сильные, с машинами... И чародеи тоже сильные. А там совсем еще дикие и всего боятся.

— Здесь такие тоже попадают, — ответил я. — Представь: в городе самоходки шныряют, поезда ходят на край земли, в порту стоят гигантские паровые корабли, которые могут переплыть океан, в шахтах давно начали машины использовать...

— И ткани тоже они красят, — вспомнила Кьярра.

— Ага. И прядут, и ткут машины. Не везде еще, но... Лиха беда начало. Но стоит чуть отъехать от города — так в деревнях живут, как века назад, сами все делают, вручную, потому что покупать дорого. У них и денег-то наличных почти не бывает! А где-нибудь в лесной глуши о тех же поездах и не слышали. Или слышали, но считают это враками.

— Это я понимаю, — ответила она, наморщив лоб. — Старый человек узнал в долине о каких-то штуках для шахт, чтобы вычерпывать воду не

вручную, и очень удивлялся. Но это другое. Он мог бы попросить, и его, наверно, пустили бы посмотреть потихоньку, чтобы поверил. И в деревне знают, что есть эти вот... поезда и самоходки, даже если сами не видели.

— Ты к чему клонишь? — спросил я, хотя уже догадывался.

— К тому, что в других местах люди дикие не потому, что не слышали про машины. Там их просто нет. Совсем нет и никогда не было. Не о чем слышать. Как так?

— Не знаю, — ответил я. — Сам иногда думал об этом, но так ни до чего и не додумался. Может, чародеи нашли объяснение, но мне что-то не хочется с ними связываться.

— А ты сам не думал?

— Думал, а что толку?

— Ну скажи, — попросила Кьярра.

— Там время другое, — нехотя ответил я.

— Как это?

— Вот так. Если уйти надолго, это особенно заметно. Проживешь там месяц — а здесь проходит несколько лет.

— Значит, они просто не успели выдумать эти вот машины и разное другое?

— Скорее всего. Когда-нибудь изобретут. А может, и нет, если не понадобится... — Я помолчал, потом сказал: — С этими тайными путями... или скрытыми дорогами, не важно, как называть, не поймешь.

— О чем ты?

— Есть места — на первый взгляд совсем не отличаются от наших. Такие же люди, вполне цивилизованные, говорят на том же языке, пускай немного странно, но договориться можно. С иностранцами здесь иной раз сложнее столкнуться, чем с тамошними жителями. Деревни и города часто называются одинаково, местность похожа. Паши деньги берут... золото, конечно, не бумаги, а что чеканка не та, внимания не обращают, но это везде так. И все же есть небольшая разница, хотя ее даже мои клиенты не всегда замечают.

— Какая?

— Например, короля зовут по-другому, — сказал я. — Или так же, как нашего, но династия не та. Или он не Пятый, а Второй. Или там совсем нет чародеев и никогда не слышали о драконах. Или не случилось какой-то большой войны, а если она и была, то завершилась немного с другим исходом. А может, вовсе не открыли дальние острова, а если открыли, то не основали там колонии. И такого — по мелочи — набирается очень много.

— Ничего себе... — протянула Кьярра, и я подумал было, что она

пытается осмыслить природу таких различий, но она выпалила: — Как это — о драконах не слышали?

— О них только в сказках рассказывают. А о таком, чтобы драконы воевали или работали вместе с людьми, даже помыслить не могут.

— Ну и дикие же места! — покачала она головой.

— Да, но скрываться там удобно, — улыбнулся я. — Особенно если выбрать такие, где и чародеев нет, и время отличается от нашего.

— Ты так делал, — уверенно сказала Кьярра.

— Да, правда, тогда еще не знал, что такое случается. Но вышло неплохо. Когда я вернулся, обо мне почти все забыли. Нужно будет — повторю. Поэтому я и говорил, что нужно подготовиться. В те дикие места не так-то просто попасть...

— Покажи мне дорогу, — попросила она. — Тогда мы сможем туда убежать, когда захочешь. Если только тумана не будет.

— Мы? — уточнил я.

— Я же сказала, что должна тебе помочь, — ответила Кьярра. — Значит — мы. Тебе не нравится?

— С одной стороны, вдвоем проще, с другой — сложнее, — задумчиво ответил я, — особенно учитывая то, что ты совсем не разбираешься в людях. Придется выдавать тебя за девчонку из глухомани. Надеюсь, ты хотя бы не станешь шараться от самоходок?

Кьярра помотала головой.

— Зачем? Они же не страшные. Меньше меня. Чего бояться? А как себя вести, ты мне скажешь. Я буду слушаться, обещаю!

— Тогда с утра — за дело, — сказал я. — Здесь время идет нормально, а пропадать надолго я не планировал.

— Правильно, — сказала она. — Если тебя не будет целую неделю, тебе могут устроить ловушку.

— Именно.

Никогда не работал с напарником. Подчиненные у меня были — лучше все-таки выходить на дорогу с проверенными людьми, — но и только.

Что ж, дело обещало быть весьма увлекательным...

Глава 11

Целый день я потратил на то, чтобы обустроить цепочку поворотов, пригодную для побега. Вышло не хуже, чем в лисьей норе с десятком выходов и лабиринтом внутри. Разумеется, я не мог рассчитывать только на способности Кьярры: они шли приятным дополнением, а я предпочитал полагаться исключительно на себя. Мало ли, что может случиться? Так вот поделимся, и мне придется уходить в одиночку. Ей-то легко скрыться от погони, а я предпочитал перестраховаться.

Нужно еще было показать Кьярре мои убежища, помимо этого, лесного, — о них вообще никто не знал, и я долго колебался, прежде чем выдать координаты. И договориться об условных знаках, и объяснить ей, как вести себя в городе, если все-таки придется показаться на люди...

Большая часть моих инструкций сводилась к «смотри по сторонам, помалкивай, а если подам знак — драпай со всех ног!». Надеюсь, она хорошо их усвоила.

— Рок, а как ты думаешь, мама была у людей? — спросила Кьярра вечером.

Я, как заправская бабушка, устроился в кресле у очага с шитьем, а она, словно любознательная внучка, у моих ног. Признаюсь, я предпочел бы смотреть на нее прямо, а не сверху вниз, но убедить Кьярру сесть на стул или хотя бы на топчан оказалось мне не по силам. Правда, я взял с нее слово при людях или уж стоять у стеночки, изображая робость, или все-таки пересилить себя, только не усаживаться на пол.

— Тебе лучше знать.

— Но я не знаю, — сказала она. — Мама никогда о таком не говорила. Но о людях рассказывала много. Вот я и подумала: может, она к ним ходила когда-нибудь? Вдруг отец хотел увести ее с собой, и она попробовала? Только не захотела жить в неволе, и чтобы я тоже росла там... такой... ну...

— Какой?

— Никчемной, — после паузы ответила Кьярра. — Ты сам сказал, я намного меньше боевого дракона. И мама тоже. Ну и зачем мы такие нужны?

— Детишек в парке катать, — буркнул я, едва не проткнув себе палец насквозь: похвальба похвальбой, но иголку я в руки не брал давно.

— Ты смеешься, — вздохнула она.

— Не думаю даже. — Я посмотрел на нее. — Думаю, вам с матерью

нашли бы применение. Обучать курсантов, к примеру. Не сразу же их сажать на больших зверей...

— Не вышло бы, — покачала головой Кьярра. — Мама была дикая. Ей бы не разрешили.

— А тебе — запросто, если бы ты выросла с людьми. Ты что, жалеешь о том, что этого не случилось? — дошло до меня.

— Да, немножко, — кивнула она и уставилась в огонь. И руку протянула, чтобы перебирать раскаленные угли, но почувствовала мой взгляд и не стала. Поняла уже, что меня от этого зрелища передергивает, будто мне самому в ладонь этих углей насыпали. — Я бы тогда была не одна.

— Но вас с матерью наверняка бы разлучили, причем очень рано, чтобы ты не набралась от нее лишнего, — сказал я. — И она ничему не сумела бы тебя научить. Ты не знала бы, как ходить тайными путями, как охотиться...

— А другие что, не умеют? — поразилась Кьярра.

— Транспортники — точно нет. А боевых вроде бы смолоду натаскивают на живую дичь — потом пригождается, в сражении. Но как повзрослеют, и они просто пайку получают. Где столько охотничьих угодий взять?

— Ох... бедные!

— Твоя мать не желала для тебя такого, уверен. На воле, конечно, частенько бывает холодно и голодно, и одиноко тоже, зато ты сама себе хозяйка.

— Она так же говорила, — сказала Кьярра. — Но одной все-таки... плохо. Знаешь... День, другой, месяц, уже год прошел, а ты все это время молчишь. Не с кем говорить. Разве только с собой, в голове, но это не то.

— Понимаю, — сказал я. — Сам люблю отшельничать, но рано или поздно надоедает.

— Вот! Тебе надоест — ты идешь к людям. А мне куда? — Она шмыгнула носом и, мне показалось, украдкой вытерла глаза плечом. — Я хотела полететь искать других диких, но все собиралась, собиралась... Так и не собралась. Страшно. Здесь все знакомое, а там...

Я хотел потрепать ее по голове, но вовремя остановил руку. Что-то мне подсказывало: Кьярра не оценит такой жест. Она была маленькой, одинокой, но очень гордой. Дракон все-таки.

— Они бы, может, меня еще и не приняли, — сказала вдруг она. — Ну, дикие. Мама никогда не говорила, почему жила одна. Рассказывала про старших, но если я спрашивала, где они, не отвечала.

— Думаешь, она сбежала?

— Наверно. Может, как раз к людям. Но у них не понравилось, а не возвращаться же? Теперь не узнать...

— Может, не было никакого побега, просто старшие погибли, — утешил я. — И она осталась сиротой, совсем как ты теперь.

— Ей было хуже, — подумав, произнесла Кьярра. — У нее была большая семья, а у меня только она.

— А ты думаешь, потери только количеством измеряются?

На этот раз она молчала долго, потом помотала головой:

— Мама у меня была одна. Я бы ее на сто или даже тысячу бабушек с дядюшками не променяла...

Я все-таки протянул руку и дернул ее за вьющуюся прядь — она распрямилась и тут же снова свилась блестящей спиралью.

— Хватит себя жалеть. Примерь лучше. Портной из меня так себе, но сойдет на первое время... Да не раздевайся же ты передо мной!

— Почему? — искренне не поняла Кьярра, успевшая стянуть рубашку и натянуть ту, что я ей подал. — Ой. Я забыла, что у людей нельзя ходить голыми...

— Впредь не забывай. Н-да... — Я смерил взглядом свое рукоделие. Видал я и получше, конечно. — Сойдет. А вот обувь я тебе не стажаю, и моя тебе не подойдет. У тебя нога вдвое меньше моей.

— Мне и так хорошо, — заверила она.

— Не сомневаюсь, но в городе босиком лучше не ходить.

— Тоже нельзя?

— Можно, только легко напороться на какую-нибудь дрянь. Верю, что тебе не страшно порезаться или продырявить пятку, но... Ладно, — решил я, — сейчас отрежу у старых сапог голенища и сооружу тебе хоть какие опорки, сойдет на первое время. Раз ты у меня деревенщина, то в самый раз будет... Потом нормальные ботинки куплю, по мерке.

Проще всего, конечно, было бы напялить на Кьярру юбку до земли, под которой не видно обуви, и замотать в шаль, чтобы уж точно сошла за сельскую девицу из глубинки, но... Юбок в моем гардеробе не водилось, а шить что-то подобное из простыней я не был готов. Да и расцветки они неподходящей.

Впрочем, босота как только не одевается... В городе Кьярру заметят разве что по контрасту со мной: я слишком хорошо выгляжу для того, чтобы возле меня ошивалась такая замарашка. А за мальчишку-посыльного ее выдать не удастся: фигуру еще поди разгляди в бесформенных тряпках, да вот лицо — откровенно девичье, руки маленькие, не знавшие работы,

ноги... я уж сказал.

Оставалось надеяться на то, что в темноте — а на дело я собирался идти в сумерках — ее никто не разглядит.

— Ты беспокоишься, — сказала мне Кьярра, и я отвлекся от размышлений.

— Не без того.

— Не надо, — серьезно произнесла она и посмотрела мне в глаза. — Я тебя ни за что не брошу!

Мне даже в голову не пришло улыбнуться, настолько искренне это прозвучало.

Кьярра уверяла, что может попасть в любое место в Талладе, во всяком случае из тех, которые мы миновали с обозом, а еще на речной причал, но я был тверд: меня устраивал только ангар Веговера. Во-первых, оттуда рукой подать до него самого, во-вторых, не встретишь посторонних, а если и окажутся какие-нибудь работники... Им же хуже. Снимать часовых я не обучен, а вот просто отоварить кого-то по голове вполне способен. Но никаких рабочих и тем более посетителей в столь поздний час там не должно было оказаться, если только Веговер не обстрепывал какие-нибудь темные делишки.

Нам повезло — кругом было темно и очень тихо. Было бы, если бы я по прибытии не врезался в штабель каких-то ящиков и не обрушил его.

— Их раньше не было... — прошептала Кьярра, когда утих грохот, а я прекратил ругаться (в таком шуме я мог делать это в полный голос). — Откуда я знала, что...

Глаза ее отчетливо светились в темноте. Не как у дракона в настоящем обличье, но все-таки заметно.

— Я не тебя ругаю, — ответил я, зажигая фонарик и перешагивая ящики. — Хм, что это тут?

— Ну и вонь...

— Понимала бы что, — я усмехнулся. — Знал, что старина Веговер промышляет контрабандой, но что даже драконьим яблоком не брезгует, слышу впервые...

— Драконьим яблоком? — удивилась Кьярра, нагнувшись пониже, чтобы рассмотреть содержимое одного из разбившихся ящиков. — Никогда не слышала.

— Это фрукт из дальних колоний, — пояснил я. — Кожура твердая, чешуйчатая и с шипами, как твоя броня, отсюда и название.

— Драконы так не воняют.

— Ну извини, не я это придумал.

— И люди едят такую гадость? — удивленно спросила она.

— Ага. Когда она созревает, то перестает вонять. А если полежит в определенных условиях месяц или около того, мякоть становится нежной и мягкой. Цветом она похожа на сырое мясо, а на вкус... — я задумался, подбирая сравнение. — Очень сладкая и пряная. На любителя.

— А зачем возить это тайком? Ты говорил, так делают с оружием, но это же еда!

— Не сезон потому что, — ответил я. — И пока довезут фрукты с плантаций, Веговер успеет озолотиться на любителях этой экзотики. Не знаю, где он ее добыл, но...

— Может, тоже в тех местах, где время другое?

— Не удивлюсь. Я ведь не единственный провожатый на свете. А теперь умолкни и постарайся не шуметь!

Кьярра кивнула и сделалась совсем незаметной. Дело было не в мягкой обуви (из обрезков голенищ я соорудил подобие сандалий, обмотки довершили картину), не в том, что она лучше меня ориентировалась в темноте и не натыкалась на предметы, нет. По-моему, она даже дышать перестала, чтобы не издавать лишних звуков.

Выйти из ангара намного проще, чем войти в него. Хотя бы потому, что я знаю, где у Веговера потайной пульта. Он всегда так тщательно оберегал этот секрет, что грех было не подсмотреть.

Вот теперь важно не перепутать и не открыть ворота вместо двери, а то нехорошо выйдет. Но память не подвела: я выбрал нужный рычажок, и бронированная створка скользнула в сторону с едва слышным гулом. Я не знал, только ли механика тут задействована или чары тоже, поэтому постарался миновать дверь поскорее. Как знать, вдруг в кабинете Веговера загорается огонек, когда кто-то открывает ангар без спроса? И у охраны тоже — так вот понабегут, отбивайся от них...

Я угадал: к тому моменту, как мы поднялись наверх, внизу уже происходило какое-то шевеление, кто-то отдавал приказы, клацали затворы... Но вряд ли охранники решили, что злоумышленники отправились к хозяину, а не просто покусились на сокровища в складском ангаре — сигнал-то исходил оттуда.

Секретаря возле двери Веговера не было. Оно и понятно — уже далеко за полночь, обычно он отпускает служащих в такой час, если не планирует обсуждать сделку до самого утра, как это было со мной. А вот сам Веговер обретался в кабинете. Я слышал, как он бубнит в переговорную трубку — удобное изобретение, можно связываться даже между городами. Но это

очень дорого, а вот устроить такую связь в доме и даже в усадьбе намного проще. Неужели же Веговер мог обойти вниманием такую техническую новинку?

Я тоже следил за веяниями времени, поэтому знал, что достаточно перерезать провод, и Веговер ни с кем уже не сможет связаться. Вот только тишина на линии вызовет ненужные подозрения у его респондентов, той же охраны... Обойдусь так.

Дверь у него была — хоть взрывай. Я мог бы, но ведь услышит... Все было проще: я знал, где хранится запасной ключ от кабинета. Веговер однажды перебрал и ухитрился заклинить замок изнутри, так что пришлось выламывать стальную дверь вместе с косяком, и после долгого заточения он предпочитал подстраховаться. Ключ этот регулярно перепрятывался таким образом, чтобы секретарь смог его найти, следуя ценным указаниям Веговера, но обнаружить тайник ничего не стоило. Во всяком случае мне: достаточно коснуться замка и поискать правильную металлическую ноту в приемной...

Дождавшись, пока он договорит, а трубка клацнет по рычагам, я повернул ручку двери и осторожно приоткрыл ее. У Веговера под столом прикручен обрез, а мне вовсе не хотелось получить залп картечи в живот, если он от испуга нажмет на спуск.

В кабинете дым стоял коромыслом, глаза заслезились. Я слышал, Кьярра изо всех сил сдерживается, чтобы не чихнуть, и жестом указал ей за дверь. Пусть посторожит. Ей и показываться на глаза Веговеру ни к чему.

— Проблемы? — негромко спросил я, и он едва не опрокинулся с креслом вместе. Ничего так шарахнулся — кресло из железного дерева даже сдвинуть непросто!

— С-с-санди?..

— Что ты смотришь на меня, как на привидение? — Я взял стул и уселся.

Веговер молча хватал ртом воздух и выглядел даже не серым, его будто в мешок с мукой обмакнули. Что его так напугало, хотелось бы мне знать? Или удивило? Впрочем, выясню...

— Ты же умер, — выдавил он. Отлично, даже спрашивать не пришлось.

— Да ладно? А почему мне не сообщили?

— Санди... твои шуточки... — Веговер задышал почти нормально и потянулся за графином с водой. — Откуда ты взялся?

— Оттуда, откуда, суда по всему, не должен был вернуться, — ответил я и уселся поудобнее, закинув ногу на ногу. — Выкладывай.

— Что?

— Все. Мне с самого начала не понравилось это дельце, но я согласился ради тебя — все-таки не один год вместе работаем. Чем дальше, тем становилось хуже... А теперь я желаю знать, что тебе сообщили. Сдается мне, рассказ сильно отличается от моей версии событий. И убери руки от трубки, — предостерег я. — И от звонка. И от ружья. Вообще, встань из-за стола и сядь на мое место, а я займу твое... на время, конечно же. Не возражаешь?

Веговер не возражал. Наверно, немалую роль в его покладистости сыграл револьвер у меня в руках, направленный ему в брюхо.

Он, пыхтя, выбрался из-за стола и плюхнулся на стул. Тот заскрипел, но выдержал — мебель здесь держали крепкую, такую, чтобы не разваливалась с одного удара о чужую голову. Не то чтобы в кабинете Веговера часто приключались побоища в духе самых задрипанных притонов, но он предпочитал перестраховаться. Опять же, неловко выйдет, если под крупногабаритным посетителем у стула отвалится ножка.

— С чего начинать-то? — попыхтев, спросил Веговер.

— С начала. Как дойдешь до конца — закругляйся.

— Санди...

— Я уже много лет Санди, — сказал я. — Веговер, ты ведь меня давно знаешь.

— Угу.

— Не изображай филина, не похож. Так вот, за столько лет ты должен был усвоить — терпением я никогда не отличался. А сейчас я еще и очень зол. Смекаешь, к чему я клоню?

— Еще бы... — Он сунулся во внутренний карман, но под моим взглядом отвел руку и показал мне открытую ладонь. — Я за платком, Санди. Там револьвер не спрячешь, не видишь, что ли?

— Револьвер — нет, а какой-нибудь амулет — запросто, так что держи руки на виду и обтекай, переживу я такое зрелище. И начинай говорить.

Веговер помолчал, собираясь с мыслями, потом сказал:

— Мне сообщили, что ты погиб.

— Я уже понял. Кто сообщил, когда?

— Сегодня днем.

— Кто? — повторил я вопрос. — И как? Позвонили с дороги или почтового голубя прислали?

— На дороге нет переговорных пунктов, — мрачно сказал он, не приняв шутку. — Так что, можно считать, голубя, да. Чародей сообщил.

— Сарго? Так он жив?

— Жив и даже цел. А вот жене его досталось...

— Теперь у нее появился реальный, а не абстрактный повод меня не любить, — сказал я. — Что именно тебе поведал Сарго?

— Да какое «поведал», Санди! — вспыхнул Веговер. Наконец-то я узнал старого приятеля, а то сидел, как мышь под веником, впору подумать, будто его подменили или околдовали. — Сам не знаешь, что ли? В этих колдовских цидульках полтора слова помещается, а он еще обиняками изъяснялся! В общем... Дракон взбесился, погибли двое — ты и возчик... ну и волю упряжные. И чародейка пострадала, когда они с мужем эту тварь умирjali.

— Получилось? — ухмыльнулся я.

— Наверно, раз выжили. Кстати, твоя лошадь пришла, — сказал он невпопад. — Вчера еще. Замученная, как после недельного перехода. Стражники ее знают, сообщили мне. Я сразу понял, что дело неладно: должно было случиться что-то очень паршивое, раз ты бросил Гуш.

— Я не бросал, она сбежала, когда дракон разбушевался, — пояснил я. — Это было... хм... зрелищно. Рад бы забыть, да не могу.

Что ж, похоже, удалось обойтись малой кровью. Возчика жаль, но шансов у него не было, несмотря даже на то, что Кьярра старалась сдерживаться.

— Как ты ухитрился выжить, не спрашиваю, — пробубнил Веговер, вытерев ладонью потную лысину. — Успел нырнуть за поворот?

— Ага. И мне очень интересно узнать, почему это Сарго счел меня погибшим, если не видел моего трупа?

— Он написал: пламя было такое, что даже от волов костей не осталось, не то что от людей. Когда все закончилось, оставшихся пересчитали — двоих не хватило. Возчик — понятно, а ты рядом был, тоже угодил под раздачу. Правда, — добавил он, — я все равно не поверил, что ты мог так нелепо сдохнуть, Гуш, опять же, цела и невредима... Что там на самом деле случилось, Санди?

— Хороший вопрос. — Я уселся поудобнее. Отличное все же кресло у Веговера, хоть себе такое же заказывай. — Чародей не соврал — дракон взбесился и вырвался на свободу. Но есть небольшой нюанс: эти двое знали, что может случиться. Знали, что не сумеют совладать с драконом. И ни словом об этом не обмолвились при заключении договора. Улавливаешь?

— Неустойка, — понял он меня с полуслова.

— Вот именно. Правда, не думаю, что удастся ее взыскать. Я уже пробовал.

— Эге... — Веговер подался вперед, темные глаза заблестели. — А вот с этого места давай-ка поподробнее, Санди! Что дельце это с душком, я сразу понял, но...

— Сперва назови имя заказчика, — сказал я. — А потом я поделюсь с тобой захватывающими подробностями.

— Я не знаю имени, — мрачно ответил он. — Все держалось в секрете.

— А деньги? Ты, помнится, лихо распоряжался средствами клиента!

— Ты будто не знаешь, как это делается, — вздохнул он. — Доверенность в банке на мое имя, лимит такой-то, в его пределах я могу хоть обе луны с неба купить, хоть армию нанять, главное, чтобы дело было сделано. Если превышу — должен сообщить, а дальше банк сам свяжется с клиентом. Но до этого не дошло, я уложился в изначальную сумму...

— И недурно наварил, надо полагать, — вздохнул я. Веговер неисправим. — Не стыдно наживаться на старом приятеле?

— На тебе наживешься, пожалуй, — проворчал он. — Нет, Санди, есть другие способы. Объяснять долго, ты в этом ни в зуб ногой.

— Поверю на слово. Так... Полагаю, банк имя этого клиента тем более не назовет.

— Судя по тому, как все было обставлено, это какая-то важная шишка. И я более чем уверен, что документы оформлены на подставное лицо. Настоящие имена такие люди предпочитают не светить, сам понимаешь.

— Но с кем ты-то дело имел?

— С банковским посредником, конечно. Но из этой братии даже под пытками ничего не вытащишь, я будто не пробовал...

— Что еще за малоизвестные факты твоей биографии? — нахмурился я. — Ты вроде подобным не баловался или я что-то упустил?

— Да было по молодости... — махнул он широкой лапицей. — Ты пропадал невесть где, потому и не знаешь. Ладно, к делу это не относится. Главное — посредник ничего не скажет. Их зачаровывают на совесть: хоть режь, будет молчать. А если силой что-то вытаскивать, то у них мозги спекаются. Не совсем, конечно, но то, что связано с настолько важным клиентом, просто исчезает. Ну и еще что-нибудь смежное, как повезет. То есть не повезет.

— Опасная работенка, — хмыкнул я.

— Не опаснее твоей. Не все же кругом такие... гм... пытливые, как я в юные годы.

— Тоже верно... Веговер, ты мне зубы не заговаривай! Что еще сообщил Сарго? Куда делся дракон?

— Хороший вопрос, — ядовито ответил Веговер. Кажется, ему полегчало, когда он понял, что убивать его я не собираюсь. Во всяком случае, прямо сию минуту. — Улетучился. Защититься от него чародеи смогли, но и только. Где он теперь объявится — неведомо. Понимаешь, чем это грозит?

— Мне — ничем, — ответил я. — Я, как тебе сообщили, мертв и оживать не собираюсь. Во всяком случае, в ближайшее время. Да и тебе не о чем беспокоиться. Перечитай договор: ответственность за дракона и за безопасность в пути несут чародеи. Вот пускай заказчик с них три шкуры и дерет... если поймает.

— Ну да, ну да... — Веговер нахмурился, собрав кожу на лбу в глубокие складки. — Твоя очередь выкладывать, как было дело, Санди.

— Я уже все сказал. О том, что дракон вот-вот нас всех испепелит, чародеи узнали заранее. Еще просили меня поторопиться, чтобы успеть сдать груз заказчику, а там хоть трава не расти.

— А ты, надо думать, встал в позу и попытался ткнуть их носом в договор?

— В точку. Тогда они предложили мне доплатить. Втрое против моего гонорара, — уточнил я. — Увы, меня не устроило это щедрое предложение. Деньги деньгами, но жизнь я все-таки люблю больше.

— И они перешли к силовым методам убеждения? — мрачно спросил Веговер, разглядывая меня явно в поисках следов жестоких пыток.

— Попробовали, — туманно ответил я. — В разгар нашей беседы дракон как раз решил проветриться. Я и сделал ноги. Уходил, не глядя, так что обратно пришлось выбираться долго.

— Хорошо, что сперва ко мне заглянул, а не появился на публике среди бела дня, — буркнул Веговер.

— Это почему же?

— Потому что вину за побег дракона свалили на тебя, — выдал он, и я лишился дара речи. — Ну что вытаращился? Ты погиб, удобно же. Тебя нет, дракона нет, с чародеев взятки гладки: они мужественно защищали обоз, Тродда вон обгорела, едва жива осталась...

— Однако я жив. Мое слово против их.

— Санди, ты уверен, что хочешь с этим связываться? — серьезно спросил Веговер. — Если раньше от этого дельца просто пахло, то теперь воняет на всю округу.

— Сам знаю.

— Если ты объявишься и выдашь свою версию произошедшего, тебя послушают, конечно. Ты человек известный, во вранье сроду замечен не

был...

— Но могу не дожить до признания моей правоты и выплаты неустойки, — завершил я. — Я же тебе сказал: сам понял, что этодохлый номер. Заказчику явно нужно, чтобы все было шито-крыто, а раз не вышло, то, по меньшей мере, от свидетелей он постарается избавиться.

— Ты же провожатый, — зачем-то напомнил Веговер. — На провожатого никто заказ не возьмет, даже самый отбитый на голову подонок.

— Ему могут и не сообщить, кто я такой.

— Тебя вся округа в лицо знает.

— Ну и что? Мало ли залетных, которые обо мне никогда не слышали? Вдобавок, — заметил я, — убивать совсем не обязательно. Тродда обещала лишить меня памяти, чтобы никому не рассказал об их промахе с драконом. И, знаешь, была при этом настолько убедительна, что я ей поверил. Мне как-то не хочется однажды проснуться в сточной канаве и даже не суметь вспомнить, как меня зовут.

Веговер сочувственно пожевал губами, потом сказал:

— Неустойку я сам тебе выплачу. Не тройную, конечно, но что предусмотрено договором — то твое.

— Спасибо, я знал, что ты не станешь мелочиться.

— Дальше соберешь манатки и исчезнешь, как тогда?

— А что еще мне остается? Чародеи живут долго, память у них хорошая, а Тродда вдобавок здорово на меня обижена. Так что...

— Уже не свидимся, — кивнул Веговер, и большой рот его изогнулся подковой, как у обиженного ребенка. — Второй раз я тебя не дождусь. Старый стал.

— Как-нибудь загляну на огонек, — пообещал я.

— Не заглянешь, я будто твою натуру не знаю... Ты всегда осторожничаешь и правильно делаешь. Не то зайдешь вот так, а тебя засада ждет.

— Откуда бы кому-то узнать, что я к тебе наведываюсь? А главное, когда именно меня ждать? Ты сам этого знать не будешь.

— Разнюхают, — мрачно сказал Веговер. — Почем знать, может, чародеи на тебя какую-нибудь следилку прицепили. И пока мы тут лясы точим...

— Нет на мне ничего, — сказал я. Будто бы я первым делом этого не проверил, добравшись до хижины, где имеется запас всевозможных амулетов! — А вот на твоём доме и вокруг него вполне может оказаться нечто подобное. Потому я сюда и явился, что здесь у тебя полно глушилок

и прочего.

— Хитрый ты, Санди...

— Предусмотрительный, — поправил я. — Однако и я не в состоянии предвидеть всего. Сам видишь, как вляпался.

— Ну, не без моего участия, — самокритично ответил он и ухмыльнулся. — Ладно, что время тянуть... Деньги тебе, конечно, наличными?

— Да уж не расписками и не именованными чеками.

— Тогда посторонись, дай к сейфу пройти.

Я встал и пропустил Веговера к его тайнику, спрятанному за на редкость уродливым натюрмортом с фруктами и битой дичью. Это полотно презентовала ему супруга, считавшая себя образцом хорошего вкуса, а он не посмел спорить. Впрочем, со своей задачей — загоразивать дверцу стенового сейфа — картина вполне справлялась.

Сейф был обширен, и содержимое его Веговер выгробал долго. Хорошо, я озабочился захватить пару крепких объемистых сумок — по карманам такую сумму золотом расписать сложно. Ничего, Кьярра сильная, поможет.

— Ну вот, — сказал он наконец. — В расчете?

— В расчете, — кивнул я, помедлил и протянул ему руку. Впервые за долгие годы.

Сказать, что Веговер удивился, — значит ничего не сказать. Руку мою он не пожал, просто взял в свои лапищи и подержал так недолго. Я чувствовал: он и рад тому, что я жив, и сильно обеспокоен происходящим, а еще взволнован и озадачен этим моим жестом. Но и признателен тоже — не прошло и полувека, как Рок Сандеррин сподобился пожать руку старому знакомцу... Он знал, что это для меня означает. Ну, во всяком случае, догадывался.

— Далеко ли отправляешься, спрашивать не буду, — сказал он наконец, неохотно выпустив меня. — Все равно ответишь — отсюда не видать.

— Ты меня хорошо изучил, — усмехнулся я.

— Еще бы. Я тебя с юности знаю... С моей юности, — уточнил он и вздохнул. — Не берут тебя годы, а! Может, хоть секретом поделишься?

— Я бы рад, но для этого тебе надо было родиться провожатым.

— Так я и знал, — притворно огорчился Веговер.

Будто мы с ним не обсуждали этот феномен, когда я заявился после долгого отсутствия, а он принял меня за моего же отпрыска! Никак не мог поверить, что я в самом деле не состарился за столько лет. А с чего мне

стареть, если, по моему счету, я отсутствовал пару лет, не больше? Это здесь пролетели многие годы...

— Ты ведь не один пришел, — сказал он вдруг.

Чувствовалось, что ему не хочется меня отпускать, знает же — почти наверняка больше не увидимся, а я все-таки один из немногих, кто помнит его молодым. И наши похождения тоже помню, как без этого. Такие, о которых никому и не расскажешь, даже супруге под одеялом. Нет, супруге — особенно!

— С чего ты взял?

— В приемной кто-то есть.

— У тебя слух, похоже, лучше моего стал. Другие на старости лет глухнут, а ты скоро тараканий топот слышать начнешь.

— Ты разговор-то не переводи, — ухмыльнулся он. — Кто там? Кто-то из твоих? Вроде они еще не возвращались...

— Нет. Кстати, о моих людях: давай я тебе напишу доверенность задним числом, рассчитаешься с ними за меня. Для них я, сам понимаешь, тоже умер.

— У меня этих твоих доверенностей — хоть задницей жуй, — вежливо сказал Веговер. — И будто я твою закорючку подделать не могу! Об этом не беспокойся...

— И о Гуш позаботься. Заберу, если смогу, а нет — пристрой к делу, она хорошая лошадь. Только не абы кому!

— Ладно, ладно... Так кого ты с собой приволок? — спросил он, надеясь застать меня врасплох, но не тут-то было.

— Дикого дракона, — ухмыльнулся я, а он обиделся. Решил, что я шучу, конечно же.

А я ведь был абсолютно серьезен.

Глава 12

Должно быть, Веговер долго гадал, куда я испарился, выйдя за дверь его кабинета. Конечно, я мог бы воспользоваться каким-нибудь из его потайных ходов, чтобы выйти в город, но предпочел услуги Кьярры. Она говорила, что может попасть в порт, вот туда мы и отправились. Кто-то скажет: это не лучшее место для хорошо одетого человека с полными сумками денег, а я отвечу — если он не знает, как себя там вести, то, разумеется, может окончить прогулку в канаве, ограбленным и с проломленной головой. В противном случае он почти ничем не рискует. К тому же Кьярра не знала закоулков порта, а лишь причалы, а мне того и надо было. Я не собирался углубляться в лабиринты доков, складов и прочего подобного, выбраться же в город с причала — проще простого.

Сторожа́м, конечно, нужно дать на лапу, но они к этому привычны. Их совершенно не интересует, что позабыл в порту какой-то господин в компании юного оборванца. Если их станут расспрашивать всерьез, они молчать не станут, но это происходит, только если совершено серьезное ограбление, убийство или большая драка. А такие, как я, частенько шмыгают туда-сюда по своим загадочным делам, и если на нас нет ориентировки, никто и не почешется. Опасное это дело — слишком много видеть и слышать, на своей шкуре не раз в этом убеждался, а сторожа и подавно в курсе.

Судя по тому, что на меня даже не взглянули, никто меня не искал. Или, может, не ожидали увидеть в такое время в таком месте? Правда, не прикрой я волосы (прихватил у Веговера щегольскую шляпу), сторожа могли бы и обратить внимание — с такой мастью меня даже в темноте издалека видно, — но обошлось.

До моего дома путь неблизкий, если на своих двоих. Не другой конец города, но все-таки... Жить рядом с портом, с одной стороны, удобно, с другой — слишком уж в этом районе шумно, да и ароматы от реки исходят не самые сладостные. В центре, возле холма, мне обитать не по статусу, там селятся все больше люди солидные, вроде того же Веговера. На самом холме — богачи. Понимаю их: вид красивый, воздух свежий, до чиновников в замке рукой подать. Ну а я выбрал пригород за рекой: там сравнительно тихо, есть чем дышать, ну а красот природы мне в путешествиях хватает.

Далековато от злочных и прочих нужных заведений, но это мелочи. Не

так часто я бываю дома, а если бываю, вовсе не обязательно ночую в собственной постели. К себе вообще никого не вожу, не люблю посторонних в доме, поэтому предпочитаю наносить визиты сам.

Одним словом, добирались мы долго. Мне что, я привычный: далеко не всегда я ездил верхом, доводилось отмахивать большие концы пешедралом. Вот Кьярре пришлось хуже: она к долгим прогулкам не привыкла, и уже к середине пути начала волочить ноги. Не жаловалась, правда, а когда я предложил поднести ее на закорках, зыркнула так, что едва не подожгла чью-то мирно стоящую в переулке телегу. И я не шучу и не преувеличиваю: глаза ее так полыхнули, что искры посыпались. Я вовремя отпрянул, а вот себе она рукав прожгла.

— Больше так не делай, — сказал я.

— Я не нарочно, — буркнула Кьярра.

— Понимаю, что не нарочно, но все-таки постарайся сдерживаться. У людей, знаешь ли, не принято поджигать взглядом что ни попадя. С чего ты вдруг так обозлилась?

— Мне не нравится быть слабой, — заявила она. — Я могу долететь до твоего дома в один миг и тебя донести!

— Разве же это — слабая? Ты намного сильнее меня, и я об этом прекрасно помню. Но превращаться посреди города нельзя.

— Знаю, — буркнула Кьярра, посмотрев по сторонам. — Тут теснее, чем в лесу. И людей много.

— Вот именно. Непременно кто-нибудь заметит. Это только кажется, что квартал тихий, огни в окнах не горят, все спят, а на самом деле — у кого-нибудь бессонница, кто-то возвращается с гулянки, кто-то ждет этого самого загулявшего... Глаз кругом предостаточно.

— Я чувствую. Но я не про это.

— А про что?

— Если я превращусь, то сломаю дома, — пояснила Кьярра. — Люди наверняка покалечатся. Или даже умрут. Нельзя так.

— Если речь будет идти о нашей жизни, разрешаю не думать об окружающих, — сказал я, в очередной раз удивившись такому бережному отношению к человеческой жизни.

Ясно, что оно не от хорошей жизни проистекало, но все равно — из уст Кьярры такие рассуждения звучали... странно.

— Ты злишься потому, что нет возможности полететь? — предпринял я новую попытку.

— Ну да. Лучше бы я правда стала лошадью. Они быстрее. — Кьярра споткнулась и зашипела, должно быть, ушибла палец на ноге. — И копыта

у них твердые!

— Мостовая тут не особенно хороша, — согласился я. — И, представь себе, лошадям тоже неприятно ходить по таким камням. Потому их и подковывают, чтобы ноги не сбили. Я что-то не сообразил: тебе бы тоже пришлось нацепить подковы вместо ботинок.

— Нет, — быстро сказала она. — Лучше так. Только не иди быстро.

— Разве я тороплюсь?

— Не знаю. Я не успеваю.

Тут я сообразил, что намного выше ростом, шаг у меня, соответственно, шире, и Кьярре действительно приходится не идти, а почти бежать, чтобы не отставать.

— Извини, не подумал, — сказал я и сбавил ход. — Спешить нам особенно некуда. Поезд в столицу пойдет только послезавтра, а до этого времени нам найдется чем заняться.

— Поезд?

— Большая такая самоходка, — пояснил я.

— Я знаю, что это. Я не понимаю, зачем он тебе?

— Не пешком же идти. А верхом, сдастся мне, тебе путешествовать совсем не понравится. С непривычки это сложно. Ну а повозок у меня в хозяйстве нет, — завершил я мысль. — Можно нанять, но это, во-первых, лишний след, а во-вторых, все равно получится в разы дольше, чем на поезде. Только не говори, что ты его боишься, потому что он больше тебя!

— Не боюсь. Он же не кусается, — буркнула Кьярра. — Ездит только по своей дороге, летать не может. Значит, даже если захочет, не догонит.

— Он не захочет, — заверил я. — Потому что он машина, а машины пока не научились думать. Ими управляют люди.

— А если погонщик за него подумает?

— Такой человек называется машинистом, — просветил я. — Ну подумает, и что? Ты же сама сказала — поезд ходит только по рельсам. Свернуть в неподобающем месте он не может. А если сойдет с рельсов, то может разбиться. В любом случае, если под мирный пассажирский или грузовой состав не прыгать... в человеческом облике, конечно, опасности он не представляет. Вот к бронепоездам лучше не приближаться, но мы и не станем...

— Это что за звери? — заинтересовалась Кьярра.

— Тоже поезд, но весь в броне — по названию понятно — и вооруженный. Как паровые корабли на море. Но они сейчас мирно стоят на запасных путях, — успокоил я, — потому что войны нет. И все же... если когда-нибудь доведется столкнуться, учти, что с них могут стрелять почти

во все стороны, и вверх тоже. Мне рассказывали историю о том, как последний оставшийся в живых стрелок ухитрился сбить вражеского дракона. Он, правда, рухнул прямо на бронепоезд, тот взорвался — боеприпасы сдетонировали от огня, — и оба погибли, но такой размен посчитали равноценным.

— Совсем не хочу с ними сталкиваться, — мрачно сказала она. — Пусть лучше и дальше спят в своих логовах.

— Совершенно с тобой согласен.

Дальше разговор не клеился, но это и к лучшему: мне нужно было поразмыслить, а на ходу хорошо думается...

До дома мы добрались, когда уже рассвело. Хорошо, утро выдалось хмурое и дождливое, и нам удалось пройти задворками, не привлекая внимания соседей.

— Ты тут один живешь? — удивленно спросила Кьярра, очутившись внутри и оглядываясь по сторонам.

— Да.

— Дом в лесу намного меньше. Почему?

— Потому что он — временное пристанище, а это... — Я подумал и сказал: — Тоже временное, конечно, но здесь я остаюсь дольше, чем в любом из своих убежищ. И, сознаюсь, мне хочется удобств. Мыться в ручье и готовить на костре, конечно, не трагедия, но прямо сейчас я не откажусь от горячей ванны и хорошего завтрака. И тебе рекомендую.

— Завтрак?

— Сперва ванну, — ответил я.

— А почему вода горячая? — спросила Кьярра, когда я показал ей это чудо цивилизации. — Ты не разжигал огонь. Может, из-под земли? Мама говорила: есть такие места, где бьют горячие ключи, а иногда получают целые озера. Там зимой тепло. Кругом снег, а вокруг озер трава и цветы, как летом.

— Знаю такие источники, — вздохнул я. — Кое-где люди ухитряются подводить эту горячую воду в дома, но у нас не тот случай.

— Тогда откуда она?

— Из колодца. Остальное — дело рук чародея.

— Ты же их не любишь, — удивленно сказала Кьярра. — А колдовство в доме держишь.

— Нелюбовь к отдельным людям — не повод лишать себя водопровода, — ответил я. — К тому же такие вот мастеровые в разы приятнее странствующих чародеев. Цену себе знают, но не слишком-то выделываются.

— Потому что ты хорошо платишь?

— И поэтому тоже. Давай ныряй, а я пока проверю кладовую.

— Я лучше сперва поохочусь, — возразила Кьярра. — А уже потом буду мыться. Только я разденусь, а то тебе опять придется шить.

— Логично, — признал я. — Тогда отправляйся. Недолго, хорошо?

Она кивнула, вышла за дверь — и пропала, только одежда осталась лежать на полу. Я сильно завидовал этой ее способности, но какой смысл мечтать о недостижимом? Главное, чтобы вернулась, потому что в одиночку мне придется сложнее. Справлюсь, конечно, но с Кьяррой безопаснее — всегда есть возможность смыться, не оставив следов. Теперь она знает еще и этот дом, где можно передохнуть и отсидеться в случае чего...

Я представил путешествие на поезде: если выйти в тамбур, можно на некоторое время испариться оттуда, навестить дом... Только сперва нужно уточнить, сможет ли Кьярра вернуться в движущийся вагон, иначе нас может ждать неприятный сюрприз!

В ожидании охотницы я занялся собой. Мне придется выйти в город, и светить своей приметной физиономией не дело...

Когда Кьярра вернулась, я уже закончил и расположился в кресле у камина. Даже позволил себе откупорить бутылку отличного дэрри — приберегал ее для какого-нибудь особого случая, но передумал. Не тащить же выпивку с собой? Конечно, когда я вернусь, выдержка у этого благородного напитка будет весьма приличной, но... не факт, что дом уцелеет до этого времени. Веговер присмотрит, ясное дело, но он тоже не вечный. Нет смысла жалеть, решил я и теперь понемногу цедил дэрри. И закурил — накорри тащить с собой легче, чем бутылки, но и он кончится рано или поздно. Придется бросать совсем или переходить на какое-нибудь местное курево, и из этих двух зол я выбирал первое. Так что хоть потешиться напоследок...

Кьярра долго плескалась в ванне (похоже, горячая вода пришлась ей, теплолюбивой, по нраву), а потом прилепала в гостиную со словами:

— Санди, я не понесла сюда добычу, а то бы все испач...

Даже не знаю, что меня спасло: хорошая реакция или банальное везение. Наверно, второе: у Кьярры реакция намного лучше, даже в человеческом облике.

Так или иначе, но я успел швырнуть в нее бутылкой, отвлекая внимание, и нырнул под стол прежде, чем она запустила в меня тяжеленным стулом.

— Сдурела, что ли?!

— Санди? — Я видел, она замерла со вторым стулом в руках. — Это ты?

— Нет, его королевское величество собственной персоной!

— Я знаю, как выглядит король, — сказала Кьярра, не опуская стула. — Но запах твой. Только тут все пахнет тобой... А лицо не твое! Может, ты чародей?

Я в очередной раз напомнил себе, что она не понимает шуток, пословиц и вообще любых иносказаний, и сказал:

— Это я. Настоящий. Если ты успокоишься, я вылезу, и тогда можешь меня обнюхать, пощупать и хоть облизать. На зуб только не пробуй.

— Не буду, — пообещала Кьярра и поставила стул. Правда, рядышком, чтобы далеко не тянуться не пришлось. — Вылезай.

И, чтоб мне провалиться, она действительно долго меня обнюхивала и даже осторожно потрогала, прежде чем с облегчением выдохнула и сказала:

— Я думала, тут чужие.

— А я думал, ты легко отличаешь одного человека от другого, — ответил я и подобрал бутылку.

Прочное стекло, однако! Угодила в стену, но не разбилась, только немного дэрри пролилось на ковер, когда пробка вылетела от удара. Теперь запах не выведешь...

Вдруг Кьярра чихнула, и меня осенило:

— Тебе что, вот это перебило нюх?

— И оно тоже, — она покосилась на бутылку. — Очень сильно пахнет.

Что верно, то верно: дэрри на всю гостиную благоухал лесными ягодами и травами. Я его люблю не столько за вкус и крепость, сколько за этот аромат.

— Но ты ведь не только носом чуешь, — заметил я, взяв на заметку, что Кьярру вполне можно провести. Чародею это тем более не составит труда, а значит, нужно принимать в расчет такую вероятность.

— Я чуяла тебя, — расстроено сказала Кьярра, посмотрела по сторонам и села на уцелевший стул. Я так удивился, что не сразу понял: это она в качестве извинения за погром. — А когда вошла... тут был не ты. И у меня в голове запуталось...

— Не переживай, — сказал я и присел перед ней на корточки. — Я сам виноват, нужно было предупредить, что займусь маскировкой. Ты такого не ожидала, потому и растерялась. Кстати, будь на моем месте самозванец, ему бы не поздоровилось!

— Почему? Ты же успел увернуться.

— Я тебя ждал и слышал твои шаги, — пояснил я. — А кто-то чужой мог и не успеть уклониться. Хм... Судя по твоей реакции, я заметно изменился, а?

Кьярра покивала. Вид у нее был совершенно несчастный, и мне стало жаль ее, угодившую в совершенно чуждый мир, слишком сложный для дикарки и полный непонятных мелочей и условностей.

— Ты светлее, — сказала она. — И волосы...

— Просто краска, — ответил я. — Отрастут быстро, но это легко поправить. И с лицом то же самое.

— А руки? — заметила вдруг Кьярра.

— Что — руки?

— Ты без перчаток, — сказала она вроде бы даже с испугом.

— Дома могу себе позволить, — пожал я плечами. — Да и краситься в них — потом выбрасывать. А так заодно и руки потемнели.

— Они все равно светлее лица. Разве так бывает?

— Хм... Бывает, если человек постоянно на воздухе, но даже рукава не закатывает. Но хорошо, что ты заметила. Мало ли, придется обнажиться... Нет, — предвосхитил я ее вопрос, — целиком в краску нырять не стану. Будем надеяться, раздеваться мне не придется.

— Теперь ты почти как я, — сказала Кьярра и поднесла свою руку к моей. Не притронулась на этот раз, но я ощутил ее тепло. — Чуть-чуть другой. Только глаза прежние.

— Да, их цвет менять слишком сложно, а жаль... Для этого нужны чародейские штучки, а я слышал, иногда они дают сбой в самый неподходящий момент. Представь: говорю я с кем-то, а глаза вдруг из карих делаются светло-серыми... Или, того хуже, один — синим, другой — зеленым.

— Смешно, наверно, — без улыбки ответила она.

— В том-то и дело, что не смешно... — Я поднялся на ноги, пошарил на столе и повернулся к Кьярре. — Придется ходить вот так.

— А что это?

— Очки. Я тебе про них говорил, помнишь?

— Но ты же хорошо видишь.

— Их носят еще для защиты от солнца. Видишь, стекла темные?

— В этом городе совсем нет солнца, — упрямо сказала она.

Мне это нравилось: Кьярра выискивала бреши в моей маскировке, дело не лишнее. Я порядком зазнался в последнее время, не скрою, а потому поленился продумать легенду как следует. И очень зря...

— Некоторым людям даже слабый свет причиняет боль. Тем более

если на улице пасмурно, а в помещении яркие лампы.

— Ну ладно, — нехотя согласилась она.

— Я еще усы и баки приклею, тогда вовсе меня не узнаешь, — пообещал я. — Отращивать свои слишком долго, хоть они у меня и темные...

— Только скажи сперва. А то я опять перепутаю.

— Непременно скажу. Вдругорядь я могу и не успеть уклониться... Да, а как охота?

— Удалась, — сказала Кьярра и снова замолчала.

И что мне было с ней делать? Не дэрри же угощать, чтобы повеселела! Не представляю, что может натворить пьяный дракон... А унести ее может с одного глотка: вряд ли Кьярра когда-нибудь пробовала спиртное. Проверять как-то не тянуло.

— Встань тогда, я с тебя мерки сниму, — попросил я. — Завтра схожу, куплю тебе приличную одежду и обувь. Будешь при мне, уважаемом мастере Рокседди...

— Кто это?

— Мне придется назваться другим именем, — повторил я, поражаясь собственному терпению. — У меня есть документы на имя Лаона Рокседди. Очень удачно: ты сможешь по-прежнему звать меня Роком, чтобы не путаться. Лучше, правда, дядей Роком, но это не так важно.

— Понятно, — подумав, сказала Кьярра. — А я кто? Если ты дядя, значит, я племянница?

— Не обязательно. Вообще-то сначала я думал сделать тебя мальчиком на побегушках, да только ты совсем не похожа на юношу. Как ни притворяйся, заметят.

— А зачем притворяться? — не поняла она.

— Вот и я решил: зачем? Будешь моей очень дальней родственницей, — ответил я. — Сироткой, ясное дело. Осталось только придумать, почему я решил взять тебя с собой, а не отдал в какой-нибудь приют.

— Я богатая? — немного оживилась Кьярра. — Богатую девушку можно отдать замуж Бедную тоже, но сложнее. Она должна уметь работать, а я...

Она посмотрела на свои руки и завершила мысль:

— Заметят, что я ничего не делала.

— Откуда ты такой премудрости набралась? — удивился я. — Тоже от матери?

Кьярра кивнула.

— Она рассказывала мне о людях. Про их обычаи и всякое такое. Может, думала, что я тоже когда-нибудь к ним пойду?

— Понятно... Да, за трудолюбивую бедняжку ты не сойдешь, а в нищей господину Рокседи никакого интереса нет. Не прикинешься даже, что ты дочка его любимой покойной сестры, которая вышла замуж против воли родителей.

— Почему?

— Потому что если она жила с бедняком, то... возвращаемся к твоим не знавшим работы рукам. Конечно, и небогатые люди ухитряются баловать детей и не утруждать их, но это... сомнительный вариант.

— А если я больная? — неожиданно предположила Кьярра. — И ничего не могу делать? Также бывает, правда? Старые люди плохо работали и жаловались, что уже не могут все делать, как раньше. И я слышала от них, что молодые тоже иногда бывают такие.

— Бедная и больная тем более никому не нужна. Здоровую-то можно устроить прислугой или хоть батрачить, если по дому — городскому, я имею в виду, — она ничего делать не умеет, а соображения не хватает, чтобы на заводе в цеху работать.

— Но почему я не богатая? — повторила вопрос Кьярра.

— Потому что слишком дикая, — честно ответил я. — Да, если тебя приодеть, причесать — ты будешь выглядеть не хуже, а то и лучше, чем внучки Веовера. Но вести себя ты не умеешь, а за пару дней я не сумею тебя научить. Я сам не знаю всех тонкостей дамского обхождения, а на этом проколоться — раз плюнуть. Впрочем...

Она хотела что-то сказать, но я сделал ей знак помолчать — опасался упустить мысль. Поймал, однако, и сказал:

— План меняется.

— Как это?

— Ты, — указал я на Кьярру, — действительно дочка богатых людей. При этом ты тяжело больна.

— А как мне притворяться? Старые люди говорили: есть хромые, горбатые, кособокие, сухорукие... А у меня все на месте, — будто бы с сожалением произнесла Кьярра, оглядев себя. — И падучей у меня нет.

— И я очень этому рад, — пробормотал я, а громче продолжил: — У тебя не телесная болезнь, а умственная.

— Что это значит?

— Сложно объяснить. В деревнях таких людей называют дурачками — всех скопом. Но они бывают разные: кто-то доживает до старости, но не то что говорить, даже ходить научиться не может. Кто-то почти как обычный

человек, только глупее, но все равно более-менее соображает, может сам о себе позаботиться, способен работать. А кто-то совсем не понимает, как общаться с другими людьми, — сказал я. — Хоть кол на голове теши — правил этикета в такого не вобьешь. Если ему захочется посреди званого ужина выйти — он выйдет, не спросив разрешения, даже если у самого короля в гостях будет.

— Но они не глупые?

— Нет, они часто умнее других, только... по-своему. Например, в доме — свинья свиньей, зато такие вычисления делает, что лучшие придворные ученые понять не могут, как ему это удается. Или рисует — портрет от оригинала не отличишь. Всегда все по-разному. — Я перевел дыхание. — Но так выходит, когда этих людей с детства обучали тому, к чему они склонны. А если стыдились ребенка, прятали, толком не общались, то вырастет дикарь.

— Как я, да? — тихо спросила Кьярра, и я ответил:

— Именно. Ты умная, сильная, симпатичная, но совершенно не умеешь жить среди людей. И это понятно — ты ведь дракон. Для дракона ты, наверно, совершенно нормальная. Однако для тебя-человека нам личины лучше не придумать. Неприятно, понимаю. На тебя будут коситься, перешептываться, но...

— Какая мне разница, что подумают люди? — перебила она. — Лучше скажи, что мне делать!

— Веди себя, как сейчас, — с облегчением ответил я. — Только стульями не швыряйся. Впрочем... разок можно. Такие люди часто бывают очень сильными, это еще штрих к портрету. Говорить ни с кем не нужно, для этого есть я. Вернее, можешь отвечать на какие-то вопросы, если захочешь, а нет — просто молчи. Если скажешь что-то невпопад, не страшно, только о драконах не упоминай. Жила с матерью, она умерла, теперь о тебе забочусь я — и точка.

— Думаешь, она умерла? — тихо спросила Кьярра.

— Откуда же мне знать? Но лучше говорить так, чтобы избежать расспросов. А я... я по-прежнему буду родственником. Везу дочь дорогой сестры в столицу, чтобы показать светилам медицины: вдруг они сумеют исправить хоть что-то? Годы взаперти даром не проходят, тебе нужно учиться жить в обществе, да и просто — учиться... Об этом не беспокойся, я кому угодно зубы заговорю, — заключил я. — А тебе достаточно знать: дядя Рокседи твой единственный родственник В его планы ты не посвящена, но он обещал тебе большой дом с красивым парком, обновки и новых друзей.

— Почему новых, если не было никаких?

— Иногда другом называют даже куклу, сделанную из чурбачка, — ответил я. — Вот она — старый друг. А новых еще предстоит найти.

— Куклы у меня не было, — сказала Кьярра, явно с трудом припомнив, что это такое. — И друзей тоже, только мама. Но я нашла тебя. Ты ведь друг?

— Во всяком случае, — произнес я после долгой паузы, — я не враг. Извини, я не разбрасываюсь этим званием и не могу назвать кого-то другом после нескольких дней знакомства. Мы с тобой — товарищи по несчастью, напарники, если угодно, но не друзья. Во всяком случае, пока.

— Хорошо, — неожиданно улыбнулась она. — Мама говорила: не верь тому, кто сразу называет себя твоим другом. Ему наверняка что-то от тебя нужно. А мы будем напарники, да, Рок?

— Именно так. Ведь у нас общее дело, — ответил я, покривив душой.

Я мог справиться в одиночку. Так было бы даже проще, с одной стороны. С другой — меня слишком прельщала возможность испариться из-под носа у кого угодно, и ради этого я готов был путешествовать вместе с Кьяррой.

Кьярра тоже могла обойтись без меня, если бы решила отправиться в какую-нибудь глухомань. Охотничьи уголья у нее уже есть, а место для нового дома она рано или поздно отыщет. Но — я чувствовал — ей не хотелось снова остаться одной. Да еще любопытство разбирало: я ведь упомянул о том, что найти ее отца или хотя бы обнаружить его следы вполне реально...

И как назвать подобный союз? По-моему, только взаимовыгодным партнерством!

Глава 13

Моя дневная вылазка в город прошла вполне успешно. Я не выделялся из толпы, продавцы в лавках не обращали на меня внимания сверх необходимого: отвечали на вопросы и подсказывали, что нынче носят девицы. Вдобавок я сразу спрашивал траур, а вид при этом имел достаточно мрачный и озабоченный для того, чтобы никто не пускался в расспросы. В обувной лавке, правда, заметили, что готовую обувь не стоит брать без примерки, но я буркнул, что племянница носу из дома не кажет, а пешком ей ходить не придется, и только.

Никого не удивляло, что солидный господин (шляпа Веговера смотрелась на мне весьма недурно и загадочным образом старила сильнее, чем пышные бакенбарды) сам делает покупки. Есть такие прижимистые типы, которые ни за что не оставят подобное на откуп слугам — ведь те могут обмануть, сторговаться подешевле или взять вещь похуже, а разницу положить себе в карман. О нет, подобный человек скорее потратит время, но сам удостоверится, что ему предложили товар высшего сорта. Почему не приказал доставить образцы на дом? Проще простого: он не местный, живет в гостинице (разумеется, я озаботился заранее снять там номер — надо же куда-то отправлять посыльных с покупками?), не знает, где чем торгуют, а советчики из той же гостиничной прислуги соврут — недорого возьмут. С этой стороны ко мне нельзя было придрататься.

Я и сам разжился обновками: из моего привычного гардероба с большим трудом удалось составить достаточно унылый и строгий ансамбль, соответствующий образу, а в дорогу желательно взять хотя бы одну смену одежды, а лучше две.

Все это было хлопотно, но в целом приятно: я не спеша прошелся по улочкам, послушал, как бьют часы в ратуше, посмотрел на разноцветные крыши особняков на холме и старинный замок, постоял над рекой на мосту Свиданий... Одним словом — попрощался. Может, преждевременно, но я полагаю — лучше сделать что-то и пожалеть об этом, чем не сделать и сожалеть.

Уже в сумерках я забрал покупки из гостиницы, сел в пролетку, правда, отпустил ее через две улицы, а до дома снова добрался своим ходом.

И вот тут-то меня поджидал неприятный сюрприз: Кьярры не было. Я понимал, куда и зачем она могла отправиться, но все-таки пережил весьма неприятные полчаса до того момента, как она появилась, и первым делом

удивленно спросила:

— Ты уже вернулся?

— Нет, все еще гуляю. Неужели не видно?

— Ты разозлился, — уверенно сказала Кьярра.

Она явно отмывалась в ручье, чтобы не наследить в доме: с волос капало. Я знал, что они высохнут самое большее через четверть часа, но это не мешало мне с неодобрением смотреть на мокрые следы на полу.

— Представь себе.

— Почему? Ты сказал, что вернешься после заката. Мне было скучно сидеть одной. Выйти нельзя, смотреть не на что, — Кьярра виновато развела руками. — Я решила — поохочусь немножко, успею вернуться, и ты ничего не заметишь. Но не успела.

— Это не самое скверное из того, что могло произойти, — заверил я.

— А что еще? — удивилась она.

— Я мог примчаться домой, опережая погоню на считанные минуты и рассчитывая на то, что мы с тобой успеем сбежать. Но, — настала моя очередь разводить руками, — ничего бы не вышло. И я попался бы преследователям, и ты по возвращении наткнулась бы как раз на них.

— Ой... Я не подумала, что так бывает...

— Не могу же я за тебя думать, ты не машина! — сказал я. — Исчезаешь — хоть записку оста... Стоп. Ты вообще грамотная? Считать умеешь, ты говорила, а вот писать?

— Буквы знаю, — посопев, ответила Кьярра. — И немножко могу читать. Но не все слова. Только простые. Я посмотрела книгу у тебя на столе — ничего не понятно. Ну, кроме букв. И то половина незнакомых!

— Неудивительно... — пробормотал я. — Она на другом языке. Но ты не уходи от ответа: сможешь написать хотя бы «Улетела на охоту, буду поздно»?

— Наверно, нет, — честно сказала она. — Я только палочкой на песке или углем на стене умею. А по-человечески — не пробовала. У нас же не было чернил и прочего для письма...

— Не страшно, научу. Десяток фраз уж запомнишь... Главное, чтобы разобрать можно было. Кстати, вероятно, тебе проще будет нарисовать картинку. Понимаешь? Дракон, стрелочка — значит, улетела, рогатый зверь — значит, на охоту. Солнце заходит — будешь поздно. Ну?

— Давай я лучше научусь писать слова, — ответила Кьярра. — То, что ты говоришь, слишком сложно. Рисовать я не умею.

— Я же от тебя не шедевр требую, — покачал я головой и действительно ощутил себя строгим дядюшкой, отчитывающим

племянницу. — Ладно, попробуем и так, и этак. В поезде у нас будет достаточно времени на такие развлечения... А пока пообещай, что не станешь отлучаться, не предупредив меня. Я не запрещаю тебе охотиться, но должен знать, могу рассчитывать на тебя в определенное время или нет! И тебе лучше улетать, когда я здесь, а не шатаюсь невесть где. Мало ли кто нагрянет, пока хозяина нет дома!

— Я буду говорить, — кивнула она. — Трудно так много думать обо всем...

— Ты просто не привыкла. Я тоже не сразу научился держать в голове сразу много дел, — утешил я. — А теперь, раз ты сыта и достаточно чиста... за примерку! Нам завтра в дорогу.

Кьярра вздохнула и покорилась.

Должен отметить, глазомер у меня недурен: почти все вещи пришлись ей впору. И намучился же я, объясняя, как что надевать и застегивать... Ну почему Кьярра не могла оказаться мальчиком? Увы, мироздание снова ничего не ответило на мой безмолвный вопрос. Как обычно, я давно привык к его молчанию...

— Ужас как неудобно, — сказала Кьярра, осторожно сделав несколько шагов в новой обуви.

— Жмет?

— Не знаю, — ответила она, прислушавшись к своим ощущениям. — Просто неудобно. Будто стою на камне и вот-вот упаду.

— Ну извини, дамской обуви без хотя бы маленького каблучка я не нашел. Мог взять на мальчика, но такие ботинки с платьем выглядели бы слишком экстравагантно. А шить на заказ некогда.

Я подумал и добавил:

— Придется тебе держаться за меня, чтобы не спотыкаться и не потеряться. Выглядеть будет достоверно с учетом твоей легенды. Люди с такой болезнью часто боятся шума и тем более толпы.

— Ты же не любишь, когда тебя трогают, — напомнила Кьярра и снова обошла вокруг стула, придерживаясь за спинку.

На этот раз получилось заметно лучше. Ее хотя бы не шатало на ходу, как пьяного матроса.

— Мало ли чего я не люблю... Ради дела потерплю, не облезу.

— Я постараюсь не обжигать, чтобы ты не облез, — пообещала Кьярра.

Кажется — вот только привык к этой ее непробиваемой серьезности, и опять... На этот раз, впрочем, я не стал объяснять, что именно имел в виду. Сам виноват: зарекался ведь выразаться при ней исключительно

однозначно!

— Ну вот, — сказал я, нахлобучив на нее дорожную шляпку и завязав ленты под подбородком. — Теперь ты похожа на благонравную девицу. Взгляни в зеркало... хотя нет, постой. Надеюсь, ты знаешь, что это такое?

— Конечно! — возмутилась Кьярра. — Мама рассказывала. И свое отражение я видела. В воде. Зеркал у нас не было.

— Замечательно, — искренне сказал я. — Не обижайся, я предпочел перестраховаться. Некоторые люди из глуши, которые тоже видели себя только в какой-нибудь луже или начищенном котелке, пугаются, когда видят хорошее зеркало. Отражение слишком уж похоже на настоящего человека, того и гляди, выйдет навстречу. Или того хлеще: заменит оригинал...

— А так бывает?

— Об этом страшные сказки рассказывают.

— Тогда ничего, — решила Кьярра. — Сказки часто про то, чего на свете не бывает.

Меня подмывало спросить, о чем рассказывают на ночь матери маленьким дракончикам, но я удержался: она ведь примет это за чистую монету и примется вспоминать, а сейчас не до того. Успею еще... если не забуду.

Отражение не слишком заинтересовало Кьярру (хотя она украдкой потрогала пальцем стекло), а вот одежда...

— Зачем ваши женщины так неудобно одеваются? — спросила она, приподняв подол. — Как в этом бегать? Даже ходить тяжело!

— Так сложилось, — ответил я заученной фразой. Ну откуда я знаю, почему в незапамятные времена одеваться стали именно так, а не иначе?

— Тродда была в штанах...

— Она чародейка, ей можно вести себя не как все. А ты приличная девушка... Ну, во всяком случае, дядюшка пытается сделать из тебя такую.

«Что-то еще получится», — мелькнуло в голове, вслух же я сказал:

— Запомнила, что как надевается? Если нет, лучше спроси меня, а не напяливай абы как. Попутчики не поймут, если ты появишься в расстегнутом платье.

— Я же... это самое... — Кьярра нахмурилась. — Больная умом.

— Не до такой степени. Нелюдимость и небольшие странности простительны, а вот бегать полуголой перед незнакомыми людьми — прямой путь в больницу для помешанных, — сказал я. — А ею даже на каторге пугают, потому что с каторги сбежать можно, если повезет, но оттуда... если только вперед ногами вынесут.

— Почему?

Я мысленно дал себе оплеуху и пояснил:

— Покойников принято выносить из дома ногами вперед, поэтому так и говорят. Не спрашивай, почему, я не знаю! В другом месте их вообще через окно вытаскивают, а потом это окно забивают наглухо и прорезают новое.

— Люди странные, — в который раз повторила Кьярра. — Я буду спрашивать, Рок. Я же обещала делать, как ты говоришь.

— Когда это? — не смог припомнить я.

— Я тебе не сказала, — с очаровательной непосредственностью ответила она. — Но я так решила. Только иногда забываю. Это потому, что я не привыкла много думать, да? Дома не о чем было. Поохотилась — поспала — снова поохотилась. Вспомнила маму. И все. Когда она была, мы говорили и я думала больше. О том, что она рассказала. Она потом спрашивала, как я запомнила. Ругала, если я ошибалась. А потом ее не стало. Я сперва твердила на память все, что помнила, но оно скоро стало таким... ну...

— Как будто истерлось от повторения? — пришел я на помощь.

— Да! Как старые монеты — на них ничего не разберешь. Вот она есть, а рисунка нет. Так и слова: я их заучила, но не могу вспомнить, что они значат.

— Ты действительно одичала от одиночества, — помолчав, сказал я. — Такое случается даже со взрослыми самодостаточными людьми, а ты осиротела совсем юной. Воспоминаний у тебя мало, впечатлений — и того меньше, пополнить их негде, вот и выходит, что думать не о чем. А когда разум нечем занять, он...

— Ржавеет? — перебила Кьярра. — Как мечи?

— Именно, — кивнул я и подивился: почему ей на ум пришли мечи, а не ножи, к примеру, или еще какой-нибудь инструмент, который она могла видеть у стариков-козопасов? — А если возить лезвием по какому-нибудь достаточно твердому предмету... вроде воспоминаний, да, но без умения и сноровки, оно не отточится, а затупится.

— Я буду больше думать, — пообещала она. — Но это трудно.

— Дело привычки. А теперь давай собираться. С утра времени не будет: ты же наверняка захочешь поохотиться на дорожку?

— А по пути будет нельзя?

— Я не представляю, сумеешь ли ты попасть в свои охотничьи уголья из поезда, — повторил я вслух свое опасение. — Он все-таки движется, и довольно быстро. Остановки есть, но они слишком короткие, ты за такое

время не справишься. Одним словом, лучше не рисковать. Потерпишь пару дней?

— Если человеческой еды будет много, то потерплю, конечно, — согласилась Кьярра.

— Придется мне прикидываться обжорой, — невольно улыбнулся я.

— Почему?

— Потому что юные девушки столько не едят. Впрочем... Ты же у нас головой скорбишь, а такие люди часто любят поесть и не чувствуют насыщения. Если их не ограничивать, не остановятся. Ну и выглядят они соответствующе.

— Но я же худая, — резонно заметила Кьярра. — Ты сам сказал однажды — кожа да кости. Дракон не может быть толстым. Как летать? Крылья не поднимут!

— Это еще один штрих к нашей истории, — ответил я. — Мать держала тебя в узде, само собой, и я намерен вести себя так же. Но тебе настолько не нравится поезд, что еда — единственное, чем можно тебя отвлечь. Иначе ты сильно возбудишься и можешь что-нибудь натворить. Да хоть капризничать начнешь, кричать, а в небольшом замкнутом помещении это очень неприятно, особенно для ни в чем не повинных соседей... Поэтому пришлось сделать послабление в правилах, но только на время.

— Понятно, — кивнула она, задумалась ненадолго, потом спросила: — Рок, а почему нет слуг? Если ты богатый и я тоже, должны быть слуги! Носить наши вещи и вообще...

— Вот только их мне еще и не хватало, — мрачно ответил я. — Согласен, это слабое место в плане, но нанятый впопыхах слуга — еще хуже. А своих я не держу, сама видишь.

— Почему?

— Потому что меня месяцами не бывает дома. Не вижу смысла содержать нескольких бездельников, — пожал я плечами. — Когда я возвращаюсь, то даю знать приходящей служанке: она стряпает и стирает, прибирается по необходимости. Еще конюху из дома напротив — так-то я и сам могу обиходить лошадь, но обычно мне лень, а ему лишняя монетка не помешает.

— В доме чисто, — сказала Кьярра. — Даже пыли нет. Опять колдовство?

— Не опять, а снова, — буркнул я. — Оно самое. Вещи не пылятся, не отсыревают, не плесневеют. На сколько бы ты ни ушел, по возвращении найдешь в том виде, в котором оставил. По-моему, удобно.

— Наверно... И кажется, что тут кто-то есть.

— В самом деле? Мне нет. Я бы насторожился, покажись мне, будто у меня незваные гости.

— Не гости... — Кьярра помотала головой, отчаявшись подобрать слова. — Просто... Дом не пустой. Не брошенный. Мама показывала мне пещеру, где жила до меня. Там много лет никого нет. Видно, что были, но давно. Очень неуютно.

— Жила до тебя? — насторожился я. — Ты имеешь в виду, до твоего рождения?

Она кивнула, а я едва не застонал: если выяснится, что мать Кьярры обитала на другом конце континента и спасла военного (не важно, дракона или человека) там же, то... Нет, ничего не случится. Наоборот, хорошо, что об этом стало известно сейчас, а не тогда, когда я перерою архивы в поисках упоминаний о не существовавшей битве в наших предгорьях! Чего доброго, отец Кьярры мог оказаться бойцом противника... но не оказался, на мою удачу. У тех мундиры не сизые, голубые, перепутать эти цвета невозможно, если ты не страдаешь той редкой болезнью, при которой люди даже красный с зеленым путают. У Кьярры ее точно не было, хоть на этом спасибо.

— И с отцом твоим она тоже встретила там? — уточнил я.

— Конечно. Откуда бы ему взяться здесь? Ну то есть там, где она стала жить со мной.

— Замечательно... — Я подержался за голову, чтобы собраться с мыслями. — Ты можешь объяснить, где та брошенная пещера?

— Нет, — поразмыслив, ответила Кьярра. — Если ты хочешь, чтобы я тебе показала на той картинке... ну, карте, то не получится. Там нет этого места.

— Только не говори, что оно... как назвать-то... не в нашем пространстве!

— В каком же? — не поняла она.

— В другом. Как моя хижина в лесу, например.

— А, ты об этом! — повеселела она. — Нет, оно здесь. Просто на карте его нет.

— То есть та пещера где-то в диких горах?

— Они не очень дикие. Почти как здешние. Когда мама мне его показала, людей внизу было даже больше, чем возле нашего дома. Она жалела, что пришлось бросить то жилище. Там красиво. Море внизу. Я никогда раньше не видела моря и даже напугалась — такое оно большое! — мечтательно проговорила Кьярра. — Почти как небо, только у него берега есть, а у неба нет.

Час от часу не легче. Где у нас горы на самом побережье? Чаячий приют? Так эта гряда необитаема, из людей там разве что рыбаков увидишь да корабли вдалеке проходят. Какие-то иные острова, которые я знаю только по названию? Придется выяснить, иначе отца Кьярры я сроду не отыщу!

Перебирать всех, кто был ранен в бою (а их в те времена гремело превеликое множество и на территории нашего королевства, и на вражеской, даже по самым далеким окраинам), пропал без вести, а затем вернулся — жизни не хватит. Вдобавок, подумалось мне, этот тип мог и не добраться до места назначения. Вряд ли дезертировал — с его званием и наградами это как-то не вязалось, — но мало ли, что могло произойти по дороге? Не думаю, будто мать Кьярры за руку привела его в расположение части. Или все же?..

Гадать можно бесконечно, а вот время у нас было ограничено, поэтому я спросил:

— Мы сможем попасть туда прямо сейчас? Туман не мешает?

— Нет, — прислушавшись к каким-то своим внутренним ощущениям, ответила Кьярра. — То есть не мешает. Туман там бывает редко. Мама еще и поэтому решила перебраться в глухие места. Сама она хорошо умела прятаться, а я еще нет. Могла попасться людям на глаза, а это плохо.

— Что значит — «еще и поэтому»? Была какая-то иная причина? Ты говорила про свой дом — он почти всегда в тумане, потому что так легче прятаться от других драконов, но добавила потом, что диких давно не стало. Тогда от кого скрываться? От людей — понятно, но для этого нужны другие способы, разве нет? Теперь говоришь, что пещера твоей матери такой защитой не обладала. И я задам тебе твой любимый вопрос — почему?

— Я напутала, — после паузы сказала Кьярра. — То есть все перемешала. Не сердись, Рок. Я же сказала, что не привыкла думать...

— Я не сержусь, просто хочу разобраться в этой истории, пока мы не запутались еще сильнее, — произнес я как только мог мягко. — Давай по порядку. До твоего рождения мать не пряталась от других драконов, а после вдруг начала.

— Не после, тоже до, — поправила она. — Когда меня еще не было, но она уже знала, что кто-то родится.

— Ценное уточнение... Так вот, я могу понять ее боязнь, что ты попадешься на глаза людям. Но туман тут при чем? Чем ее не устроило просто безлюдное место? Или так совпало, что ваш новый дом оказался одновременно и в тогда необитаемых краях и практически не

обнаружимым для драконов?

Я умышленно опустил слово «диких», хотел посмотреть, до чего додумается Кьярра. И она не подвела:

— Отец ведь тоже был драконом. Значит, мог добраться до мамы, если бы она осталась на старом месте.

— А она этого, очевидно, не хотела?

— Не знаю, — пожала плечами Кьярра. — Она не сказала. Помнишь, я говорила: может, она пробовала жить у людей с ним вместе, но ушла? Вдруг она сбежала? Когда стало понятно, что должна появиться я? Ты сказал: она не желала мне такой участи... Ну вот.

— Определенная логика в этом есть, — кивнул я.

Версия насчет человеческого происхождения отца Кьярры трещала по всем швам. Будь он человеком, ее мать пряталась бы иначе. Либо свойства нового жилища — в самом деле удачное стечение обстоятельств, либо отец успел узнать о способностях диких сородичей, и она искала подобное место целенаправленно. Вполне вероятно, мать Кьярры упомянула об этом, будучи в полной уверенности, что прирученные драконы тоже способны пользоваться скрытыми путями. А если она была хотя бы в половину такой же неискушенной, как Кьярра, то спасенному ничего не стоило вытянуть из нее подробности. Он-то уж точно наивным не был и наверняка попытался выведать все, что можно. И даже опробовать...

Только вот куда подевалось это знание лотом? Отчего до сих пор не используется повсеместно? Загадка...

Я мог предположить, чем обусловлена такая завеса тайны, но какой прок от моих домыслов? Без подтверждения они ничего не стоят.

— Вдруг он был не очень-то хороший? — сказала вдруг Кьярра, и лицо ее приобрело ожесточенное выражение. — Ему помогли, а он захотел выдать мамино убежище. Если так, жалко, что она его не убила!

«Может, и убила, только тебе не сказала, — подумал я. — Тогда понятно, почему все осталось в секрете. А зачем переселилась? Хм... Допустим, понимала, что пропавшего дракона могут искать. Чародеи нашли бы его в любом облике, это точно, если только мать Кьярры не спрятала труп где-нибудь в другом месте... Одни вопросы, чтоб им, а ответы узнать не у кого!»

— Если он жив, а мы сумеем его отыскать, ты сможешь спросить, что тогда произошло. А пока... покажи мне ту пещеру, хорошо? Я должен знать, что это за место.

— Пойдем, — охотно согласилась она. — Только можно мне снять вот это все?

— Конечно, — ответил я...

Но, разумеется, снова позабыл о том, что Кьярра все воспринимает буквально.

— Я же просил тебя не ходить голой!

— Но там никого нет, — удивленно сказала она. — Правда-правда. Люди так высоко не забираются, им там дышать тяжело... ой!

— Что еще?

— Ты ведь тоже будешь задыхаться, — ответила Кьярра. — И я еще забыла сказать — там холодно, даже холоднее, чем на твоей снежной дороге.

— Хорошо, что предупредила, оденусь потеплее, — кивнул я. — Надеюсь, от разреженного воздуха я не сразу лишусь сознания, а если все-таки свалюсь, верни меня сюда, договорились?

— Конечно! Я же сказала, что ни за что тебя не брошу, — без тени иронии ответила она.

В который раз я повторил себе: пора привыкнуть к тому, что с чувством юмора у Кьярры проблемы, равно как и с пониманием иносказаний. С одной стороны, это представляло определенные трудности, а с другой... С другой — было забавно и даже трогательно.

— И надень хоть что-нибудь, — добавил я. — Понимаю, ты не замерзнешь, но мне на тебя даже смотреть зябко. Особенно в снегах.

— Просто я тебе не нравлюсь, — заявила Кьярра, натягивая прежнюю свою одежду.

— То есть?.. — опешил я.

— Ты мужчина, я женщина, — пояснила она. — Но я тебе не нравлюсь. У тебя кровь не волнуется, когда ты на меня смотришь. Я же чувствую. Ты только злишься, но не по-настоящему, не потому, что я сделала что-то плохое. Не знаю, как это называется.

Я тоже не знал. Досада, возможно? Но мне и досадовать следовало только на свою жадность, из-за которой я ввязался в это приключение, да на стечение обстоятельств. Отказался бы от работы, обидел Веговера (уж не умер бы он от этого и тем более не обеднел), зато жил бы спокойно, а не шарахался невесть где в компании дикого дракона!

Но в остальном Кьярра была совершенно права: я не воспринимал ее как женщину. То ли потому, что она казалась мне подростком (и не важно, сколько ей на самом деле лет), а я никогда не испытывал тяги к молоденьким девочкам (говорят, для этого нужно или иметь природную склонность, или сильно состариться), то ли из-за того, что я считал ее существом другого вида... Свою Гуш я ценю и берегу, привязан к ней,

однако у меня никогда не возникало желания... хм... сблизиться с нею. Кьярра не лошадь, конечно, но и не человек, пускай и похожа внешне.

Одним словом, это был слишком сложный вопрос для того, чтобы обсуждать его на ходу. Вдобавок я был рад такому положению вещей: начини я испытывать к Кьярре нечто, напоминающее влечение, все бы сильно осложнилось. От нее подобное не укроется, а я уже упоминал, как все непросто для меня в этом деле. Я в любом случае не рискнул бы сойтись с ней — так можно остатки мозгов выжечь, а они мне дороги, — Кьярра бы обиделась... Лучше уж так.

— Я сержусь потому, что ситуация сложилась непростая и выхода из нее пока нет, — пояснил я. — Ты невольно стала тому причиной, хотя не виновата, и тебя эта досада тоже затрагивает. Что до прочего... Ты кажешься мне ребенком, несмотря на твой возраст, вот и все.

— И ты поэтому обо мне заботишься?

— Забочусь? Разве?

Кьярра кивнула, а я попытался посмотреть на свое поведение ее глазами. Пожалуй, она права: то, что я делаю, действительно можно принять за заботу. О самом себе в первую очередь, но ей-то неоткуда об этом знать...

— Давай не будем терять время понапрасну, — попросил я. — Просто покажи мне пещеру!

— Ты сперва оденься, — напомнила она. — А то замерзнешь.

— С тобой-то рядом? Вряд ли...

— Я не стану превращаться, иначе говорить не смогу. Как я тебя согрею, если ты такой большой?

— Твоя взяла, — вздохнул я и отправился за теплой одеждой.

Глава 14

Когда мы очутились... там, где очутились, я понял, что мое героическое покорение снегов — цветочки по сравнению с тем, что может ожидать человека в этой дивной местности.

К счастью, стояло полное безветрие, иначе меня попросту сдуло бы с уступа, на котором мы оказались. Внизу расстилались...

Не так. Мне хватило одного взгляда, чтобы больше не смотреть вниз. Не то чтобы я страдал боязнью высоты, но здесь у любого опытного верхолаза задрожали бы коленки.

Я предпочитал смотреть вперед, туда, где расстилалось безбрежное, сверкающее в лунном свете море, сливающееся с небом в непостижимой дали. Звезды казались близкими настолько, что руку протяни — дотронешься.

Дышать было трудно. Пока не до такой степени, чтобы начать задыхаться, но голова немного кружилась. Спасибо, пока не болела. К слову, она уже несколько дней не давала о себе знать, и это можно было считать настоящим чудом после всех выпавших на мою долю передряг.

Холод тут стоял изрядный, но все-таки терпимый. Но вот на ветру, должно быть, даже дракона проберет до костей. Хорошо, что я перчатки надел, но и то тянуло сунуть руки в карманы или под мышки — кончики пальцев мгновенно заledenели, когда я попытался поймать ветерок и узнать, где мы находимся.

— Вот здесь она жила, — нарушила звенящую тишину Кьярра.

— Прямо на уступе?

— Нет, конечно. Иди сюда.

Я с большим трудом заставил себя сделать шаг. Очень хотелось прилипнуть, вернее, примерзнуть к скале и не трогаться с места. Боюсь, еще немного, и я начал бы звать Кьярру на помощь, чтобы подала мне руку. Обошлось, я справился с собой и завернул за скалу.

Пещера, вход в которую прятался за большим камнем причудливой формы, оказалась обширной и — Кьярра подобрала верное слово — неуютной. Видны были следы огня на камнях, и если бы я не знал, что здесь обитал дракон, то решил бы — это место служит прибежищем редким путешественникам или исследователям, способным забраться на такую высоту.

— Ты еще дышишь? — с беспокойством спросила Кьярра, видя, как

осторожно я ступаю, придерживаясь за стену. Дыхания действительно не хватало, стоило его поберечь, поэтому я только кивнул. — Тогда пойдём, я покажу тебе самое красивое!

Идти было всего ничего — до другого выхода из пещеры (могу представить, как тут сквозит во время бурь, но, может, драконам это даже приятно?), но я чувствовал себя так, будто полдня бежал по бездорожью. Взгляну — и нужно убираться отсюда. Не хотелось бы слечь накануне поездки: поменять билеты не проблема, только вот следующего поезда придется ждать еще неделю.

Но когда я вышел на другой уступ и посмотрел перед собой, то окончательно лишился дара речи...

— Правда, хорошо? — спросила Кьярра. Видимо, она истолковала мое молчание как знак восхищения видом.

Вид в самом деле был хорош: остров за нешироким проливом лежал перед нами как на ладони. Невесомая арка моста — таким он кажется только издали, а вблизи поражает размерами — соединяла его с побережьем. На темном фоне моря виднелись бледные заплатки парусов — должно быть, рыбаки вышли на ночной лов. Светились в порту огни больших кораблей.

А из самой высокой точки острова стремилась в небо белоснежная башня, от сияния которой делалось больно глазам. Говорят, этот свет заметен даже солнечным днем, а уж ночью он различим издали даже в бурю и служит кораблям вместо маяка.

— Рок, — Кьярра потянула меня за рукав, — может, вернемся? Ты очень странный.

— Вернемся, — кивнул я и напоследок бросил взгляд на башню — она словно соревновалась в высоте с соседним пиком, но все-таки сильно до него недотягивала, раз этак в пять, а то и больше. Впрочем, для рукотворного объекта и это недурное достижение.

Остров выглядит так, будто в незапамятные времена горный хребет раскололся и часть его долгие годы дрейфовала в открытое море, все увеличивая расстояние. Если смотреть сверху, то заметно: придвинешь остров обратно, и береговые линии сойдутся почти идеально — все-таки раскрошились за много веков, да и течение поработало. И гора на острове, видимо, осыпалась, когда он откололся от материковой суши, уже не приляжет к береговому гиганту точь-в-точь. Он тоже обвалился: со стороны моря непроходимые уступы, к которым не причалит даже рыбацкая лодка, такой там прибой, выше — отвесные скалы. Вот чуть дальше побережье уже годится для жизни, там есть причалы, колоссальный мост ведет на

остров...

Непостижимо... Дикий дракон долгие годы обитал здесь, в прямой видимости от резиденции Союза чародеев? Не верю! Темнее всего под пламенем свечи, да, но это не тот случай! Ни один дракон не подлетит к острову Баграни, ни боевой, ни транспортный, ни тем более дикий...

Говорят, во время битвы при Баграни море кипело и все кругом заволокло черным дымом: тогда еще не было паровых кораблей, воевали парусники, а они прекрасно горят. Небо пылало — чародеи бились насмерть, и десятки их полегли в том бою. Драконы сражались на дальних подступах, и волны сделались красными от крови — их и человеческой. Чайки потом не могли взлететь, так обожрались падалью... И только пристань Баграни и набережные, вымощенные белым камнем, остались девственно чистыми — остров зачарован на совесть. Никто никогда не ступал на него без разрешения.

— Давай домой, — попросил я сквозь зубы, и Кьярра осторожно взяла меня за локоть.

Очутившись в своей гостиной, я долго не мог отдышаться, а когда все-таки сумел, первым делом плеснул себе дэрри — все это следовало запить.

— Рок, ты все равно странный, — жалобно сказала Кьярра, — только по-другому. Что случилось?

— Ничего, — ответил я. — Просто я не знаю, что теперь делать.

— Почему?

— Потому что твоя мать не могла жить в том месте. И твой отец не мог там оказаться. Ни один дракон во время битвы за Баграни не приблизился к нему, как ни старались нападающие прорвать оборону. Много их полегло на рубежах, но, даже раненные, драконы летели куда угодно, хоть бы и в открытое море, но не к острову.

— Откуда ты знаешь?

— Это самое известное сражение прошлого века, о нем только младенцы не слышали.

— И я, — сказала Кьярра.

— И ты, — согласился я.

— Но мама говорила, что нашла отца именно там. После боя. Как так?

— Понятия не имею. И вообще, — я сделал глоток, — ты тоже не могла оказаться в той пещере.

— Почему?

— Потому что ты дракон!

— А может, когда я человек, колдовство не действует?

«Что, если это и правда так? — подумал я. — Например, отца Кьярры

подбили, он рухнул в море и сделался человеком в надежде на то, что так его смогут выловить свои, зацепился за какой-то обломок, а волны выбросили его на берег? Не на сам остров, конечно, а через пролив. И там его подобрала мать Кьярры. Вышла, скажем, пособирать ракушки или плавник для костра, заревом на горизонте полюбоваться, а тут... Но как она затащила его на гору?»

Мое воображение позорным образом спасовало. Я мог лишь предположить, что мать Кьярры жила в обычной рыбацкой хижине, не привлекая к себе особенного внимания, а по ночам тайными путями уходила на охоту. И если предположить, что раненого она выхаживала тоже не на побережье, то кое-что становится на свои места. Иначе его заметили бы соседи, и очень быстро...

Но как это объясняет логово на склоне высоченной горы? Багралор не самый высокий пик на материке, но, должно быть, самый коварный. Никто из обычных людей еще не покорил эту вершину: скалолазам мешают отвесные склоны, коварные уступы, холод и чудовищный ветер. А брать с собой чародея — это не то. Не по правилам. Хотя, может, кто-то и пытался, я не в курсе.

Уверен, чародеи выстроили бы свой оплот на его вершине, если бы могли, но увы, из воздуха башню не сотворишь, а таскать наверх материалы слишком накладно. Да и вряд ли им хотелось вечно сражаться с ветром и холодом: раз и навсегда даже печку-самогрейку не зачаруешь, колдовство со временем выдыхается, нужно его подновлять, а чем оно сложнее, тем больше сил это отнимает.

А может быть... Я потер висок, в котором знакомо заныло. И невольно обрадовался, хоть это и глупо. — лишиться чего-то настолько привычного, пускай и неприятного, очень уж странно. А странностей мне и без того хватало.

Может быть, все дело в том, что мать Кьярры была внутри охраняемого периметра изначально, еще когда его устанавливали? И чары не распознавали ее, как чужого дракона, вторгшегося на территорию Баграни? Если при этом она могла, не шевельнув пальцем, попасть из хижины на берегу в пещеру на Багралоре или в свои охотничьи уголья, то жила припеваючи. Ни один другой дракон, дикий или прирученный, ее бы не нашел, а нашел — не сумел бы добраться. Но вот Кьярра — другое дело... Не важно, что она плоть от плоти своей матери, для чар-то чужая.

Нет, не сходилась. Только что Кьярра побывала на Багралоре, а он однозначно входит в зону действия чар. Слишком уж удобно атаковать остров сверху, если зайти со стороны этого пика, так что вряд ли его

обошли вниманием.

Может, ее мать и впрямь опасалась, что Кьярра по недомыслию может нарушить периметр, и тогда ее неминуемо заметят? Разве что так... Тогда понятно, почему она решила переселиться, едва узнала о будущем ребенке: за ним поди уследи! Человеческие дети — и те ухитряются натворить дел, стоит только отвернуться на минуту, а матери Кьярры пришлось бы отлучаться на охоту...

А отец? Все-таки человек, выброшенный на берег? Или дракон? Если так, то попасть на Багралор он мог только одним путем: с помощью спасительницы, по скрытым путям. Мать Кьярры, допустим, нашла его в открытом море после боя. Мало ли, выбралась за периметр и полетела поживиться, наткнулась на соплеменника, решила ему помочь и отнесла в свое логово. (Человек, к слову, скоро бы там задохнулся, что говорило в пользу второй версии.) Очевидно, такое перемещение не засекали... Или же в человеческом облике дракон действительно намного менее заметен, чем в настоящем, в общей сумятице могли не обратить внимания. В конце концов, драконов кругом острова вилось столько, что сигнальные чары должны были вопить не затыкаясь.

Вот это уже больше походило на правду.

— Рок... — снова окликнула Кьярра. — Ты все думаешь и думаешь, и мне страшно.

— Почему? — мстительно спросил я, но она не поняла иронии.

— Потому что у тебя внутри... как будто клубок змей. И они шевелятся, сплетаются теснее. Я знаю, это твои мысли. Они холодные, холоднее льда, и... И поэтому я боюсь.

— Мысли действительно дурные, — кивнул я. — Надо же, не представлял, как это выглядит со стороны.

— У многих людей так, — сообщила Кьярра и привычно уселась на пол у моих ног. Очевидно, ее смирение было недолгим. — Но немножко, и там есть другое. А ты думаешь только об одном. Почему?

— Мы ввязались в нехорошую историю, я уже говорил, — медленно произнес я. — И чем дальше, тем хуже она выглядит. Думаю, нужно менять планы и попросту уходить отсюда как можно дальше, если жизнь дорога.

— Но ты же хотел искать моего отца!

— Как бы нас самих не нашли...

— Я не понимаю! — нахмурилась Кьярра. — Объясни простыми словами, ты же умеешь! И не сердись... Я стараюсь, но если я чего-то не знаю, как мне об этом думать?

— Вовсе я не сержусь, — сказал я, и это было чистой правдой. К тому

же проговорить вслух свои догадки полезно: так заметнее огрехи в рассуждениях и дыры в логических выводах. — Я начну издалека. Если что-то будет непонятно, спрашивай сразу.

Кьярра кивнула и устроилась поудобнее. Я не представлял, как она ухитряется скрутиться в такой узел, у меня при одной мысли о подобном начинали ныть все суставы. Старею, наверно.

— Люди постоянно воюют между собой, — сказал я.

— Я знаю. Драконы тоже воевали друг с другом, когда были дикие. И теперь воюют, только для своих людей.

— Это было вступление, — пояснил я. — Так вот, чародеи утверждают, что никому не подчиняются, а сражаются за ту или иную сторону, только исходя из своих убеждений. Вранье, точно тебе говорю. Если среди них и есть идейные, то их меньшинство, а остальные служат тому, кто больше заплатит. Не то чтобы я считал это чем-то плохим, но одно дело — честно наниматься к более щедрому господину, а другое — устраивать из этого такое представление.

— Ты опять говоришь много лишних слов, — заметила Кьярра. — Я и так помню, что ты не любишь чародеев.

— Не перебивай. Так вот... Самые сильные чародеи, те, которые могут не только сшибать золотые на больших дорогах или зачаровывать дома от пыли, когда-то давным-давно образовали Союз. По их уверениям — чтобы делиться знаниями, обучать новичков и все в этом роде. Новичков они действительно обучают, на Баграни лучшая школа чародейства, туда не так-то просто попасть...

— Где?

— Тот остров с башней, который видно из пещеры.

— А-а-а... Я не знала, что он так называется. Мама не говорила.

— Не важно. Дело в другом, — сказал я. — Они объявили Баграни территорией вне политики. Дескать, на острове имеют значение лишь их чародейские дела, а все остальное побоку. Не важно, кто с кем воюет и кому служит прибывший на Баграни чародей...

— Это странно, — вставила Кьярра.

— Это опасно, — поправил я. — Потому что утверждать они могут все, что угодно, но кто мешает какому-нибудь чародею шпионить за нашим главнокомандующим, к примеру, а потом отправиться на остров якобы приобщиться к новым знаниям, но на самом деле поделиться своей информацией с вражеской стороной, если она заплатит достаточно? И остаться там, в убежище, или переметнуться к врагу, потому что за раскрытие тайны могут вздернуть?

— Можно не пускать их на остров, чтобы не болтали лишнего.

— Это практиковали, но удержать чародея взаперти не так-то просто. Если он силен, то с ним сладит только такой же мастер, а он сам может быть ненадежен... Еще брали клятвы о неразглашении определенного рода сведений, но... Толку-то? Принимает эти клятвы их же брат чародей, а если сговориться с ним заранее, нарушение ничем не аукнется. Даже совесть грызть не будет, наверно.

— Тогда лучше перебить всех чародеев, если они такие опасные, — предложила Кьярра.

Мне нравился ход ее мыслей: нет чародея — нет проблемы. Однако я не мог не возразить:

— Драконов же не перебили.

— И правильно, — заявила она. — Разве драконы переходят на чужую сторону?

— Да, было дело. Но ты права, они сделали это не по своей воле, им велели командиры.

Кьярра вдруг нахмурилась и тихо проговорила:

— Я неправильно сказала. Драконы, ты сам говорил, живут вместе с людьми. И, уж наверно, понимают, что делают.

— Они зачарованы, — напомнил я. — Колдовские печати вынуждают их слушаться, даже если им не хочется бросаться навстречу гибели. И был один — я даже запомнил имя, в газетах писали, Безрассудным его звали, — он отказался выполнять приказ, не пожелал переметнуться. Но и противиться не мог — печати заставляли...

— И что случилось?

— Он сделал вид, будто послушался командира, а потом сложил крылья и рухнул с высоты на вражеский лагерь — приказано было приземлиться в расчетной точке, он так и сделал, только не привычным способом. Видимо, это все, что ему оставалось... Погиб вместе с экипажем. Заодно угробил несколько важных шишек противника — они ожидали торжественной сдачи и не подняли в воздух своих драконов, некому было перехватить Безрассудного. Потери среди простых солдат я даже не считаю... — Я вздохнул и добавил: — А с нашей стороны это представили как диверсию. Дескать, командир Безрассудного втерся в доверие, сделал вид, что намерен перейти на сторону врага, а сам благородно пожертвовал собой и своей командой, чтобы ослабить чужое командование. Глупо, если подумать, но люди проглотили, не подавились.

— Жалко его, — поежившись, сказала Кьярра. — Я бы так не смогла.

— Откуда тебе знать, что бы ты смогла, а чего нет? Ладно, продолжим.

Чародеи обосновались на Баграни, и выковырнуть их оттуда нереально. Хотя бы потому, что обычный человек против них ничто, а против драконов они остров и окрестности зачаровали первым делом. Но все-таки попытки как-то их приструнить не прекращались. В последней войне Баграни едва не пал.

— Как это?

— Противник собрал достаточно сил, чтобы хватило для прорыва обороны острова, — ответил я. — Знаешь, колдовство колдовством, но если очень долго и сильно бить в зачарованную стенку, можно пробить дыру. Вдобавок, нашлись чародеи, которым не слишком нравился Совет.

— Наверно, их туда не взяли, — предположила Кьярра.

— Вполне вероятно. Или они не угодили чем-то, или во мнениях не сошлись, не важно. Главное, на острове быстро осознали, что сидеть в осаде смогут долго, но рано или поздно выдохнутся. Это колдовство, которое защищает Баграни, оно... как бы объяснить... Вроде паутины, — придумал я сравнение. — Она натянута, висит себе, но стоит мухе в нее угодить, паук тут же узнает об этом и появляется, чтобы сожрать добычу.

— Если все время дергать паутину, паук с ума сойдет, — предположила она.

— Во всяком случае, устанет метаться из стороны в сторону, чинить порванные нити, потом начнет путать настоящих мух с какими-нибудь соринками, которые ветер принес, и рано или поздно допустит ошибку. И тогда достаточно крохотной дырочки в обороне, чтобы ее расширить и прорваться внутрь... — Я перевел дыхание и продолжил: — Вражеское командование хорошо это понимало. Они изматывали чародеев осадой, внезапными атаками, настоящими и ложными, и готовы были продолжать до победного конца. Силы у чародеев не бесконечные, а постоянно держать чары острова в полной боевой готовности очень тяжело. Настолько, что на контратаку у них не хватало ресурсов.

— На что?

— Сами напасть не могли, — пояснил я. — Только отбиваться.

— Но они что-то придумали, — уверенно сказала Кьярра. — Раз до сих пор никуда не делись.

— Конечно, придумали. Чародеи хитрые. Но тогдашний наш король тоже был не лыком шит...

— А чем? — удивилась она. — И разве людей шьют?

На этот раз я застонал вслух и сказал:

— Это означает — он был не промах...

— Не промахивался на охоте?

— Да нет же! Так говорят, когда имеют в виду, что человек умный, хитрый, в общем, своего не упустит.

— Так бы сразу и сказал, — проворчала Кьярра. — А то сперва говоришь непонятно, а потом злишься, что я не понимаю. Как тут поймешь, если люди зачем-то называют вещи не своими именами?

Я подумал, не налить ли себе еще, но отказался от этой идеи. Хватит уже на сегодня, и без того виски ломит. Чего доброго, станет хуже, а пилюли лучше с выпивкой не мешать.

— И что сделал король? — подергала она меня за рукав.

— Он ничего не делал, — ответил я. — То есть, конечно, направил соседу ноту протеста: мол, что это вы вытворяете, договорились же не нападать на Баграни... Получил ответ в духе «не лезьте не в свое дело», довольно резкий, но проглотил это. И стал ждать.

— А-а-а! — радостно выпалила Кьярра. — Я поняла! Он хотел, чтобы обе стороны устали, а тогда победил бы всех! Я так делаю, когда у рогатых гон и они дерутся за самок. Они бьются, бьются, даже меня не замечают. А я обоих — раз! — и сцапала. Или того, который проиграл. Но вообще самки вкуснее, — добавила она справедливости ради. — На битвы просто смотреть интересно. Иногда я даже выбираю одного рогатого, и... ну... как это называется?

— Болеешь за него? Как люди за лошадей на скачках или борцов на состязаниях?

— Наверно. Обидно, если он проигрывает, — вздохнула она. — Так я угадала?

— Почти, — улыбнулся я. — На то, чтобы справиться с обоими противниками, пусть даже ослабленными, у нашего короля сил бы не хватило. А вот оттяпать кусок у побежденного — это пожалуйста. Да и победителя тоже можно пощипать, пока он не оклемался.

— И кто победил? — с живым интересом спросила Кьярра.

— Погоди, я до этого еще не добрался. Глава Совета чародеев понял, что дела плохи и долго им не продержаться. А как Баграни падет — мало не покажется, враг-то собирался сровнять башню Совета с землей, а чародеев перерезать или утопить в море, не помню уже.

— Лучше сжигать, — авторитетно заявила она. — Чтобы точно не выжили.

— Согласен с тобой, но у него были какие-то свои идеи на этот счет. Одним словом, когда чародеям пришлось совсем туго, они взмолились о помощи.

— А-а-а... — снова протянула Кьярра. — И ваш король помог, только

не даром, так?

— Именно. Он предложил совершенно разбойничьи условия, чародеи долго торговались, но в итоге все-таки согласились.

— Наверно, они очень хотели жить.

— Еще бы не хотели... Одним словом, они оборонялись на острове, наши войска, включая драконов, — на море и в воздухе, противник наступал... Битва при Баграни длилась три дня и три ночи, как написано в книгах, а точное число потерь до сих пор неизвестно.

— И кто победил?

— Наша сторона, — усмехнулся я. — Ты правильно сказала: чародеи очень хотели жить, а потому сражались отчаянно. Потом, конечно, попытались переиграть: дескать, король воспользовался временной слабостью Совета, но... Он тоже был не дурак и предложил немедленно отвести войска и подарить Баграни противнику, пусть сам с ним мучается... Помогло.

Конечно, я рассказывал упрощенно. Помню, однажды я страдал от вынужденного безделья и читал все, что попадалось под руку, об этой битве в том числе. Интриг там было понакручено столько, что опытный придворный историк не взялся бы разобраться с ходу, куда уж мне, а тем более Кьярре! Но общую суть, надеюсь, она уловила.

— Ну и что? — спросила она. — Чародеи с острова Баграни теперь служат вашему королю?

— Не то чтобы служат... Не хочу вдаваться в подробности, тем более я сам плохо в этом разбираюсь. Главное, они вынуждены соблюдать нейтралитет.

— А что мешает чародеям встречаться и договариваться в другом месте?

— Ничто не мешает. Только там за ними можно проследить, да и защита от драконов есть только на Баграни. И на столице, к слову, — король заставил чародеев установить ее.

Кьярра задумалась. Я молчал, не желая прерывать этот процесс.

— Ты говоришь, дракон не может попасть на Баграни и в окрестности, так? Гора... как ты ее назвал?

— Багралор.

— Да, она тоже зачарована?

— Конечно. Иначе оттуда атаковать остров было бы легче легкого, — повторил я недавнюю свою мысль.

— Но мама там жила... Я ей верю! Ты сам видел пещеру! Она отнесла отца туда... и я тоже могу туда попасть! — Кьярра выдохнула, и мне

показалось, будто я увидел искры. — Почему?

— Наверно, защита не считала твою мать врагом, — сказал я. — Она ведь давно там поселилась?

— Да. Точно до того, как построили башню.

— Ну вот. Чародеи и заколдовали округу вместе с твоей матерью, и она оказалась как бы невидимой для защитной системы. Это единственное объяснение, которое я способен придумать.

— А я? Она ведь улетела оттуда, чтобы я не попалась!

— А ты попала на гору скрытым путем, — ответил я. — И, наверно, твой отец тоже — иначе бы твоя мать не сумела его туда доставить. Теперь понимаешь, насколько опасна такая информация?

— Я подумаю, — сказала Кьярра и умолкла, хмуря брови и покусывая ноготь.

Думала она долго, но наконец произнесла:

— Если бы люди узнали, что их драконы умеют вот так попадать, куда хотят, они бы запросто захватили остров! Раз — и целая стая драконов возле башни!

— Так просто это не работает, — напомнил я. — Ты ведь можешь попасть только в то место, в котором была сама.

— Или видела, — напомнила она. — А остров хорошо видно издалека. У нас хорошее зрение. Я бы разглядела эту башню и со стороны моря, не только с гор! Она такая яркая, а еще... ну... я ее чувствую. Как Тродду или Сарго, только намного сильнее.

— Неудивительно, она напичкана чарами от фундамента до шпиля... Продолжай, — пригласил я.

— Выходит, отец понял, что дракон может попасть на Баграни, — сказала Кьярра. — Даже если только в виде человека — не важно. Попал на остров и превратился. Ведь они же не глупые, эти прирученные, ты говорил. Могут сражаться без командира. Им бы приказали разрушить башню и поубивать чародеев, вот и все.

— Не путай, он воевал не на стороне противника, — напомнил я. — На нашей. А наши войска обороняли Баграни.

— А... — она снова задумалась. — Это не важно. Он, наверно, захотел рассказать вашему королю, чтобы тому было проще торговаться с чародеями. Не захотят слушаться — не поможет эта защита.

— Отлично, — сказал я. — Ты права, это сильный козырь. И Совет чародеев с тех пор заметно попричих, так что, вероятно, король разыграл эту карту.

— Думаешь, ему поверили на слово?

— Почему на слово? Если твой отец научился пользоваться скрытыми путями, то наверняка продемонстрировал это. В любом случае тайна осталась тайной.

— Почему? Если ваш король узнал ее, то мог приказать моему отцу обучить всех своих драконов, и тогда легко победил бы и врага, и чародеев!

— Так-то оно так, но он предпочел этого не делать... — протянул я. — Видимо, на то были причины.

— Какие?

— Откуда мне знать?

— Может, он боялся, что драконы разлетятся кто куда? — предположила Кьярра. — Даже если у них эти... колдовские печати. Ты сказал, со временем чары слабеют. Драконы долго живут, могли бы переждать где-то далеко, пока они не развеются совсем, и тогда стали бы свободными. А люди очень боятся свободных драконов, правда ведь?

— Хорошая версия, — согласился я, а она спросила вдруг:

— Мама сбежала, чтобы ее не убили? Она знала секрет и могла его рассказать врагам. Она ведь не служила вашему королю...

— Вполне вероятно. Этого мы уже не выясним. Но тут мы подходим к самому интересному, — сказал я. — Кто и зачем тебя изловил?

— Чародей, ты же знаешь.

— Да, только мы понятия не имеем, чей он был — королевский, вражеский или свой собственный. И поймал ли он тебя просто как диковину или потому, что ему заплатили? Если так, то кто?

— Очень много вопросов, — пожаловалась Кьярра. — А ответов ты не говоришь. Почему?

— Потому что сам их не знаю, — вздохнул я. — Довольно на сегодня, и так голова гудит... Нужно отдохнуть хоть немного, скоро уже в дорогу. Иди, поспи. Я разбужу.

Кьярра кивнула, потом сказала:

— В мыслях у тебя ужас что такое. Все перепуталось.

— Немудрено... Но, знаешь, во всем этом есть хоть что-то хорошее!

— Что?

— Мы теперь точно знаем, сколько тебе лет, — ответил я, не выдержал и ухмыльнулся. И добавил мысленно: «Будем знать, когда я выясню, сколько времени драконы вынашивают детенышей, хотя... в их случае плюс-минус год — роли не играет».

— Разве это важно? — недоуменно спросила Кьярра.

— Гм... Пожалуй, не слишком. Главное, с местом и датой битвы определились.

— Теперь проще будет искать моего отца?

— Как бы не наоборот. Не представляю, сколько тогда было пропавших без вести, — покачал я головой. — Но зацепка имеется. Попробуем.

Это была почти безнадежная затея. И все-таки маленький шанс на удачу оставался, и я намерен был его использовать.

Зачем, спрашивается, если я мог просто исчезнуть и забыть об этой истории, как о страшном сне? Сам не знаю. Бывает, застрянет что-то в голове — обухом не выбьешь. Наверно, на этот раз воображение разбушевалось, раз подбросило картинку: над городом, ставшим мне почти родным, из ниоткуда появляются десятки вражеских драконов и открывают огонь по замку, по разноцветным крышам на холме, по узким улочкам... Через несколько минут Таллада будет объята пламенем, и мало кому посчастливится уцелеть — при таком пожаре в реке не отсидишься, на голову будут падать горящие мосты, прибрежные дома, причалы, да и корабли вспыхнут. Вряд ли успеет спастись Веговер с семьей, знакомые стражники, веселые девицы и картежники из «Красной шляпки», «Соломенной вдовы» и других заведений, мои соседи и вовсе незнакомые люди...

Все это может стать реальностью, если информация просочится к противнику. Знаю, со времен битвы у Баграни мы числимся «союзниками», стычки в приграничье и в колониях не в счет. Но кто знает, не решит ли чужое командование покончить с соперником одним решительным ударом? Нашему, похоже, хватило дальновидности не делать этого, лишь припугнуть чародеев (если все было так, как я рассудил), и все же...

А что сделают чародеи, если получат эти сведения? Возможно, постараются укрепить защиту Баграни так, чтобы исключить использование скрытых дорог (если это вообще реально), возможно, постараются раздобыть себе драконов, чтобы уже самим угрожать обычным людям. Чародей на драконе, способном миновать любую защиту (что там, ведь именно Совет устанавливал ее на столицу!), — серьезная угроза. А они ведь честолюбивы, власть всегда их манила... Неужели откажутся от такой возможности?

«Санди, ты рехнулся, если всерьез намерен остановить чудовищную войну, — сказал я себе, — которой может вовсе не случиться. Подумай! Вдруг это просто стечение обстоятельств? Кьярру поймали для чьего-то зверинца, Сарго с Троддой просто решили подзаработать и перепродать ее втридорога другому любителю экзотики... А ее отец не добрался до командования, или добрался, но ему не поверили, решили — умом

тронулся после контузии».

Вот только я не верил в такие совпадения. И привык рассчитывать на самое худшее...

Глава 15

Поезд Кьярре, против всяких ожиданий, понравился.

— Он почти как дракон, только без крыльев! — сказала она, увидев окутанный дымом локомотив. — Красивый!

Я выдохнул с облегчением и помог ей взобраться на подножку. Носильщик уже доставил наш багаж в купе, можно было сесть и наслаждаться видом за окном. Пока там был виден лишь вокзал, но вскоре вагон вздрогнул — поезд тронулся, и снаружи поплыли склады и дома, сперва высокие, каменные, потом поплоче, затем совсем уж хибары, сады, и рощи, и поля...

Кьярра смотрела как замороженная, потом вдруг спросила:

— Что так стучит? Это сердце? У железных зверей оно тоже есть?

— Вместо сердца у локомотива пламенная топка, — ответил я, — а стучат колеса на стыках рельсов. Не знаю, как тебя, а меня этот звук успокаивает. Спасибо, не усыпляет.

— А меня еще как... — Она зевнула во весь рот. — Но я не буду спать, если нельзя.

— Хочешь — ложись. Мы все равно не собирались знакомиться с соседями, так что выходить необязательно, а заняться больше нечем. Поесть я закажу в купе.

— Хорошо, — улыбнулась Кьярра, снова зевнула и свернулась калачиком на полке, подтянув колени к носу. Спасибо, не на полу.

Все-таки она понемногу привыкала к человеческим обычаям. Не знаю даже, хорошо это или плохо.

Первые сутки нашего путешествия прошли спокойно. Конечно, вывести Кьярру в сортир было тем еще мероприятием, но я справился. О том, как я объяснял ей устройство этого приспособления еще дома, лучше умолчу. Главное, она все поняла.

— Странно, — сказала Кьярра, расправившись с ужином, — я больше не хочу. Хотя было мало. Ну, как для человека.

— Для двоих, — поправил я. — Наверно, вчера на охоте ты перестаралась.

— Нет, я как обычно... — Она задумалась. — Поняла! Я сначала была очень голодная. Ну, после плена. А теперь нет. И я не устаю, так что можно есть поменьше.

«И правда что, — подумал я, — дракон тратит уйму сил на полет и

охоту, а если сидит на земле, то зачем ему обжираться?»

— И спать я уже тоже не хочу, — добавила Кьярра, потом вдруг ни с того ни сего заявила: — В поезде есть чародей. Я чувю.

— Наверняка есть, — кивнул я. — Много кто ездит по делам.

— Думаешь, он нас не заметит?

— Очень на это надеюсь. Поэтому постараемся не сталкиваться с попутчиками сверх необходимого: издалека чародей провожатого не ощутит. Я вот никого поблизости не различаю.

— Хорошо, что у меня такое чутье, — сказала Кьярра. — Теперь ты знаешь, что нужно опасаться.

Я и без того это знал, но промолчал, поскольку она была совершенно права: ее чутье оказалось нам на руку.

— Рок, а ты знаешь какие-нибудь истории? — отвлекла меня Кьярра от размышлений.

— Например?

— Ну... Что-нибудь... — Она помолчала. — Про людей. Расскажи мне про людей!

— Про каких?

— О себе ты уже говорил, — сказала Кьярра. — О других. О Веговере. Или о чародеях. Не тех двоих, других. Ты же встречал других?

— Конечно, не одного и даже не десяток.

— Вот о них. Я... я хочу знать, чего от них ждать. — Золотистые глаза уставились на меня в упор. — Обычных людей я не боюсь, а чародеев — боюсь. Но, наверно, я смогу сладить с ними, если замечу первой. Это же пригодится, правда?

— Еще как, — сказал я и сел поудобнее, а потом вовсе лег, подсунув под спину подушку. — У тебя чутье лучше моего.

— Но того, первого чародея я не заметила.

— Значит, он был очень силен. Или использовал какой-то дурман, чтобы ты крепко уснула и не почувствовала опасности.

— Зелье? Но я ничего не брала у старых людей!

— А воду пила? — спросил я. Это только что пришло мне в голову, и все стало на свои места.

— Да... — растерянно сказала Кьярра. — Из той же колоды, откуда коз поили. Обычно летала к ручью, но в тот раз осталась, а пить хотелось. А коз старый человек увел, им не нужно было...

— Ну вот. Туда что-то подлили. А если бы ты к этой воде не прикоснулась... Наверняка у чародея был запасной план. Может, старуха кинула бы в огонь какой-нибудь порошок, и дым усыпил бы тебя... Сложно

сказать. У них множество приемов. А самое главное: не все из них колдовские.

— Как это?

— Сама подумай. Ты бы почувствовала колдовское зелье или дым?

— Наверно, — подумав, ответила Кьярра. — Если бы на воде были чары или сам тот охотник прятался поблизости, я бы заметила. Но ничего не было. Совсем... Выходит, меня усыпили каким-то обычным снадобьем?

— Ну да. Правда, не могу предположить, каким именно: на тебя нужна целая бочка зелья, при этом оно должно быть безвкусным. Горькую гадость ты бы пить не стала, верно?

— Нет, конечно! Вода была обычная. Не очень свежая, но не тухлая. Так, чуть-чуть зацвела на солнце.

— Я не знаток таких вещей, — сказал я. — В отличие от того чародея. Наверно, он долго готовился, может быть, даже нарочно состряпал какое-то особенное снадобье. А может, его давно используют для прирученных драконов, и он взял готовый рецепт. Их же усыпляют, чтобы лечить. Вот, наверно, это и было что-то из арсенала драконьих докторов. Люди со стороны об этом не знают, само собой, но причастные в курсе, что там за средства.

— Послушай, Рок! — Кьярра вскочила со своего места и снова села... на пол, конечно же, так, чтобы видеть мое лицо. — Если этот чародей хорошо знает драконов и умеет незаметно их усыплять... ну, пускай для лечения... Может, он моего отца лечил? И от него услышал о битве, и о Багралоре, и о моей маме!

— Знаешь, а в этом есть зерно истины, — ответил я, подумав. — Люди спяну рассказывают много лишнего, а такой дурман сродни опьянению. Один человеческий лекарь рассказывал мне, что усыпленные для операции часто говорят как заведенные, а когда приходят в себя, ничего не помнят. И ведь выбалтывают такие вещи, которые у них и под пыткой не вытянешь!

— Тогда его тоже можно найти и расспросить, — уверенно сказала она.

— Если только Сарго с Троддой его не прикончили. Да и допрашивать чародея — дело опасное. Всегда есть вероятность поменяться местами, причем ты сам этого не заметишь.

— Нас двое, один будет следить, чтобы другой не попался, — предложила Кьярра. — И вообще, я могу взять его и унести в твою хижину. Или на Багралор. Оттуда не сбежит! А захочет — я его со скалы сброшу, пускай поучится летать!

— Какая ты кровожадная... — вздохнул я, перехватил ее

вопросительный взгляд и пояснил: — Мне это нравится. С удовольствием отправил бы Тродду полетать, да руки коротки.

— Если мы ее поймаем, я сделаю это для тебя, — пообещала она, и это не было шуткой. Шутить Кьярра не умела.

Мы молчали, и тишину нарушал только мерный перестук колес, да изредка доносились чьи-то голоса из коридора. Кто-то ехал с детьми — они иногда пробежали туда или сюда с топотом и веселым визгом. У кого-то в купе тявкала собачка, где-то смеялись, где-то звенели бутылками, где-то играли в карты — редкие азартные выкрики ни с чем не перепутаешь...

— Первое правило чародея, — сказал я наконец, — не доверяй ему. Никогда. Даже если считаешь его своим лучшим другом.

— У тебя был такой? — сразу спросила Кьярра и подалась ближе.

Я нехотя кивнул.

— Что ты с ним сделал?

— Оставил в живых, — ответил я. — Это было просто — он не сопротивлялся.

— А что он натворил?

— Выдал меня. Вернее, моих клиентов. Нас ждали на выходе... — Я помолчал, вспоминая. — Некому было предупредить их врагов, кроме него. И ведь я не говорил, куда именно отправляюсь, он сам вычислил... Я был беспечен.

— А они...

— Не знаю, что с ними сделали, — ответил я, глядя в потолок. По нему бежали солнечные блики. — Вряд ли что-то хорошее. Меня не тронули, только привязали к дереву и так оставили. Не накрепко привязали, с расчетом на то, что я сумею освободиться... часов через несколько. Нет дураков убивать провожатого даже и таким способом...

— Ты уже говорил, что никто не убьет тебя, — припомнила Кьярра. — Но почему?

— Поверье такое. Кто поднимет руку на провожатого, тому век дороги не видать. До дома не доберется, в трех соснах заплутает... ну и прочее в этом же духе. Говорят, у кого-то сбывалось, поэтому... Не трогают нас. Еще и потому, что не знают: вдруг завтра понадобятся мои услуги? Провожатые встречаются реже, чем чародеи, хоть мы и похожи, — усмехнулся я, — служим тому, кто больше заплатит. Вот только у нас нет Совета и колдовской башни...

— А что есть? — любопытно спросила она.

— Ничего, кроме совести. А она, знаешь ли, не у каждого ночевала.

Снова воцарилось молчание. Наконец Кьярра нарушила его:

— Это плохие истории. Те, которые про войну, были лучше.

— Всегда проще рассказывать о том, в чем ты не участвовал. Максимум — был свидетелем.

— Рок, а тот чародей, который тебя выдал... — Она запнулась. — Он был твоим другом?

— Я так думал, — честно ответил я. — Глупый был, совсем молодой. Не учел, что он старше меня вдвое, хотя выглядит ровесником, и намного опытнее. Вот и попался... Больше я таких ошибок не совершал.

— Как это?

— С тех пор у меня не было друзей.

— А Веговер?

— Он не друг, он партнер. И он меня не подводил... не считая твоей истории, но вряд ли в этом есть его вина. Кто ж знал...

Я потянулся, закинув руки за голову, и в этот самый момент дверь в купе распахнулась.

На пороге стояла стройная женщина примерно моих лет.

— О, покорнейше прошу извинить, — произнесла она, поднеся руку ко рту. — Я спутала купе.

— Неправда, — сказала Кьярра и развернулась, не поднимаясь с пола.

Судя по позе, она готова была прыгнуть на незваную гостью, и я опустил руку на ее плечо. Вряд ли бы я сумел ее удержать, но хотя бы дал понять, что бросаться с ходу не следует.

— Простите, не понимаю вас. — Женщина сделала шаг назад, но не спешила закрыть дверь.

— Ты стояла там и слушала! — фыркнула Кьярра. — Это не ошибка. Ты нарочно.

— Почему ты не предупредила? — спросил я.

— Не успела. Но я могу оторвать ей голову, если хочешь.

— Я... пожалуй, пойду. — Незнакомка попятилась, но я успел вскочить, подхватил ее под руку и втолкнул в купе. — Что вы себе позволяете?!

— Это вы позволяете себе подслушивать, — ответил я, запирая дверь. — И я, представьте себе, желаю знать, кого и почему заинтересовала моя скромная персона.

От нее тянуло колдовством, совсем слабо, на расстоянии нескольких шагов я бы уже ничего не различил, в отличие от Кьярры с ее запредельным чутьем. Так могут фонить амулеты и обереги: дамы нацепляют множество таких побрякушек в дорогу — от воров, насильников, укачивания, отравления и прочих житейских невзгод.

— Выпустите меня немедленно, или я закричу! — почему-то шепотом произнесла она, попятившись к окну. Видимо, выражение лица у меня было достаточно пугающим.

— Для начала представьтесь, — попросил я. — Чтобы не нарушать этикет, сделаю это первым: Лаон Рокседь. С кем имею честь?

— Альтабет Суорр, — растерянно ответила она.

— Рад знакомству.

— Взаимно... Господин Рокседь, я не желала ничего дурного и вовсе не собиралась шпионить за вами! — произнесла она, нервным жестом поправив выбившуюся из прически каштановую прядь. — Согласитесь, в таком случае невероятной глупостью с моей стороны было заглядывать к вам и обнаруживать, что я подслушала ваш разговор!

— Зачем же вы это сделали? — осведомился я и жестом предложил ей присесть.

Поколебавшись, женщина опустила на край моей полки. Кьярра отошла к двери и оттуда сверлила незваную гостью немигающим взглядом. В купе было не слишком много места для маневра, поэтому мне оставалось только сесть напротив Альтабет, а она поспешила чуть развернуться, чтобы не соприкоснуться со мной коленями.

Имя у нее, к слову, не простое. По легенде, так звали первую мать-заступницу в наших краях, и не каждый родитель рискнет назвать дочь в ее честь. До сих пор считается, что имя во многом определяет судьбу, а она у матери-заступницы Альтабет была незавидной. Конечно, ей многое удалось сделать для помощи страждущим, но в итоге эти самые страждущие ее не то четвертовали, не то сожгли на костре, в этом компетентные источники расходятся. И было ей тогда не больше тридцати...

А еще этим именем заменяют данное при рождении те девушки, которые сознательно избирают путь служения. Но тоже редко: в истории отметилось немало матерей-заступниц, сделавших не меньше хорошего, чем Альтабет, но счастливо доживших до старости. К примеру, моя знакомая (из беглых невест) назвалась Керраной — в честь той предшественницы, что предпочла рукоять меча смирению и молитвам и до преклонных лет, предводительствуя своим отрядом, успешно охотилась за лихими людьми и не раз выходила победительницей из сражений. А умерла, что характерно, в своей постели — уснула после веселого пира в честь очередной победы и не проснулась. Всем бы так.

Однако наша Альтабет явно была из мирных служительниц Создателя: волосы не острижены, а уложены в элегантную прическу, руки ухожены, одета со скромным шиком, пахнет легкими духами, лицо едва заметно

подкрашено... Словом, она не чуралась мирских радостей.

А может быть, я ошибся, и это имя дали ей прогрессивные для своего времени и не суеверные родители.

Женщина молчала, перебирая в пальцах кончик вышитого пояска. Я ждал ответа на заданный вопрос и думал о том, как усмирять Кьярру, если ее терпение лопнет: она уже ощущалась если не готовым к извержению вулканом, так кипящим чайником, того и гляди, крышку сорвет! А в замкнутом пространстве это чревато. Меня она, может, и не покалечит, а вот Альтабет попадет под раздачу... И что прикажете делать с изувеченным трупом? В окошко выкидывать на полном ходу?

— Я дала волю любопытству и вынуждена извиниться за это, — сказала наконец Альтабет и посмотрела мне в глаза.

Я порадовался своей предусмотрительности: как нацепил темные очки перед выходом из дома, так и не снимал их. Неудобно, зато меньше шансов забыть их на столике.

— Неужели мы беседовали так громко и о столь интересных вещах, что вы не удержались и приложили ухо к замочной скважине?

— О нет... По правде говоря, я вовсе не слушала ваш разговор, господин Роксед, — покачала она головой.

Взгляд ее не отрывался от моего лица, и мне это не нравилось. И глаза ее не нравились — темно-карие, по таким сложно прочесть что-либо, в особенности, если собеседник хорошо умеет владеть лицом. Альтабет умела.

Я молчал, ожидая продолжения, и дождался.

— Я, видите ли, состою в услужении при матери-заступнице, — проговорила она, и я поставил себе высший балл. Не ошибся все-таки! — И в Талл аде была по делам обители. Можете считать меня специалистом по улаживанию разного рода щекотливых дел... в основном финансовых. Так уж вышло, что мой покойный супруг хорошо разбирался в подобном и обучил меня всему необходимому, а после его смерти я вынуждена была вникнуть во все мелочи...

— Очевидно, столичная обитель приняла вас с распростертыми объятиями? — усмехнулся я. — Вас и ваши капиталы?

— Приятно видеть такое понимание, — улыбнулась Альтабет. — Увы, одинокой женщине сложно уберечь состояние от стервятников.

— Вы хотите сказать, родственников вашего мужа?

— В том числе, — вздохнула она. — Чем лавировать между этими хищниками, я предпочла предаться в руки матери-заступницы и обрести спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

— А как же ваши наследники? — поинтересовался я. — Не чувствуют себя обделенными?

Альтабет покачала головой и слабо улыбнулась.

— У меня только дочь, и она давно уже замужем. Разумеется, я не оставила ее без приданого. Впрочем, это совсем не имеет отношения к вашему вопросу, господин Рокседо...

— В самом деле, госпожа Суорр... Так может, вы наконец сообразовите ответить на него?

— Я веду к этому, но немного отвлеклась, — сказала она. Солнечный луч упал на нее, и Альтабет уже не казалась юной.

Впрочем, я ведь сказал, что она выглядит примерно на мой возраст. Настоящий возраст, я имею в виду, а не тот, который можно дать мне с первого взгляда. Да, она была моложавая — знаю такой тип женщин, они долго не увядают и красиво старятся, — но все-таки годы оставили следы в ее внешности, пускай и не слишком заметные, если не присматриваться.

— Вас не хватятся? — спросил я.

— Не думаю. — Тень набежала на ее лицо. — Но все-таки мне лучше вернуться поскорее. Я, видите ли, сопровождаю тяжело больного человека.

— Не заразного, я надеюсь?

— Нет, что вы. Кто бы пустил меня с таким в поезд?

— Влияния столичной обители вполне достаточно, чтобы служащие пренебрегли правилами безопасности. Впрочем, больного и все ваше купе могли надежно зачаровать, не так ли?

— В этом нет необходимости, — сказала Альтабет. — Я выразилась не совсем верно. Бедняжка страдает от телесных ран, не от заразной болезни.

— Ну что ж, это другое дело, — кивнул я. — Но почему вас — финансового советника, если я верно понял ваши слова, — назначили сопровождающей для какого-то покалеченного? Полагаю, его отправили в столицу, поскольку лекари в Талл аде не смогли ему помочь, но...

— Это часть моего служения, — серьезно произнесла она. — Вы правы, господин Рокседо, несчастной женщине необходима помощь не простых докторов, а чародеев. В Талладе нет никого, кто обладал бы нужной квалификацией, ну а поскольку я возвращаюсь в столицу, то мне не сложно присмотреть за раненой. Она надежно усыплена и не доставляет хлопот. В противном случае нас действительно не пустили бы в поезд: раны причиняют ей страшные мучения, обычные средства не приносят облегчения, и она кричит, не переставая, если не наложить чары.

— Понимаю... — Я заподозрил неладное, но пока не мог сказать, в чем именно оно заключается. — Должно быть, с вами путешествует и

чародей? На случай, если колдовство ослабнет?

— В этом нет необходимости, — ответила она. — Моих сил вполне хватит на то, чтобы не дать моей подопечной очнуться до самой столицы. А уж там ей помогут. Я сообщила, кому следует — все будет готово к нашему прибытию, и раненую заберут ее собратья.

— Я что-то не уловил... Она чародейка?

— А я не сказала? Да, так и есть.

Вот, значит, кого почуяла Кьярра! Не Альтабет — от нее, повторюсь, колдовством тянуло очень слабо. По сравнению с той же Троддой она была все равно что мотылек против дракона!

— А вы сами?

— Нет, — Альтабет покачала головой. — Сама я ничего почти не умею. Возможно, если бы в детстве кто-то обнаружил и развил мои способности, я сама сделалась бы целительницей, но теперь уже поздно. Я способна только активировать лечебные амулеты — их у меня при себе достаточно, — когда чары на раненой начинают рассеиваться. А еще, — добавила она, — я могу заметить колдовство, если оно творится рядом со мной.

— Рад за вас и пострадавшую — вижу, она в надежных руках, — учтиво сказал я. В голове набатом гудел тревожный колокол. — Однако вы по-прежнему не ответили на вопрос. Я даже повторю его: что ваше любопытство позабыло в моем купе?

— Я просто проходила мимо, когда почувствовала... нечто странное, — медленно выговорила Альтабет, не сводя с меня глаз. Мне было не по себе под этим взглядом. — Некую силу определенно колдовского рода, но она не походила ни на что из того, с чем мне доводилось сталкиваться ранее. Это... все равно что сравнивать дворцовые фонтаны или мирную городскую речушку с бурным горным потоком! Такой неистовой, дикой силы я никогда прежде не ощущала, и только потому задержалась у вашей двери. Мне... Да, признаюсь, мне хотелось взглянуть на обладателя такой мощи!

— Полюбовались? — улыбнулся я.

— Да, пожалуй... хотя ваша дочь не горит желанием показываться на свет, — Альтабет взглянула на Кьярру.

— Она моя племянница, — холодно ответил я. — И я попросил бы объясниться, госпожа Суорр.

— Не стоит притворяться, господин Роксед, — сказала она. — Я ведь вижу; что вы чародей не в большей степени, чем я сама. Так... есть нечто едва ощутимое, но это, вероятнее всего, амулеты. А вот девочка... В ней

бушует невероятная сила!

— Я же сразу предложила оторвать ей голову, — с досадой произнесла Кьярра, явно осознав, что эта любознательная дама может здорово подпортить нам путешествие.

В этот момент я был солидарен с нею, как никогда, однако ответил:

— Нельзя. Забрызгаешь свое красивое новое платье, меня и все купе. А платить кому? Правильно, мне...

— Если передумаешь, скажи, — нехотя согласилась она. — Я подожду.

Теперь Альтабет с заметной нервозностью переводила взгляд с меня на Кьярру и обратно. Нужно было как-то спасти положение. Хотя бы потому, что избавиться от трупа в движущемся поезде действительно не так уж просто.

Я как-то пробовал, повторять не хотелось: хлопотно, нервно, да еще нужно каким-то образом избежать подозрений... А если кто-то хоть краем глаза видел, как Альтабет заходила в мое купе, они неизбежны. Она ведь не простая путешественница, так что искать ее будут не спустя рукава. Чародеи-сыщики легко найдут ее след и возьмутся за меня всерьез. Придется уходить скрытыми дорогами, и прости-прощай поиски отца Кьярры — от нас не отцепятся. Убийство доверенного лица матери-заступницы столичной обители — это вам не рыба чихнула...

— Вы были откровенны со мной, — медленно выговорил я, меряя собеседницу тяжелым взглядом, — и я отплачу той же монетой.

Она хотела возразить, но я остановил ее жестом.

— Выслушайте, прошу. Кьярра, — я указал на нее, — дочь моей сестры. Та вышла замуж без родительского согласия, и много лет мы вовсе не общались. О племяннице я даже не слышал и был уверен, что брак сестры оказался бездетным. Последние годы она вдовела, а когда скончалась от скоротечной болезни, меня ждал неприятный сюрприз...

Кьярра нахмурилась и мрачно посмотрела на Альтабет. Судя по всему, та уже в полной мере прочувствовала, насколько мне не повезло.

— Когда я приехал разобраться с делами покойной сестры... а, впрочем, буду честен — раздать ее долги! — оказалось, что у нее есть дочь, которую она все эти годы скрывала от соседей и о которой ни словом не обмолвилась родне.

— Но... почему? — выговорила Альтабет. — Такая славная девочка...

— Не спорю, госпожа Суорр. Она родилась раньше срока, и сестра думала, что Кьярра не выживет, потому и молчала о ней. Жили они на отшибе, с соседями почти не общались, и те, как выяснилось, были уверены, что детей у сестры не было. Кьярра, однако, жива, как видите, но

с самого младенчества она проявляла...

— Дар?

— Пусть будет дар, — согласился я. — Очень сильный и неуправляемый. Судите сами: о каком контроле со стороны грудного ребенка может идти речь?

— Но почему ваша сестра не обратилась за помощью? — всплеснула руками Альтабет. — Такой редкий случай...

— Она не любила чародеев, и у нее были на то причины, — мрачно сказал я. — Когда-то один из этой братии не спас нашего старшего брата, и это было мелкой мезтью за дурацкую юношескую шутку, о которой брат давно позабыл. Вдобавок она опасалась, что ее разлучат с дочерью раз и навсегда. Муж во всем потакал ей, и они перебрались в глушь, подальше от людских глаз.

— Это чудо, что девочка дожила до сознательного возраста! — покачала головой Альтабет. — Ее дар... Не умея с ним справиться, она могла пострадать сама и... О, господин Роксед, только не говорите, что бедняжка стала причиной гибели родителей!

— Нет, — ответил я. — Сестра моя, как и я, удалась в мать, а та была женщиной суровой и властной и воспитывала нас порой жестокими, но действенными методами. Так же и сестра поступила с дочерью, с младых ногтей привив ей послушание и внушив необходимость контроля за этим даром. Конечно, на это ушло немало времени и сил, но...

— Видимо, она столько лет провела в неусыпном бдении за дочерью, что просто не выдержала напряжения... — прошептала она. — Несчастливая...

— Именно так, госпожа Суорр. Кьярра сумела продержаться до тех пор, пока не приехал я. Сестра написала мне письмо, в котором все объяснила, но не успела его отправить. Оно дождалось меня в том мрачном доме в глубине леса...

— Страшно подумать, что случилось бы с девочкой, если бы вы не приехали! — воскликнула Альтабет, и Кьярра не выдержала.

— Ничего бы не случилось, — сказала она. — Я умею жить одна. Мама научила.

Это ее замечание пришлось как нельзя к месту.

— О, понимаю, — кивнула Альтабет. — Она ведь не могла рассчитывать, что всегда будет с вами, дитя мое...

— Я не твое дитя, — ответила Кьярра. — У тебя есть дочь, вот она — твоя. А я сама по себе!

— Как видите, обхождения она почти не знает, — удрученно сказал я,

сделав дракону знак умолкнуть. — Должно быть, сестра все силы бросила на то, чтобы обучить Кьярру обуздывать дар, а на прочее не хватило сил.

— Не представляю, как у нее это получилось, если она сама не была чародейкой!

— Я ведь сказал: сестра удалась в мать, была такой же суровой и порой безжалостной. Из того, что я смог понять по путаным рассказам Кьярры — она и говорит-то не слишком внятно, — за каждый неконтролируемый выброс силы ей полагалось строгое наказание. У сестры было достаточно времени для того, чтобы выдрессировать Кьярру...

Воцарилось молчание.

— Господин Роксед, — сказала наконец Альтабет, — я сочувствую вашему горю, но в то же время не могу не ужаснуться тому, что ваша сестра сотворила с родной дочерью! С таким даром девочка могла бы стать... пусть не верховной чародейкой, но кем-то близким по силе и влиянию! А ее заперли в глуши и лишили возможности обучаться тому, к чему ее предназначила природа...

— Можете не рассказывать мне, насколько была неправа эта несчастная женщина, — желчно ответил я, лихорадочно придумывая имя для несуществующей сестры. Почему-то не хотелось называть ее так же, как моих родных и даже знакомых. — Я уже хлебнул сполна последствий этого ее «воспитания»! Кьярра невоспитанна, агрессивна, склонна решать проблемы силой... Ну, вы сами в этом убедились. Ее нужно постоянно контролировать, потому что она неумеренна в еде и имеет самое смутное представление о правилах приличия. Мне с трудом удалось убедить ее одеться как подобает. Сами понимаете, на публике с ней показываться нельзя. Единственный плюс — она не колдует, вот разве что слышит и чувствует что-то, и это контролю не поддается. А действовать боится, судя по всему. Спасибо и на том, иначе не знаю, как совладал бы с нею!

Альтабет помолчала, потом сказала:

— И что вы намерены делать дальше?

— Не видите? Везу ее в столицу. Обращусь к чародеям, может, еще не поздно взять ее в обучение, — вздохнул я. — Я готов заплатить за это. Не люблю их, пусть и в меньшей степени, чем покойная сестра, но... Перспектива содержать за свой счет невоспитанную буйную девицу неизвестно сколько лет меня совершенно не прельщает! От сестры, видите ли, мне в наследство остались одни долги!

— Вы хороший человек, господин Роксед, — искренне произнесла Альтабет и подалась вперед, явно намереваясь взять мои руки в свои, но я

вовремя отстранился и полез в кiset, не спросив разрешения закурить. Надеюсь, она расценила этот жест как свидетельство глубокого душевного смятения. А если нет, так и пес с ней. — Не всякий отважился бы взять на себя ответственность за такого ребенка!

— Это все, что осталось от сестры, — буркнул я, откусив кончик палочки накорри. — Родная кровь, как-никак... И откуда в ней это? От папаши, наверно...

— Если хотите, я дам вам рекомендацию, — добавила она. — У меня неплохие связи среди чародеев. Мать-заступница не чурается привлекать их на службу, и я волей-неволей знакомлюсь со многими...

— Благодарю, госпожа Суорр, — кивнул я, возрадовавшись: такая бумага может сослужить неплохую службу! Да и устно можно сослаться на Альтабет, раз ее неплохо знают в столице. Вдруг да пригодится? — Похоже, ваше любопытство сегодня послужило доброму делу.

— Буду рада помочь, — улыбнулась Альтабет и встала, и я следом. В купе сразу сделалось тесно. — Сейчас мне нужно идти — пора подновить чары на моей подопечной. Если не возражаете, я зайду завтра.

— В любое время, в какое вам будет угодно, — коротко поклонился я. — Кьярра, отойди с дороги...

Та послушалась, и Альтабет взялась за ручку двери.

— Возможно, я могла бы чем-то помочь вам с девочкой? — сказала она просительным тоном.

— Благодарю, но Кьярра с трудом привыкла слушаться меня, а чужих людей не любит и боится, — ответил я. — Она не оценит вашей доброты. Вдобавок она очень сильна, и я не хочу, чтобы вы заполучили открытый перелом, попытавшись потрепать ее по щеке.

— О, вот как... — стушеввалась Альтабет.

— Думаю, ваша забота больше нужна вашей раненой, — сказал я, стараясь смягчить ситуацию. — К слову, что с ней случилось? С трудом могу представить, чем можно навредить чародейке, если это не какое-нибудь заклятие.

— Вы правы. Это был колдовской огонь, — посерьезнев, ответила она. — У нее страшные ожоги, справиться с которыми в Талладе не сумели. Чудо, что она до сих пор жива!

— Желаю ей скорейшего выздоровления, — сказал я. — А как ее имя, если не секрет? Возможно, мы знакомы — мир чрезвычайно тесен!

— Тродда Викке, — ответила Альтабет, и я даже не удивился такому стечению обстоятельств. Логично ведь: если пострадавшую чародейку не смогли отправить в столицу предыдущим поездом (что и понятно, он давно

ушел), то ждать следующего еще неделю возможности нет. Не на подводе же ее везти, обгоревшую! — Прекрасная женщина, я давно знаю их с братом, они всегда работали вместе.

— У нее есть брат? А почему не он сопровождает госпожу Викке?

— Очевидно, занят расследованием случившегося, — пожалала она плечами. — Право, в такие подробности я не вдавалась. Для меня они не имеют никакого значения.

— Вы правы, — согласился я.

— До завтра, господин Рокседи! — попрощалась она и вышла в коридор, одарив нас с Кьяррой улыбкой.

— До завтра и спасибо вам, госпожа Суорр! — ответил я, захлопнул дверь, привалился к ней спиной и тогда только сумел перевести дыхание.

Кьярра в ответ на мой вопросительный взгляд кивнула и шепотом произнесла:

— Ушла. Не слушает.

— Хорошо... — Я упал на свое место. — Спасибо, что не оторвала ей голову, как грозила.

— Если бы оторвала, она бы ничего не рассказала, — резонно ответила Кьярра и села у меня в ногах. — А теперь мы знаем, что Тродда здесь!

— Предлагаешь скинуть ее с поезда?

— Зачем? Она все равно не выживет, — равнодушно ответила она.

— Уверена?

— Почти, — после короткого раздумья сказала Кьярра. — Я тебе говорила: я старалась только наделать шума. Чтобы возы горели ярко, но люди остались целы. Если Тродда так сильно обгорела, значит, зачем-то полезла в огонь. Сама виновата.

— Там еще возчик погиб, — напомнил я. — Может, она пыталась его спасти.

— Не верю. Если он не успел спрыгнуть с воза, когда я освободилась, спастись было некого.

— Значит, ей просто не повезло. Может, взбесившийся вол толкнул ее в огонь, может, загоревшееся дерево сверху упало... Не важно. Главное, не попадаться ей на глаза. Выживет она или нет, еще не известно, а вот Альтабет нам пригодится...

— Ты же хотел отправить Тродду полетать, — напомнила Кьярра.

— Это слишком легкая смерть, — ответил я и протянул ей руку. — Не обижаешься на то, что здесь наговорил?

— Нет, — сказала она, не торопясь прикоснуться ко мне. — Ты

говорил неправду. Но я все запомнила. Теперь буду так отвечать, если кто-то спросит. Правильно?

— Да, — кивнул я и опустил руку. — Придется немного потерпеть Альтабет. Она может рассказать еще много интересного.

— Ты ей понравился, — заявила Кьярра. — Смешно!

— Почему это? Я настолько страшный в этом гриме, что не могу понравиться женщине?

— Она думает, что ты ровесник. Может, чуть-чуть моложе. А ты ей в сыновья годишься, — удовлетворенно произнесла она и опешила. — Рок? Что смешного я сказала?

— Она правильно думает... — выговорил я сквозь смех. — Я как бы не старше... Просто выгляжу...

— А-а-а... — Кьярра выразительно хлопнула себя по лбу. Где я видел этот жест? Он точно не мой, так откуда?.. — Веговер сказал, что помнит тебя со своей юности, и ты не изменился. Я забыла!

«Ну конечно, Веговер так делает, — сообразил я. — Видимо, подсмотрела».

— Вот именно, — сказал я вслух. — Так что женское чутье Альтабет не подвело. Кстати, она еще очень даже ничего... Если понадобится добыть какие-нибудь сведения, я вполне могу задействовать свое недюжинное обаяние и затащить ее в постель... Кьярра? Что за зверский взгляд?

— Оторву голову, — мрачно пообещала она, а я на всякий случай не стал уточнять, кому именно.

Вот только ревности в ее исполнении мне и не хватало...

Глава 16

Ночь прошла под убаюкивающий перестук колес. Я не спал, ясное дело, слушал ровное дыхание Кьярры и размышлял о неожиданном подарке судьбы, втройне удачном тем, что Альтабет не различила во мне провожатого. Возможно, она просто никогда не имела дела с нашей братией? Вряд ли солидная дама, доверенное лицо матери-заступницы, часто путешествует скрытыми дорогами... Может, вообще никогда на них не ступала, а то и не слышала. Таких людей больше, чем можно представить: для кого-то провожатые проходят по разряду бабкиных сказок, кто-то слышал о нас, но сам не сталкивался, а рассказчикам не слишком-то поверил... Оно и к лучшему. На всех желающих срезать путь нас попросту не хватит.

— Рок, можно, спрошу? — произнесла вдруг Кьярра.

Я даже не уловил момента, в который она перешла от сна к бодрствованию. У людей это легко заметить (есть, конечно, умельцы притворяться, но таких еще поди поищи), а Кьярра... Вот только что, готов поклясться, она видела десятый сон и тут же заговорила совершенно бодрым голосом. Впрочем, она ведь рассказывала, что драконы не засыпают крепко, чтобы не проворонить опасность. «Или продраконить? — подумал я и мысленно плюнул: — Что за чушь лезет в голову!»

— Спрашивай.

— Я правильно поняла, что эта... как ее... Бет не умеет колдовать сама?

— Если не лжет, то да. Я не ощущаю ее как чародейку, но они умеют закрываться от посторонних, чтобы не выдать себя раньше времени. Однако не думаю, что Альтабет таится от всех случайных попутчиков.

— То есть ты ей веришь?

— Я никому не верю. — Приподнявшись на локте, я увидел светящиеся в темноте глаза Кьярры. — Разве что за редким исключением, и то отчасти. Но ее история звучит правдоподобно, а проверить мы не можем.

— Она полезная?

— Альтабет? Надеюсь на это. Конечно, допуск к тайным архивам она мне предоставить не сможет, но рекомендательное письмо персоны ее уровня немало значит.

— Рок, я опять не поняла, — удрученно сказала Кьярра.

— Она напишет бумагу, — пояснил я, — и ко мне станут относиться

намного любезнее, чем если бы я пришел просто с улицы. Если заручиться помощью кого-то известного и влиятельного, есть шанс получить разрешение покопаться в тех документах, которые посторонним не показывают.

— Даже за деньги?

— Да. К тому же, если посулишь слишком много, это вызовет подозрение: зачем платить за эту информацию? Уж нет ли в ней чего-то по-настоящему ценного? Если решат так, то ничего мы не найдем, вдобавок нами самими заинтересуются... Поэтому действовать нужно крайне осторожно, и это может занять много времени... что нежелательно.

— Почему?

— Потому что Альтабет непременно поинтересуется, как поживает прелестная дикарка, обратился ли я уже к чародеям, а если да, то что они решили... Хуже того, она может спросить у каких-то своих знакомых, приходил ли к ним господин Рокседи по поводу своей необычной племянницы, узнает, что никто о нем слыхом не слыхивал, расскажет о том, как ощущала твою силу... Как думаешь, скоро ли нас начнут искать?

— Скоро, — вздохнула Кьярра. — Но мы можем сбежать. Как только скажешь... Только тогда не найдем про моего отца, да?

Я кивнул, не сомневаясь, что она различит мой жест в темноте.

— Связи Альтабет могут пригодиться, но пользоваться ими нужно очень аккуратно, — сказал я. — И так, чтобы не вызвать подозрений. Думаю, следует сохранить связь с ней самой... она, повторюсь, наверняка любопытствует, как обстоят наши дела. Я знаю таких людей: им нравится делать кому-то добро, но не просто так.

— Они хотят платы?

— Вроде того. Только не деньгами. Альтабет хочется ощущать причастность к какому-то серьезному делу.

— Так ведь она и без того важная, разве нет?

— Да, только занимается деньгами. Должно быть, это у нее получается лучше всего. А ей хочется делать что-то для людей, и не просто милостыню раздавать или помогать приютам. Нет, именно самой участвовать.

— У нее дочь есть. Пусть ей помогает.

— Не удивлюсь, если окажется, что зять не пускает Альтабет на порог. Хотя нет, — перебил я сам себя. — Ссориться с такой тещей — себе дороже, однако сократить общение до редких родственных визитов все-таки возможно. Да мы и не знаем: может, ее дочь с мужем живут далеко?

— Ага. Он переехал, когда познакомился с Бет, — фыркнула Кьярра.

— Не исключаю такой возможности, — улыбнулся я. — Энергии у нее

много, это уж точно, и наверняка она замучила дочь заботой. Ну а теперь ей откровенно не хватает объекта приложения этой энергии. Знаешь, некоторые дамы воспитывают внуков, но это не наш случай. Другие заводят собак или кошек, сады разводят, но Альтабет, судя по всему, постоянно в разъездах, придется бросать все это на прислугу, с собой-то не повезешь! А это совсем не то...

— И она заботится обо всех, кто под руку подвернется?

— Похоже на то. Иначе почему она согласилась присматривать за Троддой в пути? Неужели не нашлось никого другого, только эта столичная штучка?

— Думаешь, сама предложила?

— Почти уверен, — кивнул я. — Вероятно, при ней обмолвились о пострадавшей чародейке, и Альтабет немедленно развила бурную деятельность. Не удивлюсь, если вдобавок отказалась от сопровождения, решив, что сама справится... И это нам очень на руку.

— С нами так же? — помолчав, спросила Кьярра. — Денег тебе не надо, а бумага нужна. Бет ее напишет и будет гордиться, что помогла, и спрашивать, хорошо ли вышло. Хотя ничего особенного не сделала. Я правильно поняла?

— Да. А насчет платы, о которой я упомянул... Тут все просто: чем сильнее я стану рассыпаться в благодарностях, тем приятнее будет Альтабет. Может, она и еще что-нибудь полезное сделает, если я окажусь достаточно учтив. Поэтому, — сказал я, — пожалуйста, не нужно никому отрывать голову, если тебе вдруг покажется, что я заигрываю с Альтабет. Это в самом деле может понадобиться для нашего дела. До чего-либо серьезного не дойдет: она наверняка хранит безупречную вдовью репутацию, а мне это тем более ни к чему. Поэтому — только любезность, небольшие знаки внимания, скромные дары, комплименты в пределах допустимого, но не более.

Кьярра посопела, потом сменила гнев на милость:

— Если ты станешь ухаживать за Бет, она точно обрадуется. Пускай помогает.

Я порадовался про себя, вслух же сказал:

— Какое-то время мы сможем водить ее за нос.

— Зачем? — не поняла Кьярра. — За руку удобнее.

— Это значит — обманывать, — со вздохом пояснил я. — Вот спросит Альтабет: почему я до сих пор не обратился к чародеям? И я скажу: потому что ты капризничаешь и не желаешь учиться. А капризы твои таковы, что их нельзя не принимать во внимание... Тут мы продемонстрируем

разнесенную вдребезги гостиную, к примеру, поломанную мебель и выбитые окна. Вдобавок ты грозишься удрать из дома, если я стану тебя принуждать. Одним словом, пока я не договорюсь с тобой миром, ни о каких чародеях — не забывай, твоя мать их терпеть не могла, боялась и тебе привила то же отношение — и речи идти не может.

— Если нужно показать норы — я могу, — согласилась Кьярра. — Пусть даже Бет приходит меня уговаривать, я потерплю. Зато она сама поймет, какая я дикая! А ты пока будешь искать. Да?

— Честно признаться, я даже не знал, как просить тебя о таком одолжении, — искренне сказал я. — Так можно будет потянуть время. Мне нравится идея сделать Альтабет посредницей. Вот только как быть, если она решит притащить какого-нибудь чародея и попытаться доказать тебе, что они совсем не страшные?

— Я же их чую, и ты тоже, — напомнила она. — Просто не пустим, и все! Я устрою такое, что они сами убегут!

— Да, вот только они тебя тоже обнаружат, если окажутся достаточно близко...

Кьярра надолго умолкла, только поблескивали в темноте золотистые огоньки глаз.

— Если будет туман, они не учуют, — сказала она наконец.

— Откуда он возьмется? Или ты предлагаешь прятаться на той стороне? Мысль хорошая, вот только я не смогу быстро тебя позвать, случись что.

— Нет, Рок. Я принесу туман в дом, — пояснила Кьярра. — Это не очень-то просто, но мама меня учила. Я не пробовала раньше, но сумею. Должна. В большую пещеру — нет, а в маленький дом...

Я помолчал, осмысливая сказанное. Если я все верно понял, она уверяла, что в состоянии сделать до сей поры обычное место хоть сколько-нибудь скрытым.

— Попробовать, во всяком случае, можно, — ответил наконец.

— И еще я хочу посмотреть на Тродду, — неожиданно сказала Кьярра.

— Зачем?

— Я не верю. Она не должна была обгореть.

— Тродда — кладезь сюрпризов. Теперь вот Сарго из супруга сделался ее братом, но я не удивлюсь, если они вообще не родственники, а просто парочка ушлых мошенников...

— Ты не понимаешь, — терпеливо повторила Кьярра. — Я думала. Долго. Возчик погиб — он был совсем рядом со мной. Волы тоже. А Тродда и Сарго — далеко. Ты говорил, он мог защититься от пламени!

Почему не спас ее?

— Возможно, просто не успел.

— Они были близко друг к другу, — упрямо повторила Кьярра. — Я это точно помню. Я же проверила, где чародеи, прежде чем освободиться! Но Сарго цел, а она — нет. Странно?

— Пожалуй, — согласился я.

— И Бет сказала: колдовской огонь. Не драконий.

— Не думаю, что о побеге дикого дракона кричали на всю округу. А ей вовсе незачем знать, что случилось на самом деле.

— Рок, люди не умеют лечить ожоги от нашего огня, — тихо сказала она. — Мама говорила. Отец тоже ей говорил: ничего страшнее драконьего пламени люди еще не придумали. Рука обгорит — придется отрезать руку. Не заживет, никогда. А если весь человек — точно умрет. Может, не сразу, но умрет. Отец говорил маме: таких убивали, чтобы не мучились. Потому что по-другому помочь не выйдет.

Мне доводилось общаться с людьми с драконодрома, я упоминал, и у многих были внушительные шрамы от ожогов. Но как знать, каким огнем были причинены эти раны? Обычным, от оружия, колдовским или драконьим? Если даже последним, то...

— А на драконах ожоги от собственного огня заживают?

— Конечно. Иначе бы нас давно не осталось.

Сходится. Я уже думал о том, что часть тех моих знакомцев были драконами в человеческом обличье. Раз так, то им вражеский огонь вредил меньше, чем людям.

— Бет сказала — есть какое-то колдовство, чтобы Тродда спала, — добавила Кьярра. — И в столице помогут. Думаешь, ей соврали?

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — кивнул я, — но чтобы проверить, от чего пострадала Тродда, нужен чародей. Я не могу определить причину ожогов по внешнему виду и тем более понять, какие именно амулеты задействует Альтабет.

— Зато я могу. Узнать ожоги.

— Попробуем договориться с Альтабет, — решил я, поразмыслив. — Тайком лучше не соваться. Я придумаю легенду... Скажем, ты ощущаешь страдания чародейки, тебе от этого плохо спится, и ты хочешь удостовериться, что она еще жива... Пойдет?

— Наверно, — после паузы ответила Кьярра. — Я тоже буду думать. Чтобы знать, что я чувствую.

Прозвучало это угрожающе. Во всяком случае, мне так показалось.

Наутро я взял с Кьярры обещание сидеть тихо и никому не отпирать дверь, пока я не вернусь, оставил ее наедине с плотным завтраком, а сам отправился в вагон-ресторан.

Как я и предполагал, Альтабет была там, вкушала утреннюю трапезу и, завидев меня, приветственно помахала рукой.

— Присоединяйтесь, прошу, — пригласила она, когда я поздоровался. — Вы один?

— Конечно. — Я огляделся и понизил голос: — Вы же понимаете, госпожа Суорр, что Кьярру нельзя выпускать на люди.

— Может быть, наоборот, в обществе она скорее приучится вести себя как подобает?

— Сомневаюсь. Скорее, примется громко отпускать замечания в адрес присутствующих, ходить между столиками, брать и пробовать, что вздумается... Ей совершенно чуждо понятие о приличиях, я упоминал.

— Это не самое страшное, — уверенно сказала Альтабет. — В приютах, которые находятся в ведении обители, мне доводилось видеть и более запущенных детей. Большинство из них — те, чье поведение было обусловлено лишь отсутствием воспитания, а не болезнью разума, — вскоре научились вести себя пристойно.

— Вы занимаетесь благотворительностью?

— Нет, господин Рокседи, — улыбнулась она, взяла крохотную булочку и принялась намазывать ее маслом. — Я ведаю финансами, вы помните? И считаю своим долгом посещать приюты, чтобы убедиться — выделенные обителью средства пошли именно на те цели, для которых были предназначены, а не осели в карманах служащих.

— Когда речь идет о ремонте и покупке необходимого, проверить это легко, если вы разбираетесь в деле и знаете цены, — сказал я и тоже принялся за еду, благо мне как раз подали заказанное. — Вся эта цифирь только кажется скучной, однако таит в себе поистине бескрайние возможности...

— Рада, что вы это понимаете, господин Рокседи. Вы... Я вчера не поинтересовалась вашим родом занятий...

— Я торговец и посредник, — ответил я. — Строительный лес, «Рокседи и партнеры», не слыхали?

— Нет, не доводилось, — покачала она головой.

— Ну, я торгую не в столице, там свои поставщики. Однако на жизнь мне более чем хватает, и даже эта нежданная обуза не пробьет брешь в моих финансах. Вот только пришлось оставить дело на управляющего, и теперь гадай, справится он или нет! — Я покачал головой. — Но, госпожа

Суорр, я просто не мог препоручить ее кому-либо. Слухи мгновенно распространились бы, а я все-таки надеюсь избежать огласки — это может мне повредить... Если удастся сбить девчонку чародеям, я буду счастлив!

— Не стоит так говорить о племяннице, — укоризненно сказала Альтабет. — Девочка ведь не виновата ни в том, что уродилась особенной, ни в том, какими методами ее воспитывали.

— Да, последнее — всецело вина покойной сестры, но о мертвых — либо хорошо, либо ничего...

— Либо правду, — завершила она, чем изрядно меня удивила. Мало кто знает окончание этой поговорки. — Конечно, у нее были причины так поступить, но результат... удручающий, уж простите.

— За что же? Все так и есть. Удивительно, что Кьярра хотя бы говорить умеет! И даже считать, правда, только до тысячи, — вздохнул я.

— А грамоте она обучена?

— Буквы знает и разбирает самые простые слова. Но это по ее уверениям, а мне было недосуг проверять, правду ли она сказала.

— Ну, не все еще потеряно. — Альтабет хотела успокаивающим жестом коснуться моей руки, но я вовремя потянулся к масленке.

Необходимость отказаться от перчаток, пусть даже временно, выводила меня из себя: все кругом ощущалось слишком остро, резко, на грани переносимого.

— Я тоже надеюсь на это, госпожа Суорр, — ответил я. — Знавал я людей, которые выучились читать и писать уже взрослыми и в итоге сделались успешнее сверстников, которых с раннего детства пичкали науками.

— Жизненный опыт бесценен, — кивнула она. — Но это не случай Кьярры. У нее нет ни жизненного опыта, ни образования.

— Точно так. Придется нанимать ей учителей или платить чародеям, чтобы сами занимались с нею, но... — Я вздохнул как можно тяжелее. — Сперва нужно, чтобы она подпустила к себе хоть кого-то постороннего! В особенности — чародея.

— Вы говорили, что девочка их опасается, но... неужели она настолько хорошо их чувствует? — нахмурилась Альтабет.

— Да она их за день пути чувствует! Я еще в Талл аде пригласил к ней лекаря-чародея — просто убедиться, что она здорова и сможет перенести дорогу, — так она чуть гостиницу не разнесла, стоило ему подойти к двери.

— Странно... Если она жила с родителями в глуши, то откуда ей знать, как отличить чародея от обычного человека?

Вопрос был каверзный, и ответа на него у меня не имелось. Что ж, мне

даже играть не пришлось.

— Кьярра сразу сказала, что в этом поезде есть чародей, — сказал я. — Теперь не знаю, что и подумать... Не заманивала же их моя сестра в чащу леса, чтобы научить дочь чують колдовство? С нее бы случилось...

— Может быть, это ее муж пытался как-то повлиять на ситуацию и позвал специалиста... ну, хотя бы под видом обычного доктора? — предположила Альтабет. — Очевидно, он понимал, как важно начать обучение чародейки как можно раньше, но переубедить супругу не мог, поэтому привлек человека со стороны?

— Если так, не завидую этому несчастному... — пробормотал я. — Возможно, вы правы. Кто-то наверняка бывал в их доме, а почему молчал... Не хочу даже предполагать.

— Не будем об этом, — согласилась она и все-таки дотронулась до моего рукава. — Говорите, Кьярра почувствовала кого-то в поезде?

— Да, и вторую ночь не дает мне спать. Она уверена, что чародеи только и думают о том, как бы выкрасть ее и использовать... Для чего, она сама не знает. У нее страшный сумбур в голове.

— Немудрено... Потерять мать, лишиться привычного мира, очутиться среди незнакомых людей — это серьезное испытание для ребенка.

— Кьярра совершеннолетняя.

— Но по умственному развитию она даже не подросток, уж извините за прямоту, — сказала Альтабет. — Мне показалось, что ведет она себя, как избалованное дитя.

— Правда ваша... — мрачно выговорил я. — Вот и сейчас мне пришлось задобрить ее лакомствами, чтобы иметь возможность отлучиться, и то ненадолго. Не хочу знать, что случится, если ей вздумается прогуляться по коридору в одиночку!

Альтабет молча вертела в пальцах ложечку.

— Никак не получится убедить Кьярру, что чародеев здесь нет? — спросила она наконец.

— Разве только провести ее от головы поезда до хвоста и продемонстрировать каждого пассажира. Но это не сработает: вы же сами вчера сказали, что сопровождаете раненую чародейку, и Кьярра теперь думает, что та притворяется, а на самом деле спит и видит, как бы ее похитить.

— Право, я не знала, что все настолько серьезно...

— Разве я виню вас? — печально сказал я, начиная получать удовольствие от этого спектакля. — О! Госпожа Суорр, быть может, все-таки удалось бы заставить Кьярру позабыть об этих бреднях, но для этого

потребуется ваша помощь. Я понимаю, что слишком многого прошу, но...

— Вы хотите показать ей мою подопечную? — правильно поняла мою мысль Альтабет. — Чтобы Кьярра убедилась — бедняжка совершенно беспомощна? Это можно устроить. И, думаю, не стоит ждать до вечера — к тому времени ваша девочка накрутит себя сильнее прежнего. Давайте поступим так: завтрак скоро закончится, пассажиры разойдутся по своим купе. Тогда и приходите. Заодно я отдам вам обещанные бумаги, хорошо? Я могла бы захватить их с собой, но не рассчитывала увидеть вас в вагоне-ресторане: вы ведь сказали, что неусыпно следите за племянницей.

— Я понял: еще немного, и я попросту рехнусь, если останусь с нею взаперти, поэтому пришлось рискнуть, — вздохнул я. — Благодарю вас, госпожа Суорр! Где вас искать?

Она назвала номер купе, и я поспешил откланяться, сославшись на то, что и так отсутствовал слишком долго, а оставлять Кьярру без присмотра опасно. Признаюсь, я действительно волновался: обещания обещаниями, но как знать, что может взбрести ей в голову?

— Теперь я знаю, что чувствую, — встретила меня Кьярра.

— И что же?

— Слов нет, — развела она руками и вдруг лукаво улыбнулась. — Пусть Бет предлагает разные. И объясняет, что они значат. А я буду думать, думать... подходит или нет? Это долго, потому что я не привыкла.

— Вообще-то ты довольно быстро соображаешь, — сделал я комплимент.

— Бет об этом не знает, — ответила Кьярра. — Я буду терпеть, раз надо. Ты долго не выдержишь.

— Это почему ты так решила? — не понял я.

— Потому что ты был с ней совсем недолго, а внутри у тебя...

— Что, опять клубок змей?

— Нет, — подумав, сказала она. — Хуже. Как колючие кусты. Знаешь, есть такие, сверху не видно, ветки лежат на земле, даже трава выше них. А наступишь — не выпутаешься. То есть человек не выпутается. Дракон не заметит.

— Как же, знаю такую растительность... — пробормотал я. — Доводилось влезать в детстве. Выглядел потом, будто со стаей диких кошек дрался.

— Ну вот, это оно и есть. Под травой не видно, но...

— Но на душе те самые кошки скребут, — согласился я. — Не люблю ни от кого зависеть. А еще мне не нравится, когда все идет настолько гладко. Альтабет эта так удачно подвернулась — все кажется не к добру...

— Разве это удачно? С ней же Тродда, а она наверняка нас узнает, — напомнила Кьярра.

— Так она в беспамятстве, забыла?

— А-а-а, верно... — Она шлепнула себя по лбу и опять погрузилась в размышления.

Я же подождал, пока стихли шаги пассажиров в коридоре, выглянул наружу, убедился, что никого кругом нет, только проводник маячит в дальнем конце вагона, и поманил Кьярру за собой.

— Мне не надо, — покачала она головой. — Ходили же недавно.

— Мы к Альтабет, — пояснил я. — Посмотреть на Тродду. Она разрешила прийти сейчас, чтобы до вечера ты не разволновалась еще сильнее. Понимаешь?

— Конечно. Я буду очень... как это?

— Нервной.

Кьярра прикрыла глаза, глубоко вдохнула раз, другой, и вдруг... преобразилась. Нет, не стала драконом и не сменила внешность, но перемены в ней были разительны.

Сейчас я поостерегся притронуться к ней незащищенной рукой — как бы молнией не ударило! Кудрявые темные волосы, казалось, встали дыбом и потрескивали, как бывает перед грозой, в глазах горел недобрый огонек. Даже черты лица словно заострились, сделались намного более хищными, чем обычно. Казалось, Кьярра вот-вот оскалится, показав острые клыки, или облизнется до бровей раздвоенным языком. К слову, я не знаю, какой у драконов язык. Вряд ли раздвоенный — они хоть и напоминают ящериц, но только внешне.

— Я достаточно нервная? — деловито спросила она.

— Более чем. Идем?

До купе Альтабет мы добрались без приключений. На стук открыла служанка и посторонилась, услышав голос хозяйки:

— Это вы, господин Рокседи? Входите.

— Да, я решил воспользоваться вашим приглашением, пока Кьярра... более-менее в духе, — сказал я и с сомнением покосился на нее.

Сейчас Кьярра выглядела откровенно дикой: глаза сверкали, ноздри раздувались, а пальцы едва заметно подрагивали, словно мысленно она уже скогтила добычу.

— Хорошо. — Альтабет сделала служанке знак выйти, и та испарилась.

Как я и думал — через дверь, ведущую в ванную, общую на два купе. В самом деле, не может же госпожа Суорр путешествовать без прислуги

под боком? Не то, если она вдруг потребует, пока вызовешь проводника, пока пошлешь его за служанкой, пока он добудится ее, пока она дойдет... Проще будет самой налить себе воды. А вот когда она рядом — дело другое.

— Это моя горничная, — словно прочитала мои мысли Альтабет. — Мы с нею разместились в соседнем купе, а здесь...

Она указала на полку, на которой лежал... Мне показалось, это просто сверток ткани. Все тело (те его части, что я мог различить под простыней) и голову Тродды покрывали повязки, на виду оставался лишь левый глаз и темная щель рта.

Безусловно, это была именно она — на таком расстоянии я хорошо ощущал ее, — но словно поблекшая. «Выгоревшая», — пришло мне на ум подходящее сравнение. От прежней силы Тродды почти ничего не осталось, только угольки тлели под толстым слоем пепла...

Мне доводилось слышать о том, что чародей, переусердствовав, может лишиться своего дара. Кто-то восстанавливается со временем, кто-то нет... Что же сделала она? Пыталась защититься от огня, но у нее ничего не вышло?

Краем глаза я взглянул на Кьярру, и она едва заметно кивнула в знак того, что тоже узнала Тродду.

— Вот что бывает с чародеями, — вдруг громко сказала Кьярра, и Альтабет невольно вздрогнула.

— О чем ты, дитя?

— Их сжигают. — Золотистые глаза загорелись мрачным пламенем. — Мама говорила. Огонь поглотит их, и проклятый дар не поможет. Мама всегда права.

— Это был несчастный случай, — сказала Альтабет. — Никто не застрахован...

— Она чародейка, — перебила Кьярра. — Это ее расплата. Все они сгорят. А кто не сгорит, тот утонет, так говорила мама.

На мой взгляд, она немного перестаралась с фанатичностью, зато Альтабет эта грубая игра проняла. Может быть, потому, что Кьярра не очень-то притворялась: будь ее воля, она наверняка отыгралась бы на чародеях за свой плен и последующие мучения. И я бы ее не осудил.

— Но ты ведь понимаешь, что и сама владеешь тем же даром? — негромко спросила Альтабет.

— Да. Это проклятие. Но можно не давать ему воли. — Лицо Кьярры на мгновение исказилось. — Мама научила, как. Я сильная. Я справлюсь.

— Милая, если ты будешь душить свою силу, она рано или поздно

убьет тебя!

— И правильно. Мама хотела сама это сделать, но не успела. А я не умею.

Альтабет в ужасе взглянула на меня, а я только сделал скорбное лицо: дескать, сами видите, с кем мне приходится иметь дело.

— Может быть, если ты научишься владеть этим даром, то сумеешь сделать много хорошего? — предприняла она новую попытку.

— Убивать врагов того, кто прикажет? — ухмыльнулась Кьярра. Честно говоря, мне самому сделалось не по себе. В другой ситуации я предпочел бы ретироваться, да вот беда — было некуда. — Пока они сами меня не убьют, как эту?..

— Тродда ни с кем не воевала, — мягко сказала Альтабет.

— Ее обжег кто-то другой, — уверенно произнесла Кьярра. — Значит, это был враг.

— Это был несчастный случай, — повторила та.

— Что, другой чародей что-то поджигал, а она стояла рядом и не успела отскочить? — не выдержал я. — Госпожа Суорр, вы ведь сами мне сказали, что ожоги причинены колдовским пламенем. Племяннице я этого не говорил, но, судя по всему, она и без того прекрасно различает, что к чему.

— По правде сказать, я сама не знаю, как обстояло дело, — сдалась Альтабет. — Мне сообщили только, что брат Тродды привез ее, едва живую, в город, и умчался на поиски негодяя, вот и все. Чем они занимались, какое задание выполняли — мне неизвестно.

— Вот это уже более честно, — сказал я. — Какой смысл лгать?

— Вы же сказали, что девочка боится чародеев и всего с ними связанного, а сражения — это... — Она тяжело вздохнула. — Такое может вовсе отвратить вашу племянницу от мысли об учебе.

Взглянув на Кьярру, я мог с уверенностью сказать: ничто подобное ее не тревожит. Она пристально вглядывалась в лицо Тродды, скрытое бинтами, настолько пристально, что я на месте пострадавшей давно почувствовал бы этот взгляд и постарался смахнуть его, как муху, — он был физически ощутим даже на расстоянии.

— Эта не страшная, — сказала она вдруг с пренебрежением. — Она уже не может колдовать.

— Тродда поправится, дитя мое, — ласково сказала Альтабет и хотела было взять Кьярру за плечо, но вовремя вспомнила мои слова насчет сломанной руки и удержалась.

— Нет.

— Лучшие целители столицы ждут ее.

— И что с того? — Кьярра повернулась и посмотрела ей в глаза. — Они не вернут ей дар.

— Не понимаю, о чем ты, — нахмурилась Альтабет. — Пострадало лишь ее тело, и сколь бы ни страшны были ожоги, их можно вылечить, поверь! Представь, ты и сама могла бы помогать людям: с твоей силой совсем не сложно выучиться лечить!

— Уверены? — скептически спросил я. — По-моему, Кьярре прямая дорога в наемники или телохранители, словом, бойцы... Лечить! Скажете тоже... Вот убить она точно может, и вряд ли что-то ее остановит!

— Ты мой дядя, — серьезно сказала та. — Мама о тебе говорила. И я чую родную кровь. Ты помогаешь. Тебя я не убью. А других... Я их не знаю. Они никто. Мне все равно, живые они или нет.

Альтабет бросила на меня взгляд, полный ужаса, а я скорбно кивнул, понимая, что мне все больше нравится это представление. Вот если бы еще выяснить, что произошло с Троддой... Увы, это невозможно, раз она без сознания.

— М-м-м-м...

Мы снова переглянулись, не уловив, откуда шел звук, и потом только догадались посмотреть на Тродду.

— Не может быть! — ахнула Альтабет, схватившись за сумочку в поисках амулетов. — Она не должна была очнуться, чары совсем свежие!.. Секунду, сейчас я... Где же он...

Теперь изо рта Тродды — узкой щели между бинтов — рвалось уже не мычание, а хрип. Она не кричала, нет, она явственно силилась что-то произнести, но не могла. Я подумал, что голосовые связки у нее могут быть обожжены или сорваны от долгого крика, но нет, она все-таки выговорила:

— Ты-ы-ы...

Судя по тому, что единственный уцелевший глаз при этом вперился в меня, мне это и адресовалось. Маскировкой чародейку не обманешь, а на таком расстоянии не только я хорошо ее чувял, но и она меня. И Кьярру, несомненно, вот только понимала ли, кого видит перед собой? И что вообще она видела? Зрение ведь тоже страдает от огня.

— Что это с ней? — встревоженно спросил я и попятился к двери, поманив за собой Кьярру. Правда, она не послушалась.

— Не понимаю...

Альтабет замерла на мгновение, и даже я ощутил, как высвободилась целебная сила амулета. Она должна была мягко окутать Тродду и вновь погрузить ее в сон без сновидений, но... ничего не произошло.

— Не работает! Этого не может быть!..

«Нужно было взять с собой чародея», — читалось на ее лице. Увы, я ничем не мог помочь, а вот Кьярра... Кьярра шагнула ближе к Тродде, оттеснив плечом Альтабет. Та была выше на голову и намного массивнее, но едва устояла на ногах после этого касания.

— Ты... Ты... Ты... — едва слышно выдыхала Тродда, не сводя с меня взгляда и тщетно пытаюсь приподняться на локте.

Тело не слушалось ее, не слушалось и колдовство — угли затлели немного сильнее, но этого все равно было слишком мало хотя бы для глаза, не говоря уж о полноценном заклятии.

Кьярра встала над чародейкой и перехватила ее взгляд.

Воздух в купе будто бы сгустился — стало тяжело дышать, как бывает перед грозой. Или наоборот — он разределся, как на вершине Багралора?

А еще сделалось нестерпимо жарко, и я утер лоб, но ладонь осталась совершенно сухой.

— Что происходит? — шепнула Альтабет и вцепилась в мой локоть.

На фоне всего происходящего это было терпимым неудобством, поэтому я не стал ее отталкивать и ответил:

— Не знаю, но трогать Кьярру не рискну... От нее искры летят, видите?

— Нет никаких искр, а вот воздух дрожит...

Тродда замерла — Кьярра будто подцепила ее на крючок, подвесила в пустоте вот так, одним взглядом, и теперь рассматривала что-то внутри чародейки, перебирала и отбрасывала в сторону, не считая достойным внимания. А потом вдруг нашла нужное и...

Если Тродда прежде не сорвала себе связки, то теперь-то уж сделала это наверняка: как от ее вопля не перевернулся вагон, ума не приложу. В коридоре зазвучали испуганные голоса, и Альтабет дернулась к двери, но я удержал ее.

Чародейка продолжала кричать, теперь уже беззвучно, но не отрывала взгляда от лица Кьярры. К сожалению (а может, к счастью), я не мог видеть лица последней, но по ее напряженной позе понимал — она творит что-то очень серьезное. Я даже чувствовал это — жар обжигал мне кончики пальцев, — но отгораживался как только мог, потому что опасался — такие ощущения меня прикончат.

Тродда вдруг обмякла, взор ее устремился в потолок, хриплое дыхание вырывалось изо рта.

— Она больше не будет кричать, — негромко сказала Кьярра, развернулась и посмотрела на меня. — Пойдем отсюда, Рок. Здесь больше

нечего делать.

— Думаю, нам и правда лучше уйти, — быстро сказал я, отцепив от себя Альтабет. — Вам нужно заняться подопечной, а мы... Словом, еще увидимся!

С этими словами я вытолкнул Кьярру в коридор, дотащил ее до нашего купе и, только заперев дверь изнутри, смог перевести дыхание. Вернее, подуть на пальцы.

— Я тебе больно сделала? — спросила вдруг Кьярра, сев на свое место. Вид у нее был невообразимо усталый, хуже даже, чем когда я принес ее в хижину. — Извини, Рок. Иначе нельзя было.

— Ничего, переживу, — сказал я, хотя, не скрою, очень хотелось сунуть руки в сугроб или в полыню. Пришлось обойтись кувшином с водой. — Что это было? Что ты сотворила?

Кьярра молчала, глядя в пол, а когда подняла на меня глаза, я поразился — всегда такие яркие, сейчас они казались тусклыми.

— Сожгла ее до конца, — обронила она наконец.

— Не понял...

— Она узнала тебя. И меня бы узнала... наверно. И я сожгла все у нее в голове, — тихо ответила Кьярра. — Теперь она ничего не вспомнит. И колдовать, наверно, больше не сможет.

— Так вот почему говорят, что драконам нельзя смотреть в глаза! — попытался я пошутить, но она только кивнула, и я осекся, не рискнув развить мысль. — Кьярра? Хочешь сказать, Тродда теперь умалишенная?

— Нет, нет... Просто память сторела. Самая последняя. Она не забудет, как ее зовут, и... не знаю... как самой одеваться. А все, что было в последние годы, пропадет.

— Вот как...

— А раны у нее заживут, — добавила вдруг она. — Это был не драконий огонь. Колдовской. Не знаю чей. Может, Сарго?

— Ему-то с какой стати нападать на... ладно, пускай будет — напарницу?

— Зачем ты спрашиваешь, Рок? Я же не знаю, — вздохнула Кьярра.

— По привычке, — ответил я и сел рядом с ней. Помедлил, опасаясь обжечься, но все-таки обнял ее за плечи. Оказалось больно, но не так, чтобы очень. Терпимо. — Нужно было предупредить меня.

— Нет. Тогда бы ты не удивился. А надо было, чтобы Бет поняла — ты не знаешь, что я умею. Она будет думать, что я помогла Тродде. Про память она не поймет, — объяснила Кьярра. — А Тродда будет спать и спать до самой столицы. Там ее станут лечить...

— И пока еще вскроется, что она ничегошеньки не помнит, времени пройдет предостаточно, — закончил я. — Молодчина.

— Я знаю, — не без самодовольства ответила она. — И Бет теперь точно от меня не отстанет. Как мы и хотели, да?

Я кивнул.

— Только я устала, Рок, — добавила Кьярра. — Если бы была драконом — тогда другое дело, а в этом теле... тяжело...

— Приказать принести тебе поесть? — сообразил я.

— Нет, потом, — отмахнулась она. — Я спать хочу. Можно?

— Конечно, можно, — ответил я и долго сидел в неудобной позе, потому что Кьярра отключилась на полуслове, а мне не хотелось тревожить ее сон.

Глава 17

Столица встретила нас неумолчным шумом и негасимым светом фонарей — прибыли мы поздним вечером, и Кьярра невольно шарахнулась, шагнув на ярко освещенный перрон. Потом пригляделась, увидела вдалеке сияющие шпили столичной ратуши, университета и еще какие-то, покачала головой, ничего не сказала, но путаться перестала. Вспомнила башню чародеев на Баграни, наверно, соотнесла с увиденным и успокоилась.

Альтабет уже ожидали: Тродду (она действительно всю оставшуюся дорогу не приходила в сознание) погрузили в санитарную карету, да и были таковы. Моя новая знакомая поехала следом в собственном экипаже (не самоходке, как можно было ожидать, это оказалась пролетка, запряженная парой отличных мышастых коней).

Мы успели проститься до прибытия. Бумаги я получил и теперь грел их у сердца, а взамен пообещал сообщить, где меня искать. Ясное дело, не в гостинице: с такой подопечной, как Кьярра, там жить попросту опасно (для постояльцев), хотя ночь провести можно. А уж наутро я подыщу небольшой дом на первое время...

Так и вышло, за исключением того, что время до утра мы с Кьяррой коротали на вокзале. У меня не было ни малейшего желания тащиться куда-то, переплачивать извозчикам и гостиничным служащим за номер на одну ночь. Обмолвись я об этом Альтабет, она неминуемо пригласила бы нас к себе, но на это я пойти не мог, поэтому промолчал.

В зале ожидания оказались довольно удобные скамьи, так что Кьярра даже вздремнула, ну а мне нашлось чем заняться — я изучал путеводитель по столице и беседовал с ночными служащими. Потратил немного мелочи, зато разузнал, где тут сдаются квартиры и целые дома не по цене королевского дворца. На окраине, разумеется, но я и не рассчитывал жить в центре — слишком дорого, слишком много людей крутом, все на виду... В предместьях тоже хватает глазастых соседей, но если не устраивать оргий и не принимать по ночам подозрительных незнакомцев в масках и с оружием, с большой вероятностью на вас не обратят особенного внимания.

С утра пришлось еще немного посуетиться, но уже к полудню я получил ключи от симпатичного маленького домика, утопающего в зарослях цветущей драконарии.

— Почему так назвали? — удивилась Кьярра, когда я указал ей на растения.

— Спроси что полегче. Наверно, — я потянулся и нагнул ветку, — соцветия похожи на языки пламени. А листья... на твои крылья, а?

— Разве что немного, — согласилась она и осмотрелась внимательнее. — Хорошее место. Небольшое. Сюда я смогу привести туман, но мне нужно время.

— Не сомневаюсь. Гостей мы принимать не будем. Я только договорюсь насчет слуг...

— Зачем они теперь? — не поняла Кьярра. — Если нас никто не видит?

— А и вправду, зачем? — усмехнулся я. — Беспорядок мы устраивать не будем, приготовить обед я и сам в состоянии, так к чему нам посторонние люди в доме?

— За один день у меня не получится, — предостерегла она. — Так что лучше пока не говори Бет, где мы. А то возьмет и приедет.

— Конечно. Я пока попробую навести мосты в архивах. Надеюсь, первые дни Альтабет будет не до нас: ей же нужно отчитаться о своих денежных делах, да и о Тродде тоже. Но не тяни, — попросил я. — С нее в самом деле станется навести справки — найти приезжего в столице не так сложно, как кажется, — и нагряться в гости без приглашения, и хорошо, если в одиночку.

— Я буду стараться, Рок, — сказала Кьярра, обходя гостиную по периметру. — Но я никогда раньше этого не делала. Вдруг не получится?

— Тогда и будем думать, как быть дальше. Может, переедем куда-нибудь, я опять сменю внешность, а у тебя она и так обычная... Оденемся победнее, снимем пару комнат в доходном доме... Там, конечно, соседи и домохозяйева под боком, но зато и жильцы меняются часто, за всеми не углядишь!

— Но от чародеев там не спрячешься, — вздохнула она. — Не выйдет напустить тумана, если много людей рядом.

— Значит, станем держать оборону здесь, — пожал я плечами. — Занимайся делом, а я обеспечу припасы и пойду на разведку. Время не ждет.

Следующие три дня я провел крайне плодотворно: когда не рыскал по городу от одного учреждения к другому и не разливался там соловьем, пытаюсь понять, как подобраться к документам интересующего меня периода (пока без применения тяжелой артиллерии, то есть писем Альтабет), — тогда готовил. Конечно, Кьярра и в человеческом виде могла употреблять сырое мясо, но мне это не нравилось. Опять же, стряпня успокаивает, а это было решительно необходимо: я не отличаюсь

терпением, и необходимость взаимодействовать с бюрократами всегда выводила меня из себя.

— Как дела? — спросил я вечером.

Кьярра посмотрела на меня и помотала головой, потом кивнула и изобразила руками непонятный жест — то ли добавки просила, то ли давала понять, что подавилась от жадности. Говорить с набитым ртом я ее отучил, теперь приходилось разгадывать пантомимы.

— Получилось наконец?

Она яростно закивала, с усилием проглотила все, что было у нее во рту, и сказала с затаенной гордостью:

— Сам проверь!

Я и проверил — попытался нащупать хоть какой-нибудь отходной путь: их я настроил первым делом, как только оказался в этом доме. Один был за верандой, другой — за большим кустом драконарии около беседки, третий — возле калитки... Теперь я не почувствовал ничего. Даже перчатки снял — хвала дорогому мирозданию, по городу я мог перемещаться, как приличный человек, и никого не смущало мое одеяние. Но... Пусто. Отсюда не вел ни один поворот, даже самолично мною открытые оказались недоступны.

— Замечательно, — сказал я, убедившись, что мне не мерещится. — Теперь сюда никто не проникнет, так?

Кьярра снова закивала, улыбаясь во весь рот. Она заметно осунулась за эти несколько дней, хотя со стола метала больше обычного. Видимо, много сил ушло на эти забавы с туманом, и мне жаль было ее расстраивать, но...

— Ты сама-то отсюда удрать сумеешь, случись что? — спросил я. — Я — уже нет. Ты и мои выходы перекрыла.

— Ой... — Улыбка Кьярры погасла на мгновение, но тут же засияла с прежней силой. — Я перестаралась, да, Рок?

— Немного, — постарался я быть тактичным. — На вопрос ответь, будь добра.

— Какой? А!.. Сама смогу уйти, конечно, — сказала она. — Мама говорила: всегда оставляй запасные выходы. Только я не подумала про твои, извини... А может, если я покажу тебе мои, ты тоже сможешь ими пользоваться?

— А куда они ведут? — на всякий случай спросил я, потому что оказаться где-нибудь в диких горах мне совершенно не улыбалось.

— Один — в твою хижину. — Кьярра, когда считала, не загибала, а отгибала пальцы, и выглядело это необычно. — Другой — в старую мамину пещеру, третий — в мою, четвертый — в место для охоты, пятый

— на снежную равнину. Я бы еще устроила, но не знаю других безопасных мест. Если ты покажешь, я сделаю. Это сложнее, чем если сразу их задумать, но я смогу!

— Да хватит, пожалуй, — ответил я, невольно позавидовав ее способностям. — Только на Багралор и в твою пещеру надо хотя бы дров забросить, иначе там околеть можно.

— У меня тепло, — заверила Кьярра.

— Это тебе тепло, а мне не слишком. Припасы тоже не помешают, я же говорил, что охотник из меня никудышный. Да и какая охота на той вершине?

— Думаешь, нам придется убегать по одному? — тихо спросила она, и я не сразу нашелся с ответом.

— Неизвестно. Но лучше быть готовыми ко всему. К слову, а как ты мне покажешь эти... ладно, «повороты» тут не годятся, пусть сразу будут «пути»?

— Проведу, а ты запомнишь, — без тени сомнения сказала Кьярра. — Но мне придется взять тебя за руку. Ну или хотя бы за одежду, чтобы ты не отстал. Или сам за меня держись, как хочешь... Я бы тебя отнесла, так проще, но здесь нельзя превращаться. Дом развалится.

— Ладно, за руку так за руку, — смирился я.

Признаюсь, меня настолько снесло любопытство, что я готов был пренебречь мелкими неудобствами. А если бы Кьярра могла научить меня вот так прятать свое убежище, я бы с ней даже обнялся.

— Сейчас пойдем?

— А что время тянуть? Конечно. Доедай, и отправимся.

Она с удвоенным рвением взялась поглощать ужин, а я спросил:

— Почему же твоя мать искала новое жилище в тумане, вместо того, чтобы самой его укрыть как следует?

— Не знаю, — ответила Кьярра, сглотнув. — Она не говорила. Но вообще...

Тут она умолкла, и я терпеливо ждал, пока не дождался продолжения:

— По-моему, она не умела, — неуверенно сказала она.

— Как же она тебя научила?

— Ну... так. Словами, — развела руками Кьярра. — Она очень-очень хорошо объяснила. Сам видишь, у меня получилось, а я никогда раньше этого не делала. Но вообще...

Она снова умолкла, а потом сказала негромко:

— Нет, она все-таки немножко могла так делать. Но плохо. Поэтому искала пещеру сразу в тумане, а потом добавила совсем чуть-чуть. Я

помню, там разный туман. Ну...

— Созданный кем-то и природный отличаются?

— Да! На Багралоре не надо было так прятаться, вот она и не пробовала. Но правды я не знаю, Рок. Мама много такого говорила, чего не делала сама. Ее учили родители, она все помнила. Но не делала. И я думаю... — Кьярра осеклась, потом тихо добавила: — Может, ее выгнали из дома, потому что она была не очень умелая? Или она сама ушла, чтобы не дразнили? Все умеют, а она нет — это же очень обидно, правда?

— Еще бы, — искренне согласился я. — Но ты не огорчайся, попробуй взглянуть на это с другой стороны.

— Как это?

— А так. Те дикие драконы, от которых твоя мать ушла... или ее прогнали, не важно, — они не уцелели. А она смогла прожить очень и очень долго, никто ее не нашел, у нее была ты... И вот еще, — добавил я по наитию, — не пользоваться каким-то знанием — не означает вовсе ничего не уметь. Возможно, оно просто не пригодилось твоей матери, зато очень даже пригодилось тебе, разве нет?

— Ну да... — протянула Кьярра, потом посмотрела на меня в упор и тихо сказала: — Знаешь, ты добрый, Рок.

— Неужели?

— Да. Я же вижу. Сначала кажется — злой, а на самом деле...

— Только никому не говори, — попросил я, невольно улыбнувшись: она совсем не разбиралась в людях. — Предпочитаю, чтобы окружающие считали меня мерзавцем, так жить проще.

И, конечно, Кьярра тут же спросила:

— Почему?

На ответ я потратил битый час, но не уверен, что она правильно меня поняла. Впрочем, это ерунда. Главное, наши испытания путей отхода завершились успехом. И, должен отметить, это было сильным впечатлением...

Тому, кто сам не способен видеть (слышать или ощущать, не важно) скрытые дороги и повороты на них, так же сложно объяснить, что это собой представляет, как описать слепому цвет розы, а глухому — соловьиные трели.

Если вовсе просто: я привык, ухватив любой ветерок или целую связку, перебирать их, нащупывая тот самый, нужный. Или ловить его на лету, ждать, пока он запутается в моих пальцах, коснется ладони, и я пойму — за ним можно следовать, как следовал какой-то древний герой за путеводной нитью в темном лабиринте. Конечно, всегда есть риск упустить

ветерок — они бывают очень и очень своенравными, так и норовят вырваться из рук, ободрав их до крови, или слабыми, едва уловимыми, норовящими иссякнуть, растаять, оборваться, не доведя и до полпути. Бывают и те, что коварно меняют направление в самый неподходящий момент... Тогда остается или ждать, когда они соблаговолит вернуться, или искать проводника в другое место. Со мной случались такие неприятности по молодости и неопытности, но это было давно. С годами выучиваешься не хватать ветерок со всей силы — так можно помять его, словно хрупкого мотылька, — удерживать прочно, но в то же время мягко...

Я слышал, рыбаки подобными словами объясняют новичкам, как вываживать упрямую крупную рыбу. Что ж, в чем-то мы похожи, разве что они не выбирают, кто клюнет на их удочку, а еще добыча вряд ли сможет отбуксировать их на другой берег. Хотя... Поговаривают, попадаются такие рыбины, которым это вполне под силу. Сам не видел, врать не стану.

Но я отвлекся.

В путешествии между скрытыми дорогами главное — не терять бдительности. Любой шаг может завести тебя (и твоих подопечных) в неведомые края, и если самому туда и дорога — выберешься как-нибудь, — то клиенты могут не оценить такого поворота событий. В целом это ощущается, словно ты идешь по узенькой тропинке над пропастью, а кругом все... зыбко. Только что был лес, и вдруг деревья становятся высокой травой или рассыпаются снегом... Обычные люди ничего странного не видят, а вот провожатым такое здорово действует на нервы. Но куда деваться, и не к такому можно привыкнуть!

Ничего фатального не случится, если ты оступишься — а это еще постараться нужно, переходы-то между тайными путями короткие. Самое страшное, повторюсь, это оказаться не в том месте, куда ты собирался. Главное, не повстречаться там с теми, кто совсем не рад или, напротив, рад чрезмерно встрече с вашей компанией. Еще можно очутиться на прежнем месте или чуть поодаль от него (спасибо, если не посреди реки, болота или бурелома) — не самый худший вариант...

Но ничего подобного не случилось, когда Кьярра взяла меня за локоть.

Мне показалось, будто какой-то силач единым ударом вышиб из меня дух — случилось со мной подобное, не самое приятное воспоминание отрочества, — и я завис на грани обморока, не в силах сделать вдох. Вдобавок я ослеп и оглох, что там — ничего не мог ощутить, словно все органы чувств отказали разом!

Длилось это считанные доли секунды, а потом меня пинком отправили из небытия в теплый, напоенный ароматом хвои и смолы вечер. Солнце

просвечивало сквозь кроны сосен, наземь ложились причудливые тени, легкий ветерок недоуменно коснулся моей руки — откуда, мол, ты взялся? — и улетел по своим делам, а я пытался прийти в себя. Несомненно, я был жив и невредим. Правда, горело огнем то место на руке, за которое взялась Кьярра, но это быстро проходило. А еще болело в груди: похоже, я инстинктивно задержал дыхание, оказавшись в темном ничто, и теперь никак не мог отдышаться.

— Вот так! — довольно сказала она и тут же встревожилась: — Рок? Ты что?

— Ничего, просто это было... внезапно, — подобрал я подходящее определение. — У меня обычно получается дольше.

— Это точно, — согласилась Кьярра и потянулась всем телом. — Я помню, как шла за тобой в те снега. Очень долго. Если бы я знала дорогу, то мигом бы тебя донесла! Но скажи, что по-моему намного удобнее?

— Да, только с непривычки можно помереть с перепугу, — честно сказал я. — Предупреждать надо, что там так... Никак.

— А, — она вздохнула, — я опять не подумала. Ты же никогда не ходил через туман.

— Какой туман? Там ничего не было! Вообще ничего... воздуха, по-моему, тоже, — я непроизвольно потер грудь.

— Был туман. Ты еще так отмахивался... — Кьярра изобразила руками неловкие движения, словно котенок пытался поймать муху. — Я тебе сказала, что он не страшный, а ты не слышал.

— Не слышал, — согласился я. — И ничего не видел. Сдается мне, если б ты не держала меня за руку, я так бы там и остался. Наверно, драконы видят и чувствуют иначе... впрочем, это я и раньше знал, но не представлял, насколько мы отличаемся! Так или иначе, обычному провожатому вроде меня оттуда не выйти, понимаешь? Там не за что уцепиться, чтобы найти хоть какой-то путь. Или есть, но я этого не воспринимаю.

— Плохо, — посерьезнела она. — Я думала, получится научить тебя ходить по моим дорогам. Лучше ведь, когда умеешь по-всякому?

— Может, все не настолько безнадежно, — сказал я, — и ты еще меня научишь. Только не теперь.

— Почему?

— Потому, что на это наверняка понадобится много времени. К слову, я так и не понял, каким образом должен запомнить дорогу сюда, если я ее даже не увидел!

— Это тебе так кажется, — уверенно ответила Кьярра, — потому что

ты боялся. Но теперь ты не потеряешься.

— Звучит прекрасно, только еще один маленький вопрос, — я свел большой и указательный пальцы, изображая нечто размером с горошину. — Как мне попасть в этот твой туман без тебя? Я привык ходить следом за ветром, а его там нет.

— Не знаю, — обескураженно ответила она после долгой паузы. Вид у нее сделался совершенно несчастный. — Я думала, ты увидишь проход. Может, с первого раза не получилось, потому что ты испугался? Давай попробуем еще! Отсюда на Багралор дорога длиннее, ты сможешь рассмотреть получше!

— Нет уж, хватит, — покачал я головой, перебирая прилетевшие из неведомых далей и ласкающиеся к рукам ветерки. Того, что вел бы назад, не было. Если только в обход отправиться, но сколько времени это может занять, я даже представить не мог. — На сегодня довольно, вернемся.

Кьярра только голову опустила.

— А может, тут останемся на ночь? — попросила она. — В городе мне не нравится. Там душно.

Я удивился: столица ближе к морю, чем Таллада, ветра здесь сильные, и такого смога не бывает. Да и вообще, всевозможные предприятия вынесены за черту города с учетом розы ветров, чтобы никакое зловоние не тревожило обоняние жителей столицы и тем более коронованных особ!

— Я слетаю поохотиться, — продолжала она, — а ты пожаришь мясо. В тот раз было вкусно! Ты уже который день не ешь, а сам же говорил, что нужно... И если нужно, то лучше вкусное, так?

— Вообще-то, вслух я этого не говорил, — насторожился я.

— Но думал! Я видела, — Кьярра постучала себя согнутым пальцем по лбу.

— Ты еще и мысли читать можешь?

— Нет. Ты слишком сложно думаешь, — с огорчением ответила она. — С людьми почти никогда не получается. Только если там что-то одно, простое и... ну... рядом. Если я успею его увидеть, то пойму, о чем оно. Но чаще не успеваю. Вы думаете не только сложно, но еще и быстро! Хуже рогатых!

— Что, у них тоже замысловатые думы о будущем? — не удержался я.

— Да нет же! — рассердилась Кьярра. — Они бегают быстро и большим табуном, совсем как мысли у людей!

— А если еще и врасыпную бросятся... — выговорил я и захохотал так, что белка, спустившаяся по ветви сосны поглядеть, кто это явился в гости, недовольно заверещала и бросилась наутек.

— Вот, ты понял, — кивнула Кьярра. — Почему ты смеешься?

— Нервное, должно быть... Будь по-твоему, — решил я. — Мне тоже город поперек горла. Лети на охоту, а я побуду на хозяйстве. И дрова приготовлю, чтобы захватить на Багралор.

— Я могу целое дерево взять, — похвасталась она. — Или даже два.

— Ага, а я захвачу пилу и топор. Пока дров напилю и наколю, как раз и согреюсь.

— Зачем? Я их... — Она сжала пальцы, и я представил, как толстая сосна разлетается на щепки в драконьей лапе. — На Багралор ведь можно не человеком, правда?

Я кивнул, подумав, что заодно можно будет проверить, в самом ли деле защита острова не реагирует только на дракона в человеческом облике. Сомнительное развлечение, согласен, но раз уж так совпало, отчего бы не воспользоваться случаем?

— Одежду снять не забудь! — окликнул я, когда Кьярра радостно устремилась прочь. — Не при мне!

— Я помню! — отозвалась она и действительно зашла за куст, на котором и оставила платье и все остальное. Ну, хоть так, уже прогресс.

А вот дальше... Дальше произошло нечто странное.

Я смотрел вслед Кьярре — она казалась темным силуэтом на фоне закатного солнца. Не разберешь, девушка это, причудливо изогнувшийся ствол дерева или вовсе тень: сосны были так замысловато подсвечены, что в этих самых тенях мог спрятаться целый полк. И мне почудилось — на мгновение, — будто деревья расступились и в золотистое небо прыгнул крылатый зверь...

Миг — и наваждение рассеялось. Сосны стояли по местам, как им полагалось, негромко шумели на ветру — он забавлялся высоко в кронах, но вниз не спускался, словно опасался, что я изловлю его за длинный хвост.

Я не удержался и прогулялся до того места, с которого пропала Кьярра. Заодно собрал ее одежду, а то решит ветер порезвиться, и будем мы собирать чулки и прочие дамские принадлежности в ручье и на макушках сосен. Не было там поворота. Или все-таки был? Что-то ощущалось, но не как обычно... Скорее, это были искорки на кончиках пальцев, нежели ветерок. Можно было вычислить путь, по которому ушла Кьярра, — там начинало жечь сильнее, и, возможно, если шагнуть вперед, я тоже оказался бы в охотничьих угодьях Кьярры или (другое направление я тоже проверил) в столичном домике.

Или нет.

Рисковать не хотелось, и я решил отложить эксперименты до ее

возвращения.

К счастью, Кьярра не заставила себя ждать.

— Знаешь, Рок, — сказала она, плюхнувшись на пол у очага (я благоразумно оставил для нее на кусте рубашку и штаны), — теперь я точно знаю, что мама не смогла бы жить с отцом у людей.

— Почему же?

— Те драконы, которые прирученные, сразу к этому привыкли. А у нас, диких, не получается. То есть... Ну, я могла бы там остаться. Ради чего-то очень-очень важного. Но у меня нет ничего такого, — задумчиво сказала Кьярра. — Я думаю: если бы я родилась у людей, мама могла бы остаться ради меня. Но она ушла раньше.

— Ты уверена? Может, она сбежала именно тогда, когда поняла, что тебя у нее отберут? Это при условии, что она вообще пробовала жить с людьми...

— Я не могла там родиться, — удивленно покосилась на меня Кьярра. — Я же помню нашу пещеру.

— Ну, знаешь ли, это не показатель. Я себя помню только лет с трех, а ты...

— Но я помню, как появилась, — упрямо сказала она. — Я знаю, у людей не так. А у нас очень хорошая память.

Я подумал, что не пришел бы в восторг от подобного воспоминания, но промолчал. Честно говоря, я не представлял, как вообще драконы появляются на свет: вылупляются из яйца, как ящерицы, или рождаются, как люди. Ну и спросил, конечно же.

— Это очень просто! — с воодушевлением начала Кьярра, но тут же сникла: — Только мама не говорила.

— Наверно, думала, что тебе еще рано о таком слышать?

— Нет, почему же? Я все знаю про то, что бывает у мужчин с женщинами, — помотала она головой. — А вот как дальше... Но, Рок, я помню, что было тепло и темно, очень-очень, но не страшно. И вокруг все двигалось, а я была... ну... — она сложила ладони лодочкой.

— В безопасности?

— Ну да... А потом я куда-то полетела, стало холодно, громко и светло, я открыла глаза и увидела маму. То есть я еще не знала, конечно, что она так называется, но...

— Можешь не объяснять, — сказал я. — Ты просто поняла — это она. Хм... А чем она тебя кормила, пока ты не выросла?

— Маленькими зверьками. То есть сперва кусочками, потом... зайцы были и разные другие. Я не знаю названий. Хочешь, покажу? — загорелась

вдруг Кьярра.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... покажу, что я помню! Или, — снова сникла она, — люди не умеют видеть чужую память? Даже если им показывают?

— Может быть, чародеи умеют, не знаю, — осторожно произнес я. — Ты объясни, что имеешь в виду, я тебя не вполне понимаю.

— Это... это... — Кьярра замахала руками в воздухе и шумно выдохнула. — Не знаю слов! Просто... Ну как бы мама мне рассказала все, что знала сама?

— Как люди детей учат — показывают пальцем и говорят: это небо, это солнце, это собака...

— Но так слишком долго!

— Вам-то какая разница? Драконы любого человека переживут, — ухмыльнулся я.

— Да, только... Только надо сразу все показать. Потом объяснять. — Для доходчивости Кьярра постучала себя по кудрявой голове. — Вдруг родители не успеют сказать? Тогда придется самой разбираться... Это сложно, но когда совсем ничего не знаешь, еще хуже. Ты не понимаешь, Рок?

— Не вполне.

— Ну... Вот если бы ты был ребенком и остался один в лесу, ты бы выжил?

— Смотря в какое время года. Летом протянул бы сколько-то, зимой вряд ли. И от возраста зависит, — добавил я.

— Если совсем маленький? Ты бы не знал, что можно есть, чего нельзя, так?

— Наверно. Показывали, конечно, но всего не упомнишь. У нас и подростки ухитрялись травиться вороньей ягодой, и взрослые.

— Вот! Что ядовитое, что нет, где лучше спать, куда не надо ходить...

— Что нельзя сидеть на муравейнике и лезть в крапиву, я в первую очередь уразумел, — усмехнулся я.

— Но в лесу много другого. Даже не звери, а... Ямы. Болото. Змеи.

— Да, этого в один раз не запомнишь, — согласился я. — Да и родители могут позабыть сказать о чем-то. Им это кажется само собой разумеющимся, а ты-то впервые видишь... ну, скажем, осиное гнездо. Знаю историю про мальчишку, который принял его за диковинный фрукт и попытался сбить палкой.

— Он умер? — живо спросила Кьярра.

— Нет, он очень быстро бегал, а неподалеку как раз начиналось

болото. Не опасное, без трясины, просто заросшее озерцо. В нем и отлежался, хотя все равно от укусов распух поперек себя шире. И нет, это был не я.

— Вот я об этом и говорю! — торжественно произнесла она. — Тот мальчик не знал про осиные гнезда. Или слышал, но никогда их не видел. Думаешь, иначе стал бы бить его палкой?

— Я и не таких дураков встречал, — ответил я. — Но, по идее, не должен был.

— А у нас... — Кьярра прижмурилась. — Вот я вижу, но не знаю, что это такое, как называется. Но зато знаю — опасное, надо прятаться или убегать, по-разному. Или съедобное. Его можно подкараулить или догнать. Так понятно?

— Хочешь сказать, родители вкладывают вам знания прямо в память? Ну, хотя бы зрительные образы и их соответствие... ну, для простоты повторю — опасному или съедобному?

— Да! — Она так обрадовалась, что до меня наконец дошло, что едва не кинулась мне на шею. Спасибо, сдержалась: порыва ее эмоций я мог бы и не пережить. — И про людей тоже! Там сложнее, да. Что оружие, что нет. Как узнать чародея. Это вот сразу в голове! А все остальное — потом. Что каким словом называть... И как искать пути. Это... оно тоже есть в голове, но надо сперва провожать, чтобы стало понятно.

— Ты вела меня за руку, но я не понял, — протянул я, чувствуя, как холодеет внутри от предчувствия чего-то... Чего-то одновременно жуткого и прекрасного. — Может, это потому, что в моей голове не хватает картинки? И то, что я видел и чувствовал... м-м-м... его не с чем сравнить?

— Так я и говорю — надо тебе показать! — всплеснула руками Кьярра. — Словами я не смогу, я не знаю таких... А ты увидишь — и поймешь, ты же не маленький!

«Про таких, как я, говорят — вырос, а ума не вынес», — подумал я и кивнул.

Глава 18

Я все-таки не рискнул соваться на Багралор: теплой одежды с собой не было, да и проверить, что там с охранной системой, вот так, с бухты-барахты, не годилось. Мы, конечно, успеем удрать, но тревога-то поднимется, начнут искать одиночного дракона, ухитрившегося прорвать периметр... Нам это никак не на руку.

— Значит, моя пещера? — спросила Кьярра.

— Нет, давай для начала попробуем твои охотничьи угодья.

— Я уже наелась.

— Ничего, мы же для тренировки, а не добычи ради туда отправляемся. А соваться в горы в темноте мне не хочется, — признался я.

— Разве темно? — удивилась она.

Здесь солнце почти скрылось за кронами сосен, и, хотя настоящие сумерки еще не наступили, тени сделались длинными и густыми. В горах ночь вовсе спускается внезапно, и я не хотел проверять, сумею ли не переломать себе ноги на какой-нибудь осыпи.

— Не забывай, что в темноте я вижу хуже тебя, — напомнил я. — Хотя и лучше многих людей.

— Это потому, что ты...

— Я помню, — перебил я. — Но давай все же не станем тянуть время.

— И ты мне еще говоришь, что я нетерпеливая... — проворчала Кьярра. Правда, долго сердиться у нее не получалось, и она тут же продолжила: — Идем! Только ты смотри внимательно... А, и еще там ничего интересного сейчас нет. Рогатых я спугнула, они если только завтра вернуться.

— Что же их заставляет приходить в опасное место? Или они еще не сообразили, что кто-то на них нападает?

— Они не очень умные, — с чувством собственного превосходства ответила Кьярра. — Я нападаю сверху, а рогатые не могут смотреть на небо, у них так шея устроена. Они только замечают, что кого-то не стало. Если сильный ветер и я постараюсь не шуметь, то они разве что шарахнутся и снова пасутся. Но иногда не выходит тихо, и тогда стадо бежит. Ух, как они бегут, Рок! Вот бы ты увидел! Это как лавина в горах!

— Не хотел бы я оказаться на пути у такого стада, — искренне произнес я.

— Да, тебе не надо, тебя сразу затопчут, — согласилась она. — Даже

меня затопчут, если я буду сидеть на месте. Но зато когда они бегут, то вообще ничего не соображают, и я успеваю убить еще нескольких.

— А когда стадо промчится, подбираешь отбивные?

— Фу! Конечно, нет, — помотала головой Кьярра, и волосы ее встали дыбом, хотя ветер вел себя смирно. — Зачем мне потоптанные, в грязи и навозе? Я же не стервятник! Я ловлю рогатых с края и отбрасываю в сторону.

Судя по метнувшемуся взгляду, падалью она тоже не брезговала, когда не было другого выбора.

— Они не чуют крови, — добавила она, — и совсем не умеют думать подолгу. Поэтому скоро забывают, что испугались, и возвращаются. Тем более река рядом. Там водопой. Но на водопое я не охочусь.

— Я слышал, у зверей там действует что-то вроде перемирия, — припомнил я. — Вряд ли они именуют это такими словами, но суть не меняется. Это правда?

— Ну да. Я видела больших диких кошек — разных, с пятнами и полосками, с гривами и без, и каких-то зверей вроде волков, только рыжих, и вообще не знакомых, но зубастых... — припомнила Кьярра. — Они не трогают рогатых и разных мелких зверьков. Но только у воды. Если те не успеют убежать, пока кошки пьют, тогда все. А вот те, кто живет в реке, всех ловят. И рогатых, и хищников. Наверно, им-то без разницы — воды всегда хватает!

— Это только пока засуха не случится, — хмыкнул я.

— Река вся не пересохнет, — заверила она. — Она... почти как море! Я только с высоты вижу другой берег. А дальше еще много озер, и вода падает с уступа — так красиво! Много-много радуг! Только очень шумно, оглохнуть можно, такой грохот...

Я, сколько ни пытался, не мог припомнить безлюдной, но богатой живностью равнины, внезапно переходящей в уступы с водопадами, да еще с цепью озер. На это стоило взглянуть хотя бы издалека!

— Идем, — сказала Кьярра, явно уловив мою мысль. — А то ты до утра будешь спрашивать... Держись за меня сам. Смотри как следует. И не бойся — я же сказала, что ни за что тебя не брошу!

И что мне оставалось делать? Только положиться на ее слова...

На этот раз я разглядел — или мне показалось, что разглядел — поворот. Он возник сам собою, по желанию Кьярры, и случившиеся поблизости ветерки порскнули в разные стороны, испугавшись невесть откуда взявшегося сквозняка.

Я не зря снял перчатки — пальцы жгло, но теперь я мог с

уверенностью определить дорогу по этим искрам. В первый раз я не разглядел их, поскольку перепугался насмерть (буду уж честным сам с собой), а теперь, когда знал, что искать...

Тьма вовсе не была непроглядной, она напоминала ночное небо — на первый взгляд совершенно черное, но... Если присмотреться, то тебе откроется бездна, полная звезд. Яркие и тусклые, скрытые туманом, далекие и близкие — мириады их рассеяны в этой тьме, и если умеешь определять по ним путь, как это делают моряки и опытные путешественники, то не заплутаешь.

Другое дело, что это не спасает на скрытых дорогах: бывает, достаточно сделать шаг в сторону, чтобы увидеть совсем другие звезды (я порой готов был сказать — звезды иного мира, но все-таки не заходил так далеко в своих измышлениях).

Но здесь...

«Видишь?»

Я почувствовал Кьярру. Не услышал, именно почувствовал, и дело не в том, что ее пожатие сделалось крепче и она развернула меня в нужную сторону.

«Там столица. А там моя охота. Видишь?»

Я кивнул, потому что действительно различил, как искры слетаются... сплетаются в дорожку. Все равно как на праздники в городе люди с цветными фонариками стекаются отовсюду на главную улицу, и если наблюдать откуда-нибудь с крыши или с высоты птичьего полета, то различишь только эти огоньки, указывающие путь к центральной площади.

Дорожки были разные. Они отличались настолько же, насколько мои ветерки, давно прирученные, пускай и непослушные. Правда, с ветерками я был на «ты», а вот к искрам опасался потянуться, наученный горьким опытом...

Кьярра сделала это за меня. Я имею в виду, взяла меня за руку и заставила раскрыть ладонь.

«Не бойся. Тебе так надо, чтобы почувствовать. Я просто так вижу».

Она была права — я почувствовал... Что там мои приемы! Сейчас я не связку слабых ветерков держал — в горсти у меня была целая россыпь дорог, только выбирай! Мне казалось, будто они повторяют рисунок на ладони. Если бы еще я знал, куда именно они ведут...

Но ведь обычно чувствую? Значит, и здесь так же! И я нацелился на особенно красивую голубую искру-звезду, мерцавшую на кончике моего мизинца...

— Ты же не хотел на Багралор! — выпалила Кьярра мне в ухо, а я

потерял дар речи. Не от изумления, от холода — дыхание перехватило, такой тут задувал ледяной ветер.

— Я нечаянно... — просипел я в ответ.

— И дрова не взяли, — проворчала она и поволокла меня в пещеру. По-моему, ей не составило бы труда перекинуть меня через плечо и так тащить, словно добычу. И не важно, что голова моя стучалась бы о камни, такие мелочи Кьярру не беспокоили. — Ты странный, Рок! Говоришь одно, а делаешь другое... Как тебя поймешь?

— Если б я сам мог себя понять, то непременно сказал бы тебе — как, — откликнулся я.

В пещере хотя бы не так дуло, хотя холод все равно стоял зверский. Конечно, это по контрасту с другой местностью: на Багралоре сейчас не зима, зимой я бы тут сразу околел, — но впечатления все равно были сильнее некуда.

— Пойдем дальше? — предложила Кьярра. — Что тут делать?

— Да, и лучше куда-то, где тепло, — кивнул я, стараясь не выбивать зубами звонкую дробь.

— Ты почти попал куда нужно, но отвлекся, — сказала она. — Почему?

— Не знаю. Увидел красивую искру и потянулся за ней.

— А-а-а... — протянула Кьярра. — Так ты не видишь, что будет в конце пути?

Я покачал головой, потом пояснил:

— Когда путешествую сам, тогда вижу. А с твоим способом... увы. Может быть, нужна привычка, а может, это вообще не подвластно людям.

— Рок, ты не...

— Помню! — поднял я руки. — Будем считать, что малая толика драконьей крови в моих жилах позволяет мне различить твои тайные пути, но не более того. Нет, если я потренируюсь, то, как знать, вдруг научусь видеть, куда именно правлю?

Воцарилось молчание, нарушаемое только свистом ветра в расщелинах скал.

— Смотри подольше, — сказала наконец Кьярра. — Я поняла, что ты неправильно сделал. Увидел — и сразу туда. Так нельзя. Надо сперва смотреть, долго-долго. Ты не бойся — это для тебя так. Снаружи незаметно. Даже если кругом враги, они не успеют напасть.

— Куда смотреть-то? — уточнил я, запоминая сказанное.

— Туда... ну... какую дорогу выбрал, туда и смотри. Если не годится, тогда ищи другую. Те, которыми часто ходишь, не потеряешь, а если нужна

новая, тогда придется так, — немного путано пояснила она, но суть я уловил.

— Давай попробуем еще раз. Только сперва объясни, как вход-то увидеть? Я обычно иду... ну, как по нити. У тебя ведь не так?

— Нет, я просто... вошла и вошла, — пожалала она плечами. — Погоди, я вспомню. Ведь мама мне как-то объяснила...

— Ты говорила — сперва показала.

— Ну да! Оно все так... ну... вместе, что я путаю. Давай покажу? Я же предлагала!

— Только не здесь, иначе я себе что-нибудь отморожу, — попросил я. — Простыну — это уж как пить дать.

— Кому? — не поняла Кьярра, но я не стал отвечать.

Мне казалось, что на самом деле она улавливает смысл моих присказок, а спрашивает ради того, чтобы я подольше с ней поговорил. Это понятно: если не нужно для дела, я могу неделями не раскрывать рта, вот Кьярра и старалась вызвать меня на разговор. А мне, похоже, это нравилось, иначе я действительно стал бы выражаться так, чтобы меня даже баран понял, не то что дракон. Чего только не узнаешь о себе, взяв на попечение такую вот... Кьярру!

— Идем тогда к хижине, а там я тебе покажу, — решила она и снова схватила меня за локоть...

На этот раз ощущения оказались намного менее яркими, и поэтому я сумел сосредоточиться на главном — поиске дороги. И вроде бы даже разглядел нужную искру — золотисто-желтую, теплую, и другие слетелись со всех сторон, вымачивая дорожку, но...

«Неправильно! — одернула меня Кьярра. — Смотри вперед!»

Я так и делал, но ничего не мог рассмотреть. Наверно, правда картинки в голове не хватало.

Кьярра, видимо, решила так же, потому что выдернула меня в реальность — под высокие сосны, тени которых нисколько не сдвинулись за то время, что мы отсутствовали.

— Я думала, ты просто не желаешь видеть, — сказала она. — Но ты правда не можешь. Но и не хочешь тоже. Я же чувствую!

— Чего я не хочу? — не понял я. После Багралора в лесу было восхитительно тепло, даже жарко. Уверен, окупись я в ручей, счел бы его горячим!

— Увидеть. Ты боишься, — обличающе произнесла Кьярра. Еще бы руки в бока уперла для убедительности.

— Да, знаешь ли, опасаясь, — ответил я.

— Ты так до завтра будешь опасаться, — моим тоном сказала она и крепко схватила меня за предплечья, я даже отпрянуть не успел. — Смотри мне в глаза!

— Может, не надо? Я помню, чем это закончилось для Тродды...

— Ты — не она, — отчеканила Кьярра и легонько меня встряхнула.

Ну как — легонько... у меня зубы лязгнули. Вырваться из ее хватки я даже не мечтал: на руках словно раскаленные клещи сомкнулись. И что мне оставалось делать? Жмуриться, что ли?

— Надеюсь, я не забуду ничего важного, — мрачно сказал я перед тем, как посмотреть в золотистые глаза Кьярры...

...и рухнуть в раскаленную лаву. Я ее видел только издали и поспешил смыться как можно быстрее, не говоря уж о том, чтобы потрогать, но впечатление было именно таким. Ладно, сбавлю пафос, пускай это будет заводская металлоплавильная печь, ту я хотя бы вблизи наблюдал — когда-то давно мы с одним приятелем уничтожали в ней вещественные доказательства, а почему именно там, долго рассказывать.

Я мимолетно пожалел Тродду: если Кьярра устроила ей такое... хм... огненное очищение, понятно, почему чародейка вопила как резаная. Вряд ли с ней Кьярра была настолько же деликатна!

Впрочем, жар скоро отступил, осталось только тепло, а сквозь огонь начали проступать смутные образы. Сперва откуда-то с немыслимой высоты опустилась колоссальных размеров драконья морда — Кьярра была, наверно, в десять раз меньше! — ласководохнула на меня и снова вознеслась в неразличимые высоты. Такая же громадная лапа бережно подгрребла меня к бронированному боку, а сверху опустилось крыло, надежно защищая от сквозняков и мороза. Кьярра действовала точно так же, я помнил...

Тут я увидел крохотного дракончика (с собаку, наверно), неуклюже ковылявшего по каменному полу пещеры на несоразмерно больших лапах, в которых он постоянно путался. Хвост ему явно мешал, и он попытался откусить эту ненужную часть тела, только не вышло: во-первых, было нечем — воинственно разинутая пастишка оказалась беззубой, а во-вторых, догнать хвост не вышло. У такого малыша он был коротким, не то что у взрослого дракона.

Точка зрения снова сместилась, и надо мной воздвигся огромный дракон, принесший еду — много мягкого, пережеванного, наверно, а то и полупереваренного мяса.

До меня дошло наконец, что я вижу одновременно воспоминания самой Кьярры и ее матери, которыми та поделилась с дочерью. Если

честно, от этого кружилась голова, в особенности, когда видения накладывались одно на другое.

К слову, Кьярра не очень походила на мать. Та была серой масти со стальным отливом — то, что нужно для охоты в заснеженных горах. Да и на фоне неба такую не вдруг разглядишь... А еще она выглядела намного массивнее. Может, с возрастом и Кьярра такой сделается, но, если я хорошо ее разглядел, моя спутница все-таки больше напоминала боевого дракона, пусть и сильно уступала размерами, а мать ее никак не тянула на скоростную летунью. С другой стороны, она всяко была быстрее добычи, а соревноваться на время в диких горах ей не приходилось.

«Сейчас будет про охоту, потом про людей, — услышал я Кьярру. — Я не умею показывать сразу нужное. Не успела научиться».

«Я потерплю», — вздохнул я. А что мне, собственно, оставалось?

Не знаю, сколько минуло времени, но я обзавелся, вне всякого сомнения, интересными и редкими знаниями о нравах и быте диких драконов. Хотя не представляю, для чего они могли мне понадобиться, если бы только я не решил написать книге И вот наконец пришла пора тайных путей...

На меня обрушилась такая лавина информации, что я, кажется, на короткое время лишился сознания, а когда пришел в себя, Кьярра продолжала бомбардировать меня видениями. Теперь это были не виды пещеры или гор, а то самое полное звезд пространство. То одна, то другая искра наплывала на меня, и я мог различить, что творится там, за поворотом: человеческий город, башня чародеев, бесплодная равнина, открытое море, какие-то невероятные ледяные торосы, закрывающие небо, раскаленная пустыня, леса, совсем не похожие на здешние, с багряной осенней листвой...

«Ты же говорила, что можешь попасть только в то место, где уже была или которое видела! — вспомнил я. — Но здесь больше!»

«Я не знаю, что там, никогда не была, — после долгой паузы отозвалась Кьярра. — Только вижу картинки, а они могут обмануть. Смотри дальше — это важно. Как выбрать нужный путь».

А вот это уже было ближе к моим собственным похождениям: если знаешь, куда именно хочешь попасть, поймать нужный ветерок проще, чем вслепую перебирать десятки и сотни их. Нацелился на безлюдное место — вот тебе несколько, а дальше нужно только сужать и сужать выбор, пока не попадется именно то, что тебе нужно. Возможно, придется подождать, пока рассеется туман, но он тоже подчиняется неким законам, которые можно вычислить.

Идеального совпадения желаемого и возможного не получится, это само собой разумеется, но подобрать нечто, максимально похожее на задуманное, вполне реально. Хотя времени это отнимает...

Стоп. Кьярра ведь сказала, что в этом звездном «нигде» время идет иначе, снаружи никто ничего не заметит. Вот это, скажу я вам, серьезное преимущество!

А вход туда... Он был везде и нигде. Мои ветерки способны проникнуть в узилище, я смогу найти нужный, но выбраться не сумею — что толку от увиденного поворота, если ты в каменном мешке, а под ногами нет даже муравьиной тропки? Но тут дело обстояло иначе... Правда, если тебя прикуют к стене или обойдутся, как недавно с Кьяррой, толка тоже не выйдет. Хотя... Может, она не смогла исчезнуть из-под носа у чародеев только из-за колдовских печатей? Нужно уточнить!

У меня снова закружилась голова (не уверен правда, от радужных перспектив или от такого метода познания), когда я осознал, какое сокровище попало мне в руки, до чего волшебное и опасное знание...

Если военные действительно ни сном ни духом об этом, тогда они продадут весь свой ливер за возможность подобных маневров, доступных любому дракону. А если они уже в курсе, но хранят это в тайне, тогда любому, рискнувшему открыть секрет, сильно не поздоровится!

Однако я не собирался ни с кем делиться, я намерен был использовать эту возможность на всю катушку... Да, я забочусь прежде всего о себе. Можно подумать, это что-то плохое! Вот только слухи рано или поздно пойдут среди нашего же брата, провожатых... Нужно быть осторожнее, вот что.

«Рок, ты снова много думаешь, — вмешалась в мои мысли Кьярра. — И так сильно, что я не могу показывать».

«Извини, я в шоке, — сознался я. — Продолжай!»

«Там немного. Про меня не буду. Я смешная».

«Все дети смешные», — отозвался я, подумав, что многие при этом еще и противные.

«Сам ты противный!» — отреагировала Кьярра и в отместку наградила меня видом на Баграни с высоты драконьего полета.

Я и так-то недолюбливал высоту, хотя при острой жизненной необходимости мог прогуляться по крышам, но в тот момент понял, что я ее попросту боюсь. Правда, страх мой улетучился без следа, когда я осознал, что именно вижу.

Башня Совета выглядела сильно потрепанной, сияние угасло, с верхних этажей поднимался густой черный дым. Не представляю, что

могло так гореть, не книги же?

Небо затянула серебристая сеть, то и дело полыхающая смертоносными молниями: это колдовская защита пресекала попытки врага пробиться к Баграни. В море виднелось неисчислимое множество кораблей. В большинстве своем это были брандеры, которые один за другим отправлялись на штурм в бесплодных — пока! — попытках прорвать оборону.

Над ними кружили драконы. Я различил цвета противника: сами драконы прекрасно определяют принадлежность друг друга, но вот экипажам нужны яркие знаки, чтобы в чаду и дыму не выпалить по своим. Колдовскую метку можно и не различить в азарте сражения, а дракон выполнит приказ, даже если ему велят палить по союзнику... Словом, только в рейды драконы вылетают без опознавательных знаков, а вот в такой собачьей свалке они необходимы — по большей части людям.

У этих драконов крылья были раскрашены алым, стало быть, принадлежали они противнику. С другой стороны заходило несколько истребителей — они меньше и легче огнемечиков, но намного быстрее и маневреннее, и работают не по наземным целям, а по своим сородичам. У этих на крыльях сияли белые и золотые полосы — значит, явились королевские войска.

Мать Кьярры парила над всем этим безобразием, на такой высоте, что корабли казались не больше спичечного коробка, а драконы напоминали мух. Однако зрение у них преотменное, и при желании она могла рассмотреть любую деталь, а не только окинуть взглядом панораму сражения.

Прирученные драконы редко поднимаются настолько высоко. Разве что истребители, если устраивают атаку на противника сверху, но и то — это длится считанные не минуты даже, секунды. Остальным нечего делать выше облаков. Вернее, им-то, может, и удобнее было бы летать повыше, но люди плохо это переносят. И если нескольких членов экипажа еще можно натренировать и защитить колдовством, то как быть с пассажирами? Всех накрывать чарами — этак билет на транспортник сделается не просто дорогим, бесценным!

Но мать Кьярры не волновали такие проблемы: она скользила в воздушных потоках, оставаясь точно над местом сражения. Возможно, ей было интересно, кто победит, а может, просто нечем оказалось заняться, и она наблюдала за битвой лишь от скуки... Эмоций воспоминания не передавали, а жаль, это было бы интересно.

Так или иначе, взор ее перемещался с одной стычки на другую, и

вскоре я уловил, что интересуется ее королевский флагман (не помню, как это называется в драконьих войсках, поэтому пускай именуется, как на флоте) — большой штурмовик, вокруг которого группировались бойцы пониже рангом и послабее. Вот он качнул крыльями, явно передавая приказ подчиненным, — сверкнуло золото на крыльях, — а дальше...

Дальше началось такое, что мать Кьярры взмыла еще выше, словно испугавшись — волны огня смогут достичь поднебесья.

Колдовская защита Баграни трещала по всем швам: все-таки она не была рассчитана на слаженную атаку десятков драконов, а именно ее и предпринял противник. Очевидно, флагман заметил это и принял меры: на пути врага стеной встали королевские драконы.

Каково было людям в этом пекле, я даже представлять не желал. Более того, подозревал, что большинство погибло в самом начале этой битвы, а драконы сражались, подчиняясь ранее полученным приказам. Скорее всего, так и было: меньше всего свалка далеко внизу напоминала слаженные атаки и ретирады, так любимые военными теоретиками. Там шла драка стенка на стенку, все кругом пылало, и, право, ни один человек, будь он даже гениальным полководцем, не смог бы раздавать приказы с такой скоростью, с какой менялась ситуация на поле боя.

А вот королевский флагман — мог. Он поднялся над схваткой, уже без своей свиты, и оттуда подавал сигналы подчиненным. Мало кто осмеливался приблизиться к нему, а если дракон противника по небрежности оказывался слишком близко... Огнемёт у штурмовика мощный, и до беспокойных серых волн долетали лишь пылающие останки, иногда разрозненные. Один на один его было не взять, а собрать группу нужного размера, чтобы единым махом обезвредить чужого командующего, противник никак не мог.

Я помнил: это было основным принципом осады Баграни — измотать комариными укусами, затем нанести мощный удар точно в цель. Вот только королевский флагман тоже прекрасно знал об этом и не позволял вражеским силам собраться воедино для этого самого удара. На поле боя царил сумятица — на мой сугубо гражданский взгляд, но и то я мог заметить, как королевские драконы разбивают чужие штурмовые группы, рассеивают крылья истребителей, вовлекают их в бесконечный хоровод, от которого отбивают и приканчивают противников по одному...

Теперь я понимал, почему битва при Баграни длилась трое суток: драконы невероятно выносливы, и тут речь шла о том, кто кого изматает. Только силы противника давно уже осаждали остров, а вот королевские войска явились совсем свежими. К слову, а как это они ухитрились

появиться так быстро? Если вспомнить даты, то получается, что между просьбой Совета чародеев о помощи и прибытием драконов прошло всего ничего.

Учитывая, сколько нужно времени на согласование операции, на все эти неизбежные бюрократические процедуры, получается, что вылетели они... гм... вчера, как говорится. Даже если считать, что шаг чародеев, продиктованный отчаянием, можно было спрогнозировать, план подготовили заранее, а командование только и ждало отмашки, все равно не сходилась...

Слишком близко драконы базироваться не могли: негде там, ни одной приличной базы поблизости, да и противник заметил бы. Уж не задействовали ли в тот раз способность драконов перемещаться тайными путями? Ради того, чтобы прижать чародеев, наверно, можно было пойти на это... Но кто привел всю эту крылатую армаду? Не важно, кем бы он ни был, полагаю, он не выжил в этом бою: такие тайны должны оставаться тайнами.

Море, красное от крови, кипело, как и было написано в хрониках, а небо заволкло черным дымом. Мать Кьярры, однако, упрямо высматривала королевского флагмана. Наверно, понравился — роскошный ведь самец!

И недаром она это делала. Да, штурмовики отлично бронированы и вооружены, но вот от тарана даже они не всегда способны увернуться. Вернее, флагман успел пропустить мимо себя одного самоубийцу, но от второго, ударившего снизу в слабо защищенное брюхо, уклониться не успел. Попытался отшвырнуть его, но тот, не щадя жизни (да что там оставалось той жизни!), вцепился в противника зубами и когтями, обхватил крыльями, не обращая внимания на то, что перепонки превратились в лоскуты...

Это тоже был штурмовик, и ему хватило сил для того, чтобы не дать флагману вырваться, и тяжести — чтобы увлечь его за собой вниз. Веса двух взрослых драконов крылья флагмана, тоже изорванные противником, выдержать не могли, и драконы, сплетенные в смертельном объятии (я ничего не мог с собой поделать, только это мелодраматичное сравнение и пришло на ум), рухнули в море.

Однако в командовании не дураки сидят, они не могли не понимать, что крупный, яркий флагман станет отличной целью для врага. И в то же время сумеет удерживать позиции достаточно долго, чтобы ход битвы уже нельзя было переломить!

Я догадался верно: на место упавшего дракона взмыл другой, намного

меньше размером — теперь он отдавал команды. Не знаю даже, кто это мог быть — адъютант? Или просто кто-то из молодых драконьих офицеров (если у них есть такие звания), участвовавший в операции?

К сожалению, досмотреть сражение мне не удалось: мать Кьярры, сложив крылья, камнем упала вниз, прямо сквозь гущу схватки.

«Не знал, что драконы умеют плавать», — невольно подумал я, когда она почти без всплеска вошла в воду, и все кругом сделалось серым — так выглядит мир сквозь закопченное стекло.

«Почему нет-то? — удивилась Кьярра. — Лапы есть — гребни да гребни себе... А нырять мне не нравится. Ил и трава всякая в чешую набивается. Но это в озере, на море я не пробовала...»

Те двое шли ко дну: медленно, потому что флагман раскинул крылья, и это худо-бедно увеличило плавучесть, но верно — вражеский самоубийца не разжимал когтей. Это и не потребовалось — мать Кьярры поднырнула снизу и перервала ему глотку. Хватка немного ослабла, и тогда уж она отцепила лапы мертвого дракона от флагмана и толкнула того вверх.

Я не заметил, сделала ли она хоть какой-то знак или же дракон понял ее без слов, но на поверхность мать Кьярры вынесла на своей спине человека. Пожалуй, опущу подробности того, как его рвало морской водой — успел наглотаться, как он свалился, не удержавшись за гребень спасительницы, — похоже, сломал руку. Главное, мать Кьярры подхватила его. Как не задавила, вот вопрос! Взмахнула крыльями раз, другой, как большая птица вроде гуся, готовящаяся к полету, и почти так же взяла разбег по воде и свечой взмыла в небо. Она счастливо миновала сражающихся, обогнула Багралор по широкой дуге и влетела в свое жилище с той стороны, которая не видна была с моря.

А вот дальше картинка сделалась смазанной, нечеткой, словно рисунок чернилами на размокшей бумаге.

«Мама не показывала мне, что было потом, — виновато сообщила Кьярра. — Наверно, потому... Ну, ты понимаешь. Вот все, что есть...»

И я увидел израненного мужчину — мать Кьярры уже в человеческом облике укладывала его на импровизированное ложе из сухой травы, каких-то шкур (сомневаюсь, что выделанных) и, кажется, потрепанного паруса. Рваный мундир — действительно, темно-сизый, с белым кантом, и те самые металлические «висюльки» на груди. Я всмотрелся изо всех сил, насколько позволяло чужое воспоминание — Кьярра придержала это изображение, насколько смогла, — и различил...

«Да быть того не может!» — вырвалось у меня.

«Чего?» — не поняла она.

«Медаль за доблесть, такие давали только выжившим при Одерике... а это было за полвека до Баграни!»

«Он же дракон», — напомнила Кьярра.

«Помню!» — отозвался я.

Да, я помнил, кто он такой — о человеческом происхождении ее отца теперь говорить не приходилось, та версия отвалилась, как несостоятельная. Однако увиденное никак не могло уложиться в голове. Человеческие награды и дракон? Да кто он такой-то? Судя по нашивкам — важный чин, и неудивительно, что именно ему доверили возглавить оборону Баграни (и пожертвовать собой, да), но все же, все же...

Я взгляделся в другие награды, но не сумел рассмотреть их как следует: картинка совсем расплылась. Однако лицо этого мужчины увидел.

И будь я проклят, если оно не встречалось мне совсем недавно на первой полосе столичной газеты...

Глава 19

Я пришел в себя, когда на меня обрушился ледяной водопад.

— С ума сошла?! — спросил я, отфыркавшись, и Кьярра смущенно спрятала за спину ведро.

— Я слышала, людей надо поливать холодной водой, если они без сознания, — сообщила она.

— Не так же... — начал я, но осекся. — Хотя не важно. Главное, подействовало. Только где ты такую взяла? И почему она соленая?

Кьярра только вздохнула, поражаясь моей недогадливости: ясно же, метнулась на Багралор, зачерпнула из моря!

— Я подумала, в ручье и в бочках вода теплая, — подтвердила она мою догадку. — Поэтому быстро слетала туда-обратно. Никто не видел, Рок! Я на скале у острова появилась — и сразу обратно.

— На скале. У острова... Погоди, ты Баграни имеешь в виду?

— Других там нет, — ответила Кьярра. — Возле него холодное течение, мама говорила. У берега вода теплее.

— Ага... Ну что ж, будем надеяться, тебя и вправду не засекли, — пробормотал я.

— В скалах тени. А башня светится, — понятно объяснила она. — И нет никого. Холодно и дождь, люди попрятались.

— Да уж, паршивое в этом году лето... Ладно, довольно об этом.

Я стащил мокрую насквозь рубашку и тщательно выжал. На меня немедленно накинудись комары, и я скомандовал:

— Давай-ка в дом! Но сперва, раз уж ты все равно с ведром, принеси воды из ручья — ужин будем готовить. И добычу свою волоки!

И нет, мне ничуть не было стыдно заставлять девушку работать. Во-первых, она не девушка, а дракон, во-вторых, в разы сильнее и выносливее меня, а в-третьих, мне нужна была пара минут на то, чтобы собраться с мыслями.

Жаль, нельзя сделать отпечаток с образа в голове! То есть чародеи, конечно, на такое способны: я слышал, есть какой-то метод просмотра воспоминаний. Не как у Кьярры, один на один, нет. Там картинку выводят то ли в зеркало, то ли на поверхность воды, главное — увидеть ее могут многие. Еще ее можно сохранить и повторить нужное число раз, чтобы рассмотреть подробности. Нужно ли уточнять, что используется этот прием в основном для допросов?

Однако чародея с потребной для дела техникой поблизости не было, да и не позволил бы я ковыряться у себя в голове. Приходилось полагаться только на собственную память...

— Рок, а почему ты вдруг обмер? — отвлекла меня от размышлений Кьярра, как обычно, подкравшись незаметно.

— Наверно, ваш способ обмена воспоминаниями для людей не очень-то подходит. Помню, что я, по-твоему, не человек! — предвосхитил я ее реплику. — Был бы чистокровным человеком, может, вообще не пережил бы такого насилия над разумом.

— Я же осторожно, — обиделась она и поставила ведро, расплескав воду.

В другой руке у нее был изрядный кусок мяса (размером с половину самой Кьярры), аппетитный даже на вид. Честное слово, впервые за долгое время я ощутил голод. А когда я голодный, лучше, чтобы под рукой оказалось побольше съестного... Словом, мне опять повезло! Этак я переименуюсь и стану зваться Везунчиком Санди!

— Я не был к этому готов, — дипломатично ответил я, выбирая нож поострее.

— Но теперь-то ты можешь видеть дороги, как я? — допытывалась Кьярра.

— Еще не проверял.

— Так проверь!

— Кьярра, — сказал я, обернувшись к ней с руками по локоть в крови, — я жрать хочу. Дороги никуда не убегут, ясно?

— Так бы сразу и сказал, — проворчала она и принялась с грохотом укладывать поленья в очаг. — А то откуда я знаю? На тебе не нарисовано, что ты голодный!

В очаге с ревом взметнулось пламя, хотя я видел — ни спичек, ни кремня с кресалом у Кьярры в руках не было, да и растопкой она себя не утруждала. И, тем не менее, поленья занялись в один миг.

— Как ты это?..

— Что? — Она недоуменно взглянула на меня, потом на очаг. — А! Это же просто! Наверняка ты тоже сможешь!

— Может, во мне и есть капля драконьей крови, и я научусь ходить твоими тайными путями, но зажигать взглядом огонь точно не сумею.

— Откуда ты знаешь? Ты же не пробовал!

Вот и разговаривай с ней...

— Ты что-то рассмотрел, — не унималась Кьярра. — В самом конце. Я почувствовала, Рок.

— Медаль, — напомнил я. — Я ведь сказал. Или подумал, не важно.

— Это я помню. Но было еще что-то. Может, ты где-то видел моего отца? — с редкой прозорливостью поинтересовалась она. — Если он был военный, да еще герой... Я же правильно поняла? Такие медали давали героям?

— Вроде того. Выжившим, — уточнил я. — При Одерике уцелело всего шесть драконов из дюжины, про людей и говорить нечего.

— А что там случилось?

— Примерно то же, что при Баграни, только без участия чародеев. Если вкратце: Одерик — это очень богатая дальняя колония. Лакомый кусочек. Тот берег открыли почти одновременно и королевские исследователи, и вражеские, и долго спорили, кому принадлежит честь первооткрывателя.

— И поссорились?

— Сперва уладили дело миром, насколько я помню, договорились использовать и заселять Одерик вместе... Ну как вместе — поделили условно пополам и какое-то время уживались. Потом пошло-поехало: то наши колонисты у чужих что-то увели, то те у наших. Слово за слово — и понеслось, то и дело учиняли резню... — Я перевел дыхание и завершил: — Закончилось все тем, что обе стороны прислали войска, чтобы окончательно решить вопрос о принадлежности архипелага.

— И кому он достался? — с любопытством спросила Кьярра.

— Никому, — ответил я.

— Я не поняла, — после паузы произнесла она. — А за что тогда медаль?

— Сказал же — за отвагу. Дело в том, что архипелаг Одерик — вулканический. Знаешь, что такое вулкан?

— Огненная гора, — уверенно ответила Кьярра. — Мама говорила. Как же там люди жили?

— Хорошо жили. Большой вулкан попыхивал потихоньку, но извергаться и не думал, так, иногда пеплом плевался. На мелкие вообще можно было внимания не обращать. Горячая вода из-под земли опять же... Росло там все, говорят, как заколдованное. Семечко уронил — на завтра куст с человека высотой вырос и успел зацвести... Это преувеличение, конечно, но что урожаи снимали невиданные, по два-три за сезон — факт. А когда начался конфликт...

— Я угадаю, — сказала она. — Вулкан проснулся!

— В точку. Причем неизвестно, сам по себе или ему помогли. Писали, так-то он еще сто лет мог пыхтеть вхолостую, а то и вовсе бы потух, но...

— Разве можно укротить огненную гору?

— Чародеям, думаю, под силу... Или драконов задействовали: если вам расплавленный металл нипочем, может, и лава тоже вроде теплой ванны?

— Но зачем? — поразилась Кьярра, не обратив внимания на мои слова. — Как там потом жить?

— А никак. Во всяком случае, в ближайшие пару десятков лет. Но у людей, знаешь ли, есть такое мерзкое обыкновение... — Я помолчал, подбирая подходящие слова. — Ни нашим, ни вашим. Или, как вариант, «не доставайся же ты никому».

— То есть кто-то решил, что пускай лучше колония совсем пропадет, чем ее получит другой? — уточнила она.

— Ага. Нет, вполне возможно, что это просто совпадение и вулкан сам выбрал именно этот момент, чтобы начать извергаться, но... как-то слабо в это верится.

— Как же люди?

— Погибших было очень много, — помолчав, ответил я. — Туча раскаленного пепла, не видно ни зги, загорелись леса... потом пошла лава, а рядом ведь море. Сама представляешь, что случилось?

Кьярра помотала головой, и я подумал: вряд ли она знает, что такое лава.

— Если налить расплавленный металл в воду, что будет?

— Он застынет.

— А перед тем?

— Пар пойдет, — ответила Кьярра, подумала и добавила: — Вот ты о чем... Лава все текла и текла. Застывала, и снова... И вода, наверно, закипела, а сколько было пара... И еще пепел!

— Столб дыма... или пара, не важно, видно было за несколько морских переходов, — сказал я. — А по ночам — и само извержение.

— И что, сражение продолжалось? В таком вот... — Она не сумела найти подходящего слова, но физиономию скорчила более чем выразительную. — Люди странные!

— Да какое уж там сражение, ноги бы унести, — усмехнулся я, не отрываясь от стряпни. Еще немного, и я сам начну уплетать сырое мясо... Дичаю, не иначе. — Но кое-кто остался. И спасал колонистов из самого пекла, причем не разбирая, кто там свой, а кто чужой.

— О-о-о... — протянула Кьярра. — Тогда понятно, за что медаль. А те драконы, которые погибли...

— Они раньше погибли, в сражении, — пояснил я. — Остальным тоже

досталось, но, повторяю, по сравнению с человеческими жертвами это ерунда.

— А враги? Тоже помогали спасать?

— Да. Вроде был приказ отступить, когда стало ясно, что Одерик обречен, но драконы взбунтовались. Вернее, не сами, — поправился я, — они не могли. Их командиры, конечно же.

«Ой ли? — мелькнула мысль. — Этот конкретный орденосный дракон, похоже, прекрасно обходится без человеческих приказов. И еще неизвестно, кто кем командует... Чужло мое сердце, не нужно соваться в эту историю! И ведь еще не поздно отступить, но нет! Лезешь на рожон...»

— Одерик с тех пор — безжизненная груда камней, — завершил я рассказ. — Но, говорят, вулканический пепел — отличное удобрение, так что рано или поздно архипелаг снова зацветет. А пока что он числится спорной территорией, и о нем стараются лишний раз не вспоминать.

— Еще бы, — произнесла Кьярра, и с изрядной долей презрения в голосе. — Люди своих бросили, а драконы спасали. О таком вспоминать стыдно.

— Ты слишком хорошо думаешь о политиках. Они и слова-то такого не знают — стыд. А совесть им вообще ампутируют при вступлении на должность.

— Правда? — поразила она. — А как? Это чародеи делают? А это больно?

От необходимости отвечать меня избавило то, что первый кусок мяса наконец-то поджарился и я смог запустить в него зубы. И это было, чтоб мне провалиться, прекрасно! А ведь прежде я мясо с кровью недолюбливал... Точно, от Кьярры заразился вкусовыми пристрастиями.

— Ты прямо как я, — довольно сказала она, снова подслушав мои мысли, и последовала моему примеру.

Какое-то время мы сосредоточенно жевали, потом Кьярра спросила:

— Если мой отец — герой, его легче найти, правда?

— Конечно. В бою при Баграни участвовали десятки драконов, всех перебирать — жизни не хватит. Но когда уже знаешь, что он отличился при Одерике, а при Баграни командовал королевскими войсками... с него командовали, я имею в виду, — оговорился я, — тут все становится намного проще. Только, убей, не знаю, что мы будем делать с этим знанием.

— Не понимаю...

— Сама подумай: вот узнаем мы имя этого дракона. Возможно, даже удастся выяснить, где он теперь служит, если жив еще. — О газете я пока

говорить не хотел, сперва нужно было удостовериться, что зрительная память меня не подвела. — Что дальше? Придешь на драконодром — если я смогу договориться, чтобы нас пропустили, — или дождешься этого героя где-нибудь в пивной и скажешь: «Здравствуй, я твоя дочь?»

Судя по выражению лица Кьярры, она об этом не задумывалась.

— Он не поверит? — спросила она наконец.

— Сразу — нет, конечно. Если ты расскажешь о матери... а он станет слушать, тогда, возможно, сделает подобное допущение. Что потом? Ты останешься на драконодроме, если он предложит пристроить тебя хоть кем-то? Ну, как я говорил раньше — курсантов обучать или что-то в этом роде...

— Я же сказала, что не смогу жить с людьми.

— А куда ты денешься, если на свободу тебя не выпустят?

— Почему?!

— Потому что ты слишком много знаешь, — ответил я. — Об этих вот тайных путях, ходить которыми под силу любому дракону. Только они почему-то этого не делают. Или делают втайне от всех. И кому-то, похоже, очень хочется сделать эту тайну достоянием гласности. Или просто обучить тех, кто не различает этих дорог...

— Меня для этого поймали? — подумав, спросила Кьярра.

— Очень может быть. Никогда не угадаешь, на кого работает чародей. Вероятно, тебя должны были отвезти на границу и передать нашим так называемым союзникам, но...

Я осекся.

— Рок? — нахмурилась она. — Не молчи, говори! Я почти все понимаю, правда!

— Погоди, я сам запутался.

— Распутывайся скорее, — сказала она. — А я еще мяса пожарю. Я поняла, как ты это делаешь, чтобы не сгорело.

— Угу...

Если вспомнить, где расположено поместье, в которое мне следовало сопроводить ценный живой груз, то становится очевидно — именно к переправке за границу Кьярру и готовили. Это совсем рядом. Не то чтобы рукой подать, но дня три пути самое большее, даже без провожатого. А я подозреваю, что если бы у нас с чародеями все пошло гладко да ладно, меня бы уговорили довести обоз до конечной точки. И, вполне вероятно, снова сделали предложение, от которого я не смог бы отказаться: или лишение памяти, или... заклятие, или пуля в голову, без разницы. Когда идет игра такого масштаба, вряд ли кто-то вспомнит о старом поверье —

убивать провожатых нельзя...

Тогда получается, что изловивший Кьярру чародей был или королевским, или работал на Совет. А вот ушлая парочка подсуетилась вовремя... Впрочем, утечку информации никто не отменял. Далее понятно: Кьярру старались поскорее доставить ко второму заказчику.

Тродду обожгло колдовское пламя: уж не представитель ли клиента постарался, узнав, что они с Сарго провалили задание? А сам Сарго как уцелел? Сумел оправдаться или вовремя улепетнул? Зачем тогда Веговеру писал? Это же лишний след!

И кто теперь охотится за мной? Нет, если я считаюсь погибшим — это просто замечательно, в натуральном своем виде я показываться не намерен, но... Чародей может почуять провожатого. Кьярру — тем более. Пока мы в людных местах, я стану шарахаться даже от безобидных лекарей или там заклинателей дверей — они ведь могут быть информаторами!

Признаюсь, в мыслях у меня царил страшный сумбур, из которого я смог вывести только одно: раз в деле замешаны иностранные агенты, то надо или исчезать с концами и никогда не возвращаться в окрестности столицы, или...

Или искать отца Кьярры и сдаваться ему. Раз он настолько важная шишка, то сумеет ее защитить. Во всяком случае, мне хотелось на это надеяться.

Куда еще ей деваться? Искать дикое безлюдное место и жить там до скончания дней своих (а это очень и очень долго)? Положим, вполне возможный вариант, только я был уверен — одиночество и любопытство очень скоро толкнет Кьярру к людям. Пускай она уверяет, что не сможет жить с ними бок о бок, но кто, спрашивается, дружил со стариками-козопасами? И кто ходит за мной хвостом, выпрашивая все больше и больше об этих странных двуногих?

Я не смогу опекать ее вечно. Даже если бы захотел взять на себя такую ношу, все равно не выйдет. По человеческим меркам мне уже немало лет, и я не представляю, сколько еще проскриплю. А ответственность за Кьярру я чувствую, чтоб ей провалиться... Спас на свою голову! Впрочем, кто еще кого спас... Счет явно был не в мою пользу, а такие долги нужно отдавать, иначе не будет мне покоя.

Примерно это, только в упрощенной форме, я изложил Кьярре. Конечно, не стал упоминать о том, что отец ее вполне может ловить на дочь шпионов противника, как на живца, использовать в качестве подсадной утки и так далее, на что фантазии хватит. Зачем пугать прежде времени?

Она надолго замолчала, забыв даже об истекающем соком ломте

жаркого в руке (пришлось избавить ее от этой обузы), потом сказала:

— По-другому, значит, не получится? Только жить с людьми и никак иначе?

— Я бы с удовольствием нашел для тебя укромный уголок, — сказал я, — и оставил там, если был бы уверен, что никто не отыщет. И что ты сама не сунешься к людям. А ты не утерпишь, верно?

Кьярра молча кивнула.

— Знаешь, Рок, — сказала она, не поднимая головы. — Я привыкла жить одна. Ну, мне казалось, что привыкла. После того, как мама улетела насовсем... Но оказалось — нет. Иначе я не стала бы прилетать к старым людям. Они были такие забавные — сперва боялись, а потом стали мной командовать...

— Люди все такие, — невольно усмехнулся я.

— Точно. Ты тоже командуешь, как они.

— Будет тебе! Всего-то попросил принести воды, а ты... Мало я сам ее натаскался!

— Рок, ты опять говоришь лишнее, — заметила Кьярра. — Я же не сказала — ты плохой, потому что велел мне сделать то и это. Я сказала — ты как все люди.

Я не удержался и напомнил:

— Я же не человек.

Выражение ее лица было достойно запечатления. Правда, мне стало неловко: не много доблести в том, чтобы запутывать игрой слов неопытную девушку. Впрочем, она тут же выбралась из ловушки:

— Вырос с людьми, значит — как они. Жил бы с драконами, был бы другой. Я не права?

— Понятия не имею. Я никогда не жил с драконами.

— А как же я?

— С тобой мы знакомы без году неделя и в основном скитаемся. Это совсем не то же самое, что постоянно обитать бок о бок. За несколько дней друг друга толком не узнаешь.

— Почему? — удивилась Кьярра. — Я уже много о тебе поняла.

— Например?

— Что ты добрый, только притворяешься злым, я говорила, — начала она отгибать пальцы. — Про твою голову и руки знаю. И про перчатки. Почему ты не любишь чародеев. Как ищешь тайные дороги... Еще ты делаешь вкусную еду, хотя сам ешь редко. Очень много знаешь. Долго думаешь, путано. Но рассказываешь хорошо, понятно. Ну, когда хочешь, чтобы я поняла. Любишь золото.

— Это ты откуда взяла? — удивился я.

— Видно, — пожалала она плечами. — Как ты считаешь деньги, как думаешь, сколько кому платить. Ты не жадный, но лишнего ни за что не дашь. Если только за что-то очень-очень важное. Драконы такие.

Я хотел спросить, чем при случае может расплатиться она: ракушками с берега Баграни или парой рогатых туш пожирнее, но промолчал.

— Ты любопытный, совсем как я, — сказала вдруг Кьярра. — Но осторожный, как моя мама, и никому не веришь. Я так не умею. Я или чувю, или нет, а думать, кто плохой, кто хороший, не выходит. Не знаю, как ты это делаешь.

— Опыт, — сказал я. — Знаешь, сколько я всего за свою жизнь навидался?

— Сколько?

— Тебе и не снилось. Я старше Веговера, а ты его помнишь — он уже старик. Для человека — не чародея, конечно, — это много. А ты, наверно, еще подросток. Причем подросток из глухомани, где посмотреть-то не на что.

— Почему не на что? Горы красивые. Море. Небо ночью — как тайная дорога, только до тех звезд нельзя добраться. Я пробовала, когда была маленькой, — смущенно призналась она, — но не получилось. Ничего не разглядеть. Наверно, они слишком далеко. А так хотелось посмотреть, что там... Вдруг драконы? Свободные?

— Я не о природе говорю, — сказал я. — А о том, что рядом с тобой никого не было с тех самых пор, как твоя мать пропала. И ты не знаешь, как общаться... ну да, с людьми. Может, с другими драконами проще будет, а?

— Или наоборот, — задумчиво ответила Кьярра. — Я же для них буду... дикая. Странная. Неправильная. Ну как для Бет. Они будут жалеть... наверно. Учить. Но своей я не стану. А отцу будет стыдно, что у него такая дочь.

— Ну это уж ты загнула...

— Разве нет? — взглянула она на меня. — Мама гордилась, что я сильная и смелая. Умею все, что нужно дикому дракону. А он не будет, он не дикий. Если бы я умела сражаться...

— Дурное дело нехитрое.

— Еще какое хитрое. Ты видел бой. Я бы там от страха умерла! — горячо произнесла Кьярра. — Ни за что бы не смогла так спокойно, так...

— Твоя мать ведь сумела, — напомнил я, чем заставил ее умолкнуть еще на несколько минут. Хоть кусок спокойно прожевал...

— Мама долго охотилась за разными зверями. Дольше, чем я живу,

вдвое или втрое, — сказала наконец Кьярра. — Вот и научилась.

— И ты научишься, если будет нужно.

Признаюсь, я уже устал от этого диалога, но... Нужно было как-то убедить Кьярру принять решение. Конечно, она хозяйка своему слову: захочет — даст, передумает — возьмет обратно... Однако без ее принципиального согласия я действовать не желал.

— Вот если бы я жила одна, а ты хоть иногда... — начала она, но я решительно перебил:

— Нет, Кьярра, так не выйдет.

— Почему? Ты теперь умеешь ходить нашими дорогами!

— Наверно, я еще не пробовал. Только не забывай, что... — Тут я взялся за голову, стараясь подобрать нужные слова, вспомнил, что руки у меня перепачканы, выругался про себя и продолжил: — Я провожатый. Нас не убивают... обычно. Но на дороге всегда много опасностей. Я могу пообещать тебе, что угодно, но не все зависит от меня. Проще простого подцепить какую-нибудь болезнь, отравиться, угодить под поезд... Кто-то не увидит моей нашивки и сунет мне нож под ребро, чтобы обобрать карманы, наконец! Потом испугается, конечно, что убил провожатого, но мне от этого легче не станет.

— Какой нашивки? — не поняла Кьярра.

— Белая с красным пятном, — ответил я. — Я почти всегда ее ношу. Ну, когда работаю и не маскируюсь под другого человека.

— Почему?

— Это отличительный знак провожатых.

— Я поняла. Почему такой?

— По-разному рассказывают. Мне больше всего нравится версия, по которой самый первый провожатый был охотником и очень долго не мог добыть особенного зверя: тот ускользал буквально из-под носа, даже из ловушек и капканов умудрялся уйти. Все, что удавалось найти, — клочок шерсти, а следы зверь путал так хитро, что лучшие собаки его не брали. — Я перевел дыхание и продолжил: — Но этот охотник был упрям...

— Упрямее тебя? — спросила Кьярра без тени улыбки.

— Намного. Он уйму всего перепробовал, и наконец одна из сложных ловушек сработала — зверь был ранен, но все-таки ушел. Охотник пошел по следам крови на снегу, в азарте погони забрел в невообразимые дебри, а когда очнулся, то понял, что оказался в неведомых местах.

— Как же он обратно выбрался?

— По тем же кровавым следам — на его счастье, их не замело. Особенного зверя он не добыл, зато понял, как тот прятался, и сам

выучился находить тайные пути. Это легенда, конечно, — завершил я. — Но знак у нас именно такой. Кровь на снегу.

— Понятно... — сказала Кьярра и умолкла.

— Заночуем здесь, — сказал я. — А завтра вернемся в столицу, и я продолжу поиски уже целенаправленно. Вот ведь... связи на драконодроме у меня есть, но только как у Рока Сандеррина, а не какого-то Лаона Рокседди!

— А бумаги Бет? Не помогут? — немного оживилась она.

— Вряд ли. Там свои порядки. Возможно, придется рискнуть и снять маскировку... Посмотрим! Что толку гадать? Ложись лучше спать, довольно разговоров на сегодня.

— Это ты ложись, — ответила Кьярра, обняла колени руками и уставилась в огонь. — Я буду думать. Это сложно, но я стараюсь, Рок. Нужно ведь понять, чего я хочу? И как будет лучше?

— Конечно, — сказал я и устроился на своей лежанке.

Не спал, конечно, так, задремывал время от времени. И, открывая глаза, видел профиль Кьярры, подсвеченный рдеющими в очаге углями, — она пересыпала их в ладонях и пропускала меж пальцами, как драгоценные безделушки. Странное дело, меня уже не передергивало от этого зрелища. Все-таки человек привыкает к чему угодно...

Глава 20

Наутро Кьярра по-прежнему хранила молчание. Я же, выйдя из дома, обнаружил, что окружающий пейзаж порядком изменился за ночь. До такой степени, что я все-таки сунул голову в бочку с водой, чтобы прогнать наваждение. Не помогло. Оставалось признать, что я действительно вижу то, что вижу...

За большой сосной начиналась неведомая тропинка, которой еще вчера там не было, и вела она на залитую солнцем равнину. Мне даже присматриваться не пришлось, чтобы понять, — это охотничьи угодья Кьярры. Она достаточно часто ходила этим путем, чтобы он сделался отчетливо виден.

Чуть поодаль, в ежевичнике, скрывался путь на Багралор — оттуда отчетливо веяло холодом. С другой тропинки, затерявшейся в траве у ручья, тянуло копотью — это была Таллада, а столица почему-то пахла отцветающей драконарией — трудно не узнать этот сильный терпкий аромат с металлической ноткой...

Куда ни глянь — повсюду были сотни и тысячи нехоженных троп, видимых так ясно, словно кто-то все это время старательно прятал их, а этой ночью взял и скинул маскировку. Я чувствовал: стоит сделать шаг в неизвестном направлении, и предо мной вновь откроется море звезд, из которых можно будет выбрать ту, что понравится больше остальных... Правда, я остался на месте. Мой самый первый опыт в качестве провожатого научил меня не бросаться опрометчиво куда глаза глядят и дороги манят.

Привычный лес никуда не подевался, стоял на прежнем месте, и если смотреть на него искоса, краем глаза, то становилось понятно, что сосны вовсе не расступаются, а дом не изгибает стену, чтобы пропустить еще одну тайную дорогу...

Наверно, я долго стоял, как дурак, и озирался по сторонам, потому что Кьярра вышла меня искать.

— Рок, — позвала она, пригляделась, поняла, что со мной такое, и деловито осведомилась: — Вылить на тебя воду? Вчера помогло!

— Спасибо за заботу, но я уже окунулся, — ответил я, придя в себя.

Надо же, я думал, что последний раз ощущал такой чистый, ничем не замутненный восторг в отрочестве, когда открыл в себе дар провожатого! Ан нет, оказывается, Рок Сандеррин даже во вполне солидном возрасте не

потерял способности ни удивляться, ни радоваться...

— У тебя краска облезла, — сообщила Кьярра, и я вернулся с небес на землю. — И шерсть на щеках отклеилась.

— Сволочи, — сказал я, выдернув волосок с макушки и убедившись, что он из темного сделался каким-то тускло-рыжим и как бы еще не с прозеленью. Хотя, возможно, это сосны бросали отблеск. — Обещали же, что будет держаться, пока не постригусь!

— А потом? — не поняла она.

— А потом не будет, потому что крашеное срежут. Ладно, не страшно, у меня есть в запасе это снадобье... — Я оторвал фальшивые бакенбарды, не перенесшие купания в бочке, и снова огляделся по сторонам. — Послушай, я действительно вижу! Вот это все... ну...

— По тебе заметно, — сказала Кьярра крайне серьезным тоном. Впрочем, я заметил, что она прячет улыбку. — Ты очень-очень странный! Но не по-плохому. Не как бывает, когда у тебя голова болит или мысли дурные. Сейчас другое. Ты... как огненная гора! Только искры не летят.

— Того и гляди, полетят! — отозвался я и — сам не знаю, что на меня нашло! — схватил ее, поднял на вытянутых руках и покружил. Кьярра очень легкая, как ребенок, так что это было несложно. Я даже не сильно обжегся — привык уже.

Правда, когда я поставил ее наземь, лицо у нее было каким-то не таким...

— Эй, ты что? — озадаченно спросил я. — Я тебя обидел?

Кьярра помотала головой, шмыгнула носом и сказала:

— Мама так делала, когда я не умела летать. Брала и поднимала высоко-высоко, до самого неба...

— Как это — не умела?

— Очень просто! Вот ты — родился и сразу начал бегать, да? — фыркнула она.

— Нет, конечно. — Я мысленно выругал себя за глупость.

— Когда мы маленькие, крылья тоже маленькие. Вот такие, — Кьярра показала ладонь, — потом растут. Но они слабые и тонкие. Поэтому сперва мама учила меня прятаться и ловить добычу на земле. Потом уже — летать и охотиться по-взрослому.

— Ясно. Извини, если обидел.

— Не обидел. — Она посмотрела мне в глаза. — Просто я вспомнила маму, и мне стало грустно. Но хорошо тоже. Как так?

— Память — сложная штука, — ответил я. — Так часто бывает, просто потому, что прошлого не вернуть, как бы хорошо тогда ни было. Вроде и

приятно вспомнить, а на деле выходит — как ножом по сердцу.

— А-а-а... — Кьярра задумалась, потом тряхнула головой и сказала: — Да. Ты правильно сказал. Как так получается?

— Что именно?

— Ты лучше понимаешь, что я чувствую, и объясняешь.

— Я просто больше слов для этого знаю, — вздохнул я. — А твои чувства не уникальны. Почти у каждого найдутся такие воспоминания, не важно, человек это или дракон.

— Понятно, — сказала она после паузы. — Они бывают хорошие грустные и плохие грустные — это о том, что было давно. И о тех, кого нет. А еще — просто плохие и хорошие. Так?

— Да, в грубом приближении.

— Хороших у меня больше, а плохие сильнее, — снова поразмыслив, произнесла Кьярра. — У всех так?

— Кому как повезет. У кого поровну, у кого что-то одно перевешивает.

— А у тебя?

— Долго прикидывать, — попытался я отделаться, но не тут-то было.

— Не может быть, чтоб ты не знал, — уверенно сказала Кьярра. — Раз живешь долго... почти как я, наверно? Значит, должен был давно сосчитать.

— Вот мне заняться больше нечем... Скажи лучше: ты решила, что намерена делать?

Кьярра кивнула и разом посерьезнела.

— Будем искать моего отца.

— Уверена?

— Да. Если он жив... мне кажется, жив, — задумчиво произнесла она, — то пускай выслушает. Даже если нас к нему не пустят, я смогу пробраться, если хоть увижу! Ты знаешь как. А потом... Не знаю, какой он. Вряд ли скверный... Иначе мама не стала бы его спасать, правда? И тем более... ну... все остальное...

Я мог бы напомнить, что мать Кьярры вряд ли была знакома с этим героем многих войн прежде, а просто присмотрела достойного, с ее точки зрения, партнера, но промолчал. Это уж было совершенно не моим делом.

— Если по-другому совсем никак нельзя, я останусь у людей, — сказала Кьярра. — Привыкну. Может, уговорю, чтобы отпускали на охоту.

«Ох, вряд ли», — подумал я, а она снова услышала мои мысли:

— Я помню, сбежать не выйдет. Колдовские печати не пустят. Но хоть ненадолго...

Воцарилась тишина.

— Только я тебя больше не увижу, Рок, — произнесла вдруг Кьярра.

— Почему?

— Ты сказал: тебе нужно будет спрятаться. Чтобы не нашли. А если ты возьмешь и придешь ко мне — какое же это «спрятался»?

— Я же теперь могу иначе... проникнуть, — улыбнулся я.

— Чародеи заметят. Ты говорил: за драконами хорошо следят. Охраняют. Вдруг ты не успеешь скрыться?

— Нехорошо выйдет...

— Да. Поэтому... — Кьярра тяжело вздохнула. — Выходит, мне без разницы, где жить. В диком месте или у людей. Все равно без тебя.

Я не нашелся с ответом.

Что я мог сказать? «Я придумаю, как обмануть всех, военных и чародеев, и стану навещать тебя, когда смогу?» Если смогу — сам ведь недавно объяснял, что жизнь провожатого полна неожиданностей, и не всегда приятных... Кьярра не поверит и правильно сделает.

— Не переживай, — выговорил я наконец. — Появятся новые знакомые. Может, и приятели найдутся, и сердечный друг...

— Смеешься? Кому нужна дикая?

— Ты похожа на мать, по твоим же словам, а она сошлась вон с каким драконом! Хотя, — добавил я справедливости ради, — очень может статься, что он просто не в состоянии был сопротивляться.

— Точно смеешься, — уверенно сказала Кьярра. — Но лучше так, чем когда ты серьезный. Тогда я начинаю бояться.

Я невольно улыбнулся, хоть было не до смеха, и продолжил:

— Мы с тобой знакомы всего ничего. Я просто первый, с кем ты нормально общалась после матери, — старики-козопасы не в счет, — вот тебе и кажется, будто я... ну... особенный, что ли? Но я обыкновенный. Есть и получше.

— Я понимаю, Рок, — ответила Кьярра. — Только все равно грустно. Знаешь, я сидела в своей пещере и думала: у меня ничего нет, кроме этих вот гор. Они скучные, унылые... Я знаю их, как кончик собственного хвоста. А теперь оказалось, что на самом деле у меня было столько всего... Я и не знала... Опять мало слов!

— Не говори. Я догадался.

Сложно было не понять, что она имеет в виду! Достаточно взглянуть вокруг, на бесконечное множество дорог, открытых всегда... Беспольных для того, кто не может или не хочет бродить по ним в одиночестве.

— Из тебя получился бы отличный провожатый, — зачем-то сказал я, а Кьярра наклонила голову и сделала шаг навстречу, словно собиралась меня

боднуть.

Так и вышло — она уткнулась макушкой мне в грудь и замерла, а я подумал: «Может, драконы не умеют обниматься?» Глупо, но в тот момент ничего лучше мне в голову не пришло.

Я не погладил Кьярру по голове, не приласкал как-то иначе... Не потому, что не хотел лишний раз приучать к себе (не собака же она, в конце концов!), а по привычке — как не дотрагивался ни до кого лишний раз, так и не собирался менять обыкновение.

А еще, каюсь, я опасался ощутить в полной мере чувства Кьярры — и без того хватало. Кому-то покажется — ерунда, яйца выеденного не стоит такая трагедия, но... Для нее прежняя жизнь была всем миром, и он обрушился. Получится ли выстроить новый — еще неведомо...

Постояв так, Кьярра отстранилась, вытерла глаза тыльной стороной кисти и сказала:

— Пойдем, Рок. Мама говорила: решила — не тяни. Иначе будешь слишком много думать и запутаешься.

— Не поверишь, моя говорила точно также, — ответил я. — И добавляла: петух тоже думал, да в суп попал... Идем. Только сперва оденься для столицы, не босиком же...

— Там и оденусь, — буркнула Кьярра и нырнула в дом за своими вещами.

Перед тем как шагнуть за поворот, она долго смотрела на залитые рассветным солнцем сосны...

Поскольку час был еще достаточно ранний, я решил не откладывать дело в долгий ящик, замаскировался и отправился туда, куда давно собирался наведаться, а именно в столичную библиотеку.

Это величественное сооружение некогда было храмом давно забытых божеств, а теперь служило хранилищем неисчислимого множества книг, газет и невесть чего еще. Реши кто-нибудь нарочно построить такую библиотеку — лучше бы не вышло, а все потому, что храмовники во времена оны зарылись глубоко под землю и оборудовали там просторные подвалы. Сложно сказать, для чего именно использовались эти лабиринты и обширные залы, хотя кое-где, говорят, на каменных стенах еще можно рассмотреть характерные потеки, а некоторые каменные столы подозрительно похожи на алтари. Главное — здесь было сухо и прохладно хоть во время затяжных дождей, хоть в летнюю жару.

Конечно, чародеи помогали и тут — случались протечки и всяческие казусы. Особенно неприятно вышло, когда начали прокладывать

современную канализацию взамен не справляющейся с объемом столичных отходов старой и вломились в одно из хранилищ. К счастью, не затопили, но скандал вышел знатный.

Еще вся столица помнит банду незадачливых грабителей, решивших сделать подкоп в банк. Бедолаги решили, что чародеи не могут предусмотреть всего, а потому вряд ли хорошо защитили деньгохранилище от атаки из-под земли...

Чародеи-то, может, и не подумали об этом, а вот владельцы банка — еще как, а потому отдали соответствующие распоряжения. Если мне не изменяет память, грабители копали почти полгода, начав в подвале купленной за бесценок гнилой лачуги. Казалось бы, что сложного — рыть в одном хорошо известном направлении? Однако путь им преграждала та самая канализация (старая и новая), трубы водопровода, фундаменты старых домов знати (прежде строились основательно и подвалы делали глубокими и укрепленными, чтобы отсидеться в случае чего, например, налета драконов), подземные водоемы, строительные работы и прочие досадные мелочи.

После всех мытарств грабители наконец попались: банковские чары в очередной раз заставили их свернуть буквально на расстоянии вытянутой руки от цели, а выбрались несчастные как раз в караулке, где их и повязали. Потом владельцы банка, конечно, заявили, будто воришкам нарочно позволили продолжать «изыскания», чтобы убедиться в действенности защитных и сигнальных чар, иначе стража могла взять банду еще на дальних подступах. Как уж оно было на самом деле, теперь не узнать: банкиры хранят свои тайны почище королей, да и стоят их секреты сопоставимо...

Я, впрочем, не собирался погружаться в недра библиотеки. То, что меня интересовало, лежало почти на самой поверхности... Я хочу сказать — газеты времен войны на Одерике и битвы за Баграни еще не спустили в нижние архивы, хотя лет через двадцать они туда отправятся. Пока же подшивки хранились в общедоступных залах. Конечно, без колдовства и тут не обошлось: бумага все-таки штука непрочная, а с годами ветшает, но благодаря чарам старые газеты можно было листать, не опасаясь, что они рассыплются в прах прямо в руках.

Я убил несколько часов на это занятие. В основном потому, что понадеялся на память, не уточнил даты в справочнике, а в итоге промахнулся на месяц с битвой при Одерике. Хорошо, с Баграни таких накладок не вышло.

В итоге мытарств наградой мне стал портрет героя — того самого,

которого я недавно видел на первой полосе относительно свежей газеты. Ее я тоже нашел — там искомый персонаж поздравлял летнюю школу с очередным юбилеем, была приведена его краткая речь... Ничего особенного, все по протоколу.

К слову, этот тип совершенно не изменился за прошедшие годы. Можно было предположить, что это сын или даже внук того, самого первого героического Герта Ванеррейна, но они что, ритуальные шрамы себе на физиономии наносили и приметные родинки рисовали, чтобы сделаться неотличимо похожими на знаменитого предка? Нет, это был один и тот же Ванеррейн. Менялся покрой формы, нашивки, количество наград, но не он сам.

Он повсюду значился служащим воздушных сил королевства. Без каких-либо особых отметок — человек и человек, рос в звании, пока не дослужился (тут я порылся в подшивке и снова просмотрел статью, в которой приводился послужной список героя) до главнокомандующего. Конечно, именуется главнокомандующим король, но вряд ли кто-то позволит ему забраться на боевого дракона и во главе крыла истребителей ринуться на врага. Поэтому слова словами, протокол протоколом, а по сути возглавлял войска сейчас именно Ванеррейн.

Неужели никто этого не замечает? Уж столичные-то дамы, любительницы статных военных, тем более, отличившихся в боях, а не только на парадах (воздушный парад в честь коронации — это, скажу я вам, нечто!), должны были обратить внимание на то, что кумир не стареет! Не поверю, будто ни одна ветхая старушка, увидев портрет Ванеррейна нынешних времен, не воскликнула дрожащим голосом: «Ах, каким он был проказником в юности!» — и не осеклась, сообразив, что именно сказала... Хотя старушки как раз могут подумать о преемственности поколений и о том, что внук удался в героического деда.

Простым гражданам, в сущности, нет особенного дела до этих военных. Сегодня Ванеррейн, завтра (предположим смеха ради) Сандеррин — физиономия кирпичом, грудь в медалях, поди отличи одного от другого. Не мной подмечено, что мундир частенько делает людей невидимыми, — смотрят на него, а не на лицо. А что до остального... Потеряли Одерик, но спасли половину колонистов? Поговорят об этом неделю-другую и забудут, найдется новый повод для сплетен. Заключение договора с чародеями? Замечательно, давно нужно было прижать этих зазнаек! Молодец король, что наконец-то показал им, где драконы гнезда вьют! А кто уж там командовал войсками... кому какое дело?

Вот только это несменяемое командование никак не могло ускользнуть

от взора людей специфических занятий — что с нашей стороны, что с чужой. А раз царила тишь да гладь, газеты не взрывались серией разоблачений, наподобие «Он — дракон! Чешуйчатая лапа на горле королевства!» или чем-то похуже, — то секретом это явно не было. Для тех, кому по должности положено знать такие секреты, разумеется. Не удивлюсь, если у нашего давнего врага-союзника дела обстоят точно таким же образом!

А что, неплохо придумано! Если спрячешь что-то, рано или поздно выплывут нестыковки. Любой дотошный человек сможет уцепиться за них и добраться до истины. Мне вот даже секретные архивы не понадобились, обошелся публичной библиотекой... Хотя, конечно, у меня был свой источник информации — Кьярра. И тем не менее нет ничего невозможного.

Но Ванеррейн и другие, не сомневаюсь, даже не думают скрываться. Да, боевой офицер, с молодых ногтей верхом на драконе... Не сомневаюсь, и дракона смогут предъявить, пожилого и заслуженного, на котором юный Герт учился сражаться.

Странности с возрастом объяснить тоже легко: это колдовство! Могут, в конце концов, чародеи в кои-то веки расстараться и обеспечить долголетием не какого-нибудь выжившего из ума пророка вроде того, с которым они носились лет двадцать назад (спятивший предрекал конец света, да такой замысловатый, что многие верили), а действительно нужного королевству человека? Того самого, к слову, который отстоял Баграни и благодаря которому солдаты противника не согнали всех подвернувшихся под руку чародеев в их башню, чтобы поджарить драконьим огнем!

Ну а когда это объяснение перестанет работать, думаю, Ванеррейн на время отойдет от дел — обеспечив себе достойную замену, разумеется, — и в драконьих войсках появится новый солдат, который быстро поднимется по лестнице званий...

«Вот уж точно — все гениальное просто, как Веговер говорит», — подумал я, потеряв виски.

От мелких букв рябило в глазах, и где-то за левым ухом вроде бы шевельнулся колючий стальной еж, как обычно на перемену погоды. А может, я просто отвык читать помногу.

А что, если кто-то решит посеять панику, открыв людям правду? Так ведь можно раздуть сенсацию и заявить даже, что и королевская семья — не люди вовсе, а драконы! Тоже подолгу не старятся, до преклонных лет сохраняют острый ум (у кого он был изначально), да и в целом живучи — не могу припомнить ни единого удачного покушения на представителей

правлящей династии. Раненые случались, но не более того... Впрочем, это заслуга королевской охраны, она к делу не относится.

Здесь, конечно, играла роль совокупность факторов: во-первых, неплохая наследственность, которой, в свою очередь, способствовал древний закон: лучше взять супругу со стороны, чем жениться на близкой родственнице, какой бы знатной и богатой она ни была. Лазейки все равно находились, но серьезно такие браки на потомство не повлияли, насколько я мог судить. Должно быть, от вырождения династию спасала свежая кровь следующих поколений.

Во-вторых, я подозревал, что в королевских жилах действительно течет толика драконьей крови. Может, это даже нарочно проделывали ради укрепления династии, кто разберет вельмож?

Вот об этом обывателям точно сообщать не нужно, но принять к сведению стоит: я уже убедился, что драконы чрезвычайно живучи, наблюдательны и проницательны. Даже дикая Кьярра частенько меня удивляла, а уж те, кто воспитывался во дворце и с детства обучался всем премудростям, должны были превосходить обычных людей на голову... Вот вам и неудачные покушения. (О себе я скромно решил не думать. Зачем повторять очевидное?)

Но все это голословные утверждения. С тем же успехом можно заявить то же самое о соседском блистательном герцоге. У него, к слову, на гербе дракон, по-хозяйски обнимающий изрядный остров с городом посередине. Чем не доказательство хищнических намерений? О том, что на гербе королевства тоже изображен дракон, умолчим. Тем более они вдвоем с вооруженным человеком держат щит, меч и прочие геральдические изыски. Я в них разбираюсь слабо, а потому не берусь толковать глубинный смысл этого древнего изображения с риском сесть в лужу.

В любом случае, что бы ни придумал неизвестный, желающий очернить правителей и посеять смуту, неважно, с какой целью, на каждое его действие давно придумано противодействие. И делали это не профаны вроде меня, а люди, которые на подобных играх не одну стаю собак съели. У них на всякую мало-мальски заметную персону наверняка заведена папочка, в которую по ходу дела подшивают материалы — сведения о политических пристрастиях, чрезмерных тратах и денежных аферах, любовницах и любовниках, внебрачных детях и прочем, прочем, прочем... На каждую рыбку найдется свой крючок.

Игра ведется долго, с переменным успехом, и далеко не всегда открыто. Одерик и Баграни — это... Я бы сказал — из ряда вон выходящие события в наше-то время. Сейчас самое интересное происходит не на поле

боя, а где-то в кабинетах, только о подоплеке этого мне никогда не узнать. И не слишком-то хочется, если честно.

Я и так уже навывдумывал на пожизненное одиночное заключение, и хорошо, что библиотекарь не умеет читать мысли — вон как зыркает на засидевшегося странного посетителя! Умел бы — точно сообщил бы, куда следует. Или уже сообщил — нетрудно заметить, какой персоной я интересовался, а это дело такое... Мало ли, вдруг я не просто любопытствую или освежаю в памяти исторические события для статьи в толстый журнал, что-нибудь о сравнении тактики наших и вражеских войск (господа и таким развлекаются), а затеваю покушение? На готовящегося к экзаменам студента я уж точно не походил! Да и какие экзамены в это время года?

Подумав так, я решил, что пора сматывать удочки. Ничего нового я уже не узнаю, а строить домыслы можно и дома, в безопасности. Главное — выяснил, где сейчас служит Герт Ванеррейн. В смысле, служил-то он в столице, а вот место расположения его части могло нам пригодиться...

Оставалось придумать, как бы ненавязчиво наведаться туда. Может, прикинуться корреспондентом? «Да уж, отличный план, Санди, — одернул я себя. — Тебя завернут еще на дальних подступах!»

Думал я всю дорогу, но ничего ценного не надумал. Ладно, на худой конец, всегда можно поступить, как в дешевеньких историях про сыщиков и бандитов: написать Ванеррейну анонимку и попросить прийти в указанное место одному и без оружия, если он хочет узнать тайну, леденящую кровь. После этого встреча мне обеспечена, только не с Ванеррейном, а с дознавателями, которые из меня все потроха вынут. Как крайняя мера такой вариант годится, но, признаюсь, рисковать не хотелось...

С этой мыслью я открыл дверь и уже привычно отметил — Кьярры нет, я ее не ощущал. Неудивительно: перед уходом мы договорились, что она может отлучиться на охоту. Правда, я просил ее вернуться до захода солнца, рассчитывая к тому времени быть дома (как и вышло), но... Сам виноват, уточнять нужно, на какой именно заход нужно ориентироваться! Здесь солнце почти скрылось за домами, а на равнине, должно быть, еще полыхает вовсю!

Отметив это на будущее, я шагнул в гостиную и неприятно удивился: на меня уставились двое. И если визит Альтабет я предвидел и был к нему готов, то вот второго человека видеть был вовсе не рад. А главное, не мог взять в толк, почему не заметил его!

— Рок Сандеррин, — произнес он, со вкусом перекатывая длинную

«р» на языке, — вы арестованы по обвинению в государственной измене!

И, чтоб мне провалиться, я замешкался. Не смог за долю секунды решить, воспользоваться драконьими тайными тропами или своими собственными — приладил все же дверку, не поленился...

Это промедление меня и сгубило.

Глава 21

— Продолжим, — сказал чародей, надежно приковав меня к массивному стулу.

Без нелепых очочков (и дурацкой манеры постоянно их протирать) и усиков, с нормальной прической он выглядел совсем другим. Даже брюшко куда-то подевалось — должно быть, это была всего лишь подушечка под одеждой, — а ладно скроенный костюм добавлял ширины плечам. И не таким уж он был низеньким. Не великан, конечно, я выше, но обычного среднего роста. Манеры тоже изменились — никаких нервных, дерганных, неуверенных жестов. Передо мной стоял совершенно иной человек.

«Вот это маскировка, — невольно подумал я. — Учись, Санди, это не твои дурацкие бакенбарды... И ведь ни капли колдовства!»

Правда, выходило, что учиться мне придется недолго.

— Чему обязан визитом? — любезно поинтересовался я. — Госпожа Суорр, сегодня чудесный вечер, но я не рассчитывал принимать кого бы то ни было, а потому не обессудьте — угощения не...

Хлесткая пощечина заставила меня умолкнуть. Неприятно, но хуже было бы, получи я каким-нибудь заклятием. Что ж, теперь я знаю, что незваный гость на взводе, а потому лучше его не злить. Иначе он мне не только губу разобьет, а все зубы по одному выдернет. И кричи не кричи — никто не услышит, он наверняка озаботился защитой от посторонних ушей.

— Прошу вас, — проговорила Альтабет, комкая в пальцах вышитый платок. Она сидела на стуле, как пришитая, а говорила едва слышно, что наводило на определенные подозрения. — Вы ведь обещали обойтись без насилия!

— Госпожа, по-моему, вы никогда не видели настоящего насилия, — вежливо ответил ей тот, кто совсем недавно звался Сарго Викке, и, наклонившись, рявкнул мне в лицо: — Где она?!

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, — сказал я.

Дорогое мироздание, как обычно, не спешило засвидетельствовать мою ложь, и это радовало. Неприятно, знаете ли, падать в подвал, будучи намертво прикованным к стулу.

— Сандеррин... — тихо, но угрожающе начал Сарго (я решил называть его так, раз уж он не соизволил представиться заново), но Альтабет перебила:

— Господин Виркен, я ничего не понимаю! Сперва вы сказали, что

господин Рокседы... то есть Сандеррин похитил девушку, а теперь речь почему-то о государственной измене... Извольте объясниться!

— Вам лучше помолчать, если не желаете проследовать за этим субъектом как соучастница.

— Что?! Ну, знаете, это уже слишком! — уже громче воскликнула Альтабет и сделала жест, словно пыталась освободиться.

Я знал, что с колдовскими путями бороться бесполезно, потому и не дергался, а вот она явно не поняла, во что влипла. Никакие амулеты не помогут — Сарго первым делом освободил женщину от этих побрякушек, уверен. Либо же они были настолько слабы, что вовсе ему не мешали.

— Госпожа Суорр, помолчите, ради вашего же блага, — с нажимом повторил Сарго и снова повернулся ко мне: — Повторяю: где она?

— Тродда? Так это вопрос не ко мне, а к ней, — кивнул я на Альтабет.

— Не строй из себя идиота, Сандеррин!

— Когда мы успели перейти на «ты»? — любопытствовал я, и мне прилетело по другой скуле. Ничего, зубы и на этот раз остались целы, так что переживу. Намного больше меня волновал другой вопрос...

Что сделает Кьярра, если появится здесь сию минуту? Наверняка растеряется! Или, хуже того, бросится мне на выручку и так же, как я сам, потеряет драгоценные секунды, не успеет шагнуть за поворот... Сарго уж точно не оплошает, и будем мы с нею вдвоем сидеть на цепи. Хотя это вряд ли: при таком раскладе я уже не понадобится. Или он намерен шантажировать Кьярру моей жизнью? Но откуда ему знать, что она хоть немного ко мне привязана?

«Думай-ка ты о чем-нибудь постороннем, Санди, — велел я себе. — Сам ведь вспоминал о методах допроса! Откуда тебе знать, может, Сарго умеет читать мысли? А значит...»

Фокус с песенками сработал в прошлый раз, и я очень надеялся, что назойливый припев, застрявший у меня в голове, поможет и теперь. Во всяком случае, отвлечет внимание чародея от главного.

— Господин Рокседы... то есть... — задыхающимся голосом начала Альтабет. На щеках ее пятнами проступил некрасивый румянец — такое случается с женщинами ее лет в моменты сильного волнения.

— Можете называть меня Санди. Рок Сандеррин — мое настоящее имя, только оно слишком... м-м-м... большое, — невольно вспомнил я слова Кьярры.

— Санди, — повторила она, — пожалуйста, скажите, где девочка?

— Вам-то что за печаль?

Сарго снова занес руку, но Альтабет умоляюще взглянула на него, и он

сделал ей знак продолжать.

— Санди, я... господин Виркен сказал — вы провожатый. Я слышана о таких, как вы, знаю — вы помогаете попавшим в беду... И именно вы — это тоже известно — не раз выручали девушек, которые... скажем так, совершили опрометчивый шаг. Верно?

«Веговер, что ли, проболтался? Вот сукин сын...» — подумал я, вслух же ответил:

— Всякое бывало.

— Кьярра, то есть Катталена Киорран — одна из них, верно?

Я потерял дар речи.

Киорран — это же младшая ветвь королевской семьи! Не имею представления, сколько в этой семье девиц подходящего возраста, но... Блеф Сарго оказался блестящим, я поплодировал бы, если б руки были свободны.

— Что он вам наплел? — только и смог я спросить.

— Не наплел, Санди, — Альтабет подалась вперед, явно не замечая, что ее удерживают невидимые путы. Намного более мягкие, нежели мои, но все равно ощутимые. — Господин Виркен занимается расследованием похищения Катталены, и...

— А документы он вам показал? Со всеми надлежащими подписями и печатями? — перебил я. — Обо мне и речи нет: кто я такой, чтобы предъявлять мне форменный знак и тем более постановление об аресте, да еще по обвинению в государственной измене, а не просто похищении девицы! Где подчиненные господина Виркена, даже не спрашиваю: зачем они ему? Он достаточно силен, чтобы захватить врасплох двоих людей, не владеющих колдовством.

— Что вы име... — Она хотела было встать, но не сумела и гневно уставилась на Сарго. — Извольте освободить меня! Ведь не я арестована, не так ли? Так почему я в оковах?

— Прощу прощения, госпожа, это не оковы, а защитное поле, — с непостижимым спокойствием произнес он. — Вы ведь сами отметили, насколько сильна Катталена. Боюсь, если она поймет, что побег ее не удался... Могут быть жертвы.

Я снова восхитился — на этот раз его самообладанием. Ну и хорошо подвешенным языком вкупе с обаянием: Альтабет явно поверила. Впрочем, обаяние могло быть подкреплено чарами.

— Понимаю, — произнесла она уже спокойнее. — Однако господин Сандеррин прав: в чем бы его ни обвиняли, вы должны предъявить документы, господин Виркен.

— Несомненно, я так и сделаю, — кивнул он и вынул из внутреннего кармана вполне официального вида бумагу. Правда, отдернул, когда Альтабет потянулась к ней. — Вам нужно оставаться под защитой поля, госпожа. Читайте из моих рук.

— Да... все в порядке, — подтвердила женщина, взглядевшись в текст и печати.

Сарго не мелочился, никаких пустых листов или грамот за лучшую свинью на ярмарке, подделка (я искренне надеялся, что это именно так) могла пройти беглую проверку знающими людьми. А уж кому, как не Альтабет, знать, как выглядят такие бумаги!

— Вы должны понимать, госпожа Суорр, — продолжил он, — фактор неожиданности играет не последнюю роль. Согласитесь, если бы я сразу представился честь по чести, то тем самым дал бы Сандеррину время для маневра. Он известен как весьма пронырливый тип, он наверняка попытался бы сбежать, а может, даже... — тут Сарго сделал выразительную паузу, — взять вас в заложницы.

— Так зачем же ты потащил непричастную женщину с собой, если предполагал такой вариант развития событий? — с интересом спросил я.

— Он думал, Катталена здесь, а она меня хоть немного знает, — вместо Сарго ответила Альтабет. Теперь она уже не комкала платок, а выщипывала из него нитки. Жаль, дорогая вещица, ручной работы, и какая-то вышивальщица долго ломала над нею глаза. — Вероятно, не напала бы сразу, и господин Виркен успел бы ее... гм... сдержать.

— Усмирить, вы имели в виду, — подсказал я. — Несомненно. У него богатый опыт по этой части. Не иначе, у женушки научился... или сестрички, не разберешься в вашей семейной истории! А может, это ты ее всему научил?

— Санди, о чем вы? — вновь успела первой Альтабет.

Я был ей искренне за это признателен: Сарго явно настроился разговаривать при помощи оплеух (или чего-то похуже), но при ней как-то сдерживался. Вероятно, не желал выходить из образа: подчищать память на ходу, полагаю, сложно, а если оставить Альтабет, как есть, она может заговорить и расскажет слишком много лишнего... Убирать ее себе дороже — столичная мать-заступница вряд ли так просто оставит исчезновение своего доверенного лица, ну а поиски могут слишком далеко завести. Внезапная же смерть Альтабет, пусть якобы от естественных причин, тем более вызовет подозрения. У обитатели есть свои чародеи, и они не слепые, следы чужого воздействия не пропустят.

«Хоть в чем-то мне повезло, — подумал я. — Никогда не любил

дорожные знакомства, а поди ж ты, пригодилось!»

Однако нужно было отвечать.

— Видите ли, госпожа Суорр, — заговорил я, — в последний раз, когда я встречал этого субъекта, он изображал наемного чародея и звался Сарго Викке. Мы втроем сопровождали ценный живой груз — я, Сарго и его супруга, тоже чародейка по имени Тродда.

— Что за чушь вы несете...

— Я знал, что вы не поверите, но должен был попытаться, — из-за невозможности развести руками я пожал плечами. — Вы даже не спросите, что это был за груз?

— Очевидно же — Катталена!

— Где она, Сандеррин? — встрял Сарго. Судя по всему, он был уже на пределе. — Лучше скажи по-хорошему!

— Да не знаю я, где Катталена, — ответил я чистую правду. Может, эта девица цветочки нюхала в родном поместье, а может, на званом вечере красовалась. — Я ее сроду не видел.

— Санди, может быть, она не назвала вам настоящего имени? — снова заговорила Альтабет. Они с Сарго так хорошо изображали доброго и злого дознавателя, что я диву давался. — Вам она известна под именем Кьярра, вы и мне ее так представили. Где она?

— Госпожа Суорр, я провожатый, — сказал я. — Я не выдаю тайны своих клиентов.

— Но она всего лишь запутавшаяся девочка... Господин Виркен, прошу вас, не нужно насилия!

— Да уж, обойдемся без этого, — кивнул я, уклонившись от очередной оплеухи. — К слову, мне бумаги так и не показали. И если уж меня допрашивают по столь весомому обвинению, я настаиваю, чтобы это происходило в сыскном управлении, при свидетелях, по всем правилам, под протокол. Готов отправиться туда добровольно, обещаю не пытаться сбежать.

«Вот тебе, выкуси», — добавил я мысленно.

— Господин Виркен? — взглянула на него Альтабет.

— Слову этого человека нельзя верить, — ответил Сарго, сощурился и без того небольшие глаза. — После того, как он способствовал похищению не вполне здоровой умственно девушки из родного дома...

— А еще что я сделал? — с интересом спросил я. — Ты путаешь специализацию: я провожатый, не бандит. Носильщик не спрашивает, что в тюках, вручили — несет за оговоренную плату. Ну, если тебе понятны такие аллегории, в чем я лично сомневаюсь.

Надо же, моя придумка всплыла! И поди узнай: Сарго прочел это в мыслях Альтабет или сам сочинил? Идея-то лежит на поверхности...

— Кстати, мне даже не сказали, зачем я похитил эту девушку, — напомнил я. — Хотел жениться на знатной, что ли? Так если она головой скорбна, брак никто не признает законным. Король разве что, но он скорее мне голову оторвет собственными руками!

— Затем вы и сбежали, — подсказала Альтабет.

Она смотрела на меня очень пристально, будто пыталась дать понять что-то. Неужели...

— Что, я собирался потребовать за нее выкуп? Ну нет, я не самоубийца... тогда что? Перейти границу и там взять ее в жены? А какая мне в этом корысть? Для пламенной страсти я уже староват, а приданого мне не видать, как своего затылка! — Я перевел дыхание и продолжил: — Или я планировал методично уничтожить всю ее родню и сделаться единоличным наследником богатств рода Киорран? Но это нелепо: их слишком много для меня одного! Родственников, я имею в виду. И король голову оторвет.

— Слишком много слов, Сандеррин, — вымолвил Сарго, глядя на меня с откровенной ненавистью. — Не думай, что тебе удастся оправдаться. Есть свидетели, есть доказательства того, что ты принимал самое деятельное участие в похищении Катталены. Именно ты заморочил ей голову, и несчастная согласилась на этот безумный побег... Что еще ты с ней сделал? Ну?! Отвечай!

— Поверь, со мной пока спят не только полоумные девицы, даже и задаром, — сообщил я, перехватил взгляд Альтабет и добавил: — Почему вы смотрите на меня с таким ужасом, госпожа Суорр? Тоже видите во мне насильника?

— Господин Виркен полагает... — начала она, но оборвала фразу на полуслове.

Неужели Сарго попытался затуманить ей мозги? Похоже на то... Однако Альтабет, хоть и не была чародейкой в полном смысле этого слова, все-таки могла сопротивляться влиянию даже без амулетов.

— Вы ей понравились, — сказал я негромко. — Она называла вас Бет.

Женщина вздрогнула, словно проснувшись, взглянула на меня, потом на стол, снова на меня. Я тоже покосился на столешницу — соль рассыпалась. Не к добру — есть такая примета, вот и вышло...

В рассыпанной соли была очень грубо нарисована пальцем кривая стрела, что-то вроде мотылька и непонятная загогулина. «Дракон, стрелочка — значит, улетела», — вспомнил я собственные слова, и у меня

отлегло от сердца. Вряд ли Кьярра поступила бы так, будь у нее время: в кабинете есть бумага и чернила, в очаге — угли, в конце концов... Но подобное слишком заметно. А так — достаточнодохнуть посильнее или потряхнуть стол, чтобы от рисунка ничего не осталось.

Значит, она успела заметить вторжение и улетела... Лишь бы не возвращалась! Вот только... Альтабет-то тут при чем? Или это какой-то хитрый план? Этак я расслаблюсь и выдам и себя, и Кьярру... Нет уж, лучше продолжу верить в плохое. Это обычно выручает: всегда есть повод обрадоваться, если дела пойдут чуть лучше, чем предполагалось.

— Довольно прикидываться, Сандеррин, — выговорил Сарго. — Ты знал, что девушка не владеет своим даром, что она опасна для окружающих. Случись что, это дискредитировало бы весь королевский род! Мне еще что-то нужно пояснить насчет государственной измены?

— Тебе нужно было подготовиться получше, — сказал я и вовремя уклонился от зуботычины. — Киорраны никогда не оставили бы на свободе такого отпрыска, именно потому, что пекутся о чести семьи. Катталену ждала бы обитель где-нибудь в глуши, верно, госпожа Суорр?

Та кивнула и — клянусь! — незаметно пнула ножку стола, так что рисунок на горке соли сделался почти неразличимым.

— А даже если бы девушку выпустили погулять по травке, вокруг стояло бы тройное оцепление из лучших бойцов и чародеев, по кустам прятались агенты охранного отделения, — добавил я, — и еще драконы сверху следили, чтобы никто не подобрался слишком близко.

Понимаю, в моем положении сложно злорадствовать, но я все-таки ухитрился. Очень уж приятно было наблюдать, как корчится внутри Сарго, не имея возможности спросить при Альтабет, где же этот проклятый дикий дракон!

Впрочем, у него хватало иных возможностей.

— Довольно, — сказал он негромко, но как-то так веско, что я умолк. — У меня мало времени. Раз ты не хочешь по-хорошему, Сандеррин, будет по-плохому.

— Господин Виркен! — воскликнула Альтабет, когда он поднял руку, и воздух вокруг меня засветился. — Что вы де...

«Колдует, будто не видно!» — хотел я ответить, но не смог.

Я знал, что этим кончится. Знал, что меня Сарго точно не оставит в живых, — разве что безумным полутрупом, не способным вспомнить собственное имя... Потому и злил его — надеялся, что это будет быстро. А еще — что он не поймет, куда подевалась Кьярра. Или, если поймет, не сумеет ее достать... Никто больше не сумеет поймать дикого дракона!

«Надеюсь, я это не вслух вопил?» — спросил я сам себя, когда боль отступила.

Во рту было солоно от крови, но язык я себе вроде бы не откусил. Наверно, носом пошла... И что будет с моей головой после такой встряски, я даже представлять не желал. Безумным полутрупам тоже бывает больно, знаете ли, и я не желал себе такого будущего.

Впрочем, настоящее было не лучше...

— Да хоть лопни, колдун, — смог я выговорить, — ничего не выйдет! Не на того напал!

И вот тут Сарго взбесился по-настоящему. Почему-то чародеи не любят, когда их называют колдунами, считают, видимо, что это принижает их могущество. Даже распоследний деревенский самоучка, способный разве что лужи осушить, — и тот гордо именуется чародеем!

Ну а для Сарго это стало последней каплей. До того он худо-бедно сдерживался, понимая, что от мертвого меня толку не добьешься, но тут его перемкнуло. Наверно, слишком много крови я ему попортил, и теперь он вымещал на мне все свои обиды... наверно, до детских включительно.

Наверно, я кричал. Не знаю. Вот Альтабет — та точно кричала. Я мельком увидел ее искаженное ужасом лицо и заинтересовался, что же творит со мной Сарго — наизнанку выворачивает, что ли?

Может, так и было, только я уже не чувствовал. Боли было слишком много, и в какой-то момент я перестал ее ощущать, а потом начало уплывать сознание, и я подумал — не останавливайся, Сарго, мне осталось совсем немного...

Глаза заволокла багровая пелена, в ушах уже не шумело — ревело... Крыша съемного домика вдруг растаяла в ослепительной вспышке, и надо мной раскинулось бесконечное темное небо с россыпью бесчисленных звезд, до которых можно было дотронуться рукой...

Больше я ничего не помню.

Сознание возвращалось медленно и неохотно. Я с большим удовольствием остался бы в беспамятстве, но не вышло: очень уж было холодно. Вернее, один бок у меня заледенел, а вот другому было жарко.

Где же я? В каком-нибудь подвале, в который Сарго отволок то, что от меня осталось, с расчетом попозже завершить начатое? Или в канаве, куда он выбросил мое безжизненное тело, а я возьми да очнись? И то, и другое объяснило бы холод, но никак не тепло и не потрескивание дров в огне — теперь я отчетливо его различал. Может, из канавы меня вытащили бродяги, и теперь я лежу у их костерка? А что, так вот решили проверить

карманы то ли у пьяного, то ли у мертвого господина, обнаружили, что он еще дышит, и совесть не позволила им бросить его умирать... Да как же, стали бы они связываться... А совесть в их котомках и не ночевала.

— Ты опять сложно думаешь, значит, ожил, — услышал я знакомый голос и не выдержал — открыл глаза.

Кругом было темно, только костер (я угадал верно) бросал отблески на каменные своды и на склонившуюся надо мной Кьярру — можно было рассмотреть половину перемазанного сажей лица. По-моему, она нарочно так изгваздалась, чтобы нельзя было рассмотреть, насколько физиономия заревана.

«Где это мы?» — хотел я спросить, но не смог. Вместо слов из горла вырвалось сдавленное сипение. Вот так дела...

— Ты молчи, — быстро заговорила Кьярра и пересела по другую сторону. И отлично: правого бока я уже не чувствовал, а она так приятно его согревала... — Я тебя и так понимаю. И ты бы будто не ревел, если бы...

Тут она осеклась и нахмурилась, сообразив, что я бы точно не стал рыдать, случись с ней нечто подобное. Расстроился бы, конечно, сожалел, с удовольствием открутил чародею все конечности по очереди, а напоследок — голову, если бы сумел его изловить, но и только.

— Надо было еще тогда его сжечь, — сказала Кьярра, и взгляд ее сделался хищным. Я уже видел такое — неприятное зрелище! — Но ничего. Я все исправила.

Вопросов у меня было хоть отбавляй, и вынужденная немота невероятно раздражала. Куда подевался голос, я понимал — сорвал его, когда Сарго взялся за меня всерьез. Вернется, куда он денется... Во всяком случае, очень хотелось на это надеяться.

— Ты сможешь говорить, — ответила на мои мысли Кьярра. — Позже. А пока молчи, а то будет хуже! Я тебе сама все расскажу.

Зная, какая из нее рассказчица, я заранее приготовился к долгой, очень долгой и изощренной пытке, куда там ухищрениям Сарго! Я же от любопытства умру, пока она нужные слова вспомнит...

— Все-таки ты бываешь злой, — мрачно сказала Кьярра. — Но ты прав. Я плохо говорю. Поэтому покажу! Это быстро, и ты сам все поймешь!

«А я точно это переживу?» — мелькнуло у меня в голове.

— Могу не показывать, — тут же ответила она. — Лежи так.

«Кто из нас злой — так это ты, — не остался я в долгу. — Я над полумертвыми напарниками не издеваюсь».

Вообще-то мне следовало быть более серьезным, но... Когда готовишься к верной смерти, а потом обнаруживаешь себя живым, целым и вроде бы невредимым, если не считать пропавшего голоса... Вдобавок я не в плену, а в каком-то убежище, видимо, на Багралоре — где еще мог царить такой зверский холод? Да тут в пляс впору пуститься! Но на это, к сожалению, сил не было. Меня будто и вправду вывернули наизнанку, как следует отходили бельевым вальком, прополоскали в проруби... Одним словом, я чувствовал себя выжатой тряпкой. Спасибо, хоть не болело ничего... что, кстати, настораживало.

— Я буду показывать по порядку, — сказала Кьярра, гневно посопев. — А ты не перебивай, раз полумертвый! Хотя нет... Ты был совсем мертвый.

Я даже не нашелся, что сказать. То есть подумать.

— Сам увидишь, — добавила она, бесцеремонно подвинула меня и улеглась рядом, объяснив: — Ты очень холодный. А если развести костры со всех сторон, я не услужу, и ты сгоришь. Лучше я сама буду тебя греть.

«Спасибо, — искренне подумал я. — Ты намного лучше костра. Жалко, маленькая, на всего меня не хватает — ноги мерзнут».

Пора бы мне уже привыкнуть к тому, что Кьярра все понимает буквально...

Мгновение — и я оказался в лапах чудовища. То еще впечатление, скажу я вам, особенно если ты не можешь не то что пошевелиться, а даже заорать с перепугу! Впрочем, я преувеличиваю: Кьярра была нежна со мной, насколько вообще может быть нежным дракон с человеком. У нас все-таки слишком разные весовые категории.

«Ты будешь смотреть или нет?» — грозно спросила она, уставившись в упор. Она держала меня в горстях, и деваться было некуда. Да и не хотелось — хоть отогрелся наконец!

«Подчиняюсь грубой силе», — отозвался я и посмотрел ей в глаза...

Глава 22

Удобная все-таки штука — обмен воспоминаниями. Конечно, к ней надо привыкнуть — я все еще подозревал, что человек без примеси драконьей крови может не пережить подобного. Но какие открываются возможности! Не нужно подыскивать слова, опасаться быть неверно понятым... Нет, можно и в этом случае исхитриться перевернуть увиденное с ног на голову, но для этого, по-моему, нужно очень постараться.

На этот раз вышло намного лучше, чем в предыдущий. Во всяком случае, мне удавалось улавливать эмоции Кьярры, и я задался вопросом: раньше она не передавала мне этого нарочно (может, не хотела, чтобы я ощутил ее тоску по матери) или дело в чем-то ином?

Впрочем, поразмыслить об этом я мог позже, а пока Кьярра вернула меня в теплый, особенно по сравнению с Багралором, столичный вечер.

Эта часть воспоминаний напоминала колдовские картинки — модную забаву последних лет. На самом деле никакого колдовства в них нет: просто хитроумный прибор с мощным фонарем, картинка на стекле — и вот, пожалуйста, по стене или натянутой простыне гуляют дамы с кавалерами, летят драконы, бегут дикие лошади...

Однажды я видел даже роман в картинках. Поговаривали, это недешевое удовольствие оплатил своей любовнице некий весьма высокопоставленный господин: дама баловалась сочинительством, но, увы, известность обходила ее стороной. Напечатать ее опусы было проще простого, только плати, однако публика не соглашалась читать их даже за деньги, настолько они были многословны и скучны. А заказные рецензии — это совсем не то, чего жаждала душа писательницы... Впрочем, оказалось, что в виде живых картинок с подписями — те изображали самые яркие моменты повествования — ее истории выглядят намного лучше! А уж когда кто-то догадался сопровождать показ музицированием, дело и вовсе пошло на лад. В салоне у самой дамы играл маленький оркестр, в местах попроще ограничивались клавироном, а то и вовсе кто-нибудь брэнчал на трех струнах. Услуги рисовальщика стоили недешево, но, судя по всему, они с сочинительницей нашли друг друга и стяжали скромную славу...

К чему это я?

Ах да, к тому, что воспоминания Кьярры напоминали эти самые колдовские картинки: одна сцена сменяла другую не плавно, как это бывает

в жизни, а рывками.

Вот она возвращается с охоты, усталая, но довольная. Прислушивается — меня еще нет, но я обещал быть к заходу солнца, а до него еще далеко. Переодевается в неудобную одежду, потому что обещала быть наготове на случай визита той же Бет. Больше заняться нечем, и Кьярра выходит в сад.

Драконария на исходе дня пахнет так, что голова идет кругом, но в ее аромате мерещится не только запах металла, но и запах крови. Кьярре кажется, что это не к добру — еще вчера она ничего подобного не ощущала. Значит, что-то неладно. И дело не в цветах, это ведь просто растение, даже не ядовитое, и от него нельзя ждать подвоха. Самое ужасное, что может случиться, если нанюхаешься драконарии, — голова разболится. Это я сказал Кьярре, закрыв на ночь окно. А она у себя открыла, и ничего ей не сделалось. Наверно, потому что они с этим растением почти что родственники, зовутся похоже, а вот я...

Тут картинка сменилась, видимо, Кьярра смутилась, когда поняла, что раскрывает свои рассуждения обо мне.

Кьярра сидит у окна. Долго сидит и принохивается — не иду ли я. Но меня все нет и нет, и солнце, чтоб ему провалиться, еще слишком высоко. Оно даже не цепляется за крыши домов, а значит, ждать придется долго.

Заняться нечем. Искать знакомые буквы в книгах скучно. Даже если они складываются в слова, некому объяснить, что эти слова означают. Писать, как люди, Кьярра не умеет. Попробовала — разлила чернила и долго оттирала пятно на столе. Не вышло. Прикрыла стопкой бумаги — может, я не замечу или решу, что чернильницу перевернул предыдущий жилец. Ругать не стану, Кьярра знает, но все равно обидно — человеческое тело такое неуклюжее...

Попробовать порисовать угольком, как я однажды сказал? Но на чем? На светлой обивке стены нельзя — за это точно попадет. Разве что на полу, а потом стереть? Или отправиться в пещеру — там-то можно пачкать стены сколько угодно...

Но чу! Кто-то идет!..

Кьярра замирает на месте, выронив уголек. Это чужие. Одного гостя она узнает — Бет, женщина из поезда. Второго — нет, но, кажется, Бет не хочет с ним идти.

— Я не понимаю, при чем здесь я? — говорит она. Слишком громко говорит.

Кьярра уже знает, что благородные дамы не повышают голос, а кричат только базарные торговки, простолюдинки.

Бет не кричит, но от нее пахнет страхом.

— Повторяю, я не знаю никакой Катталены, — продолжает она. — Ту девушку звали Кьярра. Понятно вам? Кьярра!..

Слов второго человека Кьярра не слышит — он как раз заботится об этом, — но по тону чувствуется, что он пытается в чем-то убедить Бет. Да, верно: он велит ей первой войти в дом и позвать Кьярру. Кьярра знает ее и не станет нападать, а даже если попробует, второй человек будет начеку и защитит Бет.

Кьярра недоумевает, но чувствует, как в хребет вонзаются ледяные иглы, — так она ощущает опасность. Можно уйти сию же секунду, но она хочет узнать, что нужно незнакомцу. И еще думает о том, что я скоро вернусь — и попаду в ловушку, а она даже не может меня предупредить. Умела бы — написала записку... Нет! Ее заметят, а если спрятать, я не успею найти вовремя...

Признаюсь, на этом моменте я растрогался. Одновременно мне сделалось смешно, и, кажется, Кьярра рассердилась.

— Да говорю же вам, я даже предположить не могла! — снова слышен голос Бет. — Но если вы так настаиваете, я войду, конечно...

Открывается входная дверь — Кьярра не заперла ее, вернувшись из сада, — слышны шаги.

— Кажется, никого нет дома! — снова очень громко говорит Бет, а мужчина (теперь хотя бы это ясно) что-то бубнит в ответ. — Похоже, слуг здесь не держат... Хорошо, хорошо, я позову... Кьярра! Кьярра, ты здесь, дитя мое?

А она вдруг вспоминает мои слова. Ищет на полу уголек, но хлопает себя испачканной рукой по лбу — на полу я могу и не заметить послания, а на стене его увидит кто угодно!

На столе — неприбранные остатки завтрака. Я торопился, а Кьярре беспорядок безразличен. Хлеб, кусочек сыра... все не то! Солонка... Соль похожа на песок, а Кьярра когда-то выводила на нем палочкой буквы.

Соль высыпана на стол, Кьярра разравнивает ее ладонью и пальцем выводит стрелочку: «Я улетела». И пытается нарисовать рядом дракона, но ничего не выходит, получается какая-то закорючка!

Чужие шаги уже совсем рядом — шелестит подол Бет, уверенно топает мужчина. Кьярра по-прежнему не может учуять, что он собой представляет, а значит, это чародей. Только они могут спрятаться, закрыться от других, притвориться обычными людьми. Этот перестарался — от любого человека хоть чем-то да тянет. Простеньким амулетом на удачу, соседским или собственным сглазом — «чтоб тебе провалиться!», «типун тебе на язык» — такое летит во все стороны, люди даже не задумываются, что говорят...

Нужно спешить. Кьярра торопливо дорисовывает на рассыпанной соли мотылька-дракона и загогулину-гору и шагает прочь — на Багралор. Там никто не достанет, я ей так сказал.

Только она не уходит совсем. Остается на тайной дороге, так, чтобы видеть происходящее в гостиную.

А там ничего не происходит. Бет — изящная, прямая, как всегда, сидит на стуле. Кьярра немного завидует ее манерам, но подражать не пытается: пробовала, видела в зеркале, как это выглядит в ее исполнении, и перестала. Очень уж смешно. Я бы точно засмеялся, пускай и про себя, а это обидно.

Мужчина — он чем-то знаком Кьярре, но она по-прежнему не чувствует его сути — прохаживается взад-вперед. Он взволнован и раздосадован ожиданием, но покамест держит себя в руках.

Бет пытается заговорить с ним — тщетно. Он велит ей подождать и уходит обыскивать дом. Она принимается рассматривать обстановку. От ее взгляда ничто не укроется — вот она увидела растоптанный уголек на полу. Отпечатки вымазанных в саже пальцев на столешнице. Рассыпанную соль и рисунок на ней, такой неуклюжий...

Бет отводит взгляд в сторону. На губах ее играет едва заметная улыбка, но когда возвращается мужчина, Бет снова само спокойствие. В доме никого нет, надо же. Наверно, уехали. Нет, не сообщал, не писал, хоть и обещал. Ничего не знаю, господин Виркен.

Кьярра смотрит на него издалека и никак не может вспомнить, где видела его раньше. У драконов отличное зрение, но что толку? Им недосуг разглядывать людей с высоты, а чародеев они различают иначе. Но этот — особенный. Он ищет Кьярру и меня. Кто это может делать? Да еще вместе с Бет?

Ответ один — это Сарго. Выглядит иначе, ну и что? Я тоже покрасил волосы и приклеил на лицо какие-то дурацкие «бакенбарды»!

Кьярра не очень-то рассмотрела Сарго, пока была в плену. Не до того, когда тебе в морду хлещет струя воды или когда разжимают зубы, чтобы впихнуть в глотку дневную пайку мяса. Она узнала бы его из тысячи, не примени он маскировку, но он подстраховался. Столица — не большая дорога, здесь умельцев хватает, так я говорил.

Может, он узнал, что Кьярра сделала с Троддой, и пришел мстить за нее? Слишком рано, чародейка еще не очнулась. А пока она не вылечится, никто и не поймет, что она потеряла память! Или Сарго настолько сильный чародей, что умеет определять такое сразу?

Или он просто ловит Кьярру? Ему заплатили много денег за дикого

дракона, а он упустил добычу. Заказчик шкуру с него за это сдерет, так я сказал, вот Сарго и старается. Нашел Тродду, нашел Бет, услышал о нас и догадался...

Мысли текут, время идет, Кьярра не двигается с места. Драконы могут сутками караулить добычу. Дикие, конечно, зачем это прирученным? Их кормят люди...

Кьярра часто сердится на себя за то, что думает плохо и медленно. На этот раз, кажется, вышло хорошо и быстро, только она не может сказать об этом мне. Не может найти меня в столице и увести прочь от домика в зарослях драконарии. Значит, придется ждать. Я ведь обещал вернуться к заходу солнца.

«Что тебе мешало подкараулить меня у калитки? — невольно подумал я. — Или у входной двери?»

«Я не глупая! — вспыхнула Кьярра. — Сарго бы почуял! Он разбросал вокруг дома что-то... ну... колдовское. Только ты наступил — и он узнал, что ты идешь. А если бы я...»

«Достаточно было доли секунды, чтобы сграбастать меня и утащить прочь. Сарго ничего не успел бы сделать, он ведь был в доме».

Подумав такое, я почувствовал себя распоследней свиньей. Спасали меня, изволите ли видеть, не так! Лучше надо было спасать, быстрее!

Судя по всему, Кьярра примерно так же обозвала меня, но все же пояснила:

«Я боялась. Вдруг в саду и на улице другие такие же, которых я не чую? И я не успею... Тогда обоих схватят. И еще Бет. Она не хотела плохого, а Сарго думал, она знает о нас!»

Я молча согласился. Альтабет действительно нам помогла...

Кьярра выжидает. Ей очень хочется вмешаться, но не пускает страх — она слишком хорошо помнит, как это больно, когда крылья протыкают насквозь и стягивают железными тросами, как жгут колдовские печати, как унижительно лежать беспомощной, неподвижной и даже не иметь возможности отказаться от еды...

Если рядом прячутся другие чародеи, они смогут ее одолеть. Один поймал ее сонной. Двое держали в плену. Наверно, трое сумеют захватить и свободную, полную сил.

Ей страшно, и этот страх разрывает на части. Одна половина хочет скорее унести крылья — на Багралор, на равнину, куда угодно, только подальше от столицы и чародеев, в те места, где людей нет и не будет в ближайшую сотню лет! Другая приказывает остаться — ей зачем-то нужен я. Она знает, что чародей поступит со мной не лучше, чем с пленным

драконом, и не хочет, чтобы так случилось...

В этот момент смутился уже я, потому что никто, даже родная мать, не заботился обо мне так, как эта дурацкая дикая... Кьярра! Выжил — хорошо, нет — что ж поделаешь. Неловкое было чувство, а как его назвать... «слов нет», так она говорит.

Что было дальше, я знал, до определенного момента, разумеется. А вот Кьярра не стала мне показывать, что именно творилось после того, как Сарго сорвался на мне. Может, щадила мое самолюбие, но толку-то, я будто не знал, что корчился, как червяк на сковородке, когда чародей взялся за меня всерьез! Может, по иной причине... И я вскоре узнал, по какой именно.

«Я поняла, что он тебя убьет, — сказала она. — Не тело. Тело останется. А тебя — не будет. Этот Сарго — он умелый, так Бет сказала. Может вытянуть из человека... ну... все. Будет пустая скорлупа. На такую тоже можно меня поймать: я просто подумаю, что ты без сознания. Так он решил».

«Ты что, и его мысли прочла?»

«Они были очень сильные. Сложно не увидеть... — Кьярра умолкла, потом гулко вздохнула (костер едва не потух, а меня обдало волной горячего воздуха). — И я решила, что больше ждать нельзя».

Я вспомнил свои полуобморочные видения... До меня, кажется, дошло, почему Кьярра не хочет показывать мне сам процесс моего спасения. Вовсе не потому, что стесняется, о нет...

«Ты что, превратилась посреди столицы?» — только и смог я подумать.

«По-другому я бы не справилась, — с полным осознанием своей вины, но без тени раскаяния ответила Кьярра. — Сарго очень сильный. А когда я человек, я слабая, поэтому... Но ты не волнуйся. Дом развалился и сгорел, но только этот. Там же драконария кругом, она задержала огонь».

«Неужто какие-то кусты могут остановить драконье пламя?» — усомнился я.

«Не остановила, а задержала, — повторила она. — Люди в соседних домах еще не спали. Успели заметить огонь и убежать. Ну, я так думаю».

Я закрыл глаза и подумал, что теперь нас начнут искать абсолютно все. Этаким пожар ни с того ни с сего... Проверят ведь, с чего он вдруг начался, определят, что огонек был непростой, а дальше пойдет-поедет... В такой ситуации Ванеррейна и искать не придется, он сам нас отыщет. И лучше бы первым действительно оказался он, а не хозяин Сарго!

«Сперва крышу снесло, — продолжила Кьярра, — ну, когда я

ворвалась. Там тесно... Я хотела просто схватить тебя и исчезнуть, но вспомнила, что один раз уже не стала убивать Сарго. И вот что вышло!»

«Я правильно понял — на этот раз ты его прикончила?»

«Ну да. А что мне оставалось делать? Я на него наступила, — смущенно призналась Кьярра. — Схватила тебя, Бет и...»

«Погоди, а пожар откуда взялся?»

«Сарго очень сильный, — с заметным сожалением ответила она. — Он не сразу умер и пытался колдовать. И я решила сделать так, чтобы он наверняка умер. После нашего огня люди не выживают, помнишь? Ну вот...»

«Я никоим образом о нем не жалею, — заверил я, — просто надеюсь, что не весь квартал выгорел и обошлось без невинных жертв. Кстати, а куда ты подевала Бет?»

«Она не здесь, — уклончиво ответила Кьярра. — Я покажу дальше».

Не отказываться же было, право слово...

На этот раз я вижу огонь. Все кругом горит, но сложно понять — это ярость застит Кьярре глаза или дом действительно полыхает, как сухая трава?

Раз — она отшвыривает чародея в угол и действительно наступает на него (задней лапой). Два — хватает меня вместе со стулом и протягивает другую лапу за Альтабет. Похоже, когда Кьярра придавила Сарго, чары его ослабли, женщина смогла вскочить, и теперь озирается в панике, но не может найти выхода — кругом огонь.

Кьярра нетерпелива, она хватает Альтабет, поджигает Сарго (он действительно пытается колдовать) и оставляет рушащийся дом...

Картина меняется: теперь мы в лесной хижине, и Кьярра вновь обретает человеческий облик.

Я, признаюсь, позавидовал самообладанию Альтабет: вместо того чтобы закричать или упасть в обморок после того, как ее похитил дракон, она лишь сказала: «Так и знала, что ты не чародейка. Не стой столбом — не видишь, господину Рокседо плохо!»

Они пытаются привести меня в чувство, но ничего не выходит. Не помогает ни излюбленный Кьяррой способ — ведро холодной воды на голову, ни ухищрения Альтабет — у нее, как у всякой знатной дамы, при себе уйма флакончиков с каплями, нюхательными солями и прочей дрянью. Когда я не реагирую даже на вонь жженого пера, выдернутого из чудом уцелевшей шляпки Альтабет, она говорит:

— Нам нужен целитель. Кажется, он...

— Ты лечила Тродду, — отвечает Кьярра. — Сделай так же!

— Я не умею колдовать! Амулеты забрал Виркен, а без них я ни на что не способна... Послушай, — убеждает Альтабет. Волосы ее растрепались, руки испачканы, но она не обращает на это внимание. — Я знаю надежного человека. Это мой личный доктор, я ему доверяю. Если привести его сюда...

Взгляд ее падает на меня, и она добавляет с сожалением:

— Не успеем... Я не чародейка, но чувствую — жизнь покидает его. Виркен хотел его убить, и вот...

— Где живет этот человек? — сквозь зубы спрашивает Кьярра. — Ну?! Ты знаешь его дом? Помнишь, как он выглядит?

— Д-да, конечно, — отвечает Альтабет и тихо вскрикивает, когда Кьярра хватает ее за плечи и вынуждает смотреть себе в глаза...

«Я могу попасть в место, которое видела, — напонила она. — Там я не была, но Альтабет знает, как выглядит этот... как его... госпиталь. Я посмотрела ее глазами, а дальше было просто».

Куда уж проще: похитить известного врачевателя из-под носа у окружающих! Спасибо, на этот раз Кьярра хоть в дракона не превращалась!

Сказать, что бедняга удивился, — значит ничего не сказать. Впрочем, целитель есть целитель, и ему хватило одного взгляда на мое безжизненное тело, чтобы взяться за работу. По-моему, я раза три слышал крики «Мы его теряем!», но Кьярра настолько убедительно пообещала порвать чародея на мелкие кусочки, если он меня не оживит, что это подействовало. А может, я просто оказался очень живучим, кто знает?..

Картинка снова меняется. На этот раз Кьярра стоит напротив Альтабет, за чьей спиной целитель дрожащими руками умывается из ведра — похоже, совсем вымотался. Немудрено, Сарго меня порядком отделал...

— Что ты намерена делать теперь? — спрашивает Альтабет. Она немного бледна, но не теряет присутствия духа.

— Ждать, — говорит Кьярра и косится назад, на меня. — Рок проснется и скажет, как быть.

— А... что будет с нами?

Очень своевременный вопрос, правда, что...

— Ничего. Ты, — Кьярра тычет пальцем в грудь Альтабет (надо сказать, что так делать неприлично), — помогла. Почему?

— Видишь ли, — отвечает та, мягко отводя ее руку в сторону, — в обители хорошо готовят к служению, а это значит не только учиться смирению, но еще и разбираться в людях и их чаяниях. Я помню, как ты смотрела на Санди, то есть Рока, а он на тебя. О каком, право, похищении могла идти речь?

— Не понимаю тебя, — сердито говорит Кьярра, хотя, конечно, все ей отлично ясно.

— Тогда скажу проще: никто из вас не подчинялся другому. Не знаю, друзья вы или нет, но... по меньшей мере — партнеры. Я права?

Кьярра, помедлив, кивает, и спутанные волосы закрывают ее лицо.

— Рок говорит: чтобы стать другом, нужно много времени. Мы недавно познакомились. Поэтому — напарники.

— Ну вот, я же сказала, что нас учат разбираться в людях, — улыбается Альтабет. — И не важно, что некоторые из них... гм... крылатые и огнедышащие.

— Ты сказала, что догадалась — я не чародейка. Как?

— Я повидала множество их за свою жизнь и ни у одного не встречала такой силы. Потому я и заинтересовалась тобой в поезде: обычная необученная девушка не привлекла бы моего внимания — всякое случается, какое мне до этого дело? Но подобное... — Альтабет качает головой. — Я не смогла пройти мимо. Мое любопытство — часть моей природы, настолько сильная, что даже мать-заступница отчаялась совладать с этим и постановила: оно может сослужить мне как злую службу, так и добрую. Все зависит от того, с какими целями его использовать.

— В этот раз хорошо получилось, — говорит Кьярра с невольным одобрением. — Ты все рассмотрела. А еще ты умная: увидела мою картинку и поняла ее. И еще раньше предупредила меня. Ты же нарочно кричала мое имя?

— Конечно. — Оглядевшись, Альтабет присаживается на лавку. — Я подумала, что даже если ты не успеешь сбежать, то тебя хотя бы не застанут врасплох.

— Почему?

— То есть? Почему я это сделала? Сложно сказать... Вероятно, почувствовала — дело неладно. Да, документы у Виркена были в порядке, но что-то... — Она примолкла, подбирая слова. — Что-то в нем показалось мне неправильным. Не сразу, нет. Поначалу я поверила, история звучала так убедительно... Каюсь, я сказала, где вас искать: уже наводила справки, думала навестить, если вы сами не объявитесь.

«Как я и думал, найти нас было легче легкого», — подумал я и вновь припал к развернувшемуся передо мной зрелищу.

— Ты!.. — Волосы у Кьярры чуть ли дыбом не встают от ярости. — Выдала нас!

— Повторяю, сперва мне все казалось правильным, и... — Альтабет пожимает плечами. Ей страшно, но она привыкла держать себя в руках. —

Однако чем дальше, тем меньше доверия он у меня вызывал. Виркен представился офицером сыскного управления, столичного управления, и бумаги его говорили о том же самом, но он очень плохо ориентировался в городе. Обычно такие люди, даже если сами давно не ловят воров по закоулкам, все равно знают все ходы и выходы, либо у них есть надежные провожатые. У Виркена таких не оказалось, и извозчик трижды привозил нас не к тем домам. Я, видишь ли, не назвала ему точного адреса — только приметы. Опытный человек и по ним бы легко нашел нужный квартал, но...

Альтабет улыбается и добавляет:

— В столице любят драконарию — лучшей живой изгороди и не придумать, она растет в каждом втором дворе, а домики на съем все на одну крышу — немудрено спутать. Забавно, правда?

Кьярра пожимает плечами — она плохо понимает человеческие шутки.

— Окончательно я поняла, что Виркен не тот, за кого себя выдает, уже по дороге. Он наконец рассказал детали истории, и когда я услышала имя похищенной девушки, то убедилась — все это ложь с первого до последнего слова. И если кто-то и охотится за вами двоими, то причины отличаются от озвученных.

— Имя девушки?

— Ну да. Ты не слышала? Виркен сказал — это Катталена Киорран. Но, — Альтабет снова улыбается, — он не был в курсе, что я прекрасно знаю мать Катталены и ее саму. Она еще сущее дитя, ей всего двенадцать лет, и вы с ней ни капли не похожи!

— Зачем ты вообще с ним поехала? — Кьярра пропускает ее слова мимо ушей. — Если он неправильный? Позвала бы своих людей. Разве у тебя нет сильных слуг?

— Есть, разумеется, но он ведь чародей. Мне не хотелось подвергать их риску. Возможно, Виркен не стал бы их убивать, но мог покалечить.

— Слуг тебе жалко, а себя и нас с Роком — нет? Так, выходит?

— Я надеялась, вы сумеете постоять за себя, — после паузы говорит Альтабет. — И хотела попытаться предупредить. У меня ведь почти получилось! Что до меня самой... я уже немолода и не слишком боюсь смерти.

— А пыток тоже не боишься? — спрашивает Кьярра, кивнув на меня. — Думаешь, Сарго не стал бы мучить тебя, если бы Рок не пришел так скоро? Вдруг бы он решил, что ты знаешь, где я прячусь, только не хочешь говорить?

— Но я ведь не знала, поэтому не могла выдать больше того, что уже

сказала, — отвечает та. — Чародеи легко определяют, правду ли отвечает человек. То, что мне немного удавалось сопротивляться воле Виркена, не означает, что я смогла бы долго запереться во время допроса... Но, думаю, он и так понял, что большего, нежели уже сказанное, я и впрямь не знаю.

— Он бы тебя убил. Чтобы ты не проговоришься.

Альтабет только вздыхает: дескать, на все высшая воля. Удобно все-таки быть верующим человеком: всегда есть, на кого свалить собственные и чужие просчеты и ошибки.

— А ты что сделаешь с нами? — спрашивает она наконец.

— Не знаю, — отвечает Кьярра, наморщив лоб. — Рок скажет, когда проснется. Пока побудете здесь.

— Кьярра, а где это — здесь? — Альтабет выразительно указывает на распахнутую дверь, за которой виднеются вековые сосны. — Куда ты нас занесла?

— Не важно. Тут есть еда и вода. И дрова. Опасных зверей нет. Не умрете, — заключает она.

— Но нас хватятся! Господина Эррина уж точно, да еще после того, как он исчез среди бела дня прямо из госпиталя! Я правильно поняла?

Целитель, высокий, крепкий, с руками-окороками — вылитый мясник из моей родной деревни, — молча кивает, достает из кармана кисет и жестом просит позволения закурить. Никто не возражает, и он сворачивает самокрутку: руки подрагивают, накорри просыпается мимо. Наконец он прикуривает, в две затяжки приканчивает свою «драконью ножку» и обретает дар речи:

— Не удивлюсь, если меня уже с драконами ищут.

— Очень смешно... — бормочет Альтабет, но вовремя спохватывается: лекарь-то не знает об истинном облике Кьярры. — Подозреваю, здесь нас никто не отыщет.

— Никто, — подтверждает Кьярра. — Но я не буду вас убивать. Рок придумает что-нибудь. Он скоро проснется?

— Не знаю, милая девушка, ничего не могу сказать наверняка, — качает круглой головой целитель. — Учитывая то, как с ним поработали... и то, что пару раз он все-таки умер, еле удалось откачать...

— Умер? — удивленно спрашивает Кьярра. — Но он же дышит!

— Сейчас — да, — лаконично говорит Эррин. — Но сердце у него останавливалось. Впрочем, он явно парень крепкий, так что должен очнуться рано или поздно.

«Лучше бы тебе сделать это поскорее и вытащить нас отсюда!» — читается в его взгляде, брошенном на меня.

— Тогда будем ждать, — решает Кьярра. — Вы останетесь здесь. А я заберу Рока.

— Куда заберешь, как?! — Целитель роняет вторую самокрутку. — Ему покой нужен! Этот мясник из него фарш сделал, я еле сумел собрать, как было...

— Virtuозная работа, господин Эррин, — с уважением говорит Альтабет, — да еще в полевых условиях!

— Не льстите мне, госпожа Суорр, — хмуро отвечает он. — И не пытайтесь сменить тему. Я не позволю трогать пациента с места! Если уж вы озаботились тем, чтобы неведомым образом приволочь меня в эту глушь и заставить спасти жизнь какому-то авантюристу, то извольте впредь слушать мои рекоменда...

Договаривал он, очевидно, в пустоту: Кьярра не стала слушать, просто подошла ко мне — а затем кругом оказались обледеневшие стены пещеры на Багралоре.

«Вот и все, — сказала она. — Потом я ждала, когда ты проснешься. Долго ждала».

«Сколько?»

«Три дня и три ночи. Скоро рассветет».

«Те двое еще живы, ты проверяла?»

«Живы, конечно. Что им сделается? Только Эррин ужасно ругается и требует показать тебя ему».

«Может, стоило так и сделать?» — осторожно спросил я.

«Нет. Сюда я его вести не хочу, а та хижина... Не очень надежное место. Ты говорил: там бывают другие люди. Провожатые могут ее найти, даже случайно. А таскать тебя туда-сюда вредно, так и Эррин говорит. И вообще, ты живой. Только очень слабый, но это не страшно», — уверенно заключила она.

«Да, в нашей команде за силовую поддержку отвечаешь ты, а я — мозговой центр, — не сдержался я, и Кьярра сощурилась. — Разделение обязанностей, не слыхала о таком?»

«Ты очень много думаешь, — проворчала она. — Эррин велел накормить тебя, как проснешься. Если не захочешь — силой».

Я прислушался к себе. Слабость ощущалась, и еще какая, но голодным я не был. Как обычно, впрочем. Правда, мне не хотелось представлять, как Кьярра станет меня кормить. Вряд ли она приготовила целебный бульон с травами, а значит, поступит по-своему, по-драконьи — впихнет в меня пережеванное мясо, чтобы мне не пришлось утруждаться. Нет, это не самое ужасное из того, что мне доводилось пробовать, но все же я предпочел бы

обойтись без такого опыта.

«Но я подумала, — неожиданно продолжила Кьярра, — что мы хорошо ели перед... ну... Поэтому я не буду тебя мучить. Сам скажешь, когда захочешь. А пока ты будешь спать. Эррин дал зелье для хорошего сна».

«Опять возьмешь меня под крылышко?» — с этим я еще готов был смириться.

— Нет, — ответила она, снова обернувшись человеком (между прочим, я стукнулся затылком, когда Кьярра меня выпустила). — Тогда я не услышу, если тебе будет плохо. А когда почувствую, может быть поздно. Я буду смотреть за тобой и за костром.

«Отлично, я окажусь меж двух огней», — ухмыльнулся я, прежде чем покорно проглотить зелье. Горло обожгло, в голове мгновенно зашумело, и ответа Кьярры я уже не слышал — отключился...

Глава 23

Вообще-то я полагал, что целитель должен был передать для меня зелье сна без сновидений, но не тут-то было. Хорошо еще, не кошмары мерещились, вовсе даже наоборот: что-то неопределенное, но до крайности приятное, теплое и... «нет слов», по выражению Кьярры.

Главное, на этот раз я очнулся бодрым, полным сил (ну, насколько было возможно) и чудовищно голодным. Собственно, потому и проснулся, что учуял запах: Кьярра жарила на костре добычу и выглядела заправской доисторической женщиной, какими их описывают сочинители — волосы дыбом, лицо опять в саже, из одежды — одна рубашка, и та драная. Лучше бы, конечно, это была чья-нибудь шкура, но по здравом размышлении я передумал — плохо выделанные, они воняют.

— Что ты со мной сделала? — спросил я прежде, чем вспомнил, что осип. Однако голос вернулся.

— Ничего, — пожалала плечами Кьярра и посмотрела на меня через плечо. — Смотрела, как ты спишь. Немножко грела.

Я сел и ощупал себя. Ребра ныли, как будто я угодил в объятия к какому-нибудь костолому, но вроде были целы. Вчера, к слову, ничего подобного не наблюдалось. Или не вчера, я затруднялся определить, сколько прошло времени. Синяков тоже хватало, но это пустяки...

— Точно ничего? — с подозрением переспросил я. — Значит, зелье подействовало. Там, наверно, не только снотворное было?

— Наверно, — согласилась Кьярра. Она была как-то подозрительно тиха, и это настораживало. — Держи!

Я поблагодарил ее кивком и какое-то время мог думать только о еде. Потом, правда, до меня дошло, что я держу кусок только что с огня голыми руками и... Нет, горячо, конечно, но это не шло ни в какое сравнение с обычными моими ощущениями. И Кьярра вчера не жглась, вспомнил я, она была очень теплой, не более того.

Вот тут-то я и заподозрил неладное... Пользуясь тем, что Кьярра отвернулась, я поднял руку, попытался поймать ветерок, благо сквозняков в пещере хватало, но... Тщетно. То есть я ощущал холодок на пальцах, но не чувствовал его, как прежде. Не мог ощутить, откуда прилетел этот ветер, куда направляется, не мог ухватить его, как прежде...

В книгах пишут: «Страшная догадка пронзила его». Вот и меня она... пронзила, особенно когда я догадался оглядеться и не увидел ни единого

тайного пути. Они должны были быть здесь, Кьярра ведь ходила в лес и на равнину, и в столице тоже бывала, так что следы не могли исчезнуть. Но я их больше не видел. Совсем.

— Ты понял, что случилось, — утвердительно произнесла Кьярра, так и не поворачиваясь ко мне лицом.

— Нет, но догадываюсь... — ответил я. — Сарго, да?

Она кивнула.

— Эррин же говорил: ты умер. Даже не один раз. Если бы я не успела его найти...

— Ты не отвлекайся, — попросил я, пока она не начала шмыгать носом. — Что еще сказал Эррин?

— Сарго вытягивал из тебя жизнь. Не просто ломал кости по-всякому, а еще и...

Ну что ж, я угадал: он собирался сделать из меня безумного калеку.

— Он почти всю забрал, — добавила Кьярра и все-таки повернулась ко мне. — Осталось на доньшке. Но это просто жизнь, можно удержать, вот как Эррин сделал. Но Сарго еще высосал твою силу. Всю, целиком.

— Ясно, — пробормотал я, глядя в огонь.

Обидно: только я наловчился видеть драконьи пути — и на тебе! Сиди теперь, как пришитый, на одном месте... А может, это такой намек мироздания? Дескать, хватит тебе, Санди, бродить невесть где, пора осесть и доживать жизнь, как нормальные люди... Денег у меня предостаточно, так что не пропаду.

Кьярра упорно смотрела в сторону. Мне показалось, что лицо у нее немного осунулось, от переживаний, наверно.

— В этом даже есть свои плюсы, — сказал я, чтобы не молчать.

Не хотелось думать о потерянном: пустота на его месте ощущалась странно и неприятно. Не болезненно, но... сунешься — а там ничего нет, будто и не было никогда. А я уже и не помню, как жил прежде, когда еще не приспособился управляться со своим даром! Придется учиться заново, что поделаешь!

Ложиться и умирать от тоски я всяко не собирался. Уж наверно Кьярра подбросит меня до Таллады, а там я не пропаду. Денег в самом деле с лихвой на оставшийся мне век хватит, да и дорог — обычных, конечно, — тоже...

— Какие? — спросила Кьярра, и я очнулся.

— Я теперь могу ходить без перчаток, — пояснил я. — Минус примета, к слову. И, похоже, спать тоже смогу. А если еще и голова болеть перестанет, так это же вообще красота! Такому радоваться нужно, а не

горевать.

— Тебе совсем не жалко? — удивленно спросила она. — Что ты больше не сможешь пойти, куда хочешь?

— Да как же не жалеть, — усмехнулся я. — Только какой в этом смысл? Оторванную руку целитель может пришить на место, а дар не вернешь. Ищи его, как ветра в поле! Эй, ты что?..

Кьярра придвинулась ближе и, как в прошлый раз, уткнулась лбом мне в плечо. Теперь я мог ее обнять, не опасаясь обжечься и почувствовать... что-то лишнее, одним словом. И она, помедлив, тоже осторожно обняла меня. Признаюсь, это было приятно.

— Я старалась вернуть все, как было, — глухо проговорила она. — Не получилось. С жизнью просто: я взяла и поделилась с тобой. Как мама тогда. А с даром так не выходит. Он совсем пропал, Рок... Улетел... Ты правильно сказал — как эти твои ветерки.

— Ты... что сделала?

Впрочем, я мог не спрашивать. Откуда, спрашивается, у меня такой прилив сил, если вчера я лежал пластом и не то что шевельнуться, слова выговорить не мог?

— Кьярра, я счастлив уже потому, что выбрался из такой передрыги живым, — искренне сказал я и погладил ее по кудрявой голове. — Если бы не ты, Сарго точно бы меня убил.

— Если бы я думала быстро, ничего бы не случилось! — яростно выпалила она и хотела отстраниться, но я не пустил. Впрочем, если бы Кьярра захотела вырваться, я бы ее не удержал. — И раньше... со старыми людьми! Лучше бы я вообще никогда их не видела! Делала, как мама говорила, и даже близко к людям не подлетала!

Я прикусил язык; Кьярра была совершенно права, но говорить об этом не стоило.

— Ты тоже так думаешь, — уверенно произнесла она. Ну конечно, это я теперь ничего не ощущаю, а Кьярра-то прекрасно меня чувствует! И мысли, к слову, может читать.

Кстати, а вчера-то я ведь разговаривал с ней без слов! Или это возможно только по ее желанию? Похоже на то... А, не о том я думаю!

— Подсматривать в голове нечестно, — сказал я.

— Ну и что... — Она снова боднула меня в плечо. — Зато сразу все видно.

— Что тебе там видно?

— Ты думаешь — я глупая, что полетела к людям. Это потому, что я не умею думать надолго.

— Наперед, ты хочешь сказать?

— Да. И не знаю их. Из-за меня много чего случилось. Но ты... Ты не злишься, — неожиданно завершила Кьярра. — Почему?

— А смысл? Что случилось, то случилось. Задним умом все крепки, но только время-то вспять не повернешь. И ты действительно не виновата в том, что многого не знаешь и не умеешь. Зато быстро учишься, — сказал я. — Жаль только, делать это приходится в таких вот условиях. Послушайка... Послушай, говорю!

— Чего еще? — спросила она, недовольная тем, что я заставил ее поднять голову и увидел мокрые глаза. Вот ведь, дракон — а ревет, как обычная человеческая девчонка!

— Из того, что ты наговорила, я понял — ты поделилась со мной своей силой, — сказал я. — Сказала еще «как мама». Наверно, она так же лечила твоего отца, а? Но что именно вы обе делали?

Вообще-то я и сам догадался. Трудно, знаете ли, этого не понять. Синяки, опять же, которых вчера не было... Силища-то у Кьярры нечеловеческая, а соразмерять ее она не умеет! Спасибо, кости целы остались.

И, не скрою, мне хотелось полюбоваться на ее реакцию.

— Сам будто не понял, — буркнула она и отвернулась. Даже не покраснела... — И это тоже вышло не так. Я все плохо делаю!

— Почему не так? — не понял я. — То есть... м-м-м... я предпочел бы пребывать в сознании. Я понимаю, что ты действовала с самыми лучшими намерениями, но пользоваться моим беспомощным состоянием — это...

— Нехорошо, — закончила Кьярра. — Я знаю. Ты еще отбивался.

— Неужели? — неожиданно развеселился я, но она даже не улыбнулась.

— Отбивался. Я подумала — это потому, что немножко дара еще осталось, и тебе неприятно, когда я тебя трогаю. Значит, его можно раздуть, как костер из искры. Но не вышло... — Она посмотрела мне в глаза и добавила с отчаянной решимостью: — Если что и было, я это затушила до конца. Опять неправильно сделала...

— Да и ладно. Знаешь, лучше разом лишиться всего, чем остаться с жалкими огрызками прежних возможностей.

— А еще это было нечестно, — гнула свое Кьярра.

— Почему? — не удержался я.

— Потому что я тебе не нравлюсь. Но я хотела сделать лучше, а вышло...

— Будет тебе. Я же действительно ожил! Правда, — добавил я,

прислушавшись к ощущениям, — аппетит ты могла бы оставить при себе.

— Ты опять смеешься, Рок, — сказала она, — но на самом деле тебе не весело.

— Как сказать... А еще я догадываюсь, почему все пошло не так.

— Почему?

— Да потому что я был без сознания, а ты — совершенно неопытная. Я прав?

Вот на этот раз Кьярра все-таки покраснела.

Честное слово, я не хотел знать, что именно она вытворяла с моим бесчувственным телом, и с которой попытки ей удалось... м-м-м... поделиться силой. Когда я себе это представлял, меня разбирал неприличный хохот, но я жестоко давил его — Кьярре и так досталось, нечего издеваться. Она ведь в самом деле хотела как лучше и поступила так же, как ее мать. Откуда ей было знать, что не все получится, как задумано? Наверно, потому, что я не чистокровный дракон, как ее отец.

— Ты прав, — сказала вдруг она. — Это было ужасно смешно. То есть ужасно, но смешно тоже... Не поверишь — я из сил выбилась! А ты как бревно... совсем не похоже на то, что мама говорила...

Тут я представил, как она сверяется с матушкиными инструкциями, и это стало последней каплей — все-таки не выдержал и захохотал в голос, и Кьярра, помедлив, тоже. Я еще ни разу не видел, как она смеется — будто первый раз в жизни, сама не понимая, что за странные звуки издает и почему.

— Знаешь, — сказал я, когда нас немного отпустило (по-моему, смех был нервным, и немудрено!), — если что-то не получилось с первого раза или получилось не так, нужно повторить. Иначе потом хуже будет.

— Мама так говорила, — кивнула Кьярра, но тут же с подозрением уставилась на меня: — Зачем?

— Ты же сама сказала — было ужасно. Надо сделать хорошо, — постарался я объяснить попроще. — Иначе это никуда не годится!

— Ты не хочешь, — тут же ответила она. — Я тебе говорила: у тебя кровь не волнуется, когда ты на меня смотришь. Наверно, еще и поэтому не вышло.

— Нет, что-то все-таки вышло, раз я жив и более чем бодр. А волнение крови, как ты это называешь, и техника — немного разные вещи. Когда есть и то, и другое — это замечательно, — сказал я. — Но, думаю, страсти у тебя на двоих хватит, а опытом поделюсь я. По-моему, это будет вполне... хм... по-партнерски. Ты не забыла, что мы напарники?

— Не забыла. — Кьярра уставилась мне в глаза. — Я думала об этом.

Долго, пока ты спал.

— И что надумала?

— Ты не можешь больше видеть дороги. Виновата я. Значит, я буду водить тебя.

«Дракон-поводырь для провожатого! — невольно пришло мне в голову. — Как звучит-то, хоть роман так называй! Жаль, я не писатель... Может, попробовать? Вдруг пойдет? Вот и занятие — моих приключений на сотню томов хватит, особенно если припомнить байки знакомых!»

— Опять смеешься! — осуждающе сказала она. — Я не шучу, Рок. Ты думал: буду жить на одном месте. Но ты не сможешь. Ты привык всегда быть в пути. Без этого ты заболеешь или... ну... что люди делают?

— Сопьюсь и помру в канаве? — предположил я. — Да, случается такое. Но, думаю, мне это не грозит. Я вот в дальних колониях бывал только мимоходом, а ведь давно хотел посмотреть те края, там много интересного. Куплю билет на транспортник — всего и дел! — да и отправлюсь. Уж найду, чем заняться...

— Ты говоришь лишнее, — нахмурилась Кьярра. — Не о том.

— О чем же мне говорить? О том, что ты хочешь приковать себя ко мне? Я против. Нет, в целом идея мне нравится, но подумай сама: тебя ведь любой чародей мгновенно засечет! А провожатые часто имеют с ними дело, и не с плохонькими, а вполне серьезными специалистами. Еще поползут слухи о том, что Рок Сандеррин теперь не выходит в дорогу один, хотя сроду не брал ни напарников, ни учеников. Многие непременно попытаются разузнать о тебе побольше...

— Ну и пускай!

— Нет, не пускай! Подобные слухи — такая штука... Понимающим людям ничего не стоит собрать все детали воедино и сообразить, что именно здесь неладно. А если это дойдет, — я кивнул наверх, — до тех, кто за тобой охотился, тогда я за наши жизни фальшивой монеты не дам. Второй раз они не оплошают, и тогда Сарго нам покажется милым котеночком!

— Я видела котят, — сказала вдруг Кьярра. — У старых людей. Они больно царапаются и ловят птиц. И играют с добычей.

— Угу. А на этот раз возьмут и пришлют за нами живоглота какого-нибудь, да не одного, чтобы и ты не отбилась.

— А отец? Ты говорил, он может помочь!

— Мы до него так и не добрались, — напомнил я. — Вдобавок, после того, что мы учинили в столице, я как-то сомневаюсь, будто он захочет нам помогать. А спрятаться мы и сами в состоянии.

— Все равно нужно попробовать, — упрямо сказала она. — Можно попросить Бет. Она сможет к нему попасть! Она уже поняла, кто я, и теперь...

— И теперь ее вполне могут убрать вместе с нами. Слишком много знать опасно для жизни.

— Значит, ты будешь прятаться?

— Больше мне ничего не остается. И тебе рекомендую поступить так же.

Тут я вспомнил одну из ее прежних идей и предупредил на всякий случай:

— Учти, если ты намерена похитить меня и держать в плену, чтобы не слишком скучать в одиночестве, имей в виду — это плохая идея. В неволе я точно скоро сдохну. Или с ума сойду, если не сумею придумать, как удрать... отсюда вот, к примеру. Впрочем, с Багралора — только головой вниз...

— Я такого не думала, — с обидой сказала Кьярра. — Я же сама сказала: ты не сможешь жить на одном месте! Если бы я захотела тебя убить, то сделала бы это быстро! Я с добычей не играю, я не кошка!

— Хоть на том спасибо. А вообще мы ушли в какие-то дебри.

Кьярра не уточнила, где я увидел в пещере дебри, а это означало, что она настроена серьезно.

— Мы вроде бы собирались повторить попытку, — попытался я сменить тему. — Правда, лучше заниматься этим в каком-нибудь приличном месте. И еще: для начала я не отказался бы вымыться. Тебе бы тоже не помешало.

— Я знала, что ты так скажешь! — выпалила Кьярра и вскочила. — И приготовила...

Увернуться я не успел — она вылила мне на голову ведро холоднющей воды, коварно спрятанное за камнем, а сама ринулась к выходу, превратившись на ходу.

— Эй! Ты же другого цвета была! — крикнул я вслед, но не был уверен, что она услышала.

Нет, ну правда: прежде Кьярра не могла похвастаться красивой мастью — была серо-бурой, как дикий камень, а теперь сделалась голубовато-стальной. Может, просто снаружи дождь, а я не успел проморгаться, вот и принял мокрый блеск за смену окраски? Нет, не было дождя, солнце светило...

В ее отсутствие я худо-бедно привел себя в порядок — Кьярра не поленилась притащить в пещеру бочку от лесной хижины, да и теплую

одежду не забыла. Не мешало побриться, но было нечем. Впрочем, я не сильно зарастаю, да и перед кем красоваться? По щетине выходило, что я провалялся без сознания примерно трое суток, как и сказала Кьярра.

Чтобы не замерзнуть, я развел костер пожарче (с дровами Кьярра тоже не мелочилась и, похоже, все-таки приволокла пару бревен), проинспектировал припасы и понял, что смерть от голода и холода в ближайшую неделю мне не грозит, даже если напарница моя не вернется. А вот потом действительно останется только нырять головой вниз с Багралора: спуститься отсюда без снаряжения и думать нечего. Да и с ним я бы не сумел: ну какой из меня покоритель вершин? Я высоты побаиваюсь, как недавно понял...

Все-таки я надеялся, что Кьярра сменит гнев на милость, внемлет гласу рассудка и так далее. В смысле — снимет меня с этой горы и отпустит с миром. Я не буду возражать против ее визитов. Даже, наверно, стану скучать по ней. Не настолько, чтобы жить воспоминаниями от встречи до встречи, но все же.

Без Кьярры, конечно, будет легче: не нужно думать, как спрятать ее — мне самому бы теперь спрятаться, раз я не способен отличить в толпе чародея от обычных людей, — как научить чему-то, убедить вести себя прилично и попутно растолковать, что такое приличия... Но и попасть в неведомые края я уже не смогу.

Интересный выбор, как ни крути. Хотел бы я знать: Кьярра сама-то понимает, что именно мне предложила? Понятно, физически я не представляю для нее никакой опасности: дракон сильнее человека, а еще она в любой момент может передумать и оставить меня посреди дороги — выбирайся, как знаешь. Но... Память-то моя при мне. Сведения о диком драконе стоят дорого, судя по всему. И что же? Кьярра настолько мне доверяет? Даже не думает, что я могу обменять информацию о ней на собственную спокойную жизнь? Заманить в ловушку и умыть руки? На самом деле не выйдет, но ей-то откуда знать тонкости таких сделок? Или рассчитывает на то, что успеет уловить мои недобрые намерения, прочесть мысли? Большая радость жить в ожидании подвоха...

— Ерунда какая-то, — сказал я вслух и кинул в костер полено, подняв сноп искр.

Никогда не вступал ни с кем в длительные отношения (не считая рабочих, как с Веговером) и не собирался. А тут буквально за уши тянут. Отказаться-то можно, да вот не пожалею ли я об этом? Ведь пожалею, только поди поищи тогда Кьярру, уговори сделаться моим поводырем...

Не знаю, долго ли я гонял мысли по кругу, только вдруг услышал

хлопанье крыльев и насторожился: мне почудилось странное эхо.

— Вот! — с отчаянием в голосе выпалила Кьярра, и теперь я расслышал шаги, тоже с эхом. — Он не соглашается! Ни за что!

— В самом деле? — с усмешкой произнес мужской голос. — Позволь же наконец взглянуть на этот феномен...

— Добрый вечер, командующий Ванеррейн, — сказал я, когда они появились на пороге. — Ужинать будете?

Кьярра зашипела на меня по-змеиному, когда я встал навстречу тому, кого мы так долго искали. Очевидно, пока я валялся в отключке, Кьярра завершила начатое. Может, попросила Альтабет помочь, может, сама справилась, поди разбери? А гораздо вероятнее — сам Ванеррейн нашел ее, когда узнал об учиненном в столице разгроме. Если до него уже доходили слухи о диком драконе, то ему не составило труда сложить два и два и вспомнить о Багралоре. Он ведь мог сюда попасть...

А если выяснится, что это он посоветовал Кьярре метод лечения, я... нет, шею я ему не сверну, конечно, силенок не хватит, но словесно выражу неодобрение. Должна же существовать хоть какая-то мужская солидарность, даже если он дракон!

— Не откажусь, — сказал он, не протягивая руки. Поймал мой взгляд и пояснил: — Говорят, вы никому не пожимаете руку, господин Сандеррин.

— Это в прошлом, — ответил я, выбирая кусок поаппетитнее. — Впрочем, действительно не стоит — я перемазался по локоть, а вы при параде.

На этот раз Кьярра зарычала, и Ванеррейн взял ее за плечо.

— Полетай-ка, сделай над горой столько кругов, чтобы устать, — негромко велел он. — Когда устанешь, сделай еще столько же. Повторяй, пока крылья держат. Начнешь падать — окупись в море, отдохни и повтори все с начала.

— Но...

— Это мужской разговор, — отрезал Ванеррейн и подтолкнул ее к выходу из пещеры. — И смотри не попадись никому на глаза!

— Сама знаю! — огрызнулась Кьярра и вылетела прочь, едва не загасив костер.

Искры и пепел взметнулись так, что я долго чихал, а мундир Ванеррейна пришел в неопишное состояние.

— Вылитая мать, — сказал он и попытался отряхнуться. Безуспешно. — Ни малейшего понятия о приличиях, зато какой темперамент!

— Гхм... — только и смог я сказать.

— Ну что, господин Сандеррин? Поговорим о ваших похождениях? — предложил Ванеррейн, присаживаясь на камень. — Впрочем... Полагаю, вы о многом догадались сами, но вас все еще одолевают вопросы. Спрашивайте, я отвечу.

Глава 24

Я молчал, собираясь с мыслями. Он тем временем вынул портсигар (теперь уже не с рисунком на крышке — с гравировкой и как бы не алмазным вензелем) и предложил мне закурить. Я не отказался. Накорри был отменный, почти как у Веговера. Может, даже поставщик один и тот же.

— И давно у вас так? — спросил я наконец, выпустив ароматный дым. Он колечками поплыл к потолку пещеры, но сквозняк вытянул их наружу.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... — Я неопределенно поводил свободной от курительной палочки рукой в воздухе. — Драконы правят миром и все в том же роде.

— Драконы не правят миром, — мягко поправил он и стряхнул пепел в костер. — Нам это совершенно ни к чему. Мы по натуре своей исследователи, созерцатели и хранители, если угодно, но никак не захватчики.

— В самом деле? Воюете вы, однако, отменно.

— Что поделать. Жить захочешь — не так извернешься. Это, — Ванеррейн снова глубоко затянулся, — наследие таких древних времен, что у нас даже легенд и преданий о них почти не сохранилось. Вроде бы тогда нам приходилось защищаться от хищников, по сравнению с которыми мы сами — так, безобидные твари вроде летучих рыбок.

— У них шипы ядовитые.

— А у нас дыхание огненное, — пожал он плечами. — Но все это к делу не относится, господин Сандеррин.

— Называйте меня Санди, иначе я чувствую себя, как на допросе. Или не «как»?

— Мы не любим сокращения. Имя дано не затем, чтобы его коверкать, — проигнорировал вопрос Ванеррейн. — Можете тоже называть меня по имени, Рок. И расскажите все-таки, что за теория заговора у вас родилась, мне крайне любопытно послушать!

Я не заставил себя упрашивать. Собственно, теории у меня никакой не было, а вот общие соображения — то, над чем я размышлял еще сидя в библиотеке, — имелись.

— Вам удалось сложить довольно непротиворечивую историю, — сказал он, когда я выдохся и умолк.

— Но в ней наверняка полно дыр?

— Разумеется. Вы создавали ее, исходя из неверных предпосылок. А вернее того, не располагая базовыми знаниями о том, о чем, собственно, взялись рассуждать.

— И почему я не удивлен... — пробормотал я, невольно вспомнив: в сказках драконы обычно любили поговорить с жертвой перед тем, как ее съесть. Совмещали, так сказать, пиршество духа с непосредственно обедом.

— Не стану устраивать подробный экскурс в историю, — сказал Ванеррейн. — Это долго, скучно и не слишком интересно.

— И проходит под грифом «совершенно секретно»?

— Разумеется. Но в общих чертах: когда-то очень давно стало ясно, что нам придется или научиться сосуществовать с людьми, или истребить их, или бежать все дальше и дальше в неизведанные земли в надежде на то, что там никогда не заведется эта напасть. Впрочем, в тех краях зачастую обитает что-нибудь похуже, вроде тварей, из-за которых мы уже однажды покинули родной мир и рассеялись... Сильно рассеялись, — невесело усмехнулся он.

— Дайте угадаю: снова спастись бегством большинство отказалось, а устроить войну на полное уничтожение помешало то, что вас было мало, людей много, и они к тому времени придумали уйму разного оружия? И вдобавок среди них завелись чародеи? Как же это вы просмотрели?

— Да вот... не учли, насколько быстро вы живете, — ответил Ванеррейн. — Одно человеческое поколение для нас — как для вас, Рок, неделя, а то и меньше. Люди, однако, ухитряются за жалкие полвека-век изобрести множество невообразимых вещей, похоронить большую часть этих изобретений в ходе бесконечных войн — и так по кругу. Что до чародеев... мы сами виноваты.

— Хотите сказать, это те, в ком есть ваша кровь? — уточнил я.

— Нет, в них ее как раз нет. Я имею в виду: это мы в незапамятные времена выручили довольно большое племя... не из этого пространства. У них случилась природная катастрофа, людям грозило полное вымирание, вот мы и сыграли в добрых божеств. Нам ведь долго поклонялись, вы в курсе?

— Конечно.

— Ну вот, это их наследие. Забавные у них были ритуалы, с кровавыми жертвоприношениями и еще кое-чем... Через годы и годы это кое-что стало называться колдовством, ритуалы забылись, а остатки того племени смешались с местными жителями. Чародеи — их потомки.

— Надо же, какие превратности судьбы, — пробормотал я. — Сперва

вы их спасаете, потом они ставят на вас колдовские печати, чтобы не взбрыкнули...

— Существование — вещь не всегда приятная, — резко ответил он. — И вы догадались о том, что нынешние драконы отнюдь не безмозглые исполнители человеческой воли, а печати служат не столько для подчинения, сколько для защиты от чужого влияния. Колдовству мы, к сожалению, подвержены, как и люди, пусть и в меньшей степени, так что приходится принимать меры.

— Вот я и задумался, кто кем управляет на самом деле.

— Не переживайте так. Людьями управляет их король...

— В котором тоже течет ваша кровь? — перебил я.

— Да, небольшая толика, — согласился Ванеррейн. — Мы с ним даже родня то ли в двадцатом, то ли в двадцать первом поколении. Человеческом, разумеется. Но как вам родство с нами не мешает упорно считать себя человеком, так и его величество не мечтает дышать огнем и покорять пространства. Впрочем, о последнем мечтают многие люди и без знания о наших способностях, а иначе почему, вы думаете, прогресс движется с такой скоростью?

— Это вы о летательных машинах? — уточнил я. — И что вы станете делать, когда их доведут до совершенства, а вас отправят на свалку истории? Или просто не позволите этому свершиться?

— Поживем — увидим, — улыбнулся он. — Мы отклонились от темы беседы, Рок, а времени у нас не так уж много — меня ждут более важные дела.

— То есть вот это все: какие-то иностранные чародеи — я верно угадал? Операция на территории королевства, дикий дракон в столице, наконец, — это все полная ерунда, по-вашему? — удивился я. — О покушении на меня просто молчу, кто я такой, в самом деле... даже не подданный королевства, если на то пошло.

— Это вы зря, — пожурил Ванеррейн и ухмыльнулся. — Еще и налоги, поди, не платите?

Вот тут он меня подловил. Действительно — не платил. Отстегивал Веговеру положенную часть за посредничество и считал, что он сам как-нибудь разберется...

— Мы снова отвлеклись, — напомнил он, — от нашего экскурса в историю. Я сказал: мы стали жить бок о бок с людьми.

— Как вы это устроили? — не сдержался я. — Допустим, договорились с наиболее дальновидными человеческими правителями, так? Ну или помогли им прийти к власти, неважно. А своих-то как

убедили? Что им мешало разбрестись куда попало? Воспрепятствовать... м-м-м... очеловечиванию, наконец? Не поверю, будто вы в едином порыве устремились крепить дружбу с людьми!

— И правильно сделаете. Думаю, не нужно объяснять, какими методами мы достигли согласия и единодушия, верно, Рок?

Я кивнул. В самом деле, что же тут непонятного? Несогласных — переубедить, самых упрямых — укротить... а то и укоротить на голову, вот и вся недолга.

— Остались, конечно, отдельные кланы, сумевшие избежать... скажем так, приведения к общему мнению. Они скрылись в отдаленных местах, и о большинстве с тех пор ничего не было слышно. Не сомневайтесь, мы отслеживаем любые упоминания о диких драконах, — явно прочел мои мысли Ванеррейн.

— А мать Кьярры прохлопали?

Он выразительно развел руками.

— Она никогда не говорила толком, откуда явилась. По обмолвкам я понял, что из какой-то неведомой дали. Сбежала от семьи — их осталось всего ничего, — когда ее решил взять в жены родной отец. У них, видите ли, образовался недостаток женщин, и выход показался им очевидным. Фиору, однако, он не устроил. К тому же, — добавил Ванеррейн, — ее тянуло в людные места. Наслушалась сказок об исходе своего клана и мечтала посмотреть, как живут другие. Долго искала такое место и в итоге отыскала. Прятаться она умела преотлично, поэтому долго оставалась незамеченной. Ну а потом этот казус с Баграни — вы верно догадались...

— Вы откуда знаете, о чем я догадался? — нахмурился я. — Мысли читаете?

— Не я. Кьярра вынужденно приобщила к вашим рассуждениям в процессе... гм... лечения, а я многое узнал, когда общался с ней. Она совершенно не умеет фильтровать поступающие сведения, — с огорчением сказал он, — а потому получила порядочный информационный шок. Сперва от вас, потом от меня. Словами, как вы понимаете, пересказывать все от первого прадракона было слишком долго.

— Вы могли бы и мне показать. Я уже, в общем-то, привычный.

— Вам так кажется, потому что Кьярра обращалась с вами, как с человеком. Я имею в виду: выдавала свои воспоминания строго дозированными порциями. На это ей соображения хватило — сплошного потока вы бы могли и не перенести. А у меня нет привычки сдерживаться, я с людьми напрямую не общаюсь. Человеческий разум, — Ванеррейн снова усмехнулся, — все-таки слишком слаб и несовершенен.

— То-то вы, такие сильные и совершенные, служите наравне с людьми...

— А что нам оставалось, Рок? — вздохнул он. — Я сказал: мы могли устроить войну на истребление, вывести род людской под корень, но что дальше? Через какое-то время природа взяла бы свое, и теперь разум обрели бы... не знаю, кошки или собаки.

— Или киты, — подсказал я.

— Они и без того более чем разумные, — отмахнулся Ванеррейн. — Собственно, потому и не пытаются выбраться на сушу. Не важно, с ними нам делить нечего. По-моему, у нас даже предки общие. А вот молодая, быстро растущая, развивающаяся и агрессивная цивилизация снова сделалась бы угрозой нашему существованию. Не колдовство, так наука, не наука, так что-нибудь вовсе невообразимое стало бы козырем в игре против нас. И что же — все по кругу? Снова выжженная земля?

— Да, малоприятная перспектива, — пробормотал я. — К тому же, сдается мне, каждый такой раз был бы для вас как первый. Вот только что бегали собачки-кошечки, лаяли-мурчали, жрали друг друга, и вдруг — нате вам, драконов убивают только в путь...

— Верно мыслите. В долгой жизни есть преимущества, а есть и недостатки. К примеру — склонность обесценивать многие события прошлого. Для нас они случились только вчера. Мы бы не переосмыслили их, не учли на будущее и, как говорят люди, наступили на те же грабли, — попросту закончил Ванеррейн и предложил мне еще накорри. Лучше бы выпивку, но фляги у него при себе, похоже, не было. — Вот этого-то и хотелось избежать.

— Худой мир лучше доброй ссоры? — щегольнул и я знанием поговорок.

— Именно. Надо также учитывать, что общество наше было весьма... скажем так, косным. Перемены для нас были чем-то из ряда вон выходящим, а такое отношение к окружающей действительности губительно. Не только для нас, — добавил он справедливости ради. — В итоге мы замкнулись бы в своем не таком уж обширном кругу и окончательно остановились в развитии. Помимо всего прочего, мы не были сплоченным народом, единый лидер если и появлялся, то века назад... А такая разобщенность тем более приводит к известному финалу: мы одичали бы, как семья Фиоры, и вымерли. Думаю, даже без участия внешнего врага — от междоусобиц, невозможности продлить род и так далее.

— Мне доводилось читать, что так заканчивали многие

могущественные империи древности, — заметил я.

— Именно. Ну а наша... скажем так, притирка к людям заняла не один век. И не один цикл. Несколько раз приходилось начинать все заново — спустя время, в другом месте, благо мы могли позволить себе не слишком торопить события. И так до тех пор, пока не были отработаны механизмы взаимодействия, мы не научились понимать людей и не перестали делать ошибки на каждом шагу.

— Вы имеете в виду, что плоды неудачных экспериментов все-таки приходилось уничтожать? — уточнил я.

— Да. Следы погибших цивилизаций, которые время от времени откапывают ваши ученые, — это они и есть.

«Практично», — подумал я, но промолчал.

— Как видите, мы выжили и в целом неплохо себя чувствуем, — сказал Ванеррейн. — Однако у всякой монеты две стороны.

— Что вы имеете в виду?

— Мы уже вряд ли сможем существовать без людей.

Видимо, на моем лице отразилось непонимание, поскольку он спросил:

— Вы меня видели? В нормальном облике?

— Только опосредованно.

— Вы примерно представляете, насколько я крупнее Кьярры?

— Навскидку — раз этак в пять, а то и больше, — я уловил, к чему он клонит. — Хотите сказать, что даже ей не так-то просто добыть пропитание? А такой махине, как вы, и тем более транспортнику... Да он ведь даже не сумеет охотиться! Какого размера ему добыча нужна? Те самые киты разве что, но их еще поди вылови...

— Вот именно. Конечно, приди нужда, мы справимся, — усмехнулся Ванеррейн, — хотя большая часть вымрет. Оставшиеся измельчают до состояния предков... но на это потребуется несколько поколений.

— Зачем вы вообще пошли на такие... опыты? — не удержался я. — Я понимаю, боевой дракон, но транспортные — это уже что-то запредельное!

— Любопытство, — ответил он. — Насколько крупным может быть дракон? Таким? Или еще больше? Еще? К счастью, вовремя остановились, теперь взяли курс на повышение скорости, а не размеры. Лучше уж два раза слетать с меньшим грузом, но за то же время...

— Не проще использовать тайные пути? — в лоб спросил я.

— Об этом вы тоже догадались почти верно, — сказал Ванеррейн. — Нынешние драконы не умеют этого делать. И это тоже было частью нашего... большого плана.

— Пойдите, я продолжу догадки! Если каждый сможет пользоваться этими дорогами, что помешает какому-нибудь юнцу... скажем, сдернуть в самоволку и натворить там дел? Раз, вы говорите, колдовские печати — не цепи, а защита, то они не удержат. Максимум — поднимут тревогу, а где искать пропажу? Одно появление дракона в неподобающем месте, второе... Тут уж точно пойдут нехорошие слухи. Я прав?

Ванеррейн кивнул. Потом встал и прошелся взад-вперед, заложив руки за спину.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, Рок...

— Немудрено, вы у меня в голове читаете, как по писаному.

— К сожалению, нет, это все же не книга. Не все образы можно истолковать однозначно, особенно, если вы не обращаетесь ко мне напрямую и не формулируете четкую фразу. Расплывчатые и спутанные обрывки мыслей — а сейчас у вас в них царит полный сумбур — вот что мне доступно. Я все-таки, — добавил он доверительным тоном, — не дознаватель, хотя и умею кое-что. Не мой профиль деятельности. Одним словом, это была фигура речи.

Тут я вспомнил, как реагирует Кьярра на «фигуры речи», и невольно улыбнулся. Вот мы и поменялись местами... Теперь я не умудренный годами и опытом наставник, а желторотый юнец против Ванеррейна...

— Так о чем же я думаю, Герт?

— О том, что мы хотели хорошо жить, но ради этого загнали собственный народ в кабалу. А из того, что вы даже не спрашиваете, кто такие «мы», я заключаю — вы и это поняли. Вряд ли вы полагаете, будто я исполнен собственной важности до такой степени, что именую себя во множественном числе!

— Нет, конечно, — усмехнулся я и посмотрел на свои руки. Пальцы едва заметно подрагивали, и немудрено, от такого-то разговора. Жаль, теперь я никак не мог уловить настроение собеседника. — Вы — это, скорее всего, некое ядро. Несколько... хм... персон или даже десятков персон, сохранивших знание о тайных путях и умение ими пользоваться. Вы уж точно на это способны, иначе как ухитрились оказаться возле Баграни так быстро, да еще с войсками? Кстати, как вы это объяснили подчиненным?

— Чрезвычайно могучим колдовством, конечно же, — без тени улыбки ответил Ванеррейн. — Вы правы. Существует несколько родов, хранящих знание. В случае необходимости мы сумеем быстро обучить остальных.

— Это если вас раньше не перебьют, хранителей, — буркнул я.

— Рок, не заставляйте меня сомневаться в ваших умственных

способностях, вы же только что их демонстрировали во всей красе! Все предусмотрено. У нас было время учесть ошибки, — серьезно сказал он. — А вот теперь мы подходим к главному. К тому, с чего началась наша история.

— Ваша — драконья, наша с Кьяррой или наша — общая? — вьедливо спросил я.

— И то, и другое, и немного третье. Вы, кажется, неплохо знаете историю. В курсе, что произошло, когда отделилось независимое герцогство?

— Конечно. Тогда случился мятеж. Возглавлял его королевский родственник, к нему переметнулась часть драконов, и... — я осекся.

— Поняли?

— Кажется, да. Это были обычные драконы... Неужели никто из хранителей не перешел на сторону герцога?

— Вот это, Рок, как раз невозможно. Нас держит кое-что попрочнее колдовства, — без улыбки сказал он. — Так или иначе, мы предвидели подобное. Хватило пары поколений, чтобы молодые драконы начали воспринимать этот мир привычным и правильным. Далеко не всем рассказывают о том, что на самом деле было до эры единения. И мыслить они тоже стали более... по-человечески. Сложно поступать иначе, когда живешь с людьми бок о бок, постоянно общаешься с ними и сам частенько принимаешь участие в их развлечениях...

— Извините, перебыю, — не выдержал я. — Неужели ни одного такого... развлекающегося не поймали на том, что он на самом деле дракон?

— Кое-кто начинал догадываться, но за подобным тщательно следят, Рок, вы же должны понимать. Сеть информаторов огромна. А во избежание казусов по пьяной лавочке...

— Имеется нечто покрепче колдовских печатей, — закончил я, не желая вдаваться в подробности о том, что же это. Может, клятва на крови, может, у дракона сердце в залог забирают, как в какой-то древней легенде, и держат в сейфе рядом с личным делом.

— Точно так. Но вернемся к нашим драконам, — сказал Ванеррейн. — Та молодежь поддержала притязания герцога и приняла его сторону. Что ж, вернуть их не удалось. Хорошо еще, они оказались достаточно разумны, чтобы не раскрывать истинной своей природы перед посторонними. Их экипажи знали, конечно, герцог с приближенными тоже, но и ему хватило ума держать это в тайне. Уж какими способами мы передавали им сведения, необходимые для того, чтобы с рождения связать юных драконов

клятвами и обязательствами... Этого хватит на десять томов захватывающих историй, поэтому, с вашего позволения, я опущу подробности.

— Вот почему королевство, в сущности, не опасается герцогства... — пробормотал я, не слушая. — В случае серьезной угрозы в дело вступите вы с этим своим «могучим колдовством», и герцогу крышка. А пока... Войны тоже нужны, чтобы не засидеться, так? И чтобы показать молодежи, что такое настоящий бой?

— Именно. Вдобавок война часто оказывается движителем прогресса. И сокращает численность как людей, так и нашу. Переизбыток драконов тоже не нужен, — сказал он.

— Еще бы, их ведь кормить нужно!

— Именно. Поэтому мы решили, что для поддержания баланса герцогство подходит как нельзя лучше. Появится какая-то третья сторона, пятая, десятая — что ж, у нас есть планы на разные расклады... Но мы снова ушли в сторону, Рок!

— На то я и провожатый, чтобы водить окольными путями, — ухмыльнулся я. — Бывший, правда, но привычка-то — вторая натура!

— Вижу, — проворчал он. — Итак, вернемся к Фиоре, матери Кьярры. Как вы любезно отметили, наши наблюдатели ее благополучно проворонили, за что понесли соответствующее наказание. Бой за Баграни вы видели и мое чудесное спасение тоже, так?

Я кивнул. Перебивать не хотелось, но я все же спросил:

— Неужели вы собирались героически погибнуть?

— Нет, разумеется, — фыркнул Ванеррейн. — Я допускал, что противник может пойти на подобную уловку, и был к ней готов. Всего-то и нужно было подождать, пока он ослабнет окончательно, отцепить его от себя и пронырнуть подальше в море. Мы ведь хорошо плаваем, что, кстати, возвращает нас к китам и общим предкам.

— Теперь вы отвлеклись.

— Видимо, это заразно. Да, на худой конец, я мог превратиться в человека, выскользнуть из когтей этого смертника, а далее — как уже было сказано. Однако Фиора успела раньше. Какого ужаса она натерпелась...

— Да я сам чуть не поседел, когда увидел эту бойню!

— Не из-за сражения, — отмахнулся Ванеррейн. — Она боялась воды. Жила у моря, представьте себе, но никогда не улетала далеко от берега, охотилась только в скалах и в своих заповедных местах. И даже не знала, что мы отличные пловцы!

— Выросла где-то в засушливой местности, вот и все объяснение, —

пожал я плечами.

— Наверно. Так или иначе, на этот раз она переборола страх и смогла окунуться...

— Очевидно, вы поразили ее в самое сердце.

— Вот вы смеетесь, Рок, — сказал он без улыбки, — а у нас такое случается. Увы, чаще всего без взаимности. В лучшем случае вторая сторона соглашается принять чувства первой, в худшем... увы. Сердце будет разбито.

Я, кажется, понял, к чему он клонит, но на этот раз перебивать не стал, а то мы заговорились, и Кьярра, наверно, уже замучилась летать под холодным дождем.

— Фиора выудила меня из моря и уволокла вот в эту самую пещеру, — продолжил Ванеррейн. — Признаюсь, когда я сообразил, кого вижу перед собой, то преувеличил серьезность своих ранений. Это было несложно.

— Нарывались на лечение? — спросил я не без намека.

— Конечно. Раз уж мне так подфартило, глупо было не воспользоваться возможностью и не узнать Фиору как можно ближе... во всех смыслах. Она тоже не слишком хорошо умела отсеивать те воспоминания и чувства, которые стоит показывать незнакомцу, поэтому я не остался внакладе. С другой стороны, — добавил он, — память о том, откуда она явилась, кто ее семья, так и не открылась, и я подозреваю, что Фиора заперла ее от себя самой и выбросила ключ.

— А потом? Что-то подсказывает мне, что вы должны были поступить с неучтенным диким драконом... без сантиментов. Фиора была слишком опасна, не так ли?

— Совершенно верно, — согласился Ванеррейн. — Она скверно ориентировалась в нашем мире, а любое неосторожное слово может повлечь за собой лавину событий. Противник давно пытался разузнать побольше о нашем «колдовстве», но, конечно, это ему не удавалось. А тут еще и лазейка на Баграни!..

— К слову о колдовстве и Баграни: не сомневаюсь, это с вашей подачи чародеев посадили пусть на длинную, но все-таки цепь.

— И в этом вы правы. Они полезны, но опасны, и тот случай оказался просто подарком судьбы для нас и королевства.

— Такие подарки обычно готовят сильно заранее и собственноручно.

— Рок, вы же сами все прекрасно понимаете, даже слишком хорошо для обывателя, так зачем же спрашиваете? — сдержанно улыбнулся он. — И снова вернемся к Фиоре. Вы верно сказали: я должен был ее ликвидировать. От нее не было никакой пользы, разве что удалось бы

выпытать, где скрывается ее родня... Выпытать в прямом смысле.

— Я догадался, — мрачно сказал я. — Но вы все-таки ее не убили и не передали вашим дознавателям. Почему?

— Потому что она спасла мне жизнь, а это накладывает определенные обязательства на обоих.

— Погодите, вы только что заявили, что не собирались погибать!

— Но она-то этого не знала, — произнес он. — Для нее все происходило взаправду. И я ничего не мог поделывать: хоть убеждай, что я справился бы сам, хоть нет, — тому, что сильнее колдовства, это безразлично. Кстати, в вашем случае все намного хуже: вы действительно умирали. И не раз.

— А вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, — попросил я.

— Я имею в виду, Кьярра по-настоящему спасла вам жизнь. Как минимум трижды.

— И я теперь обязан на ней жениться?

— Не обязаны, конечно. Но такую связь, пусть даже одностороннюю, разорвать невозможно. Это пожизненно, Рок, — обрадовал он, а я вспомнил ее «ни за что тебя не брошу!». — А учитывая то, что вы тоже спасли Кьярру, все запутывается еще сильнее.

— Полагаю, мне лучше принять это как должное и не лезть в дебри, — пробормотал я. — К этому мы еще вернемся, а пока скажите, что стало с Фиорой? Вы ее отпустили?

— Разумеется, нет! — фыркнул Ванеррейн. — Я долго убеждал ее отправиться со мной к людям, и мне это удалось. Она очень старалась, очень... Но затея провалилась.

— Почему? — Я почувствовал себя Кьяррой.

— Фиора была замкнутой и недоверчивой. О нет, мне она верила безоговорочно и готова была выполнять мои приказы, даже терпеть колдовскую печать — я вынужден был обезопаситься, — но не выказывала ни малейшего желания познакомиться с нашей нынешней жизнью, — ответил он с сожалением и досадой одновременно.

— А Кьярра любознательная, — сказал я зачем-то. — Правда, доводит бесконечными вопросами, считает человеческое тело неуклюжим, а одежду неудобной, но в целом...

— Способна адаптироваться, — кивнул Ванеррейн. — Я заметил. Это потому, что в ней нет страха.

— Хотите сказать, Фиора боялась людей?

— Да. Видимо, страх внушили ей родители. Говорю: не смог дознаться, в чем там было дело. Может быть, историю с отцом она

выдумала, а на самом деле просто оказалась единственной выжившей...

— Или все было правдой, только она помыкалась одна и решила вернуться. И обнаружила пепелище, — предположил я. — Тут-то все предостережения и всплыли... Кьярре она тоже постаралась их передать.

— Ей это удалось, только она не выедала дочери мозги ежедневно на протяжении многих лет, а потому Кьярра... скажем так, со здоровым скепсисом относится к заветам Фиоры. Конечно, первое ее знакомство с людьми оказалось не из лучших, но затем...

— Второе, — поправил я. — Первыми были старики-козопасы, а с ними она уживалась вполне мирно.

— Вы правы.

Ванеррейн промолчал, снова сел на камень и вытянул ноги. Лицо его казалось усталым — не от долгой дороги, конечно, скорее, от тяжелых мыслей.

— Больше всего Фиору угнетала невозможность в любой момент отправиться, куда ей вздумается, — сказал он наконец. — Я не мог этого допустить, не у всех же на глазах! Сопровождал ее, когда выдавалась возможность, но обязанностей у меня очень много, и я не часто мог уделять Фиоре достаточно времени.

— Подозреваю, она еще и ревнивой оказалась...

— Не без того, — усмехнулся Ванеррейн.

Думаю, от женщин у него отбоя не было: темноволосый, смуглокожий, зеленоглазый, с весьма интересной внешностью, статный офицер — кавалер хоть куда! Он и не отбивался — те ребята с драконодрома, помнится, подружек меняли, как перчатки... Сдается мне, и Ванеррейн не был создан для жизни с одной-единственной, да еще не им самим выбранной, а буквально свалившейся ему на голову.

— Однажды Фиора просто исчезла, — сказал он.

— И вы ее не искали?

— Искал, разумеется. Первым делом проверил Багралор и окрестности, потом ее любимые охотничьи места — она словно испарилась. Ну а что мне пришлось выслушать от начальства, — усмехнулся Ванеррейн, — можете представить сами. Мы еще долго отработывали версию похищения, но она не подтвердилась. И тем не менее все эти годы я ждал... История с Фиорой не могла не аукнуться.

— Как же она сбросила печать? — поинтересовался я.

— Вы знаете способ, не так ли?

— Неужели ее поставили в таком месте, что Фиора смогла дотянуться?

— Нет, — недобро улыбнулся он. — Она соблазнила одного юного

дракона. Он давно заглядывался на нее — как же, такая экзотика! Ну и вот...

— Он облизал ей спину... или где там была печать, даже не зная, что именно делает? — Меня невольно разобрал смех.

Ванеррейн кивнул, тоже сдерживая улыбку.

— Погодите. Что ей мешало поступить, как Кьярра, — нацедить собственной слюны, а потом извальяться в ней или в человеческом облике просто завести руку за спину? — спохватился я.

— Она знать не знала о таких хитростях. Думаю, все было проще: сперва она спуталась с этим мальчишкой. Наверно, хотела заставить меня ревновать. Ну а после... гм... предварительных ласк поняла, что печати больше нет, и была такова. Хорошо хоть, не из-под носа у него улетучилась!

— Хорошо, что она Кьярре рассказала об этом фокусе, иначе мы бы сейчас не разговаривали.

Он кивнул.

— Ну а далее... вы снова догадались верно, Рок. До меня дошли слухи о диком драконе недалеко от Таллады, и я немедленно отправил туда надежного чародея.

— Почему сами не полетели, если думали, что это может оказаться Фиора?

— Не мог, — лаконично ответил Ванеррейн, но потом пояснил: — Тогда об этом немедленно узнали бы по ту сторону границы. Зачем мне какой-то дикий дракон? Почему командующий лично отправляется проверять слухи? А вот надежный чародей-исследователь — то, что нужно. Ну а тайными путями я в те горы попасть не мог, никогда там не бывал.

— Все равно ведь что-то просочилось.

— А вот это — уже моя вина. — Губы его сжались в узкую полоску. — С высоты прожитых лет начинаешь с пренебрежением относиться к бабочкам-однодневкам вроде каких-то юных чародеек, недавно устроившихся на драконодром и... не скрою, весьма изобретательных и страстных.

— Тродда! — догадался я.

— Она самая... Позор мне — проглядеть шпионку у себя под носом! Да каким носом — в постели у себя, — фыркнул Ванеррейн.

— Это вас страсть ослепила, — подсказал я. — Поздняя любовь — такое дело...

— О чем вы, Рок, какая еще — поздняя? — засмеялся он. — По нашим меркам я еще только-только зрелости достиг! Просто непозволительно

расслабился... Она ведь больше десяти лет была рядом, успел привыкнуть!

— Очевидно, о диком драконе она услышала от вас?

— Да. А что-то еще — в части. Многие помнят Фиору, ее странности, исчезновение, наконец. Я представил это как перевод туда, откуда не возвращаются, но многие ли поверили? Очевидно, противник давно уже копает в направлении тайных дорог — за столько лет хоть что-то да просочится, это неизбежно. И у кого-то сошлась головоломка...

— Или им просто захотелось поймать дикого дракона на опыты, — хмыкнул я. — Или, если Тродда вынюхала, что Фиора была вашей любовницей, то могла решить — ею выйдет вас шантажировать.

— К сожалению, этого мы уже не узнаем, — пробормотал он. — Мой чародей мертв, Тродду Кьярра превратила в прелесть какую дурочку без малейших проблесков колдовского таланта, а Сарго... от него одни ошметки остались. Мы еще потрясем их якобы заказчика из той глуши, но, сдается мне, он нужен был только для прикрытия. Впрочем, это к делу не относится.

— Ну почему же...

— А, если учесть, что идея заковать Кьярру именно так принадлежала Тродде, возможно, вы и правы.

— Откуда это известно, если она обеспамятела, а ваш чародей... и, подозреваю, весь его отряд мертвы?

— От местного кузнеца, которому заказали диковинное приспособление, — ответил Ваннерайн. — Не сомневаюсь, Тродда и его бы прикончила, только ему повезло: накануне охоты на дракона отправился к родичу в соседнюю деревушку, а на обратном пути спьяну упал в канаву и уснул. Так и проспал все веселье.

— Вот уж поистине сказочное везение, — искренне сказал я.

— Да. След пропажи затерялся, снова всплыл в Талладе... и исчез. Нет, ваш приятель Веговер ни при чем, — правильно оценил он выражение моего лица. — У нас свои осведомители.

— Долго искали? — спросил я не без злорадства.

— Еще бы. Хотя бы Тродда нашлась, и та в беспамятстве...

— Кто ее так обжег, кстати? Сарго?

— Разумеется. Выместил на ней зло так же, как она сама — на Кьярре. Впрочем, поделом.

— Что ж не убил?

Ванерейн пожал плечами:

— Не имею представления. Возможно, считал, что она еще пригодится, а урок пойдет ей на пользу... Те ожоги излечимы, вы в курсе.

— Да, слышал. А какую роль в этом сыграла Альтабет?

— Никакой. Она действительно правая рука матери-заступницы, в самом деле занимается благотворительностью и не смогла пройти мимо страждущей. А вы двое ее очень заинтересовали.

— Когда она заявила, что чует в Кьярре необузданную силу, я начал прикидывать, как скинуть труп с поезда, — сознался я.

— Вам пришлось бы не прикидывать, а делать это, если бы Альтабет оказалась чуточку глупее и не сделала вид, будто поверила в вашу историю.

— Не понял...

— Она же вам сказала, что была замужем за состоятельным... хм... человеком.

— Это ваше «хм» красноречивее многих слов. За драконом, что ли?

— Да. Такое редко, но случается. Обычно мы заключаем браки в своем кругу. Не важно, главное, перепутать дракона с чародеем Альтабет никак не могла.

— Удивительное дело, неужели она его пережила... — вслух подумал я.

— Отчего же? Он и сейчас здравствует. Только... для публики она овдовела. Очень уж заметна разница в возрасте — Суорр-то не старится. Но не о том речь! — Ванеррейн пнул выкатившуюся к его ногам головню. — Альтабет дала знать куда следует при первой же возможности. После выходки Кьярры сомнений уже не оставалось, так что с момента прибытия в столицу вы находились под наблюдением. Ну а уж когда вы отправились в библиотеку искать сведения обо мне...

— То-то старый хрыч за конторкой так и зыркал на меня, — пробормотал я. — А что же ваши люди не успели к эффектному финалу?

— Пока Кьярры поблизости не было, не имелось смысла соваться в дом с риском спугнуть так называемого Сарго. А вы — обычный провожатый, и ваша жизнь в этой игре — самая мелкая монета, уж простите за избитое сравнение, — без тени иронии ответил он. Что ж, хотя бы честно. — Ну а когда Кьярра появилась... Мы просто не успели. Первым делом я проверил Багралор, но здесь никого не было. Потом исчез Эррин, и стало ясно, что у Кьярры есть другое убежище.

— Но она знала, что надежнее Багралора не найти, и когда меня немного оживили, забрала меня сюда... Так?

— Да. Я уж не стал мешать ей с важным делом, — ухмыльнулся Ванеррейн, — поймал, когда она вылетела прочь в расстроенных чувствах. Удрать она не успела, я все-таки боевой дракон. Ну а потом мы немного побеседовали... И вот я здесь.

— Что ж, с этим ясно... — Я потерял лоб. В голове гудело от обилия информации, будто там осиный рой поселился. Спасибо, хоть не жалил никто. — К слову, не представляете, куда могла исчезнуть мать Кьярры?

Он покачал головой.

— Скорее всего, в поисках лучшего места она наткнулась на что-то или кого-то, с чем не смогла справиться. Следов ее уже не отыскать.

— Понятно, — протянул я. — Кстати, а Кьярра не может оказаться дочерью того юного пособника побега?

— Теоретически — да, практически — я что, родную кровь не узнаю? И с этой родной кровью, — Ванеррейн свел густые брови, — нужно что-то решать.

— Непременно с моим участием, а?

— Можно и без вашего, если угодно, только вы сами потом пожалеете.

«Хватит мысли читать!» — подумал я как можно более выразительно и, скажем так, адресно. Кажется, удалось, потому что губы Ванеррейна тронула улыбка.

— Вы ведь все равно не дадите мне уйти, — сказал я. — Я слишком много знаю, как ни пошло это звучит. Можно навесить на меня сотню колдовских печатей, чтобы завязать язык узлом, но вдруг кто-то другой сумеет его развязать? И Кьярре нечего делать на воле, если только вы не запихнете ее в какую-нибудь дыру и этим вот вашим, которое сильнее колдовства, не вырвете у нее обещание никогда не приближаться к людям! Не думаю, будто вы станете так рисковать, Герт, в особенности после всего, что мне рассказали. Теперь я окончательно уверен — вы не выпустите меня живым.

— Вы правы, Рок, — сказал он. — Именно так я и должен поступить. Что касается Кьярры...

Снова хлопнули крылья, и в пещеру ввалилась Кьярра, мокрая насквозь.

— Не надо говорить про меня без меня! Бет говорит — так делать неприлично! — воинственно заявила она и добавила, обращаясь к отцу: — Я пролетела тысячу кругов и еще тысячу, и еще половину, но не устала, просто хочу знать, о чем вы говорите!

— Ни о чем серьезном, — заверил Ванеррейн. — Я просто объяснял, почему твое лечение не сработало.

— Почему? — спросили мы в один голос.

— Мало старалась, — невозмутимо ответил он, и в зеленых глазах зажглись огоньки. — Вдобавок, обе стороны должны быть вовлечены в процесс по обоюдному согласию и, желательно, ко взаимному

удовольствию, а иначе это насилие.

— Я так и сказал.

— Я знал, что мы друг друга пойдем, Рок, — кивнул Ванеррейн. — Правда, еще лучше мы сможем сделать это лет через пятьдесят, не меньше. Повидаете и узнаете побольше интересного, сделаете выводы... Тогда и обсудим, а пока вы слишком юны.

До меня начало доходить. Медленно, понимаю, но в последнее время мне досталось сильнее, чем за всю мою жизнь, вместе взятую. Где уж тут сохранить ясность мысли!

— Боюсь, я не доживу, — осторожно подбирая слова, ответил я. — Мне ведь недолго осталось небо коптить.

— Почему это? — возмутилась Кьярра. — Вовсе нет!

— Недолго, — с нажимом повторил я. — Спроси отца, если не веришь. Мне уже подписан смертный приговор.

— С конфискацией движимого и недвижимого имущества, — добил Ванеррейн. Вот это было подло с его стороны.

Кьярра переводила взгляд с него на меня, недоумевая, почему мы так спокойно беседуем о подобных вещах.

— Но ты сказал... — начала она, — сказал, что если я... если мы... Рок сможет жить долго, как Бет!

— Сколько? — шепотом спросил я.

— Неприлично спрашивать такое о даме, — ответил он, но все-таки озвучил, и я негромко присвистнул. Я сильно польстил Альтабет, сочтя ее своей ровесницей...

— И потом ты много чего сказал! — продолжала выкрикивать Кьярра. — А сам!..

— Чуть меньше эмоций, — попросил Ванеррейн, — я тебя не понимаю.

— Нечего тут понимать! — окончательно разъярилась она. От нее, по моему, пар пошел. — Я сказала Року: ни за что его не брошу! Вот и все!..

...«Тьфу ты, даже попрощаться не успел, — досадливо подумал я, треснувшись головой о низкую притолоку лесной хижины. — С другой стороны, в следующую нашу встречу не нужно будет здороваться».

— Почему ты такой спокойный? — испуганно спросила Кьярра, глядя, как я потираю уши.

— Покойники вообще не переживают, — объяснил я. — Тем более ты меня спасла. Кстати, я не сказал тебе спасибо. Вот, говорю.

— Я обещала... — повторила она. — И... и вообще, нужно закончить лечение!

— Что, прямо здесь?

— Ты же сказал — в приличном месте, а чем тебе это не приличное? — нахмурилась она.

— Я не возражаю, но...

Тут я осекся. Не хотел напоминать, что Ванеррейн прекрасно знает, где находится эта хижина, от самой Кьярры — видел же ее воспоминания, да и в памяти Альтабет и Эррина мог покопаться. Все равно ведь не явится, так зачем портить Кьярре настроение?

— Но я сказал кое-что еще.

— Я долго была под дождем!

— Но ты там не мылась, просто мокла, а это разные...

Договорить она мне не дала.

И на этот раз все прошло, как надо, — возможно, потому, что я не сопротивлялся, а взял дело в свои руки. Я имею в виду — до искр из глаз, которые никак не желали рассеиваться в полутьме. Это были еще не звезды, но во мне жила уверенность — рано или поздно доберемся и до звезд...

— Мы не вернемся, правда, Рок? — тихо спросила Кьярра, привычно уже вжавшись лбом в мое плечо. — Ты говорил: много других мест. Таких, где нет чародеев. И драконов тоже нет. Может, и провожатых нет, а люди есть... Тебе нужны люди, а... а...

«Мне — ты», — договорила она мысленно. Вслух не могла — стеснялась, наверно. Кому скажи про стеснительного дракона — не поверят ведь.

— Устроимся как-нибудь, — ответил я. — Вспомню, как начинал работать. С голоду с твоей охотой точно не умрем, вот только одеваться на что-то нужно. Кое-где такое носят, что мы за своих точно не сойдем, а чужаков не любят.

— Ты же взял свои деньги у Веговера.

— Взял! Они в столице остались, а ни туда, ни к Веговеру я сунуться не рискну. Ладно, придумаю что-нибудь. Дилижанс ограбим, на худой конец, если я еще не забыл, как это делается...

— Не надо грабить, — серьезно сказала Кьярра, подняв голову. — У меня есть.

— Что?

— Деньги. Ну, золото. Я разве не говорила?

— Нет. — Тут я уставился на нее пристальнее. Сдается мне, она не упоминала об этом нарочно. — Откуда оно?

— Мамино. Она собирала. Осталось у меня. Можно брать, сколько

хочешь. Там больше, чем у тебя, — хвастливо заявила она.

— Твоя пещера тоже засвечена, не стоит туда... Что смеешься?

— Кто же держит золото там, где живет? Ты сам так не делаешь! Оно в диких горах и еще в разных местах... Не в одном. Так не ограбят. А если ограбят, не все заберут.

— Разумно, — согласился я, подумав, что за полвека деньги в банке Веговера обростут солидными процентами, если он не прогорит, конечно. Но я ведь тоже держу средства не в одном месте. — В таком случае... перед нами открыты все дороги!

— Да, — кивнула Кьярра и сказала тихо-тихо: — Рок... если я тебе надоем или ты захочешь другую — скажи. Я уйду. Только пока не говори. Хорошо?

— Обещаю.

— Но я всегда буду рядом, — добавила она. — Смотреть, чтобы с тобой ничего не случилось.

Кого другого такое обещание могло бы напугать, да только я не из пугливых. И дело предпочитаю словам... Им я и занялся.

И мне совершенно не хотелось думать о том, почему Герт Ванеррейн, выдавший виды тип, прожженный интриган, вдруг решил нас отпустить. Правда, я подозревал, что драконы сентиментальны (хотя так сразу и не скажешь) и он просто пожалел Кьярру, как много лет назад — ее мать. И меня — ради нее. Уверен, будь у Ванеррейна возможность, он оставил бы Кьярру при себе и баловал — младшую-то дочку! Старшие дети давно выросли, если верить газетам. Но увы, этого он себе позволить не мог. И так уж не представляю, как он будет выкручиваться, второй раз упустив дикого дракона...

Одним словом, он доверил Кьярру — мне.

А оправдать такое доверие непросто. Мне явно будет чем заняться в ближайшие полвека. Тем более что о задании Ванеррейн, каким бы он ни был сентиментальным, не забыл...

Эпилог

Под цветущими деревьями мелодично прозвучал звонок, и мы остановились, пропуская рельсоходку. Она свернула и продребезжала дальше по маршруту — кроны смыкались над колеей, в приятном зеленом сумраке щебетали птицы.

— Не помню этой аллеи, — сказала Кьярра. — Правда, я мало видела.

— Здесь раньше был жилой квартал, — ответил я. — И речка... с неприлично рифмующимся названием. Ее убрали под землю.

— Плохо. Лучше бы очистили.

— Толку от нее? Воробью по колено.

— Вот воробьи бы и пили, — упрямо ответила Кьярра, но тут же смягчилась: — Деревья тоже хорошо. Раньше почти не было, ты говорил. И воздух чище стал, это я сама чувствую.

— Часть фабрик закрыли, часть вынесли за город или переоборудовали, — пояснил я.

В таком виде Таллада мне нравилась гораздо больше прежнего. Конечно, я многого не узнавал, зато увидеть, скажем, мост Поцелуев — все равно что встретить старого знакомца. Я даже пожал ему гнутые чугунные перила, и мне почудилось сквозь перчатку, что мост ответил мне таким же крепким дружеским пожатием.

На Кьярру оборачивались, хотя на улице хватало и других девушек в ярких летних нарядах (что и говорить, мода тоже сильно изменилась). Просто драконы — погибель всему живому, если они уверены в собственной неотразимости. Наверно, не стоит уточнять, что у Кьярры не возникало даже тени сомнения в этом.

— Вот это место, — уверенно сказала Кьярра, остановившись перед большим, вычурным и довольно аляповатым зданием.

Ее совершенно не беспокоил тот факт, что она стоит на проезжей части и не дает проехать десятку самоходок. Правда, водители если и сигналили, то без особенного возмущения.

— Уверена?

— Ты же сам чувствуешь, Рок, — ответила она. — Проверяешь меня, да? Ну вот: дом другой, а место то же. И название написано, а я грамотная, забыл?

Золотые буквы на вывеске (я бы не удивился, если б узнал, что они в самом деле отлиты из благородного металла, а не просто покрашены) гласили — «Веговер и сыновья», и мы вошли в огромные двери. Веговер

всегда любил все большое, и эту гигантоманию явно унаследовали его сыновья. И внуки: принял нас один из них.

Он был похож на деда, как две капли воды, разве что немного помоложе и не такой толстый. Впрочем, у него все еще было впереди. Я вспомнил, как Веговер с гордостью показывал мне изображения сперва детей, а потом и внуков, где они лежали в пеленках (или даже без оных), и вздохнул — время летело невероятно быстро.

Веговер и теперь с той же гордостью взирал на продолжателя рода с огромного портрета в раме, которой, по-моему, дракона зашибить было можно. Преувеличиваю, конечно, но Кьярре она бы вместо ожерелья сошла — сейчас в моде украшения всех видов геометрических форм, так почему не прямоугольник?

Веговер-младший, когда я представился и назвал цель визита, каковая требовала личного вмешательства начальства, запыхтел и принялся вытирать лоб платком, в точности, как дед.

— Рок Сандеррин? — уточнил он зачем-то, хотя бумаги лежали перед ним, и вдруг добавил, понизив голос: — Неужели... тот самый?

— Не понимаю вас, господин Веговер. — Я с улыбкой покачал головой.

— Я много слышал от дедушки, — он благоговейно поднял глаза на портрет, — о человеке с таким именем. Провожатом. Он еще... хм-хм... носил красные перчатки.

Перчатки на мне были светлые, по погоде, и я даже снял их, когда вынимал документы.

— У нас в роду это имя часто встречается, — сказал я. — Так же, как в вашем — Доззи. О, прошу прощения, Дорзер. Как у вас.

— Да, но... то детское имя... Только дедушка меня так и называл, — задумчиво проговорил он, разглядывая меня. Удивительно, но Кьярра его не интересовала. Наверно, счастливо женат. — Гхм... Вернемся к бумагам. Да, я вижу подпись дедушки... Позвольте, я приглашу эксперта — для проформы...

Я согласился. Закорючку Веговера мне приходилось подделывать столько раз (равно как и ему — мою), что я мог бы сделать это левой ногой. Хорошо, тогда додумался подготовить расписки заранее — старить чернила и бумагу так, чтобы это выглядело достоверно, я не умею, а искать специалистов и доверять кому-то подобные сведения не хотелось.

Наконец Веговер-младший с экспертом и еще несколькими подчиненными сочли, что бумаги подлинные, еще раз проверили мои документы, а потом озвучили, сколько там накапало с моих вложений.

Мы с Кьяррой переглянулись.

— Кажется, — со смешком сказала она, — в этом городе для нас открыты все пути!

— Бери выше — в столице, — поправил я, возвращаясь к делам насущным. — Дел у нас там много... Интересно, сильно ли она изменилась? Сто лет там не бывал!

«Пятьдесят», — мысленно поправила Кьярра, а я ответил: «Это фигура речи!» Глупо, но это до сих пор нас смешило...

Уже потом, когда мы прощались (я не собирался закрывать вклад, мне вполне хватило скромной толики процентов, и это банкиров радовало), Веговер-младший вдруг спросил, смущенно сопя:

— Прошу извинить за навязчивость, господин Сандеррин... Но, быть может, вы все-таки... тот самый? Дедушка говорил, вы непременно придете, потому что обещали, а Санди крепко держит слово... Он очень ждал.

— В самом деле? Ну... если вам от этого легче, можете считать, что я — тот самый. Раньше прийти никак не мог, — вздохнул я.

В самом деле ведь не мог. И с Веговером попрощался, так что...

— А юная госпожа, простите?..

— Это мой дракон, — ответил я.

— Не твой, — фыркнула она.

— Точно. Дикий. Совершенно дикий, неужели по ней не видно?

— Рок!..

— Прошу прощения, — извинился я. — Глупая семейная шутка. Всего доброго, господин Веговер. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Лишь бы не через полвека... — пробормотал он мне вслед, но я услышал.

Все-таки старина Чесс Веговер, его дед, был упрямым старым ослом. И внуков вырастил такими же...

Кьярра вдруг остановилась и, запрокинув голову, уставилась в небо. Я тоже посмотрел вверх — там мчался, разрезая облака (казалось, будто они закручиваются позади бурунами), серебристо-голубой транспортник.

— Все-таки они стали намного меньше, — сказала Кьярра. — И быстрее.

— Нужно же оставаться впереди вот этих, — я указал в другую сторону, где трепыхался, пытаясь справиться с игривым ветерком, яркий фанерный планер с моторчиком. Кажется, в парке демонстрировали достижения техники. — Интересно, до чего они дойдут?

— Доживем — увидим, — пожалала она плечами, и я согласился.

В самом деле, почему бы и нет?